ЗАНЯТИЕ НЕ ДЛЯ ДИЛЕТАНТОВ

ЗАРУБЕЖНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Занятие не для дилетантов

Эд Макбейн, Майкл Гилберт, Эрл Стенли Гарднер, Франсуаза Саган, Жорж Сименон, Эллери Куин, Джон Макдональд

Аннотация
ЗАНЯТИЕ НЕ ДЛЯ ДИЛЕТАНТОВ
ЭД МАКБЕЙН. Под утро
МАЙКЛ ГИЛБЕРТ. СИ-12: отдел банковских ограблений
ЭРД СТЕНЛИ ГАРДНЕР. Смерть в конюшне
ФРАНСУАЗА САГАН. Хранитель сердца
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11

12
13
14
15
16
ЖОРЖ СИМЕНОН. Поклонник мадам Мегрэ
1
2
3
4
ЭЛЛЕРИ КУИН. Дело Кэролла
ДЖОН МАКДОНАЛЬД. Занятие не для дилетантов

Аннотация

Без аннотации

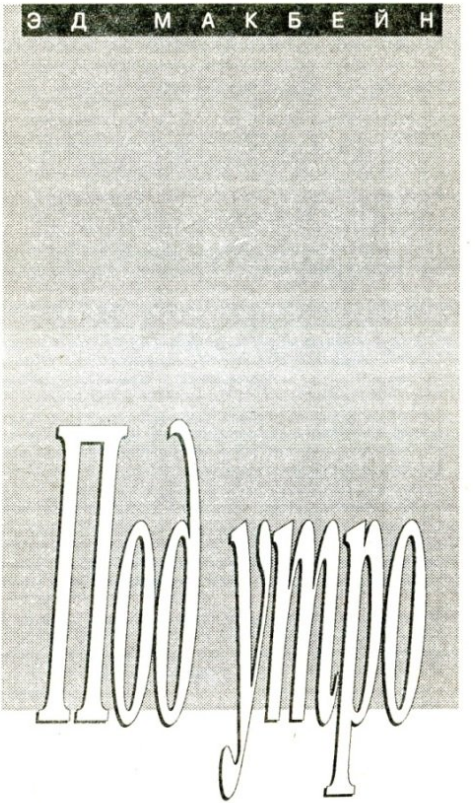
Вашему вниманию предлагается сборник зарубежных детективов.

ЗАНЯТИЕ НЕ ДЛЯ ДИЛЕТАНТОВ

МОСКВА ИНТЕРПРАКС 1992

ЗАНЯТИЕ НЕ ДЛЯ ДИЛЕТАНТОВ

Э Д М А К Б Е Й Н



ЭД МАКБЕЙН
Под утро

© Перевод на русский язык М. Загота

Сначала они решили, что она — цветная.

Патрульный, пришедший по вызову, никак не рассчитывал наткнуться на труп женщины. Он вообще увидел труп впервые в жизни и, прямо скажем, был потрясен гротескной картиной — девушка в смехотворной расслабленной позе лежит на ковре лицом вверх, и, когда он составлял протокол, рука его слегка дрожала. Но добравшись до графы РАСА, он без колебаний вывел: «Чернокожая».

Вызов принял кто-то из патрульных, оказавшихся в тот момент в участке. На столе перед ним лежала стопка отпечатанных бланков, и он добросовестно записал информацию, пожал плечами, ибо ничего необычного в ней не узрел, скатал бланк и протолкнул его в металлический контейнер, а потом по пневматической трубе переправил его в радиоузел. Там бланк прочитал диспетчер, пожал плечами, ибо тоже ничего необычного не узрел, окинул взглядом висевшую на противоположной стене карту района и от-

правил по вызову машину номер одиннадцать, принадлежавшую их полицейскому участку восемьдесят семь.

Девушка была мертва.

Может, при жизни она и была хорошенькой, но смерть обезобразила ее, газы под телесной оболочкой так и рвались наружу, кожа вздувалась там и сям. На девушке были свитер и юбка, она лежала босая, когда упала на ковер, юбка задралась. Голова изогнулась под каким-то диковинным углом, короткие черные волосы плавно вписались в ковер, с оплывшего лица смотрели широко распахнутые карие глаза.

Патрульному вдруг захотелось опустить юбку девушки, прикрыть колени. Он вдруг отчетливо понял, что она бы очень этого желала. Смерть нагрянула без предупреждения и не уважила жертву, отказав ей в праве на обычную женскую стыдливость. Никогда уже этой девушке не делать того, к чему она привыкла, что считала для себя очень важным. В том числе не суждено ей больше делать жест бесконечно незначительный, но выпяченный смертью: никогда ей не доведется прикрывать юбкой колени, вершить этот простой, но прекрасный женский ритуал.

Патрульный вздохнул и закончил составлять

протокол. Он шел к машине, а перед глазами была все та же картина: мертвая девушка в задравшейся юбке.

Этим августовским вечером в комнате детективов было душно. «Ночные рыцари» явились на службу к шести вечера, и не видать им родного дома до восьми часов утра. Детективы, пожалуй, привилегированные члены полицейского общества, однако многие в полиции — Майер Майер в том числе — считали, что в жизни простого полицейского, человека в форме, куда больше порядка и смысла, чем в жизни детектива.

— Да факт, что больше, — настаивал Майер в данную минуту, сидя за своим столом в рубашке с короткими рукавами. — У патрульного — четкий график, значит, все упорядочено, знаешь, что будет завтра. Значит, можно жить нормальной семейной жизнью.

— Твоя семья здесь, Майер, — сказал Карелла. — Как ни крути, а это так.

— Знаю, что так, — согласился Майер, ухмыльнувшись. — Я каждый день на работу как на крыльях лечу. — Он провел рукой по лысому куполу. — Знаешь, что меня здесь больше всего радует? Интерьер. Внутреннее убранство. Прямо душа отдыхает.

— А твои коллеги — дело десятое? — спросил Карелла.

Он соскользнул со стола и подмигнул Коттону Хоузу, стоявшему у одного из картотечных шкафчиков. Потом прошел к баку с холодной водой, сразу за дощатой перегородкой, отделявшей их комнату от коридора. Двигался он легко и беспечно, казалось, в его облике есть что-то игрушечное, но это впечатление было весьма обманчиво. Стив Карелла никогда не принадлежал к племени громил-тяжеловесов, и тем не менее человек этот воплощал мускульную силу, являл собой эдакое мышечное великолепие. Во всех его движениях чувствовалась какая-то спокойная сила, со своим телом он управлялся свободно и уверенно. Он остановился у бака, наполнил бумажный стаканчик и снова взглянул на Майера.

— Нет, коллег я люблю, — сказал Майер. — Честно говоря, Стив, если бы мне дали возможность выбирать, с кем работать, я выбрал бы вас, братцы, — порядочных, достойных парней. Честно. — Майер кивнул сам себе, входя в раж. — Я даже думаю, хорошо бы отлить медали и выдать их вам, братцы. Господи, до чего мне повезло с работой. Готов вкалывать здесь за бесплатно! Мне эта работа столько дает, что от зарплаты

можно отказаться. А все благодаря вам, ребята. Без вас нипочем бы не узнал, что в жизни по-настоящему ценно.

— Оратор, да и только, — заметил Хоуз.

— Ему бы надо «знакомство» проводить, представлять наших уголовничков. Все было бы веселее. А, Майер? Ведь эта работа для тебя в самый раз.

— Если хочешь знать, Стив, мне ее предлагали, — серьезно сказал Майер. — Но я наотрез отказался: мое место в восемьдесят седьмом, тут собрался весь цвет городской полиции. Мне даже предлагали должность шефа всех детективов, даже пост комиссара, но я все равно сказал — нет, я предан своему участку.

— Придется ему выдать за это медаль, — пошутил Хоуз, и тут зазвонил телефон.

Трубку снял Майер.

— Восемьдесят седьмой участок, детектив Майер. Что? Минутку. — Он вытащил блокнот и начал писать. — Записал. Да. Да. Хорошо. — Он повесил трубку. Карелла уже подошел к его столу. — Цветная молодайка, — сказал Майер.

— Ну?

— В меблированных комнатах на Одиннадцатой Южной.

— Ну?
— Отпрыгалась.

Под утро, когда еще не рассвело, город не похож на себя.

Вообще город — он как женщина, в любое время суток. Женщина пробуждается, позевывая и улыбаясь, потягивается, пробует наступивший день наощупь, а на губах ее пока что никакой помады, волосы спутаны, она еще теплая после сна, тело ее манит, и есть в ней что-то непорочно девическое, когда утреннее солнце, подкрасившее небо на востоке, греет ее своими лучами.

Женщина эта одевается в обшарпанных и невесть чем пропахших меблированных комнатах, в трущобных кварталах, одевается она и в фешенебельных особняках на Холл-авеню, и в бесчисленных тесноватых квартирах жилых домов в Айзоле, Риверхеде и Камзпойнте, в благопристойных частных домах, обрамляющих улицы Бестауна и Маджесты, одевается — и выходит на люди уже совсем другой, прибранной и деловитой, привлекательной, но не сексуальной, знающей свое дело, напудренной и наманикюренной, но на всякое баловство у нее времени нет — впереди долгий рабочий день.

В пять часов — новая метаморфоза. Город, то

есть наша женщина, не переодевается, остается в той же юбке или костюме, в тех же лодочках на высоком каблуке или в удобных для ходьбы по асфальту туфлях на плоской подошве, но что-то прорывается сквозь эту неприступную броню, возникает какая-то другая тональность, какое-то иное настроение, ощущается некое подводное течение. В барах, коктейль-салонах, в беседках или на террасах, опоясывающих небоскребы, сбрасывает с себя тяжелую истому дня уже другая женщина, она маняще улыбается, а на ее лице, в глазах читается легкая усталость и глубокое знание всех тайн бытия: она поднимает бокал, приятно посмеивается, а на линии горизонта уже ждет своего часа вечер, небо омыто багровым закатом, знаменующим конец дня.

Вечером наша женщина превращается в самку.

Женственности больше нет, есть самка. Куда-то подевались и броня неприступности, и отработанная деловитость; вместо них — легкая бесшабашность, легкое распутство; она лихо кладет ногу на ногу, позволяет сцеловать с ее рта губную помаду, становится податливой для мужских рук, мягчает, зазывает и упрощается до немыслимой степени. Ночь — это время самки, а

что такое город? Это ведь женщина.

А когда на подходе новый день, она крепко спит, сама на себя не похожая.

Утром она снова проснется, снова всколыхнет легким зевком недвижный воздух, раскинет руки, некрашеные губы растянутся в сладостной улыбке. Волосы спутаны, но мы все равно ее узнаем, ибо видели такой уже не раз.

А пока город — наша женщина — спит. Спит безмолвно, бесшумно. Нет, конечно, какая-то ночная жизнь есть, там и сям изредка открывается глаз — зажигается свет в окне, поморгает немного, и снова тишина. Женщина спит. Во сне она неузнаваема. Сон ее — это не смерть, мы слышим дыхание жизни под теплыми одеялами. Мы с ней близки и пылко ее любим, а сейчас она превратилась в незнакомку, свернулась под простыней в безучастный комочек, давайте прикоснемся к ее округлому бедру… Конечно, эта женщина жива, но кто она? Не знаем.

В темноте она безлика, невыразительна и бесцветна. Женщина, каких множество… да и все города ночью похожи друг на друга. Погладим ее, робко, нежно. Вокруг нее — черный покров раннего утра, и узнать ее трудно. Очень трудно, тем более, что глаза ее закрыты…

Домоправительницу страшно пугало присутствие полицейских, хотя она сама их вызвала. Самый высокий из них, что назвался детективом Хоузом, был рыжеволосым гигантом, а в волосах у него — вот ужас-то! — светилась седая прядка. На коврике лежала мертвая девушка, и домоправительница говорила с детективом шепотом — не потому, что эту комнату навестила смерть, просто было три часа ночи.

Домоправительница накинула купальный халат прямо на ночную рубашку. Было во всей этой сцене что-то интимное. Такую интимность ощущаешь, когда под утро собираешься на рыбалку или когда свершилась трагедия. Три часа ночи — самое время для сна, и те, кто бодрствуют, пока весь город спит, связаны какими-то узами, их что-то сближает, хотя они все равно далеки друг от друга.

— Как звали девушку? — спросил Карелла. Хотя он не брился с пяти часов вчерашнего вечера, подбородок его был достаточно гладким. Его чуть скошенные книзу глаза в сочетании с чисто выбритым лицом делали его внешность на забавный манер восточной. Домоправительнице он понравился. Хороший мальчик, подумала она. На ее лексиконе мужчины в этом мире были либо

«хорошие мальчики», либо «вшивые паразиты». Насчет Коттона Хоуза она пока не решила, но скорее всего его место среди вредных насекомых.

— Клаудия Дэвис, — ответила она, обращаясь исключительно к Карелле — он ей нравился — и в упор не видя Хоуза, который не имел никакого права быть таким здоровенным бугаем с пугающей седой прядкой в волосах.

— Знаете, сколько ей было лет? — спросил Карелла.

— Лет двадцать восемь, двадцать девять.

— Она здесь давно жила?

— С июня.

— Выходит, совсем недолго?

— Надо же, чтобы такое приключилось. — Домоправительница вздохнула. — С виду была вполне приличная девушка. Как думаете, кто это сделал?

— Не знаю, — честно признался Карелла.

— Может, самоубийство? Газом вроде не пахнет, а?

— Не пахнет, — согласился Карелла. — А где она раньше жила, не знаете, миссис Модер?

— Нет.

— Рекомендаций вы не спрашивали?

— Для меблированных комнат рекомендации

ни к чему. — Миссис Модер пожала плечами. — Она заплатила за месяц вперед, вот и вся рекомендация.

— А сколько заплатила, миссис Модер?

— Шестьдесят долларов. Наличными. Чеки я у незнакомых не беру.

— Но вы не знали, из города она или еще откуда, верно?

— Верно.

— Дэвис, — произнес Карелла и покачал головой. — С такой фамилией, Стив, найти след будет не просто. В телефонной книге Дэвисов не меньше тысячи.

— А почему у вас волосы седые? — спросила домоправительница.

— Что?

— Прядь седая.

— А-а. — Хоуз машинально коснулся виска. — Ножом ударили, — ответил он, сразу закрывая вопрос. — Миссис Модер, девушка жила одна?

— Не знаю. Я в чужие дела не вмешиваюсь.

— Но вы не могли не видеть…

— Кажется, одна. Я ни за кем не подглядываю, ни во что не влезаю. Она заплатила за месяц вперед.

Хоуз вздохнул. Эта женщина его явно невзлю-

била. Ну и пусть ее допрашивает Карелла.

— Погляжу, что там в ящиках да шкафах, — сказал он и пошел, не дожидаясь ответа Кареллы.

— Ну здесь и духотища, — посетовал Карелла.

— Патрульный не велел ничего трогать, пока вы не придете, — сказала миссис Модер. — Вот я и не стала окна открывать.

— Это вы молодец, спасибо. — Карелла улыбнулся. — Но теперь, думаю, окно открыть можно.

— Как хотите. Запашок тут есть. Может… это от нее? Запашок?

— От нее, — признал Карелла. Он открыл окно. — Ну, вот. Так лучше.

— Да не очень-то лучше, — возразила домоправительница. — Погода ведь просто кошмар. Ворочаешься, ворочаешься, никак не заснешь. — Она взглянула на труп девушки. — На нее прямо смотреть страшно.

— Да. Скажите, миссис Модер, а где она работала, работала ли вообще — это вы знаете?

— Вот уж, извините, не знаю.

— Кто-нибудь к ней приходил? Друзья? Родственники?

— Извините, никого не видела.

— Ну хоть что-нибудь про нее можете рассказать? Когда она по утрам уходила? Когда

возвращалась?

— Извините. Как-то и не замечала.

— А почему вы что-то заподозрили?

— Из-за молока. Перед дверью. Я вечером с друзьями ужинать ходила, а когда вернулась, мужчина с третьего этажа ко мне спустился: мол, у соседа громко радио играет и пусть я велю ему заткнуться. Ну, я и поднялась, попросила того сделать радио потише, а потом иду мимо двери мисс Дэвис и вижу — на полу стоит молоко, я еще подумала, как же так, в такую-то жарищу, а потом решила, ладно, это ведь ее молоко, чего я буду вмешиваться? Ну, я к себе спустилась и легла спать, а сон не идет, да все это молоко в коридоре в голову лезет. Надела я халат, поднялась наверх и стучу ей в дверь, а ответа нет. Я покричала, а она все равно молчок. Ну, думаю, что-то не так. Не знаю, что меня смутило. Не так, думаю, и все. Мол, если она внутри, чего же не откликается?

— А откуда вы знали, что она внутри?

— Я и не знала.

— Дверь была заперта?

— Да.

— Вы пробовали открыть?

— Да. Заперта была.

— Понятно, — сказал Карелла.

— Две машины приехали, — объявил вернувшийся Хоуз. — Наверное, парни из лаборатории. И из отдела по расследованию убийств.

— А эти-то зачем? — удивился Карелла. — Знают же, что вызов наш.

— Чтобы приличия соблюсти, — объяснил Хоуз. — У них на табличке что написано? «Отдел по расследованию убийств». Решили небось, что хоть иногда зарплату надо отрабатывать.

— Ты что-нибудь нашел?

— В шкафу новенький комплект шмоток для поездки, шесть вещей. Все ящики забиты тряпьем. В основном все новехонькое. Все больше для курорта. И книги новые.

— Еще что?

— На туалетном столике кое-какая почта.

— Для нас что-нибудь есть?

Хоуз пожал плечами.

— Перечень выплат из ее банка. Погашенные чеки. Может, и пригодится.

— Может, — согласился Карелла. — Посмотрим, что надыбает лаборатория.

На следующий день заключение из лаборатории было готово, результаты вскрытия тоже. Вместе это было уже кое-что. Прежде всего детективы узнали, что девушка принадлежала к белой

расе и была лет тридцати от роду.

Да, к белой.

Полицейские немало подивились — ведь на ковре явно лежала негритянка. У нее была черная кожа! Не загорелая, не цвета кофе, не коричневая, а черная — такой густо-черный оттенок встречаешь у аборигенов, которые целыми днями жарятся на солнце. Казалось, полицейские сделали вполне логичный вывод, но смерть, как известно, большая мастерица стричь всех под одну гребенку, при этом горазда на всякие чудачества и номера, и самый лихой из них — изменить внешность. Смерть способна превратить белое в черное, и когда эта зловредная старуха переступает твой порог, становится не важно, кто с кем ходил в школу. О пигментации, друзья мои, речи больше нет. С виду лежавшая на полу девушка казалась чернокожей, но была она белой и в любом случае остывшей, как и полагается трупам, а хуже этого и быть ничего не может.

Из рапорта следовало, что тело девушки находилось в состоянии прогрессирующего разложения, а дальше шли такие понятные лишь посвященным термины, как «общее раздувание полостей, тканей и кровеносных сосудов тела газом», «почернение кожи, слизистых и радужных

оболочек, вызванное гемолизом и воздействием сульфида водорода на пигмент крови», а попростому все объяснялось тем, что был август, стояла жуткая жара, и девушка лежала на ковре, который хранил тепло и ускорил разложение после наступления смерти. Из этого можно было заключить, что, с учетом погоды, труп девушки разлагался уже как минимум двое суток, то есть смерть наступила примерно первого августа.

В одном из рапортов говорилось, что одежда на девушке была куплена в крупнейшем универмаге города. Вся одежда в ее жилище была довольно дорогой, но кто-то из лаборатории счел необходимым указать, что все ее трусики были украшены бельгийскими кружевами и стоили двадцать пять долларов пара. Было также отмечено, что тщательный осмотр одежды и тела не выявил следов крови, спермы или масляных пятен.

По заключению следователя, производящего дознание, смерть наступила от удушения.

Сколько всего наука может выжать из обычной квартиры — просто поразительно! Не менее поражает и куда более огорчает другое — жаждешь отыскать на месте убийства хоть какую-нибудь зацепку и не находишь ровным счетом ничего. Меблированная комната, в которой задушили

Клаудию Дэвис, была полна соблазнительных поверхностей — отпечатки пальцев, выходи строиться! В шкафах и ящиках лежали горы одежды, и там могли быть следы чего угодно — от пороха до пудры.

Но ребята из лаборатории обработали все поверхности, просеяли все возможные пылинки, все, что надо, отфильтровали, потом отправились в морг, взяли отпечатки пальцев у усопшей Клаудии Дэвис и в результате оказались ни с чем. С абсолютным нулем. Нет, не с абсолютным. Оказалось, что в их распоряжении множество отпечатков пальцев Клаудии Дэвис и множество пылинок, собранных со всего города и прицепившихся к ее обуви и мебели.

Нашлись и кое-какие документы, принадлежавшие убитой, — свидетельство о рождении, диплом об окончании школы в Санта-Монике, просроченный библиотечный билет. Ах да, еще ключ. Ни к каким замкам в комнате он не подходил. Все скопом отвезли в восемьдесят седьмой участок, а в конце дня Сэм Гроссман лично позвонил Карелле посочувствовать — ничего интересного найти не удалось.

В комнате детективов было душно и шумно. Разговор с Сэмом носил до смешного односторон-

ний характер. Карелла, еще раньше вывалив-ший на стол содержимое пакета из лаборатории, лишь хмыкал да время от времени кивал. Наконец, поблагодарив Гроссмана, он повесил трубку и уставился в окно, выходившее на улицу и в Гровер-парк.

— Что-нибудь интересное есть? — спросил Майер.

— Угу. Гроссман считает, что убийца был в перчатках.

— Очень мило.

— Мне кажется, я знаю, от чего этот ключ. — Карелла поднял ключ со стола.

— Да? И от чего же?

— Ты ее чеки видел?

— Нет.

— На, посмотри.

Он открыл плотный банковский конверт, адресованный Клаудии Дэвис, разложил чеки на столе, потом развернул желтый банковский перечень выплат. Майер стал внимательно изучать экспонаты.

— Конверт Коттон нашел в ее комнате, — пояснил Карелла. — Перечень выплат за июль. Это все чеки, которые она выписала, по крайней мере все, оплаченные банком к тридцать первому.

— Чеков-то много, — заметил Майер. — Двадцать пять. Что ты об этом думаешь?

— Я знаю, что я думаю, — сказал Карелла.

— И что?

— За этими чеками — целая жизнь. Смотришь на них и будто дневник читаешь. Здесь есть все, чем она занималась в прошлом месяце, Майер. Все ее походы в универмаг, визит к цветочнику, к парикмахеру, в кондитерский магазин, даже к обувщику. А это видишь? Чек выписан для бюро похоронных услуг. Кто бы это умер, а, Майер? А это что? Она жила в доме миссис Модер, но вот чек на адрес шикарного жилого дома в Саут-сайде, Стюарт-сити. А некоторые чеки выписаны просто на имена, на людей. Это дело рыдает по конкретным людям. Где они?

— Взять телефонную книгу?

— Погоди. Взгляни на перечень банковских выплат. Она открыла счет пятого июля, положила тысячу долларов. Вот так, ни с того, ни с сего взяла и положила тысячу зеленых в американский «Сиборд банк».

— И что тут странного?

— Может, и ничего. Но Коттон обзвонил другие банки в городе, и оказалось, что у Клаудии Дэвис солидный счетец в банке «Хайленд траст» на

Кромуэлл-авеню. И очень даже солидный.

— Сколько?

— Около шестидесяти тысяч.

— Что-о?

— Что слышал. И со счета в «Хайленд траст» она в июле ничего не снимала. Откуда же взялись деньги, которые она положила в «Сиборд»?

— Это был единственный вклад?

— Сам посмотри.

Майер взял в руки документ.

— Первый вклад она сделал пятого июля, — пояснил Карелла. — Тысяча долларов. Двенадцатого июля — еще тысяча. И еще одна — девятнадцатого. И еще одна — двадцать седьмого.

Майер нахмурился.

— Четыре штуки. Денежки солидные.

— И все это — меньше чем за месяц.

— Так ведь еще шестьдесят штук в другом банке лежит. И откуда же у нее, Стив, такие барыши?

— Не знаю. Что-то тут не стыкуется. Носит бельишко в бельгийских кружевах, а живет в конуре с умывальником. Что это вообще за фокусы? Два банковских счета, двадцать пять долларов выкидывает, чтобы только задницу прикрыть, но при этом живет в клоповнике, за который платит всего шестьдесят в месяц.

— Может быть, она в розыске?

— Нет. — Карелла покачал головой. — Я проверял. Преступного прошлого у нее нет, никто ее не разыскивает. Пока, правда, не пришел ответ на мой запрос в ФБР, но наверняка и у них на нее ничего нет.

— А что с ключом? Ты сказал…

— Да. Тут, слава богу, все просто. Гляди.

Из стопки чеков он вытащил желтую квитанцию и протянул ее Майеру. Тот прочитал бумажку.

— Она абонировала сейф в банке в тот же день, когда открыла там счет? — спросил Майер.

— Точно.

— И что в сейфе?

— Хороший вопрос.

— Стив, хочешь сэкономить немного времени?

— Ясное дело.

— Давай возьмем ордер на осмотр сейфа до того, как пойдем в банк.

Менеджером банка «Сиборд» оказался лысый мужчина лет пятидесяти с небольшим. Вспомнив теорию о том, что люди схожей наружности относятся друг к другу с симпатией, Карелла отдал инициативу Майеру.

Выудить что-нибудь у мистера Андерсона,

менеджера банка, было не просто, уж больно застенчивый от природы был человек. Но детектив Майер Майер был самым терпеливым человеком в городе, если не во всем мире. Его терпение было скорее благоприобретенным, нежели врожденным. Собственно, он много чего унаследовал у своего отца, весельчака по имени Макс Майер, но не терпение. Ибо терпением Макс Майер как раз не отличался, нрава был вспыльчивого, буйного. К примеру, когда жена сообщила ему, что ждет ребенка, Макс разъярился до крайности. Он был большой охотник до шуток. Другого такого шутника во всем Риверхеде не было, но эта конкретная шалость природы его почему-то не позабавила. Ему казалось, что жена уже давно пребывает в том возрасте, когда о зачатии не может быть и речи в самых смелых мечтах. До старческого слабоумия ему было еще, как он полагал, далеко, но ведь годы берут свое, и появление младенца едва ли благотворно скажется на его жизни. Все в нем булькало и клокотало, но приход ребенка в мир неотвратимо надвигался, и Макс тем временем готовил месть, вынашивал розыгрыш, который всем розыгрышам положит конец.

Когда ребенок родился, он нарек его Майером

— великолепное имя, особенно в сочетании с фамилией. Новорожденный вступал в жизнь с двухствольным прозвищем: Майер Майер.

Что ж, забавное имя. С этим нельзя не согласиться. Можно даже надорвать живот, смеясь над этой шуткой… но как быть, если ты робкий тихоня, да к тому же еще ортодоксальный еврей, а живешь в квартале, где тон задают иноверцы? Малышня в квартале считала, что Майер Майер произведен на свет специально им на потеху. Если им требовался предлог, чтобы его отвалтузить — хотя они вполне обходились и без предлога, — на выручку всегда приходило его имя. «Сожжем Майера Майера — спалим жида и фраера!» — кричали они, а потом гнались за ним по улице, догоняли и устраивали ему веселую жизнь.

Майер овладел наукой терпения. Не часто одному мальчишке, да и одному взрослому удается успешно защититься от целой шайки. Но иногда от побоев можно отговориться. Иногда, если ты терпелив, если готов долго ждать, ты можешь отловить одного из них и схватиться с ним, как мужчина с мужчиной, и познать радость честной схватки… а когда силы противника явно превосходят твои, что ты можешь познать, кроме унижения?

Нет, вообще говоря, шутка Макса Майера была вполне безвредной. Нельзя же, в самом деле, лишать старика удовольствия. Но мистеру Андерсону, менеджеру банка, исполнилось пятьдесят четыре года, и он был абсолютно лыс. Майер Майер, детектив второго класса, сидевший напротив него и задававший вопросы, тоже был абсолютно лыс. Может быть, вековое терпение и сглаживает все шрамы. Может быть. Но Майеру Майеру было пока всего тридцать семь.

Поэтому он терпеливо спросил:

— А эти крупные вклады вам не показались странными, мистер Андерсон?

— Нет, — последовал ответ. — Тысяча долларов — не бог весть какие деньги.

— Мистер Андерсон, — терпеливо продолжал Майер, — вы, конечно, знаете, что банки в этом городе должны сообщать в полицию о необычно больших разовых вкладах. Знаете, ведь правда?

— Знаю.

— В течение трех недель мисс Дэвис положила на счет четыре тысячи долларов. Это не показалось вам странным?

— Нет. Она же не сразу всю сумму положила. А тысяча долларов — это не большие деньги и необычно большим вкладом не считаются.

— Для меня тысяча долларов, — сказал Майер, — это большие деньги. На тысячу долларов можно знаете сколько пива купить?

— Я не пью пива, — бесстрастно произнес Андерсон.

— Я тоже, — признался Майер.

— Кстати, когда кто-то вносит большую сумму, если это не наш постоянный клиент, мы в полицию сообщаем. Но я решил, что эти вклады — не тот случай.

— Спасибо, мистер Андерсон, — сказал Майер. — У нас тут ордер. Мы бы хотели открыть сейф, который арендовала мисс Дэвис.

— Можно посмотреть ордер? — попросил Андерсон. Майер протянул ему бумажку. Андерсон вздохнул и сказал: — Очень хорошо. Ключ от сейфа мисс Дэвис у вас есть?

Карелла полез в карман.

— Этот подойдет? — спросил он и положил ключ на стол. Этот ключ прислали ему из лаборатории вместе с документами, которые нашли в комнате убитой.

— Да, вполне, — сказал мистер Андерсон. — К каждому сейфу есть два ключа. Один хранится в банке, другой отдается клиенту. Чтобы открыть сейф, нужны оба. Пожалуйста, идемте со мной.

Он взял банковский ключ от сейфа номер триста семьдесят пять и провел детективов в глубь банка. Казалось, вся комната облицована сверкающим металлом. Ряды сейфов напомнили Карелле о морге и морозильных полках, которые выдвигаются из стены и задвигаются обратно на поскрипывающих роликах.

Андерсон затолкнул банковский ключ в скважину и повернул его, потом сунул ключ Клаудии Дэвис во вторую скважину и тоже повернул. Вытащил из стены длинную и тонкую коробку и протянул ее Майеру, тот отнес ее к стойке у противоположной стены и освободил защелку.

— Открываю? — спросил он Кареллу.

— Давай.

Майер поднял крышку коробки.

В ней лежало шестнадцать тысяч долларов, И лист бумаги. Шестнадцать тысяч долларов были аккуратно разложены в четыре стопки. В трех из них было по пять тысяч долларов. В четвертой — тысяча. Карелла взял листок бумаги. Кто-то, по всей видимости, Клаудия Дэвис, произвел на нем карандашом какие-то расчеты.

— Вам это о чем-нибудь говорит, мистер Андерсон?

— Боюсь, что нет.

— Она пришла в банк пятого июля с двадцатью тысячами долларов наличными, мистер Андерсон. На тысячу открыла текущий счет, остальные деньги убрала в сейф. Даты на листке показывают, когда именно она забирала из сейфа по тысяче долларов и подкладывала их на текущий счет. Она знала правила, мистер Андерсон. Знала, что, если положить на счет сразу двадцать тысяч, последует звонок в полицию. А так гораздо надежнее.

— Надо бы переписать номера на банкнотах, — сказал Майер.

— Поручите кому-нибудь из ваших людей это сделать, хорошо, мистер Андерсон?

Андерсон хотел было запротестовать. Но, взглянув на Кареллу, со вздохом согласился.

— Хорошо.

Но номера на банкнотах им не помогли. Они сравнили их с номерами банкнот, похищенных в городе и за его пределами, сделали запрос в ФБР, но все впустую — в списке украденных эти банкноты не числились, «горяченькими» не были.

Горяченьким был август.

Стюарт-сити украшает Айзолу, словно драгоценная диадема шикарную прическу. Это никакой не город, даже не городок, просто квартал

шикарных домов, выходящих на реку Дикс, названный в честь английской королевской семьи, он и сейчас остается одним из самых престижных в городе. Если ты живешь в Стюарт-сити, значит, и доходы у тебя приличные, и загородный дом есть где-нибудь в Сэнд-спит, и «мерседес-бенц» в гараже под домом стоит. И свой адрес можешь давать с известными снобизмом и гордостью — в конце концов, ты относишься к местной элите.

Клаудия Дэвис выписала дому под названием «Менеджмент энтерпрайзес», что находился по адресу Стюарт-плейс-саут, тринадцать, чек на семьсот пятьдесят долларов. Чек был выписан девятого июля, то есть за четыре дня до этого она открыла счет в банке «Сиборд».

Карелла и Хоуз подъехали к зданию. С реки веяло прохладой. По мутным волнам реки Дикс, вобравшей в себя всю местную химию, прыгали предвечерние солнечные зайчики. На фоне неба в ожидании прихода сумерек висели мосты, что соединяли Камз-пойнт и Айзолу.

— Может, опустишь козырек? — спросил Карелла.

Хоуз потянулся к козырьку и опустил его. К козырьку была прикреплена рукописная табличка ПОЛИЦИЯ, 87-й УЧАСТОК. Машина — «шевро-

ле» 1956 года — была личной собственностью Кареллы.

— Мне тоже надо себе такую повесить, — сказал Хоуз. — А то на прошлой неделе один умник мою тачку отбуксировал.

— И что ты сделал?

— Поехал в суд и сказал им, что я не виновен. В выходной.

— И что, сошло с рук?

— Конечно, я же ехал по вызову. Я, значит, на своей машине должен по делам гонять, так меня еще и штрафовать будут!

— Да, на своей удобнее, — согласился Карелла. — Три тачки, что есть в участке, давно пора на свалку свезти.

— Две, — поправил его Хоуз. — И одна из них уже месяц в гараже торчит.

— Майер туда как раз вчера ездил.

— И что ему сказали? Когда будет готова?

— До нее надо еще четыре патрульные машины сделать, они, мол, важнее, так механик ему сказал. Чувствуешь, как нас ценят?

— Чувствую. Мне, между прочим, еще за бензин не заплатили.

— Чего захотел! Я сколько на своей езжу, еще ни цента за бензин не вернули.

— И чем у Майера в гараже дело кончилось?

— Сунул механику пятерку. Может, теперь тот пошевелится.

— Знаешь, что городские власти должны сделать? — сказал Хоуз. — Купить списанные такси. За две или три сотни, покрасить их и отдать в участки. На многих таких тачках еще ездить и ездить.

— Возможно, — без особой уверенности согласился Карелла, и они вошли в здание.

Управляющую, миссис Миллер, они нашли в кабинете в глубине украшенного лепниной вестибюля. Это оказалась еще стройная женщина лет сорока с небольшим, говорила она низким прокуренным голосом. Волосы завязаны в узел на затылке, из рыжей копны лихо торчал карандаш. Она взглянула на фотокопию чека и сказала:

— Ну, конечно.

— Вы знали мисс Дэвис?

— Да, она здесь жила несколько лет.

— Сколько?

— Пять.

— Когда съехала?

— В конце июня.

Миссис Миллер положила ногу на ногу и обворожительно улыбнулась. Для ее возраста ноги

были просто блеск, а улыбка лучилась почти неподдельной радостью. В жестах и манерах улавливалась изысканная женственность, видно было, что она знает себе цену и умеет держаться раскованно, но вполне достойно. Казалось, свою жизнь она посвятила изучению всех женских ухищрений и уловок и сейчас распоряжалась ими с легкостью, очарованием и не без пользы для себя. В обществе этой женщины было приятно находиться, наблюдать за ней и слушать ее голос, думать о близости с ней. Во всяком случае, Кареллу и Хоуза она очаровала с ног до головы, с них мигом слетело напряжение трудного дня.

— Этот чек, — начал Карелла, постучав пальцем по бумажке, — за что он был выплачен?

— Квартплата за июнь. Я получила его десятого июля. Клаудия платила каждый месяц десятого числа. Очень аккуратная была съемщица.

— Жилье стоит семьсот пятьдесят в месяц?

— Да.

— Это не слишком дорого?

— Для Стюарт-сити — нет, — мягко проговорила миссис Миллер. — К тому же окна выходят на реку.

— Понятно. Наверное, у мисс Дэвис была неплохая работа.

— У нее вообще никакой работы не было.

— Но тогда откуда же…

— Ну, она — человек со средствами.

— Откуда у нее средства, миссис Миллер?

— Откуда?.. — Миссис Миллер пожала плечами. — По-моему, об этом лучше спросить ее. Если она вас почему-то интересует, разве не проще…

— Миссис Миллер, — прервал ее Карелла. — Клаудия Дэвис умерла.

— Что?

— Ее…

— Что? Не может быть… Как это… — Она покачала головой. — Клаудия? Но как же чек… я… чек пришел всего месяц назад. — Она снова покачала головой. — Не может быть.

— Она умерла, миссис Миллер, — мягко повторил Карелла. — Ее задушили.

Она утратила свой отточенный шарм лишь на мгновение. В глазах что-то вспыхнуло, ресницы дрогнули, секунду казалось, что сейчас зрачки заблестят и наполнятся влагой, а тщательно напомаженный рот изломится в плаксивой гримасе. Но тут она словно получила приказ: держи себя в руках, очаровательная женщина не рыдает на людях, не позволяет шикарной косметике течь по лицу.

— Какой ужас, — сказала она почти шепотом. — Какой немыслимый ужас. Она была очень милой женщиной.

— Пожалуйста, миссис Миллер, расскажите нам все, что вы о ней знаете.

— Конечно, разумеется. — Она снова покачала головой, не желая принимать услышанное. — Кошмар. Просто кошмар. Она ведь была совсем ребенком.

— Мы решили, миссис Миллер, что ей лет тридцать. Разве не так?

— Выглядела она моложе, но, может быть, так только казалось… потому что она была очень робкой и тихой. Когда она здесь только появилась, она была какая-то… потерянная, что ли. Правда, это было сразу после смерти ее родителей…

— А откуда она, миссис Миллер?

— Из Калифорнии. Из Санта-Моники.

Карелла кивнул.

— Вы начали говорить… что она была довольно состоятельной. А вы не знаете…

— Знаю. Деньги шли из фонда.

— Из какого фонда?

— Ее родители открыли на ее имя доверительный счет в банке. Когда они умерли, Клаудия начала получать деньги. Она была единствен-

ным ребенком.

— То есть дивиденды из фонда были единственным источником ее существования?

— Деньги были вполне приличные. Могу добавить, что она их откладывала. Она вообще была человеком серьезным, никакой ветренности. Получит такой чек, погасит его — и сразу несет в банк. Клаудия была очень здравой девушкой.

— В какой банк, миссис Миллер?

— «Хайленд траст». Прямо на нашей улице. На пересечении с Кромуэлл-авеню.

— Понял, — сказал Карелла. — А с мужчинами она встречалась? Что-нибудь про это знаете?

— Мужчинами она не увлекалась. Вообще жила довольно замкнуто. Даже когда появилась Джози.

Карелла подался вперед.

— Джози? Кто такая Джози?

— Джози Томпсон. Джозефин. Двоюродная сестра.

— А она откуда?

— Тоже из Калифорнии.

— Связаться с ней можно?

— Так ведь она… Разве вы не знаете? Вы не?.. — Миссис Миллер осеклась.

— Что, миссис Миллер?

— Ведь Джози умерла. В июне. Наверное, поэтому Клаудия и переехала. Наверное, жить здесь без Джози для нее было невыносимо. Ведь страшно, правда?

— Правда, — подтвердил Карелла.

РАПОРТ

В результате беседы с Айрин Миллер, управляющей домом «Менеджмент энтерпрайзес», Стюарт-плейс-саут, 13, по поводу убийства Клаудии Дэвис установлено следующее:

Клаудия Дэвис переехала в наш город в июне 1955 года и за 750 долларов в месяц сняла квартиру по указанному адресу, где проживала одна. В обществе друзей, мужского или женского пола, находилась редко. Женщина молодая, замкнутая, жила на солидное наследство, доставшееся от родителей. Родители, мистер и миссис Картер Дэвис, погибли на скоростной трассе неподалеку от Сан-Диего в результате лобового столкновения с грузовиком 14 апреля 1955 года. Авария зарегистрирована лос-анджелесской полицией, водитель грузовика осужден за невнимательную езду.

По описанию миссис Миллер, убитая была среднего роста и веса, брюнетка, волосы коротко

острижены, глаза карие, шрамов или родимых пятен, кажется, нет. Описание соответствует трупу. По словам миссис Миллер, Клаудия Дэвис была тихой и незаметной съемщицей, исправно платила за квартиру и по всем другим счетам, была девушкой мягкой, приятной, бесхитростной как ребенок, застенчивой, аккуратной в денежных делах, нравившейся окружающим, но трудно идущей на контакт.

В апреле или мае 1959 года из Брентвуда, штат Калифорния, приехала Джози Томпсон, двоюродная сестра умершей (по результатам проверки преступного прошлого нет). По описанию чуть старше Клаудии, несколько другая и внешне и по характеру. «Они были как черное и белое, — сказала миссис Миллер, — но прекрасно уживались». Джози переехала к своей двоюродной сестре. Их отношения характеризуются, как «самые теплые и сестринские», «жили душа в душу», «как ближайшие подруги» и так далее.

С мужчинами девушки почти не встречались, постоянно находились в обществе друг друга, привычку к замкнутости Джози, видимо, переняла у сестры. Часто вместе уезжали. Лето 1959 года провели на Черепашьем острове в бухте, вернулись на День труда. Снова уехали под рождество

кататься на лыжах в Солнечную долину, а в марте этого года на три недели уехали на Ямайку и вернулись в начале апреля. Источником дохода был доверительный счет в банке. Клаудия не была владелицей фонда, но доходы с него могла получать до конца жизни. В бумагах сказано, что после ее смерти средства фонда поступают в распоряжение лос-анджелесского университета (который заканчивал ее отец). В любом случае Клаудии был гарантирован весьма солидный доход на всю ее жизнь (смотри банковский счет в банке «Хайленд траст»), видимо, она же содержала и Джози, по утверждению миссис Миллер, ни та, ни другая не работали. В ответ на вопрос о лесбиянстве миссис Миллер, женщина вполне подкованная и неглупая, ответила решительным «нет», извращенками девушки не были.

3 июня девушки в очередной раз отправились на природу. Швейцар дома сообщил, что помог им положить сумки в багажник машины Клаудии, «кадиллак» 1960 года с открывающимся верхом. За руль села Клаудия. В понедельник утром девушки не вернулись, хотя обещали вернуться. Клаудия позвонила только в среду, плакала в трубку. Она сказала миссис Миллер, что случилась ужасная трагедия, и Джози умерла.

Миссис Миллер спросила Клаудию, не нужно ли помочь. На что Клаудия ответила: «Спасибо, обо всем уже позаботились».

17 июня миссис Миллер получила письмо от Клаудии (письмо прилагается, почерк совпадает с подписью на чеках Клаудии), из которого следовало, что после случившегося с ее двоюродной сестрой она в эту квартиру не вернется. Она напомнила миссис Миллер, что срок аренды истекает 4 июля и что она пришлет чек за июнь до 10 июля. За ее вещами приедут из фирмы по перевозке, ей отвезут ценные вещи и документы, а остальное оставят у себя на хранение.

Клаудия Дэвис в эту квартиру больше не возвращалась. Миссис Миллер с тех пор ее не видела и ничего не знала о ее пребывании вплоть до нашего сообщения об убийстве.

Поездка на Треугольное озеро представлялась исключительно живописной, и, поскольку стоял август, а воскресенье считалось у Кареллы выходным, он решил совместить приятное с полезным. Он опустил верх машины, посадил на переднее сиденье Тедди, рядом положил еду и термос с холодным кофе для пикника и, пока они ехали по горной дороге, начисто выбросил из головы Клаудию Дэвис. В обществе своей жены Карелла

был готов забыть обо всем на свете.

На его взгляд — а глаз у него был наметанный, красоток на углах улиц он повидал предостаточно, — его жена Тедди была самой прекрасной женщиной в мире. Он все не мог взять в толк, как это он, простецкий парень, неотесанный мужлан — полицейский, умудрился отхватить себе такую чудесную жену. Но ведь заполучил же он ее, Теодору Фрэнклин, и вот они сидят рядом в открытой машине, он, не упуская из вида дороги, искоса поглядывает на нее и млеет от одного ее присутствия.

Ее черные как смоль, всегда непослушные волосы, словно вступили в схватку с ветром и безжалостно хлестали по ее лицу. Она прищурила карие глаза, защищаясь от потока воздуха. Белая блуза выгодно подчеркивала полную грудь, черные брючки на конус и в обтяжку позволяли представить, сколь роскошны ее бедра и сколь красивы ноги. Скинув сандалии, она подтянула колени к груди, а босыми стопами уперлась в перчаточный бокс. Было в ней какое-то диковинное сочетание изыска и буйства — это Карелла прекрасно понимал. Никогда не знаешь, чего от нее ждать — то ли она сейчас тебя поцелует, то ли по голове огреет, и эта неясность делала ее всегда

желанной и волнующей.

Тедди смотрела на мужа, который вел машину, на его большие костистые руки, крутившие баранку. Она смотрела на него не просто потому, что ей это было приятно, — он с ней разговаривал. А поскольку слышать она не могла, поскольку с рождения была глухонемой, важно было следить за его губами. Он говорил вовсе не о деле. Она знала, что один из чеков Клаудии Дэвис был выписан на имя похоронной службы «Фэнчер» на Треугольном озере, что Карелла хотел поговорить с владельцем этой службы лично. Она понимала, как это важно, иначе Карелла не стал бы тратить на эту поездку выходной день. Но он обещал — будем совмещать приятное с полезным.

Сейчас как раз и протекала приятная часть поездки, и Карелла, верный обещанию, не говорил ни слова о деле, отгонял мысли о нем, как назойливую муху. Вел речь о красотах природы, о планах на осень, о том, как забавно подрастают их близнецы, какая красавица у него Тедди, что ей лучше застегнуть верхнюю пуговицу блузки, прежде чем они выйдут из машины, но он ни словом не обмолвился о Клаудии Дэвис. Однако настал и ее час — Карелла и Тэдди стояли в конторе похоронной службы «Фэнчер» и смотре-

ли в угрюмые глаза человека по имени Бартон Скоулз.

Скоулз оказался долговязым и тощим, в костюме, который он наверняка надел в день собственной конфирмации году эдак в 1912-м. Он настолько соответствовал стереотипу провинциального гробовщика, что Карелла, завидев его, едва не расхохотался. Впрочем, обстановка не располагала к веселью. В комнате — толстые ковры, обои, канделябры — витал какой-то странный запах. Как только Карелла понял, что это формальдегид, в мозгу автоматически возникла мысль о покойниках, и его слегка затошнило, хотя смотреть в глаза смерти приходилось нередко.

— Пятнадцатого июля мисс Дэвис выписала вам чек, — начал Карелла. — За какие услуги, не скажете?

— Чего не сказать? Я этого чека долго дожидался. Она мне оставила задаток только двадцать пять долларов. Обычно-то я пятьдесят беру. Уж сколько раз меня надували, приходится ухо востро держать.

— В каком смысле? — спросил Карелла.

— А вот в таком. Народ всякий попадается. Похоронишь их покойничков, а заплатить тебе за работу возьмут да и забудут. Так что у меня тут

не сахар. Сколько раз бывало: сделаешь все для похорон, и службу проведешь, и захоронение, а получаешь кукиш. Вот и пропадает вера в человечество.

— Но мисс Дэвис вам все-таки заплатила.

— Да, конечно. Но тут, между прочим, мне здорово попотеть пришлось. Ого, еще как. Она ведь не местная, из города, а похороны здесь, никаких родственников, никого, только она одна, сидела вон там в часовне и сторожила покойницу, будто кто ее украсть собирался. Знаете, мистер Карелла… вас так зовут?

— Да.

— Так вот, мистер Карелла, как вспомню, прямо мороз по коже. Она ведь, ее двоюродная сестра, там двое суток пролежала. А потом мисс Дэвис попросила, чтобы мы девушку на местном кладбище схоронили, ну, думаю, куда денешься, надо хоронить — и все под залог в двадцать пять долларов. Иногда так хочется человеку поверить.

— Когда это было, мистер Скоулз?

— Утонула она в первое июньское воскресенье, — припомнил Скоулз. — Нечего им было делать на озере, рано еще. Вода-то в июне, считай, ледяная. Только к концу июля толком теплее становится. Она выпала из лодки — сидела на

веслах, — ну и, наверное, тут ее ледяная вода и прихватила, может, судорогой свело, вот бедняга и утонула. — Скоулз покачал головой. — Нечего было делать на озере в такое время.

— А свидетельство о смерти вы видели?

— А как же, доктор Доннели его и выписал. Причина смерти — утопление, тут сомнений никаких. Наши и дознание провели. Во вторник. Несчастный случай.

— Вы сказали, что она сидела на веслах. Она была в лодке одна?

— Ага. Ее двоюродная сестра, мисс Дэвис, на берегу сидела. Когда та за борт выпала, она кинулась в воду, поплыла спасать, да не поспела. Вода-то жуть какая холодная. Сейчас, слава богу, август, а в воде все равно не жарко.

— Но с самой мисс Дэвис от воды ничего не случилось?

— Ну, наверное, она хорошая пловчиха. Я всегда считал, если девушка симпатичная, значит, крепкого здоровья. Спорить готов, что и ваша жена на здоровье не жалуется, вон ведь какая симпатичная.

Скоулз улыбнулся, улыбнулась и Тедди и легонько стиснула руку Кареллы.

— Насчет оплаты, — продолжил разговор Ка-

релла. — За службу, за похороны. Не знаете, почему мисс Дэвис так долго чек не присылала?

— Без понятия. Я два раза ей писал. Сначала так, по-дружески напомнил. А второй раз уж похлестче. У меня в городе есть знакомый адвокат, так он написал на своей фирменной бумаге; это всегда впечатляет. Но что так, что сяк — никакого ответа. А потом, когда я смирился, — получаю чек, на всю сумму. Бог ведает, в чем тут дело. Может, она от этой смерти оправиться не могла. Может, она всегда потихоньку с долгами расплачивается. В общем, пришел чек и ладно, я и счастлив. А то частенько от живых хлопот больше, чем от покойников, это я вам точно говорю.

Карелла с женой отправились на берег озера, съели там свой обед. Карелла был на удивление молчалив. Тедди, болтая босыми ногами, пробовала воду. Вода, как и говорил Скоулз, была очень холодной, хотя на дворе стоял август. Возвращаясь с озера, Карелла сказал:

— Дорогая, ты не против, если мы еще раз остановимся?

Тедди вопросительно посмотрела на него.

— Хочу поговорить с местным шефом полиции.

Тедди нахмурилась. В глазах ее возник вопрос,

и Карелла сразу на него ответил.

— Хочу выяснить, были ли свидетели, когда девушка утонула. Кроме Клаудии Дэвис. Со слов Скоулза выходит, что на озере в июне с народом не густо.

Шеф полиции оказался косолапым и пузатым коротышкой. Разговаривая с Кареллой, он сидел, забросив ноги на стол. Карелла наблюдал за ним и думал: интересно, почему все в этом городе похожи на персонажей голливудских фильмов, выехавших в отпуск? Позади стола шефа в запертом картотечном шкафчике стояли какие-то папки. Справа от шкафчика на подставке лежала пачка листовок с броской надписью РАЗЫСКИВАЕТСЯ. В левой подошве шефа красовалась дырка.

— Угу, — сразу заявил он. — Свидетель был.

Карелла испытал боль разочарования.

— Кто? — спросил он.

— Парень один, рыбачил на озере. Все видел своими глазами. Давал показания следователю.

— Что он сказал?

— Что рыбачил там, когда Джози Томпсон отплыла от берега на лодке. Видел, что Клаудия Дэвис осталась на суше. Что мисс Томпсон выпала из лодки и камнем пошла ко дну. Что мисс Дэвис

кинулась в воду и поплыла к лодке. Но опоздала. Все это он сказал.

— А еще что?

— От отвез мисс Дэвис в город на ее машине. Кажется, «кадиллак» с открытым верхом, модель шестидесятого года. Она совсем дара речи лишилась. Рыдала, бормотала что-то, руки себе ломала, в общем, в жутком была состоянии. Собственно, мы все толком и узнали от этого рыбака. Мисс Дэвис только на следующий день очухалась.

— Когда вы проводили дознание?

— Во вторник. За день до похорон. А вскрытие делали в понедельник. Испросили разрешение у мисс Дэвис, так положено по закону, других родственников ведь не было.

— И установили, что смерть наступила в результате утопления?

— Так точно.

— А почему вообще решили проводить дознание? Вы подозревали, что здесь что-то нечисто?

— Нет. Но этот парень, что рыбачил, он ведь тоже был из города. Откуда мы знаем, может, он был с мисс Дэвис заодно, выпихнули двоюродную сестричку за борт, а потом сочинили всю историю. Запросто могло быть такое.

— Но не было?

— Судя по всему, нет. На мисс Дэвис жутко было смотреть, когда этот рыбак привез ее в город. Нужно быть настоящей актрисой, чтобы такое горе сыграть. На следующий день она успокоилась, но видели бы вы ее тогда… А на дознании стало ясно, что рыбак до того дня на озере никогда с ней не встречался. Во всяком случае, присяжные пришли к выводу, что девушек он раньше не знал. Да и я, если на то пошло, с ними согласился.

— Как его звали? — спросил Карелла. — Рыбака?

— Кортни.

— Как вы сказали?

— Кортни. Сидни Кортни.

— Спасибо, — ответил Карелла и резко поднялся. — Поехали, Тедди. Надо возвращаться в город.

Кортни жил в Риверхеде, в дощатом доме на одну семью. Когда ранним утром в понедельник Карелла и Майер подкатили к его дому, он открывал дверь гаража. Он обернулся и с любопытством оглядел их, рукой придерживая дверь. Карелла сделал шаг вперед.

— Мистер Кортни? — спросил он.

— Да?

Он смотрел на Кареллу с явным изумлением — любой изумится, когда незнакомый человек

называет его по имени. Кортни давно перевалило за сорок, на нем была кепка, не очень ладно подогнанная спортивная куртка и черные фланелевые брюки. На висках обосновалась седина. Было всего семь утра, а выглядел этот человек усталым, очень усталым. У ног стояли судки с обедом, видимо, он опустил их на землю, когда стал открывать гараж. В гараже стоял «форд» 1953 года.

— Мы из полиции, — представился Карелла. — Хотим задать вам несколько вопросов.

— Покажите жетон, — попросил Кортни. Карелла показал. Кортни кивнул, будто выполнил свой общественный долг. — Какие у вас вопросы? Я на работу спешу. Насчет этого дурацкого разрешения на строительство?

— Какое строительство?

— Гараж хочу расширить. Покупаю сыну драндулет, а держать на улице жалко. Так вот, чтобы получить разрешение на строительство, пришлось пороги обивать. Как вам это нравится? Добавить-то нужно каких-нибудь двенадцать футов. Можно подумать, я городской парк здесь собираюсь разбирать. Так что вы хотите знать?

Из дома донесся женский голос.

— Кто это, Сид?

— Все нормально, — нетерпеливо бросил Кортни. — Никто. Занимайся своими делами, Бетт. — Он взглянул на Кареллу. — Жена. Вы женаты?

— Да, сэр, женат.

— Тогда вам все ясно, — загадочно буркнул Кортни. — Ну, я вас слушаю.

— Вы это раньше видели? — спросил Карелла. Он передал Кортни фотокопию чека, тот мельком на него взглянул и протянул назад.

— Видел, ясное дело.

— Не объясните, мистер Кортни?

— Что я должен объяснять?

— Почему Клаудия Дэвис послала вам чек на сто двадцать долларов.

— Компенсация, — не колеблясь ответил Кортни.

— Компенсация? — переспросил Майер. — За что же, мистер Кортни? За маленькую баечку?

— Чего? Вы это про что?

— Компенсацию за что, мистер Кортни?

— За то, что у меня три рабочих дня вылетело, за что же еще?

— Как вы сказали?

— Нет, а вы-то что подумали? — рассердился Кортни и замахал на Майера пальцем. — Вы-то

подумали, за что? Плата за какую-то сделку? Так, что ли?

— Мистер Кортни…

— Из-за этого чертова дознания я три рабочих дня угробил. Мне пришлось просидеть на этом Треугольном озере понедельник и вторник, да еще полсреды ждать, что решат присяжные. А я каменщик. Получаю пять долларов в час, так вот, я потерял три рабочих дня по восемь часов в день, и мисс Дэвис любезно выслала мне чек на сто двадцать долларов. А теперь, если не возражаете, доложите, что подумали вы?

— До того дня на Треугольном озере вы мисс Дэвис знали, мистер Кортни?

— В жизни не видел. А в чем дело? Меня уже судят? В чем дело?

Из дома снова донесся резкий женский голос:

— Сидни? Что случилось? Все нормально?

— Лучше не бывает. Не возникай, ладно?

В дощатом доме наступила напряженная тишина. Кортни что-то пробурчал себе под нос и повернулся к детективам.

— У вас все? — спросил он.

— Не совсем, мистер Кортни. Мы хотели бы услышать от вас, что вы видели в тот день на Треугольном озере.

— Это еще зачем? Прочитайте протокол дознания, если так интересно. Мне на работу пора.

— Работа может подождать, мистер Кортни.

— Ну да, как же. Мне до нее еще ехать…

— Мистер Кортни, неужели вы хотите, чтобы мы уехали назад в город и вернулись с ордером на ваш арест?

— Мой арест? Да за что? А что я, собственно…

— Сидни! Сидни, может, вызвать полицию? — прокричала женщина из дома.

— Я же тебе сказал: «Не возникай»! — вскинулся Кортни. — Вызвать полицию, — пробурчал он. — Тут не знаешь, как от полиции избавиться, а она хочет вызывать полицию. Что вам от меня надо? Я честный каменщик. Я видел, как утонула девушка. Рассказал все как было. Это, что, преступление? Что вам от меня надо?

— Расскажите нам еще раз, мистер Кортни. Все, что вы видели.

— Она отплыла в лодке, — со вздохом начал Кортни. — Я ловил рыбу. Ее двоюродная сестра сидела на берегу. Она выпала за борт.

— Джози Томпсон.

— Да, Джози Томпсон, если ее так звали.

— В лодке она была одна?

— Да. Одна.

— Дальше.

— Другая — мисс Дэвис — завопила, бросилась в воду и поплыла к сестре. — Он покачал головой. — Но не успела. Лодка была далеко. Когда доплыла до места, поверхность воды уже разгладилась. Она нырнула, вынырнула, еще раз нырнула, но поздно уже было, поздно. А когда поплыла назад, я думал, она и сама утонет. Раз — и скрылась под водой, я уж думал, все, пиши пропало. Ну, а потом что-то желтое мелькнуло в воде, я понял — выплывет.

— А вы почему не бросились на помощь, мистер Кортни?

— Плавать не умею.

— Ясно. Что было дальше?

Она вышла из воды — мисс Дэвис. Еле стояла на ногах, совсем голову потеряла. Я пытался ее успокоить, а она все рыдала да кричала, все что-то бессвязное. Я оттащил ее к машине, спросил, где ключи. Она поначалу даже не поняла, про что я. Я ей говорю: «Ключи», — а она смотрит на меня и все. «Ключи от машины! — ору я. — От машины!» Уж потом она сунулась в сумочку и дала мне ключи.

— Дальше.

— Я отвез ее в город. И полиции все рассказал

я. Она даже говорить не могла, только бормотала что-то невнятное, всхлипывала да плакала. Сердце кровью обливалось, когда смотрел на нее. В жизни не видел, чтобы женщину так пробрало, совсем разума лишилась. Только на следующий день из нее удалось что-то связное вытянуть. Сказала, кто она, подтвердила все, что полиция уже от меня узнала, сказала, что утопленницу зовут Джози Томпсон, это ее двоюродная сестра. Полицейские обшарили дно озера и вытащили тело из воды. Симпатичная, молодая — надо же так нелепо умереть!

— Во что она была одета?

— Платьице хлопковое. Мокасины легкие, а то и сандалии. Поверх платья — тоненький свитерок. Кофточка.

— Драгоценности?

— Кажется, нет. Нет.

— А сумочка была?

— Нет. Сумочка лежала в машине мисс Дэвис.

— А в чем была мисс Дэвис?

— Когда? Когда сестра утонула или когда ее вытаскивали из озера?

— А она при этом присутствовала?

— А как же. Тело опознавала.

— Меня интересует, мистер Кортни, что на ней

было в день трагедии.

— Юбка, блузка, если не ошибаюсь. В волосах лента. Мокасины. Так, кажется.

— Блузка какого цвета? Желтая?

— Нет. Голубая.

— Вы сказали — «желтая».

— Нет, голубая. Про желтую я не говорил.

Карелла нахмурился.

— А мне показалось, говорили. — Он пожал плечами. — Ладно, что было после дознания?

— Да ничего особенного. Мисс Дэвис поблагодарила меня и сказала, что пришлет чек за время, что я потратил. Я поначалу отказался, а потом подумал: какого черта, я — работяга, а деньги на деревьях не растут. И дал ей мой адрес. Решил, ей такие расходы по карману. Разъезжает в «кадиллаке», свободно может нанять человека, чтобы отвез ее в город.

— А почему она не села за руль сама?

— Ну, наверное, еще в шоке была. Тут у любого нервы не выдержат. Рядом с вами человек когда-нибудь умирал?

— Умирал, — ответил Карелла.

Из дома жена Кортни завопила:

— Сидни, вели этим людям убраться от нашего дома!

— Слышали, да? — сказал Сидни и открыл в конце концов дверь своего гаража.

Утро понедельника не любит никто.

Вообще-то это время похмелья. Не начало новой недели, а хвост недели ушедшей. Это время не любит никто, и для дурного настроения вовсе не требуется, чтобы шел дождь, а небо было пасмурным и мрачным. День может быть ярким и солнечным, и даже августовским. Он может начаться с допроса у чужого гаража в семь утра, а к половине десятого испортиться окончательно.

Понедельник есть понедельник, и никакому законодательству не под силу изменить его внутренний облик. Понедельник есть понедельник, и с этим неприятным фактом остается только мириться.

В этот понедельник к половине десятого в голове у детектива Стива Кареллы уже все перемешалось и, как любой нормальный человек, он винил в этом понедельник. Он вернулся в участок и тщательно изучил все чеки, выписанные Клаудией Дэвис в июле месяце, — всего их набралось двадцать пять, — пытался найти в них ключ к ее смерти и потому вчитывался в текст внимательно, как печатник в типографии.

Чеки вносили кое-какую ясность, но к делу, как

будто, отношения не имели. Когда-то он сказал: «За этими чеками стоит человеческая жизнь. Все равно что читаешь чей-то дневник», и теперь ему начинало казаться, что из этих двух кратких предложений получился недурной афоризм. Ибо если перед ним был дневник Клаудии Дэвис, он являл собой отчет о жизни абсолютно пресной, никак не попадавшей в категорию «жизни замечательных людей».

Почти все чеки были выписаны на магазины готового платья и универсальные магазины. Клаудия, типичная представительница своего племени, имела явную склонность к магазинам, а чековая книжка позволяла ей удовлетворять жажду приобретательства. Из визитов в различные магазины следовало, что ее потребительские интересы были необычно широки. Чеки сообщали, что только в июле она купила три ночные рубашки, две короткие комбинации, пальто типа шинели, наручные часы, четыре пары брюк на конус разных цветов, две пары уличных туфель, очки от солнца, четыре купальника бикини, четыре платьица из немнущейся синтетики, две юбки, два кашемировых свитера, полдюжины книг-бестселлеров, большую банку аспирина, две бутылки драмамина, шесть дорожных сумок и

четыре коробки гигиенических салфеток. Самая дорогая покупка обошлась в пятьсот долларов — вечернее платье.

Большая часть чеков, выписанных Клаудией Дэвис в июле, ушла именно на покупки. Кроме того, она посетила парикмахера, цветочника, обувщика, кондитера и выписала еще три чека каким-то частным лицам, двум мужчинам и одной женщине.

Джордж Бэдуэк.

Дэйвид Облински.

Марта Феделсон.

Кто-то из участка уже прочесал телефонную книгу и выудил оттуда два адреса из трех. Номер телефона Облински зарегистрирован не был, но через полчаса удалось заполучить и его адрес. И теперь на столе Кареллы лежал полный список вместе со всеми погашенными чеками. Он знал — надо искать этих людей, но его тревожило что-то другое.

— Почему Кортни соврал мне и Майеру? — спросил он Коттона Хоуза. — Насчет того, в чем была одета Клаудия Дэвис в день трагедии?

— А как он соврал?

— Сначала сказал, что она была в желтом, что на поверхности озера мелькнуло что-то желтое.

А потом желтое поменял на голубое. К чему бы это, а, Коттон?

— Не знаю.

— А если он соврал насчет этого, вполне возможно, что выдумал и все остальное. И он с Клаудией утопили малышку Джози вместе.

— Ну, не знаю, — буркнул Хоуз.

— А двадцать тысяч долларов откуда взялись?

— Может, дивиденды из ее фонда?

— Может. Тогда перевела бы чек, и дело с концом. Но она-то принесла наличные, Коттон, наличные. Откуда взялись? Ничего себе, мелочишка. Из сточной канавы столько не выудишь.

— Это факт.

— Я знаю, где можно отхватить двадцать тысяч, Коттон.

— Где?

— В страховой компании. Когда кто-то умирает. — Карелла кивнул, соглашаясь с собственными мыслями. — Надо кое-куда позвонить. Не могут же такие деньги просто с неба свалиться.

С шестого звонка он попал в цель. Его собеседником оказался Джереми Додд из страховой фирмы «Секьюрити иншурэнс». Имя Джози Томпсон он вспомнил сразу.

— Да, — сказал он. — В июле мы это требование

оплатили.

— А кто к вам обратился, мистер Додд?

— Тот, кто по документам имел право на страховую сумму. Одну минуту. Сейчас я возьму бумаги. Не вешайте трубку.

Карелла нетерпеливо ждал. С другого конца трубки, из страховой фирмы, доносились приглушенные голоса. Хихикнула какая-то девушка — наверное, целуются где-нибудь за шкафом. Наконец Додд взял трубку.

— Нашел, — сказал он. — Джозефин Томпсон. Она была застрахована в пользу ее двоюродной сестры, мисс Клаудии Дэвис. Да, все вспомнил. Та самая история.

— Какая?

— У девушек была взаимная страховка.

— То есть?

— Двоюродные сестры, — пояснил Додд. — Были оформлены две страховки на случай смерти. Одна для мисс Дэвис, другая для мисс Томпсон. Со взаимными правами.

— То есть мисс Дэвис получала деньги в случае смерти мисс Томпсон и наоборот?

— Именно так.

— А каковы были суммы страховки?

— Совсем небольшие.

— Сколько именно?

— Кажется, та и другая были застрахованы на двенадцать с половиной тысяч долларов. Минутку, сейчас проверю. Да, точно.

— И мисс Дэвис обратилась за выплатой, когда ее двоюродная сестра умерла, так?

— Да. Вот передо мной документ. Джозефин Томпсон утонула в Треугольном озере четвертого июня. Все правильно. Клаудия Дэвис прислала нам страховку, свидетельство о смерти и решение присяжных.

— Вы ей заплатили?

— Да. Все абсолютно законно. Мы сразу все проверили.

— Вы посылали кого-то на озеро, чтобы выяснить обстоятельства смерти мисс Томпсон?

— Да, но наше расследование было чистой формальностью. Результаты дознаний для нас — вполне официальный документ, мистер Карелла.

— Когда вы выплатили деньги мисс Дэвис?

— Первого июля.

— Вы послали ей чек на двенадцать с половиной тысяч долларов?

— Нет, сэр.

— Но вы же сказали…

— Застрахована она была на двенадцать с половиной тысяч, это точно. Но в страховке был пункт о двойной выплате, а Джозефина Томпсон погибла от несчастного случая. Поэтому нам пришлось выплатить максимальную оговоренную сумму. Первого июля, детектив Карелла, мы послали Клаудии Дэвис чек на двадцать пять тысяч долларов.

Никаких тайн в работе полиции нет.

Заранее отработанной схемы на все случаи нет. Часто высшей точкой в раскрытии дела бывает труп, с которого данное дело и начиналось. Кульминационного развития нет — нагнетание атмосферы типично только для кино. Есть лишь люди, странным образом переплетенные мотивы, мелкие необъяснимые детали, совпадения и неожиданности, и из всего этого складывается последовательность событий, но подлинной тайны нет никогда, нет, и все.

Есть только жизнь, а порой и смерть, и все это не подчиняется никаким правилам. Полицейские ненавидят истории, где властвует тайна, потому что в таких историях они видят логику, которой нет в их собственном расследовании, подлинном, но иногда будничном, иногда захватывающем, а иногда и просто скучным. Когда

кусочки головоломки аккуратно складываются в заданный рисунок, это весьма мило, и умно, и удобно. Может, и приятно думать о детективах, как о профессорах математики, решающих алгебраическую задачу: смерть и жертва — величины постоянные, а неизвестная — убийца. Но многие из этих профессоров-детективов не в состоянии сложить вычеты из своих зарплат. В мире полно волшебников, тут сомнения нет, но едва ли хоть один из них работает в полиции.

В деле Клаудии Дэвис возникла большая математическая нестыковка.

Не ясно было, куда подевались пять тысяч долларов.

Первого июля Клаудии Дэвис по почте выслали двадцать пять тысяч, где-то после праздников, четвертого июля, она, видимо, получила чек, превратила его в деньги, а потом отнесла их в банк «Сиборд», открыла там новый счет и абонировала сейф. Однако общая сумма денег, лежавших в «Сиборде», составляла двадцать тысяч долларов, а страховая фирма выплатила ей двадцать пять тысяч долларов. Куда же девалась разница? И кто снял деньги по чеку?

Мистер Додд из страховой фирмы «Секьюрити иншурэнс» объяснил Карелле довольно сложную

систему учета в фирме. По чеку получены деньги, несколько дней после этого он хранится в местном отделении, чтобы закрыть страховку, потом его пересылают в головное отделение в Чикаго, где он лежит около месяца. Потом — в бухгалтерско-учетный отдел фирмы в Сан-Франциско. Додд считал, что погашенный чек уже в Калифорнии, и обещал отследить его, не откладывая в долгий ящик. Кто-то по этому чеку снял деньги для Клаудии и, вполне вероятно, взял одну пятую от написанной на чеке суммы.

Тот факт, что Клаудия не отнесла чек прямо в «Сиборд», означал: ей было что скрывать. Возможно, она не хотела, чтобы ей задавали вопросы по поводу чека из страховой компании, страховки, двойной выплаты, трагической гибели на озере и в особенности по поводу ее двоюродной сестры Джози. Чек был в полном порядке, и тем не менее она решила сначала превратить его в деньги, а уже потом открыть новый счет. Почему?

И почему, если на то пошло, ей понадобилось открывать новый счет, когда у нее был вполне приличный и действующий счет в другом банке?

В полицейской работе этим «почему» несть числа, но даже если их складывать, таинственности

все равно не возникает. Возникает дополнительная работа, а работу не любит ни один человек в мире. Бравые молодцы из восемьдесят седьмого участка предпочли бы спокойно посиживать на своих стульях да потягивать джин с тоником, но «почему» оставались, и они, надев фуражку и пристегнув кобуру, отправлялись на поиски «потому что».

Коттон Хоуз методично допрашивал всех жильцов дома, где была убита Клаудия Дэвис. У всех было алиби, крепкое, как сомкнутый кулак владельца арабских скакунов. В рапорте лейтенанту Хоуз изложил свое мнение: никто из жильцов убийства не совершал, к этому делу они не причастны.

Майер Майер взялся за стукачей восемьдесят седьмого участка. Район да и весь город кишмя кишел всякими торгашами и менялами, превращавшими горяченькое краденое добро в холодную наличность — за определенную мзду. Если кто-то получил для Клаудии чек на двадцать пять тысяч долларов и пять тысяч долларов прикарманил, возможно, этот кто-то — один из армии менял? Майер озадачил местных стукачей, велел поразнюхать, не слышно ли чего насчет чека из корпорации «Секьюрити иншурэнс».

Стукачи, увы, вернулись ни с чем.

Детектив лейтенант Сэм Гроссман с парнями из лаборатории отправился на место убийства еще раз. И еще раз. И еще раз. Он сообщил, что замок на двери был защелкивающимся, он автоматически запирался, стоило хлопнуть дверью. Убийца Клаудии Дэвис вполне мог сделать свое черное дело, не ломая голову над тем, как проникнуть в запертую комнату. Просто, уходя, надо было закрыть за собой дверь.

Гроссман сообщил также, что в ту ночь Клаудия, скорее всего, спать не ложилась. У большого кресла в спальне нашли пару обуви, на ручке кресла лежала книжка. Видимо, Клаудия заснула прямо в кресле, проснулась и пошла в другую комнату, где и встретилась с убийцей и со своей смертью. А вот кто он, этот убийца, — на этот счет у Сэма Гроссмана никаких соображений не было.

Стив Карелла изнемогал от жары, нетерпения и перегрузки. На их территории происходили и другие преступления: тут тебе и взломы, и ограбления, и поножовщина, и драки, и дети на каникулах, бившие бейсбольными битами других детей — те, видите ли, плохо произносят слово «сеньор». Трезвонили телефоны, надо было писать рапорты в трех экземплярах, в участке

день и ночь толпился народ, подавая жалобы на достопочтенных горожан, и дело Клаудии Дэвис постепенно превращалось в большую занозу в заднице. Хорошо быть сапожником, подумал Карелла, никаких тебе проблем. Вздохнув, он принялся изучать чеки, выписанные на Джорджа Бэдуэка, Дэйвида Облински и Марту Феделсон.

Берт Клинг, по счастью, не имел к делу Клаудии Дэвис никакого отношения. Он даже не знал толком, в чем там суть. Он был молодым детективом, работал недавно, работы было по горло, тут и от своих дел с ума сойдешь, каждый день крутишься по сорок восемь часов, куда тут в чужие дела соваться? Своих забот хватало. Одной из таких забот было «знакомство».

В среду утром имя Берта Клинга появилось в списке тех, кому было велено отправляться на «знакомство».

Знакомство проходило в спортзале полицейского управления, на Хай-стрит. Оно проводилось четыре раза в неделю, с понедельника по четверг, и целью парада было познакомить детективов с преступниками — преступление, мол, профессия регулярная, мошенник всегда остается мошенником, и противников не худо знать в лицо, если встретишься с ними на улице. Не одно дело уда-

лось раскрыть благодаря тому, что вор был просто узнан, а иной раз это спасало детективу жизнь.

Поэтому «знакомство» было традицией весьма ценной и полезной. Но это не означало, что полицейские ехали в город с большим удовольствием. Дело в том, что «знакомство» частенько выпадало на твой выходной, а глазеть в выходной на преступников не нравилось никому.

«Знакомство» в среду утром проходило по классическому образцу. Детективы сидели в спортзале на складных стульях, в конце зала за высокой трибуной сидел шеф детективов. Зеленые занавески были задернуты, сцена освещена, и правонарушители, арестованные за день до этого, выстраивались перед бравыми молодцами, а шеф зачитывал обвинения и проводил допрос. Схема была простой. Офицер, проводивший арест, присоединялся к шефу у задней стены спортзала, когда приходил черед его арестованного. Шеф зачитывал фамилию нарушителя, потом район города, в котором он был арестован, потом номер.

Например, так: «Джонс, Джон, Риверхед, три». «Три» означало, что в тот день этот арест был в Риверхеде третьим. На «знакомстве» разбирались только уголовные преступления да судебно

наказуемые проступки, поэтому список отличившихся в данный конкретный день значительно сокращался. После номера дела шеф зачитывал суть нарушения, потом говорил: «Дал показания», или «Показаний нет», то есть сказал ли нарушитель что-либо после того, как его взяли за воротник.

Если показания были, шеф ограничивался вопросами общего порядка, иначе преступник мог сказать что-нибудь противоречащее первоначальным, обычно обличающим его показаниям, которые можно использовать против него в суде. Если показаний не было, тут шеф себя не сдерживал. Обычно он был вооружен всеми сведениями, какими располагала полиция на этого человека, стоявшего под ослепительным светом прожекторов, и только большие доки понимали истинный смысл «знакомства» и твердо знали, что будут держать язык за зубами и не ответят ни на один вопрос. Тут копали глубоко, и проигравший мог надолго загреметь в уютную комнатку с одним зарешеченным окошком.

Клингу «знакомство» надоело до чертиков. И надоедало всегда. Все равно что смотреть одно и то же шоу бог знает сколько раз. Иногда прорывалось что-то свеженькое. Но в основном песня

была старая и хорошо известная. Так и в эту среду. К тому времени, когда безжалостному допросу шефа подвергся восьмой правонарушитель, Клинг начал клевать носом. Сидевший рядом детектив легонько толкнул его локтем под ребра.

— …Рейнолдс, Ралф, — говорил шеф. — Айзола, четыре. Кража со взломом в квартире на Третьей Северной. Показаний нет. Что скажешь, Ралф?

— Насчет чего?

— Такими делами промышляешь часто?

— Какими такими?

— Кража со взломом.

— Я не взломщик, — заявил Рейнолдс.

— У меня здесь его досье, — сказал шеф. — Арестован за кражу со взломом в сорок восьмом году, свидетель отказался от своих показаний, якобы опознал его ошибочно. Снова арестован за кражу со взломом в пятьдесят втором году, осужден за кражу со взломом первой степени, приговорен к десяти годам тюремного заключения, в пятьдесят восьмом году освобожден за хорошее поведение. Опять потянуло на старое, Ралф?

— Ни в коем случае. Я, как вышел, с законом дружу.

— Тогда что ты делал в чужой квартире в середине ночи?

— Выпивши был. Наверное, зашел не в тот дом.

— То есть как?

— Ну, я думал, что пришел к себе домой.

— Где ты живешь, Ралф?

— Я… ну… вообще-то…

— Не тяни, Ралф.

— На Пятой Южной.

— А оказался в квартире на Третьей Четвертой. Это надо здорово наклюкаться, чтобы так от курса отклониться.

— Что было, то было, наклюкался.

— Женщина из той квартиры сказала, что, когда она проснулась, ты ее ударил. Это правда, Ралф?

— Нет. Нет, не бил я ее.

— А она говорит, бил.

— Да путает она.

— По крайней мере, доктор утверждает, что кто-то шваркнул ее по челюсти. Что скажешь на это, Ралф?

— Все может быть.

— Так да или нет?

— Ну может, когда она начала вопить, я разнервничался. Ведь я-то думал, что это моя квартира.

— Ралф, ты хотел эту квартиру ограбить. Может, скажешь правду?

— Какую правду? Говорю же, забрел туда по ошибке.

— А как ты туда попал?

— Дверь была открыта.

— В середине ночи? Дверь была открыта?

— Угу.

— А может, ты в замочке поковырялся, а?

— Да что вы! С какой стати? Я думал, это моя квартира.

— Ралф, а почему у тебя были с собой воровские инструменты?

— У кого? У меня? Это не воровские инструменты.

— Да? А что же это? Стеклорез, набор отмычек, кернеры, дрель, три полоски киноленты, инструмент для открывания замков и восемь болванок для ключей. Очень смахивает на воровское снаряжение, Ралф.

— Нет. Я столяр.

— Знаю, Ралф, что столяр. Мы провели у тебя на квартире обыск и нашли много чего любопытного. Ты всегда держишь дома по шестнадцать пар наручных часов, четыре пишущие машинки, двенадцать браслетов, восемь колец, две норковые накидки и три комплекта столового серебра, а, Ралф?

— Да. Я коллекционер.

— Чужих вещей. Мы нашли также четыреста долларов да еще французских франков на пять тысяч долларов. Откуда деньги, Ралф?

— Какие?

— Любые, о каких есть желание рассказать.

— Ну, что касается американских… выиграл в тотализатор. А другие… один француз задолжал мне золото, вот и заплатил франками. И все.

— Мои люди проверяют список украденных вещей в эту самую минуту, Ралф.

— Ну и проверяйте! — внезапно вспылил Рейнолдс. — От меня-то чего хотите? Чтобы я за вас вашу работу делал? Чтобы все вам на тарелочке принес? Еще чего не хватало! Все, что хотел сказать, я уже сказал…

— Уведите его, — распорядился шеф. — Следующий. Блейк, Доналд. Беттаун, два. Попытка изнасилования. Показаний нет…

Берт Клинг поудобнее устроился на складном стуле и снова начал дремать.

Чек, выписанный на имя Джорджа Бэдуэка, шел под номером 018. Сумма была маленькая, пять долларов. Едва ли тут на что-то наткнешься, подумал Карелла, и все-таки… этот чек — один из невыясненных трех, а раз так, придется про-

верить.

Бэдуэк оказался фотографом. Мастерская его находилась прямо через улицу от здания окружного суда в Айзоле. Из витринной рекламы следовало, что он фотографирует для водительских прав и охотничьих прав, паспортов, удостоверений таксиста, разрешений на ношение оружия и тому подобное. Мастерская была небольшой и тесной. Бэдуэку совершенно негде было здесь развернуться — как жуку в муравьином жилище. Это оказался гигант с густыми неподатливыми волосами, от него пахло проявителем.

— Кто же это помнит? — возмутился он. — У меня тут каждый день миллион человек проходит. Одни платят наличными, другие чеками, уроды, хорошенькие, толстые, тонкие — на моих фотографиях они все выглядят одинаково. Препогано. Будто я фотографировал их специально для вас. Знаете, эти снимочки для официальных документов? Все на одно лицо, одна харя противнее другой. Так что кто может запомнить… как там ее? Клаудию Дэвис? Еще одно лицо. Еще одна противная харя. А что? С чеком что-нибудь не так?

— Нет, с чеком все в порядке.

— Так в чем дело?

— Ни в чем, — сказал Карелла. — Большое

спасибо.

Он вздохнул и вышел на улицу, в августовскую жару. На другой стороне улицы здание окружного суда в лучах солнца казалось белым и каким-то готическим. Он вытер платком лоб и подумал: еще одно лицо, только и всего.

Он снова вздохнул, перешел через улицу и оказался в здании суда. В коридорах с высокими сводами стояла прохлада. Посмотрев указатель, он первым делом поднялся в автотранспортное бюро. Там спросил у сотрудника: не обращалась ли некая Клаудия Дэвис за правами, для которых требуется фотография?

— Фотографии мы требуем только для водительских прав, — сказал служащий.

— Может быть, проверите?

— Конечно. Минут пять вам придется подождать. Присядьте.

Карелла сел. Поежился от холода. Казалось, на улице октябрь. Он взглянул на часы. Пора бы перекусить, что-то он проголодался. Вернулся служащий.

— Клаудия Дэвис в нашем списке есть, — сказал он. — Но права она получила раньше и за новыми не обращалась.

— Какие права?

— Телефонистки.

— Когда они истекают?

— В сентябре.

— И ни за чем, для чего требуется фото, она не обращалась?

— Нет. Мне очень жаль.

— Ничего, спасибо, — отозвался Карелла.

Он снова вышел в коридор. Едва ли Клаудии Дэвис потребовалось разрешение на право водить или владеть такси, поэтому он прошел мимо бюро по оформлению извозчиков и поднялся наверх, в отдел, где выдают разрешения на ношение оружия. Женщина, к которой он обратился, оказалась особой очень доброй и деловой. Она проверила свои записи и заверила Кареллу, что женщина по имени Клаудия Дэвис никогда не обращалась за документом, позволяющим иметь оружие.

Поблагодарив ее, Карелла снова спустился в холл. Очень хотелось есть. В животе раздавалось легкое урчанье. Может, пойти перекусить, а потом вернуться? Нет, сначала надо сделать дело.

В бюро паспортов за стойкой стоял пожилой худощавый мужчина с зеленым козырьком над глазами. Карелла задал свой вопрос, служитель пошел перебирать бумаги и вскоре, поскрипы-

вая башмаками, вернулся к окну, где его ждал Карелла.

— Все правильно, — сказал он.

— Что правильно?

— Обращалась. Клаудия Дэвис. Обращалась за паспортом.

— Когда?

Старик сверился с бумажкой в дрожащих руках.

— Двадцатого июля.

— И вы его ей выдали?

— Мы приняли ее заявление, конечно. А выдаем паспорта не мы. Мы только посылаем заявление в Вашингтон.

— Но вы его приняли?

— Конечно, почему нет? Все, что положено, она принесла. Почему же не принять?

— А что положено?

— Две фотографии, документ, подтверждающий гражданство, заполненный бланк и деньги.

— И чем она подтвердила свое гражданство?

— Свидетельством о рождении.

— Где она родилась?

— В Калифорнии.

— Она заплатила наличными?

— Точно.

— Не чеком?

— Нет. Она начала выписывать чек, но в дурацкой ручке кончилась паста. У нас здесь шариковые ручки, так вот, бланк она заполнить успела, а для чека пасты не хватило. Ну и заплатила наличными. Деньги-то небольшие.

— Ясно. Спасибо.

— Не за что, — ответил старик и снова затопал к своим бумагам — положить на место запись о Клаудии Дэвис.

Другой чек шел под номером 007, двенадцатого июля он был выписан на имя Марты Феделсон.

Мисс Феделсон поправила очки и воззрилась на чек. Потом отодвинула в сторону бумаги, что занимали весь ее столик в кабинетике-конурке, положила чек перед собой, склонилась над ним и принялась внимательно изучать.

— Да, — сказала она. — Этот чек был выписан на мое имя. Клаудия Дэвис выписала его прямо здесь, в этом кабинете. — Мисс Феделсон улыбнулась. — Если это можно назвать кабинетом. Стол да телефон. С другой стороны, я ведь только начинаю.

— Вы давно работаете в бюро путешествий, мисс Феделсон?

— Полгода. Очень довольна.

— Мисс Дэвис раньше вашими услугами пользовалась?

— Нет. До этого — ни разу.

— Вас ей кто-то порекомендовал?

— Нет. Она нашла меня в телефонной книге.

— И попросила вас организовать ей поездку, так?

— Да.

— А этот чек? Он за что?

— Ее авиабилеты, залоговые суммы в гостиницы.

— В какие гостиницы?

— В Париже и Дижоне. А потом еще и в Лозанне, в Швейцарии.

— Она собиралась в Европу?

— Да. Из Лозанны хотела ехать на Итальянскую ривьеру. Эту поездку тоже я для нее готовила. Транспорт, гостиницы, все такое.

— Когда она собиралась ехать?

— Первого сентября.

— Тогда ясно, откуда чемоданы и одежда, — рассуждая про себя, произнес вслух Карелла.

— Простите? — не поняла мисс Феделсон, она улыбнулась и приподняла брови.

— Нет, нет, ничего, — спохватился Карелла. — Что вы можете сказать о мисс Дэвис?

— Ну, даже не знаю. Она ведь была здесь только один раз. — Мисс Феделсон на минуту задумалась, потом сказала: — Она вполне могла быть хорошенькой, если бы постаралась, но, видно, это ее не волновало. Волосы короткие и темные, а сама какая-то… замкнутая, что ли. Когда пришла сюда, даже темные очки не сняла. Может, просто застенчивая. Или испуганная. Не знаю. — Она снова улыбнулась. — Я вам хоть как-то помогла?

— Теперь мы по крайней мере знаем, что она собиралась за границу, — сказал Карелла.

— Сентябрь — отличное время для поездки, — откликнулась мисс Феделсон. — Все туристы уже разъезжаются по домам. — В голосе ее слышалась легкая зависть.

Поблагодарив ее, Карелла вышел из маленького кабинетика, где на заваленном бумаге столе лежали рекламные проспекты.

Чеки были на исходе, и на исходе были идеи. Получалось, что девушка искала спасения в бегстве, хотела спрятаться, но от чего ей было бежать, по какому поводу прятаться? В лодке Джози Томпсон была одна. Дознание решило, что произошел несчастный случай. Страховая компания признала требование Клаудии вполне законным и выдала ей чек, погасить который

девушка могла в любой точке земного шара. И все-таки она пыталась спрятаться, убежать, и Карелла не мог понять, в чем тут дело. И что прикажете делать дальше?

Он вытащил из кармана список оставшихся чеков. Сапожник Клаудии, парикмахер, цветочник, кондитерский магазин. Все это не серьезно. А оставшийся чек на конкретного человека предназначался Дэйвиду Облински, номер чека 006, выписан одиннадцатого июля на сумму сорок пять долларов семьдесят пять центов.

Перекусив в половине третьего, Карелла поехал в город. Облински он нашел в закусочной около автостанции. Облински сидел на высоком стуле у стойки и пил кофе. Он предложил Карелле сесть рядом, и тот согласился.

— Значит, вы меня по этому чеку нашли, да? Мой номер телефона и адрес дала телефонная компания, да? А ведь меня в телефонной книге нет. И давать мой номер они не должны.

— Ну, они пошли нам навстречу, потому что мы все-таки полиция.

— А если полиция попросит номер телефона Марлона Брандо? Как думаете, дадут или нет? Да нипочем не дадут. Не нравится мне это. Нет, сэр, не нравится, и все тут.

— Чем вы занимаетесь, мистер Облински? Почему вашего номера нет в телефонной книге? На то есть причина?

— Такси вожу. А причина, ясное дело, есть. Если твоего номера нет в телефонной книге, это сразу прибавляет тебе веса. Вы разве не знали?

Карелла улыбнулся.

— Не знал.

— Так знайте.

— Почему Клаудия Дэвис дала вам этот чек? — спросил Карелла.

— Ну, я работаю на таксомоторную компанию здесь, в городе. А в свои выходные или в субботу с воскресеньем обычно вожу пассажиров в поездки подлиннее, понимаете? За город, в горы, на пляж, кому куда надо. Мне все равно. Отвожу, куда скажут.

— Понятно.

— Ну вот. Как-то в июле, в начале месяца, мне позвонил один кореш с Треугольного озера и говорит: есть богатая бабенка, нужно отогнать ее «кадиллак» обратно в город. Если я прикачу туда на поезде и отгоню назад ее тачку, заработаю тридцать долларов. Я сказал ему — нет, извините. Сорок пять — другое дело. Я знал, что деваться ему некуда. Он уже сказал мне, что пытался

подрядить местных водил, но тащиться в город никто не пожелал. Короче, обещал поговорить с ней и перезвонить. И перезвонил — а на телефонную компанию у меня, между прочим, большой зуб. Не должны они давать мой номер первому, кто попросит. А будь на моем месте Дорис Дэй? Думаете, ее номер кому-нибудь бы дали! Нет, я им этого прощать не намерен.

— Он вам перезвонил, и что было дальше?

— Сказал, что она готова заплатить сорок пять, но надо подождать с деньгами, примерно до июля, она пришлет мне чек, сейчас у нее со средствами туговато. Ну, я решил, какого черта, едва ли меня станет надувать дамочка, которая гоняет на «кадиллаке» шестидесятого года. До июля прокатим ее в долг. Но я еще сказал ему, раз так, пусть оплатит и дорожный налог за обратный путь, хотя обычно я с клиентов этого не спрашиваю. Вот вам и семьдесят пять центов. Дорожный налог.

— Значит, туда вы поехали поездом, а оттуда вывезли мисс Дэвис на ее «кадиллаке», верно?

— Угу.

— Наверное, она была в тяжелом состоянии?

— Чего?

— Ну, была не в себе.

— Это как?

— Не знаю, в истерзанных чувствах. Плакала. В истерике билась.

— Не сказал бы. Нет, она была в норме.

— Я имею в виду… — Карелла заколебался. — Сама-то ведь она машину вести не могла.

— Угу, это точно. Поэтому меня и наняла.

— Но это значит…

— Нет, не потому, что она была не в себе или что-то такое.

— А почему же? — Карелла нахмурился. — Багажа было много? Ей с багажом ваша помощь требовалась?

— Это да. Ее багаж и ее двоюродной сестры. Та ведь утонула, вы же знаете.

— Знаю.

— Но с багажом ей мог помочь кто угодно, — сказал Облински. — Нет, меня она наняла не из-за этого. Ей действительно был нужен именно я.

— Почему?

— Почему? Да потому, что она машину водить не умеет, вот почему.

Карелла уставился на него.

— Вы ошибаетесь, — вымолвил он.

— Ничего подобного, — возразил Облински. — Можете мне поверить, водить она не умеет. Я укладывал вещи в багажник, а ее попросил тем

временем машину завести, так она даже не знала, с какой стороны к ней подойти. Как думаете, стоит мне с телефонной компанией связываться?

— Сами решайте, — сказал Карелла, резко поднимаясь. Надо срочно выяснить, за что Клаудия Дэвис выписала чек парикмахеру. Вдруг этот чек наведет его на след?

Салон-парикмахерская находился на Двадцать третьей Южной, рядом с Джефферсон-авеню. Над тротуаром у входа зеленел навес. На нем белой краской было изящно выписано: АРТУРО МАНФРЕДИ. Название фирмы повторялось на стеклянной табличке в витрине, для тех, кто не читает журналы «Вог» или «Харперс базар», табличка гласила также, что у фирмы есть два отделения, одно здесь, в Айзоле, другое в Нассау, на Багамах. Буковками помельче было написано: «Известна во многих странах мира».

Карелла с Хоузом вошли в салон в четыре тридцать пополудни. В маленькой приемной сидели две тщательно причесанные и наманикюренные дамы, шикарно скрестив дорогие и изящные ножки — ждали то ли шоферов, то ли мужей, то ли любовников. Обе с надеждой подняли глаза, когда появились детективы, свежевыщипанными бровками изобразили легкое разочарование

и снова углубились в журналы мод.

Карелла и Хоуз подошли к столику. Их встретила блондинка с непроницаемой приклеенной улыбкой и голосом школьной выпускницы.

— Да? — спросила она. — Чем могут быть полезна?

Улыбка ее чуть-чуть полиняла, когда Карелла произвел на свет свой жетон. Она прочитала Буковки на металле, глянула на фотографию в удостоверении личности, упакованном в пластик, снова стала непроницаемой и равнодушно-бесстрастным тоном спросила:

— Да, что вас интересует?

— Вы можете сказать что-нибудь о девушке, которая выписала этот чек? — спросил Карелла. Из кармана он вытащил фотокопию чека и положил его на стол перед блондинкой. Блондинка как бы между делом взглянула на листок.

— Какая там фамилия? — спросила она. — Не могу разобрать.

— Клаудия Дэвис.

— Дэ-вис?

— Да.

— Не помню такую, — сказала блондинка. — В число наших постоянных клиентов она не входит.

— Но она выписала на ваш салон чек, — настаивал Карелла. — Седьмого июля. Пожалуйста, проверьте свои записи и выясните, что она здесь делала и кто ее обслуживал.

— Прошу прощения, — сказала блондинка.

— Что?

— Прошу прощения, но мы закрываемся в пять часов, и сейчас у нас самое напряженное время дня. Вы должны нас понять. Если вас не затруднит, придите немного попозже…

— Затруднит, и даже очень, — решительно возразил Карелла. — Потому что немного попозже мы придем уже с ордером на обыск, а то и ордером на арест вашей документации, а такое иногда приводит в волнение светских хроникеров, и это может прибавить вам известности во многих странах мира. У нас был трудный день, мисс, а дело важное, так что, может, давайте по-хорошему?

— Разумеется. Мы всегда рады помочь полиции, — с каменным лицом проговорила блондинка. — Особенно когда ее сотрудники так хорошо воспитаны.

— У нас все такие, — откликнулся Карелла.

— Седьмого июля, вы сказали?

— Седьмого июля.

Блондинка ушла куда-то в глубь салона. Появилась брюнетка и спросила:

— Мисс Мари совсем ушла?

— Кто такая мисс Мари? — спросил Хоуз.

— Блондинка.

— Нет. Она пошла кое-что поискать по нашей просьбе.

— У вас очень привлекательная белая прядка, — сказала брюнетка. — Я — мисс Ольга.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте. Когда она вернется, скажите ей, пожалуйста, что в зале третьего этажа испортилась одна сушка.

— Скажу обязательно, — заверил ее Карелла.

Мисс Ольга улыбнулась, махнула рукой и снова скрылась в салоне. Через минуту появилась мисс Мари. Взглянув на Кареллу, она сказала:

— Да, некая мисс Клаудия Дэвис была здесь седьмого июля. С ней работал мистер Сэм. Хотите с ним поговорить?

— Да.

— Идемте, — кратко обронила она.

Карелла и Хоуз прошли за ней в глубь салона, мимо женщин в фирменных халатиках, они сидели, положив ногу на ногу и спрятав головы в сушки.

— Кстати, — вспомнил Хоуз. — Мисс Ольга просила передать вам, что на третьем этаже одна сушка вышла из строя.

— Спасибо.

В мире женских механизмов Хоуз чувствовал себя особенно неуютно. Здесь, в салоне, была атмосфера эдакой хрупкой деловитости, и здоровяк Хоуз — рост сто восемьдесят пять сантиметров босиком, вес восемьдесят шесть килограммов — страшно боялся, что сшибет бутылочку лака для ногтей, опрокинет ведерко с краской для волос. Они поднялись в салон второго этажа и, глядя на этот длинный ряд гудящих космических шлемов, на женщин со скрещенными ногами в передничках поверх нейлоновых халатиков, Хоуз вдруг открыл для себя что-то новое. Женщины медленно поворачивали ему вслед головы под сушками и явно смотрели на белую прядку на его левом виске.

Ему стало до жути неловко. Ведь у него эта прядь появилась от удара ножом, какое уж тут украшательство — чтобы добраться до раны, его рыжие волосы на этом месте сбрили, а выросли уже белые, — но многие из этих женщин за такие белые прядки собирались выложить чьи-то нелегким трудом заработанные доллары, и он

чувствовал себя не полицейским, пришедшим по серьезному делу, а клиентом.

— Это мистер Сэм, — объявила мисс Мари. Хоуз обернулся и увидел, что Карелла пожимает руку какому-то вытянутому человеку. Про него нельзя было сказать «высокий», он был именно вытянутый. Так бывает, когда в кинотеатре смотришь на экран сбоку, и истинные пропорции оказываются нарушены, человек становится как бы двухмерным, и это вызывает, как минимум, улыбку. На парикмахере был белый халат, из нагрудного кармана торчали три узкие расчески. В руке — тонкой, музыкальной — он держал ножницы.

— Здравствуйте, — поприветствовал он Кареллу и отвесил полупоклон, европейский по происхождению, но по исполнению американский. Потом повернулся к Хоузу, пожал протянутую руку и еще раз, вежливо повторил: — Здравствуйте.

— Они из полиции, — кратко изрекла Мисс Мари, освобождая мистера Сэма от необходимости быть вежливым, и оставила мужчин одних.

— Седьмого июля здесь была женщина по имени Клаудия Дэвис, — начал разговор Карелла. — Видимо, прическу ей делали вы. Будьте любезны, расскажите все, что вы о ней помните.

— Мисс Дэвис, мисс Дэвис, — повторил мистер Сэм, касаясь рукой высокого лба в попытке расшевелить память. — Минуточку, мисс Дэвис, мисс Дэвис.

— Да.

— Да, мисс Дэвис. Очень симпатичная блондинка.

— Нет, — сказал Карелла. Он покачал головой. — Брюнетка. Вы думаете о ком-то другом.

— Нет, как раз нет, — возразил мистер Сэм. Он постучал указательным пальцем по виску, снова будя память. — Я все вспомнил. Клаудия Дэвис. Блондинка.

— Брюнетка, — настаивал Карелла, не спуская глаз с мистера Сэма.

— Это когда ушла. А когда пришла, была блондинка.

— Что?! — воскликнул Хоуз.

— Она была блондинкой, симпатичной, естественной блондинкой. Это встречается довольно редко. Естественные блондинки то есть. Не понимаю, зачем она решила перекраситься.

— Вы перекрасили ей волосы? — спросил Хоуз.

— Совершенно верно.

— А она не сказала, почему хочет стать брюнеткой?

— Нет, сэр. Я еще пытался ее отговорить. У вас, говорю, такие прекрасные волосы, с ними можно просто чудеса творить. Вы натуральная блондинка, дорогая моя, сюда каждый день приходят десятки серых мышек и умоляют сделать из них блондинок. Нет. Ничего не желала слушать. Ну, я взял и перекрасил ее. Сделал из нее брюнетку.

Видно было, что само воспоминание о таком надругательстве над природой ему неприятно. Он взглянул на детективов так, будто в упрямстве Клаудии Дэвис были виноваты они.

— А что вы еще с ней сделали, мистер Сэм? — спросил Карелла.

— Покрасил, постриг, укладку сделал. Кажется, кто-то из наших девушек сделал ей массаж лица и маникюр.

— Что значит «подстриг»? Когда она пришла к вам, у нее были длинные волосы?

— Да, прекрасные длинные светлые волосы. Она попросила их постричь. Я и постриг. — Мистер Сэм покачал головой. — Вспоминать не хочется. Выглядела она ужасно. Обычно я о своей работе так не говорю, но она, выходя отсюда, выглядела ужасно. Вы бы в жизни не узнали в ней роскошную блондинку, которая вошла сюда три часа назад.

— Спасибо, мистер Сэм. Извините, что отняли у вас время.

На улице Хоуз сказал:

— Ты еще раньше об этом догадался, мистер Стив?

— Я это подозревал, мистер Коттон. Надо ехать в участок.

Они вцепились в это дело, будто шайка озверевших рекламных агентов. Но опять-таки, от какой печки плясать? Сидя в кабинете лейтенанта Бернса, они пытались определить, куда летят перелетные птицы, и когда свистнет рак на горе. Они бросили спасательный круг на авось, вдруг кто-нибудь его подхватит. Другими словами, они развернули флаг, а сами смотрели, отдаст ему кто-нибудь честь или нет.

В кабинете лейтенанта было четыре окна — все-таки в их участке он был старший по званию. Кабинет у него был вполне пристойный. Здесь стоял электрический вентилятор, большой широкий стол. Была перекрестная вентиляция. В общем, сиди в таком кабинете и радуйся. Для встреч на высшем уровне кабинетишко был довольно жалкий, но в масштабах их полицейского участка… Со временем привыкаешь и к облупившейся краске, и к отсыревшим стенам, и к

плохому освещению, и к запаху мочи из туалета дальше по коридору. Питер Бернс работал не в частной фирме. Он работал в городской полиции. Улавливаете разницу?

— Я только что позвонил Айрин Миллер, — говорит Карелла. — Попросил ее описать Клаудию Дэвис, и она все мне повторила. Короткие темные волосы, тихая, простая. Тогда я попросил описать Джози Томпсон. — Карелла мрачно кивнул сам себе. — Догадываетесь?

— Хорошенькая, — предположил Хоуз. — Хорошенькая длинноволосая блондинка.

— Точно. Ведь миссис Миллер с самого начала нам все это по полочкам разложила! В рапорте все есть. Сказала: они были как черное и белое в смысле внешности и характера. Ну, конечно, черное и белое. Брюнетка и блондинка, черт ее дери.

— Тогда понятно, откуда желтый цвет, — вставил Хоуз.

— Какой желтый цвет?

— Помнишь, Кортни сказал, что над поверхностью воды мелькнуло что-то желтое. Так вот, Стив, речь шла не об одежде. Речь шла о ее волосах.

— Это сразу многое объясняет, — сказал Карелла. — Например, становится ясно, почему

Клаудия Дэвис, собираясь в Европу, покупала ночные рубашки и купальники. Ясно, почему похоронщик на озере называл Клаудию Дэвис хорошенькой. Почему в рапорте о результатах вскрытия сказано, что ей было тридцать лет, а знавшие ее говорили, что она была гораздо моложе.

— То есть утонула не Джози, так? — спросил Майер. — Утонула, по-твоему, Клаудия?

— Да, черт возьми, по-моему, утонула как раз Клаудия.

— А потом, по-твоему, Джози постриглась, перекрасила волосы, взяла имя двоюродной сестры, чтобы жить под этим именем до отъезда из страны? — спросил Майер.

— Но зачем? — вмешался Бернс. Это был коренастый человек с крепкой, похожей на пулю головой и крепким тренированным телом. Он не любил расходовать впустую слова или время.

— Потому что денежный фонд был открыт на имя Клаудии. Потому что у Джози за душой не было ни гроша.

— Она могла бы получить страховку двоюродной сестры, — предложил Майер.

— Конечно, но дальше-то что? Ведь в случае смерти Клаудии все деньги, лежащие в фонде,

передаются В Лос-Анджелесский университет. Как тебе это нравится? И что, как ты считаешь, по этому поводу думала Джози? Нет, я не собираюсь вешать на нее убийство. Видимо, она просто воспользовалась ситуацией. Клаудия была в лодке одна. Когда она упала в воду, Джози действительно кинулась ее спасать, тут сомнений нет. Но не успела, и Клаудия утонула. Хорошо. Джози рвет на себе волосы, теряет дар речи, рыдает, кричит, бьется в истерике, этого мы насмотрелись предостаточно. Но вот наступает рассвет. И тут Джози задумывается. От города они далеко, никто их там не знает.

Клаудия утонула, но кто знал, что это именно она? Только Джози. Документов на утопленнице не было, правильно? Ее сумочка лежала в машине. Хорошо. Допустим, Джози опознает свою двоюродную сестру, получает страховую сумму в двадцать пять тысяч, а деньги из фонда перескакивают в университет, и все, кончилась веселая жизнь. А если сказать полиции, что утонула Джози Томпсон? «Я, Клаудия Дэвис, сообщаю вам, что утонувшая была моей двоюродной сестрой, Джози Томпсон». Каково?

Хоуз кивнул.

— Похоже на правду. Так она и страховку полу-

чает, и дивиденды от фонда.

— Именно. А что нужно, чтобы погасить чек на дивиденды? Банковский счет, больше ничего. Банковский счет с подписью. Вот она и открыла счет на имя Клаудии Дэвис и сделала так, чтобы чеки с дивидендами приходили туда.

— На новый счет, — развивал мысль Майер. — Старым счетом Клаудии она пользоваться не могла, потому что в банке наверняка знали Клаудию, и ее подпись. Ну, а от шестидесяти тысяч, что лежали на счету Клаудии в банке «Хайленд траст», Джози пришлось отказаться и начать все с нуля.

— А пока она будет вживаться в новую личину да сколачивать новое состояние, — добавил Хоуз, — Джози решила махнуть в Европу — подальше от друзей Клаудии. Возможно, собиралась прожить там не один год.

— Все сходится, — подхватил Карелла. — У Клаудии есть водительские права. И машину из Стюарт-сити вела именно она. А Джози на обратную дорогу пришлось нанять шофера.

— Разве стала бы Клаудия тянуть с оплатой долгов стольким людям? В денежных делах она была большой аккуратисткой, — добавил Хоуз. — Нет, сэр. Это была Джози. И именно Джози сидела

без гроша. Она ждала, когда придет страховка, чтобы рассчитаться с долгами и пулей вылететь из страны.

— Да, похоже, так все и было, — согласился Майер.

Питер Бернс здесь не стал тратить слова впустую.

— Кто погасил для Джози чек на двадцать пять тысяч долларов? — спросил он.

В комнате повисла тишина.

— И у кого недостающие пять тысяч? — снова озадачил он подчиненных.

Ответом опять-таки была тишина.

— Кто убил Джози? — последовал третий вопрос.

Джеремия Додд из корпорации «Секьюрити иншурэнс» позвонил только через два дня. Он попросил к телефону детектива Кареллу и, когда тот взял трубку, сказал:

— Мистер Карелла, мне только что позвонили из Сан-Франциско насчет чека.

— Какого чека? — спросил Карелла. Он в эту минуту допрашивал очевидца драки в магазине на Калвер-авеню, в ход был пущен нож. Дело Клаудии Дэвис, вернее, Джози Томпсон еще не перевели в категорию нераскрытых, но вот-вот

собирались, и меньше всего Карелла сейчас думал о нем.

— Выплаченного Клаудии Дэвис.

— Так. И кто получил по нему деньги?

— На обороте стоят две подписи. Одна, разумеется, — Клаудии Дэвис. А другая — фирмы «Лесли саммерс». Там стоит стандартный штамп фирмы «Только для банковских вкладов» и подпись одного из ее сотрудников.

— А что это за фирма, вам известно? — спросил Карелла.

— Да, — последовал ответ. — Они занимаются обменом валюты.

— Спасибо. — И Карелла повесил трубку.

Ближе к концу дня он, прихватив с собой Берта Клинга, поехал в «Лесли саммерс». В паре с Клингом он оказался по чистой случайности — тот ехал в город, чтобы купить матери подарок на день рождения, и предложил подбросить Кареллу. Когда они запарковали машину, Клинг спросил:

— Это надолго, Стив?

— Минут двадцать, не больше.

— Хочешь, могу на обратном пути туда заглянуть?

— Я буду в «Лесли саммерс», адрес Холл, 720. Если быстро освободишься — подъезжай.

— Ладно, — согласился Клинг.

Они расстались на Холл-авеню, не прощаясь.

Фирма «Лесли саммерс» находилась на первом этаже, вход прямо с улицы. Поперек всей комнаты тянулась стойка, за ней стояло несколько девушек. Одна говорила с клиентом по-французски, другая объяснялась по-итальянски с мужчиной, желавшим обменять доллары на лиры. Над головами девушек висело табло с обменным курсом на сегодняшний день со всех стран мира.

Карелла встал в очередь и принялся ждать. Наконец он оказался у стойки, и девушка, говорившая по-французски, обратилась к нему:

— Да, сэр?

— Я детектив, — объявил Карелла. От открыл свой бумажник и показал полицейский жетон, приколотый прямо к коже. — В июле вы оплатили чек на имя Клаудии Дэвис. Чек страховой компании на двадцать пять тысяч долларов. Вы ничего об этом не помните?

— Нет, сэр, видимо, операцию проводила не я.

— Узнайте, пожалуйста, кто этим занимался.

Быстренько посовещавшись с коллегами, девушка отошла к столу, за которым сидел тучный лысеющий мужчина с тонюсенькой ниточкой усов. Они разговаривали не меньше пяти минут.

Мужчина размахивал руками. Девушка пыталась что-то ему объяснить насчет чека из страховой компании. Над дверью зазвонил звонок. Вошел Берт Клинг, огляделся, увидел Кареллу возле стойки и подошел к нему.

— Порядок? — спросил Карелла.

— Угу, купил ей кулончик под браслет. А у тебя как?

— Идет совещание на высшем уровне.

Толстяк вразвалку подошел к стойке.

— А что случилось? — спросил он Кареллу.

— Ничего. Вы оплатили чек на двадцать пять тысяч долларов?

— Да. А что, чек фальшивый?

— Нет, совершенно подлинный.

— Я и сам так подумал. Этот был из страховой компании. Мы им даже позвонили, а женщина ждала рядом. Там сказали, что чек в полном порядке, и мы должны его оплатить. И что, Он все-таки оказался липовым?

— Нет, чек абсолютно настоящий.

— У нее было удостоверение личности. Там, как будто, все было на месте.

— А какое именно?

— Мы обычно требуем либо водительское удостоверение, либо паспорт. Но у нее не было ни

того, ни другого. Зато оказалось свидетельство о рождении. А что, ведь мы позвонили в компанию. Неужели чек был фальшивый?

— Нет, настоящий. Но он был выписан на двадцать пять тысяч долларов, и мы пытаемся выяснить, куда девались пять тысяч…

— Ах, да. Франки.

— Что?

— Пять тысяч долларов она обменяла на французские франки, — припомнил толстяк. — Собиралась за границу?

— Да, собиралась. — Карелла тяжело вздохнул. — Что ж, пожалуй, это все.

— С виду-то чек был в полном порядке, — еще раз подчеркнул толстяк.

— Да он и был в порядке. Спасибо. Идем, Берт.

Они молча шли по Холл-авеню.

— Ни черта не понимаю, — буркнул Карелла.

— Насчет чего, Стив?

— Да насчет этого дела. — Он снова вздохнул. — Ну да бог с ним.

— Да, давай лучше кофейку попьем. А что он там сказал про франки?

— Пять тысяч долларов она обменяла на франки, — ответил Карелла.

— Французы нынче в моде, да? — Берт Клинг

улыбнулся. — Вот то, что нам надо. Заходим?

— Давай. — Карелла открыл дверь небольшого кафетерия. — В каком смысле «в моде», Берт?

— В смысле франков.

— Что «в смысле франков»?

— Надо думать, сейчас очень выгодный курс.

— Не понял.

— Ну, как же, франков нынче развелось, как грязи.

— Берт, неужто нельзя пояснее выражаться?

— Ты что, разве со мной не был? В среду?

— Где?

— На «знакомстве». Мне казалось, что был.

— Не был, — устало сказал Карелла.

— А-а, тогда все ясно.

— Что тебе ясно, Берт, черт тебя дери…

— Ясно, почему ты его не помнишь.

— Кого?

— Да ублюдка, которого арестовали за ограбление. У него в квартире нашли французских франков на пять тысяч долларов.

На Кареллу словно наехал огромный грузовик — он едва не рухнул на асфальт.

С самого начала в этом деле была полная путаница. Бывают такие дела. Решили, что девушка — чернокожая, а оказалось — белая. И вообще это

была не Клаудия Дэвис, а Джози Томпсон. Искали убийцу, а он был всего лишь квартирным вором.

Его доставили из камеры, где он спокойно ждал суда по делу об ограблении. Он поднялся на лифте с охранником из полиции. Из полицейского фургона его высадили возле боковых дверей здания уголовного суда, охранник ввел его в коридор и провел через соединительный тоннель в здание, где расположен кабинет окружного прокурора, там его посадили в лифт. Дверь лифта открывалась в небольшую комнатку наверху. Другая дверь этой же комнаты была заперта снаружи, на ней висела табличка НЕ ВХОДИТЬ.

Пока детективы допрашивали Ралфа Рейндолса, приведший его охранник стоял спиной к двери лифта и все время держал правую руку на рукоятке пистолета.

— В жизни не слышал, — сказал Рейндолс.

— Клаудия Дэвис, — напомнил Карелла. — Или Джози Томпсон. Выбирайте любое. Любое подходит.

— Не знаю я ни ту, ни другую. Что вообще за выдумки? Зацапали меня с ограблением, теперь, значит, давай вешать на меня все, что творится в городе?

— Кто сказал, будто что-то творится в городе,

Рейндолс?

— А чего бы вы меня сюда притащили?

— В вашей берлоге, Рейндолс, нашли французских франков на пять тысяч долларов. Где взяли?

— А вам какое дело?

— Ну-ка без хамства, Рейндолс! Где взяли деньги?

— Знакомый одолжил. Вернул в франках. Он француз — вот в франках и заплатил.

— Имя?

— Не помню.

— Постарайтесь вспомнить.

— Пьер.

— А фамилия? — спросил Майер.

— Кажется, Пьер Ласаль. Я его плохо знаю.

— Но пять тысяч вы ему одолжили, да?

— Угу.

— Что вы делали в ночь на первое августа?

— А что? В эту ночь что-то случилось?

— Это вы нам расскажете.

— Не помню я, что делал.

— Может, работали?

— Я сейчас не работаю.

— Вы меня прекрасно понимаете!

— Нет, не понимаю.

— Грабили квартирки?

— Нет.

— Ну-ка, честно! Грабили или нет?

— Говорю же, нет.

— Врет он, Стив, — вставил Майер.

— Ясно, что врет.

— Ага, врет, как же. Слушай, ты, полицейский, в лучшем случае мне можно привесить ограбление, больше ничего. И то еще надо в суде доказать. А обвинить меня еще в чем-то — дудки. Ни черта у вас не выйдет!

— А вдруг отпечатки пальцев совпадут? — быстро перебил его Карелла.

— Какие отпечатки?

— Отпечатки, которые мы нашли на горле убитой девушки, — солгал Карелла.

— Да я же был в пер…

В маленькой комнате повисла гробовая тишина.

Рейндолс тяжело засопел. Уставился в пол.

— Ну, будете говорить?

— Нет, — буркнул он. — Идите к черту.

Но в конце концов он все-таки раскололся. Сломался после двенадцати часов непрерывного допроса. Убивать ее он не собирался. Даже не знал, что в квартире кто-то есть. Заглянул в спаль-

ню, постель была нетронута. А она, оказывается, одетая, спала в кресле.

Французские франки он нашел в большом кувшине, на полке над раковиной. Деньги вытащил, а кувшин случайно выронил, она проснулась, вбежала в комнату, увидела его и давай кричать. Ну, он схватил ее за горло. Хотел только слегка придушить, чтобы замолчала, а она давай сопротивляться. Оказалась жуть какой сильной. Он ее не отпускал, но хотел только, чтобы замолчала.

А она все не поддавалась. Сопротивлялась так, будто он и вправду хотел ее убить, будто за жизнь свою сражалась. Но ведь это же непредумышленное убийство, правда? Правда? Он и не думал ее убивать! Какой же он убийца?

— Я не хотел ее убивать! — вопил он, когда его сажали в лифт. — Она начала кричать! Я же не убийца! Посмотрите на меня! Разве я похож на убийцу? — Лифт пошел вниз, и он выкрикнул: — Я вор! — будто гордясь своей профессией, будто утверждая, что он не просто какой-нибудь щипач, а квалифицированный рабочий, искусный ремесленник.

— Я не убийца! Я вор! — кричал он. — Я не убийца! Не убийца! Не убийца!

Лифт пошел вниз, в подвал, и голос его еще

долго гудел эхом в глубокой шахте.

Наконец крики прекратились — видимо, его посадили в тюремный фургон и увезли. Несколько мгновений они сидели в маленькой комнате молча.

— Душно здесь, — сказал Майер.

— Угу. — Карелла кивнул.

— Что с тобой?

— Да так, ничего.

— Может, он и прав, — сказал Майер. — Может, он всего лишь вор.

— Он перестал быть вором, как только украл человеческую жизнь.

— Но и Джози Томпсон украла человеческую жизнь.

— Нет, — возразил Карелла. Он покачал головой. — Она ее только одолжила. Улавливаешь разницу?

В комнате снова повисла тишина.

— Кофе хочешь? — спросил Майер.

— Давай.

Они спустились на лифте вниз и вышли на солнце — слепящее, августовское. На улицах бурлила жизнь. Они слились с человеческим муравейником, но еще несколько минут хранили молчание.

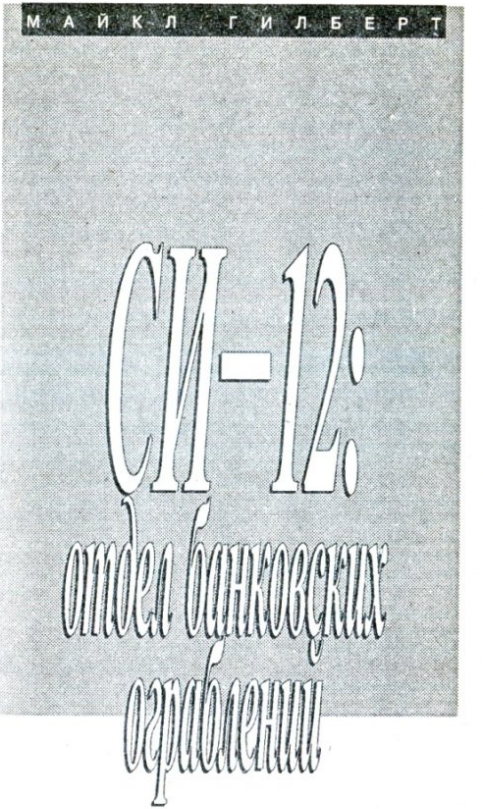
Наконец Карелла сказал.

— Несправедливо это, что она умерла. Несправедливо — она столько сил положила на то, чтобы пожить пристойной жизнью, а эту жизнь у нее взяли и отняли.

Майер обнял Кареллу за плечо.

— Будет тебе. — В голосе его слышалось неподдельное сочувствие. — Это ведь наша работа. А работа, как говорится, есть работа.

— Да, — согласился Карелла. — Работа есть работа.


МАЙКЛ ГИЛБЕРТ
СИ-12:
отдел банковских
ограблений

МАЙКЛ ГИЛБЕРТ
СИ-12: отдел банковских ограблений

© Перевод на русский язык Т. Шинкарь

Дрель с пронзительным визгом вонзилась в плотную толщу металла. Маленький человечек с лицом старой мартышки работал, что-то напевая под нос. Осталось просверлить восемь последних отверстий у дверной петли — по четыре с каждой стороны. Закончив сверлить, он измерил температуру нагрева металла у просверленных отверстий и, убедившись, что она дошла до нормы, стал заполнять их податливой, как замазка, пластиковой взрывчаткой, тщательно уминая ее тупым концом карандаша. Перевернув его, он заточенным концом проделал нужной глубины дыры в мягкой массе взрывчатки, чтобы вставить трубки электровзрывателей, от которых тянулись длинные провода.

Установив взрыватели, человек собрал в руку все восемь проводов, оголил их концы и, скрутив жгутом, обмотал изоляционной лентой. Вместе со стоявшим рядом напарником они подобрали с пола старые солдатские одеяла и завесили ими

дверь банковского хранилища, где стоял сейф.

Выйдя в помещение охраны, отгороженное от общего вестибюля железной решеткой, они отодвинули подпиленные заранее два прута и протиснулись через дыру в вестибюль, таща за собой провода.

В дальнем углу вестибюля стоял самый обыкновенный автомобильный аккумулятор на шесть вольт. Первый из мужчин, освободив от изоляционной ленты один конец провода, обмотал его вокруг клеммы с отрицательным зарядом. Затем оба, сев на корточки, спиной к стене, с большой осторожностью и тщательностью, руками в резиновых перчатках присоединили другой конец провода к положительному заряду аккумулятора. Взрывная волна буквально прижала их к стене.

Мужчина, стоявший на улице у дверей пустующего магазина, услышав взрыв, тихонько чертыхнулся. Последующие десять минут решали все и были самыми опасными.

Четырьмя домами дальше, владелец газетного киоска, привстав на постели, недоуменно спросил: — Что это, черт побери? Война? — Ты о чем? — спросонья недовольно пробурчала жена. — Похоже, бомба упала, — пояснил он. — Не на нас же, — успокоила его жена.

Прошло восемь, девять, десять, одиннадцать минут… Что они так копаются? Одиннадцать минут…

Наконец двери пустующего магазина открылись и вышли двое с тяжелыми сумками через плечо. В руках одного была еще дрель, а у второго — электропила для резки металла. Третий тут же забрал у них инструмент и все трое быстрым шагом направились к оставленной неподалеку машине. За это время никто не проронил ни слова.

Несший в ту ночь дежурство в Грейвсэнде полицейский Оуэнс, заметив в конце улицы медленно едущую машину с погашенными фарами, поднял руку. Но машина внезапно прибавила скорость, и Оуэнс едва успел увернуться от удара крылом. Поскользнувшись, он упал в сточную канаву, а когда поднялся, машина уже скрылась за углом.

Прихрамывая, он поспешил к ближайшему постовому телефону.

Стая голубей, громко хлопая крыльями, снялась со шлема Боадицеи[1] и описала низкий круг над головой молодого смуглолицего брюнета,

---

[1] Примечания: 1

Памятник королеве бриттов Боадицее, поднявшей восстание против римлян в 1 в.н. э. — *Прим. пер.*

быстрым шагом пересекавшего Вестминстерский мост. Инспектор Патрик Петрелла поднял руку и голуби, как по команде, спланировали на ближайшие деревья. Петрелла проводил их добродушным взглядом.

Утро выдалось на редкость ясное, была весна и первый день его работы на новом месте. Из депеши, которая пришла в полицейский участок на Габриель-стрит, ничего не было ясно, но он догадывался, что его спокойной службе в Южном Лондоне, видимо, пришел конец. Нынешняя должность вполне его устраивала, но он понимал, что три года службы в участке, пожалуй, вполне достаточный срок, чтобы получить повышение.

Он сдвинул шляпу на затылок, прошел под аркой и поднялся по трем низким ступеням на крыльцо нового крыла Скотланд-Ярда.

Секретарь, серьезного вида молодой человек в очках в роговой оправе, как только Петрелла вошел в приемную, окинул его быстрым взглядом и сказал:

— Проходите. Помощник комиссара ждет вас.

Петрелла невольно распрямил плечи, входя в кабинет сэра Уилфреда Ромера, помощника комиссара криминальной полиции Лондона, по мнению инспектора, самого крупного специали-

ста по кражам, после комиссара Бенсли.

— Садитесь, — предложил ему Ромер. — Вы, кажется, знакомы со старшим инспектором Болдуином?

Петрелла кивнул сидевшему в кабинете крупному краснолицему человеку с намеренно грозным видом, которого все, даже зеленые новобранцы, звали просто Болди.

— Мы создаем новый отдел. Си-12. Короче говоря, — и здесь Ромер позволил себе скупо улыбнуться, — возглавить его поручается вам.

Петрелла попытался тоже улыбнуться.

— Дадим вам одного или двух помощников — чем меньше, тем лучше, так я считаю. У нас не хватает людей, а кроме того, так легче сохранить секретность. Ваша первая задача — сбор и обработка информации.

Пока Ромер говорил, Петрелла уже мысленно прикидывал, прямо по алфавиту от А до Я, какого рода информация может понадобиться такому известному криминалисту, как Ромер.

Но тот тут же сам пояснил:

— Информация о банковских ограблениях.

— Да, сэр. О банковских ограблениях, — автоматически повторил Петрелла.

— Не просто отдельных ограблениях, а вполне

определенной серии их. Они уже сидят у нас в печенках. Детали потом. Вам все расскажет Болдуин. А я лично вот о чем хочу вас проинформировать. Существует уверенность, что за всем этим стоит кто-то один — организатор. Его необходимо найти и обезвредить. Это ваша вторая задача.

Болдуин, вернувшись к себе, коротко ознакомил Петреллу с некоторыми подробностями его нового задания.

— Вот здесь вы найдете все, что нужно на первых порах, — сказал он, передавая ему папки. — Чтобы ознакомиться, у вас уйдет не более одного-двух дней. Началось это лет семь назад. Сначала мы не связывали эти ограбления одно с другим. Совершались они разными группами, но по всему было видно, что работают профессионалы. Среди них оказались Чик Селлинг со своей командой, Уолтер Херд и братья Бэнды. Мы думаем, ограбление банка в Грейвсэнде месяц назад — это дело их рук. Вы слышали об этом ограблении?

Петрелла кивнул. Что-что, а о работе профессиональных взломщиков сейфов, мастеров своего дела, он был достаточно наслышан.

— А что заставляет вас теперь думать, что все

эти ограбления связаны между собой?

— Три момента, — Болдуин стал перечислять, загибая один за другим пальцы своей большой красной руки. — Во-первых, они пользуются совершенно точной информацией. А ее, что бы вы ни говорили, получить не так просто. Можно наугад взломать сколько угодно сейфов и не найти ничего, кроме фамильного серебра и ценных бумаг. Во-вторых, грабители проникают в банк, как правило, через соседнее с ним здание. Иногда бывает, что оно отстоит от банка за три, а то и четыре дома. А это означает немалую работу по разбору стен и перегородок. Значит, у них есть соответствующий инструмент для этого и они знают, как им пользоваться. Кто-то, выходит, обучил их этому.

И наконец последнее по счету, но не по значению — кто-то снабжает их этим инструментом. А инструмент первоклассный, такой, что даже для доброго дела законно не приобретешь в нашей стране. Когда парни Уолтера Херда взломали сейф в Шеффилдском районном банке, их вспугнули, и второпях они позабыли сверхскоростную электродрель с эмульсионным охлаждением, которую столько лет безуспешно пытается получить для себя спасательная пожарная служба

Лондона. Изготовляется такая дрель в Германии.

Позднее, обосновавшись в маленькой комнатушке на верхнем этаже пристройки к главному зданию Скотланд-Ярда, в которую с трудом втиснули четыре стола, Петрелла передал суть разговора с Болдуином своим двум помощникам. Один из них, сержант Эдвардс, строгого вида молодой человек, несколько напоминавший манерой держаться и говорить финансового инспектора, славился своими организаторскими способностями и тем, что знал делопроизводство. Второй же, к радости Петреллы, оказался его старый знакомый и даже протеже сыщик Уилмот из Хайсайда.

— А кто же четвертый?

— Нам полагается секретарь-машинистка, — заметил Уилмот. — Я тут навел справки в машбюро, кого намечают, но там никто ничего не знает. Готов поспорить, что нам, как самому молодому отделу Скотланд-Ярда, дадут самую старую и самую уродливую секретаршу, какая только у них имеется. Кого-то вроде миссис Проктор, с торчащими, как у кролика зубами, и прочими прелестями, о которых ее товаркам уже надоело ей напоминать. Так с чего же приказано начать?

— Никто точно не знает, — неуверенно ска-

зал Петрелла. — Мы сами должны осмотреться, а потом решить. Но прежде всего нам нужно установить самые тесные связи с ребятами из архива и отдела информации, чтобы получить все, что имеется по банковским ограблениям, как прошлым, так и самым последним. Далее, надо связаться со всеми полицейскими участками графств и запросить информацию о любых, вызывающих подозрение личностях и обстоятельствах…

— Например? — не удержался от вопроса Эдвардс.

— Прежде всего надо попытаться убедить банки не экономить на вознаграждениях за информацию. Сейчас они выплачивают награду лишь в случае поимки грабителя, а этого недостаточно. Сейчас гражданин Англии, услышав среди ночи подозрительный взрыв или выстрел, то ли захочет позвонить в полицию, то ли нет, — мало ли что там бабахнуло. Повернется на другой бок и захрапит. А вот если он будет знать, что за каждое такое оповещение полиции его ждет награда — пусть всего какие-нибудь пятьдесят фунтов, он не завалится снова спать, а поспешит первым сообщить в полицию. Глядишь, и дело сдвинулось бы с мертвой точки… Надо разослать во

все участки циркуляры, обязывающие местную полицию сообщать нам о всех кражах взрывчатых веществ, потерях ключей от сейфов или банковских хранилищ, о крупных суммах денег, обнаруженных при странных обстоятельствах, о любых подозрительных личностях, околачивающихся около банков, да, впрочем, и о банковских служащих, любящих жить на широкую ногу…

— Или управляющих, которые заводят дорогих любовниц…

— Хватит, Уилмот. На этом пока остановимся. Составишь такой циркуляр?

— Разрешите мне? — вызвался Эдвардс.

— Нас троих они обязаны ставить в известность в первую очередь через бюро информации Скотланд-Ярда или через полицейский участок по месту жительства. Нам можно звонить в любое время дня и ночи.

— Пожалуй, мне надо предупредить всех моих подружек, — заметил как бы про себя Уилмот.

Во второй половине дня, когда инспектор Петрелла сидел один в комнате и сосредоточенно разглядывал носки своих ботинок, дверь приотворилась и в комнату заглянула девушка.

— Это отдел Си-12?

— Вы угадали, — ответил Петрелла.

— Вас не так легко было найти. Будто никто и не слышал о таком отделе.

— Мы очень важный отдел и очень-очень секретный…

— Потому-то вас и втиснули в эту спичечную коробку. Кстати, моя фамилия Орфри.

— Поскольку, как я понимаю, нам предстоит бог знает сколько работать вместе в этом замкнутом пространстве, мне, рано или поздно, придется называть вас по имени, — произнес на одном дыхании Петрелла.

И тут мисс Орфри улыбнулась. Он с удивлением заметил, что улыбалась она как-то особенно, всем лицом — слегка сощуренными глазами, полуоткрытыми губами, даже рядом белых мелких зубов…

— Меня зовут Джейн, — ответила она.

Неделю спустя Джейн Орфри спросила Уилмота.

— Он всегда такой серьезный?

— Ему сейчас не до улыбок, — ответил тот.

— Ну хотя бы изредка.

— Сейчас время такое — или пан или пропал, — пояснил Уилмот. — Если справимся с заданием, он получит чин, если нет — нагоняй.

— Похоже, вас лично это не очень заботит?

— Признаюсь, бумаги — не моя стихия. Я человек действий. Как насчет того, чтобы сходить в кино сегодня вечером?

— Благодарю, — сухо ответила Джейн. — Сегодня вечером я, пожалуй, возьму эти бумаги домой.

— Имеются кое-какие серьезные соображения, сэр, — произнес сержант Эдвардс.

— О чем? — рассеянно спросил Петрелла, с трудом отрываясь от изучения особенностей устройства банковских хранилищ.

— О нашем с вами жалованьи, сэр.

— А что с ним?

— Теперь, когда мы числимся сотрудниками Скотланд-Ярда, да еще работаем над особым заданием, нам положены надбавки к жалованью как за особое задание, так и за службу в Центральном Лондоне. В положении сказано, что сотрудник, имеющий в таком случае право на обе надбавки одновременно, может по своему усмотрению получать одну из них полностью плюс пятьдесят процентов от другой. Я тут подсчитал…

— А я то думал, вы делом занимаетесь, — ответил Петрелла.

Вид у сержанта Эдвардса был более чем удрученный.

В понедельник в два часа утра над ухом инспектора Петреллы пронзительно зазвонил телефон. Инспектор, дернувшись от неожиданности, ударился головой об изголовье кровати. Чертыхнувшись, он схватил трубку.

— Выезд на задание, — услышал он вежливый бодрствующий голос дежурного. — В Слау задержаны некие братья Бэнды, Рональд, Кеннет и Лесли. Это по вашей части. Машина будет у вас через три минуты.

Петрелла не успел застегнуть все пуговицы на своей сорочке, как уже услышал шум подъехавшей машины. Последнюю пуговицу он застегнул, уже сидя рядом с шофером. Машина мчалась по пустым улицам. Шофер особенно не нажимал на скорость, но, как заметил Петрелла, стрелка спидометра стойко держалась на семидесяти. За все время их обогнал лишь мотоциклист. Несмотря на скорость, Петрелла успел разглядеть его. Это был Уилмот.

Инспектор Ланселл из криминальной полиции графства Букингемшир уже ждал его.

— Ограбление Нортмидлендского банка, — коротко информировал он. — Грабители проникли в банк через подвал соседнего Пустующего магазина, сделав пролом в стене. Начали разбирать

стену, должно быть, в субботу вечером, проработали всю ночь и все воскресенье. Сейф взорвали сегодня около часу ночи. Один из жильцов, из дома напротив, услышав звук взрыва, позвонил нам. К месту преступления была послана машина, патрулировавшая в соседнем квартале. Взяли их сразу же, как только они вышли из своего автомобиля.

— Отличная работа, — удовлетворенно сказал Петрелла. — Я хотел бы побеседовать с ними, если можно.

— Они в вашем распоряжении, — вежливо ответил Лансел.

Братья Бэнд, небольшого роста, смуглолицые и тихие на вид парни, работали в городском хозяйстве и были на неплохом счету. К шести утра Петрелла закончил допрос, вытянув из них, казалось, все что можно, но, увы, этого было чертовски мало. Парни бывалые, не раз имевшие дело с полицией, они отвечали скупо, уклончиво, где могли, просто отмалчивались.

Да Петрелла и не надеялся, что сразу все узнает, поэтому не очень огорчился. Его особенно заинтересовали их инструменты: сверхскоростная электродрель с особой насадкой и вольфрамовыми сверлами, позволяющая просверливать в

металле сразу несколько отверстий, автогенный аппарат с особым устройством, автоматически регулирующим давление и температуру пламени. Оба инструмента были в отличном рабочем состоянии, на горелке было фабричное клеймо, инициалы и номер. Похоже, инструмент изготовлен для корабелов. Надо обратиться в министерство торгового флота, они помогут установить изготовителя, если инструмент изготовлен по лицензии.

У инспектора Петреллы было еще одно основание испытывать удовлетворение. Он надеялся, что банки, скептически относившиеся к его предложению повысить денежное вознаграждение за своевременное оповещение полиции, теперь по-иному отнесутся к его идее. Как-никак чей-то своевременный звонок позволил полиции задержать грабителей почти мгновенно.

— Не знаете, куда подевался мой сержант? — спросил он у Ланселла.

— Признаться, я даже не видел его, — ответил тот. — Сейчас наведу справки.

Но в участке никто не видел сержанта Уилмота. В вагоне пригородной электрички, набитом чихающими и кашляющими, спешащими на работу пассажирами, Петрелла вернулся в Лондон.

Вспоминая обледенелые автомобильные дороги, по которым он ехал ночью, он испытывал неприятное чувство тревоги.

Но в сводках о дорожных происшествиях среди пострадавших не было ни одного полицейского. Почти все утро он продолжал время от времени наводить справки.

В два часа пополудни, как ни в чем не бывало, явился небритый и встрепанный Уилмот.

— У меня было такое чувство, — прямо с порога начал он, не дав Петрелле даже рот открыть, — что наконец мы напали на след. Я остановился у ночного кафе на Хай-стрит спросить дорогу на железнодорожную станцию, как вдруг увидел этих двоих, спокойненько попивающих чаек. Ну, думаю, что это вас, голубчиков, занесло сюда в этот неурочный час?

— Переведи-ка дух и начни все сначала, — прервал его Петрелла. — Кого ты увидел?

— Морриса Фрэнка и его братца Сэмми.

— А, этих... — с брезгливой гримасой промолвил Петрелла. — Ну и что же, по-твоему, делала эта парочка в Слау в три часа ночи?

— Этот же вопрос я тут же задал сам себе. И сразу же ответил: братья Бэнд грабят банк, а в трех кварталах от них, в ночном кафе преспокойно

балуются чайком двое из самых отъявленных бандитов, каких когда-либо знал Уайтчепел. Тебе есть над чем призадуматься, сказал я себе. Припарковав свой мотоцикл поблизости, я решил, что вы какое-то время обойдетесь без моей помощи…

— Благодарю.

— … и сел им на хвост. Пока я ждал, клянусь, они выхлебали не менее десяти чашек чаю каждый. Наконец, за несколько минут до семи, они поднялись и направились в сторону станции. Я, конечно, за ними. На Паддингтонском вокзале они вышли и спустились в метро, доехали до Кинг-Кросс, а там пешком до Энджела. Прохожих было маловато в этот час, но я уверен, они меня не заметили.

Петрелла охотно поверил этому. Щуплый как подросток сержант Уилмот мог столь же естественно затеряться среди прохожих на Кинг-Кросс, как зверь в родных джунглях.

— На Арблей-стрит они свернули к большому складу строительных материалов с вывеской «Джерри Лайт и Ко». Туда-то они и вошли.

— Ты думаешь, они там работают?

— Похоже, что так. Но это еще не все. Я не сразу ушел, поболтался поблизости еще какое-то время,

смотрел, какой люд туда идет. И не напрасно. Знаете, кого я среди них увидел? Стокера. Вы помните его?

— Альберт Стокер? Да, я хорошо его помню. В мою бытность в Хайсайде у меня была с ним встреча. По его вине я чуть было не лишился парочки зубов. Уж он так старался. Тогда он работал с Бутом Хоутоном и шайкой из Кемдена.

— Если все, кто шел на этот склад, такие, как Стокер, тогда мы имеем дело с профессионалами высокого класса.

— Да, мистер Джерри Лайт заслуживает того, чтобы нанести ему визит, — согласился Петрелла.

Поближе к вечеру Петрелла отправился на Арблей-стрит. Склад Джерри Лайта занимал почти всю северную сторону улицы. Только в Лондоне могут еще встречаться такие кварталы. Между двумя домами, там, где когда-то был пустырь, постепенно стихийно выросли какие-то лачуги, пристройки и навесы. Среди этих беспорядочных строений высились горы кирпича, ящики с облицовочной плиткой, дверные и оконные рамы, лежали кухонные мойки, унитазы, водопроводные трубы и сливные бачки. Внешняя лестница вела на второй этаж к двери, на которой красова-

лась табличка: «Мистер Дж. Лайт».

Пока Петрелла изучал эту дверь, она открылась и из нее вышел высокий толстяк, с коротко, по-военному, остриженной головой, красным лицом и усами щеточкой. Мощная шея, внушительных размеров торс завершали портрет майора в отставке, с которым время и неподвижный образ жизни сыграли злую шутку, как в песочных часах, поменяв местами живот и грудь бравого вояки. Однако, подумал Петрелла, не все еще потеряно, ибо на вид ему было не более сорока пяти. Хозяйским взглядом он окинул свое беспорядочное хозяйство. Петрелла поспешил ретироваться.

Вернувшись в Скотланд-Ярд, он попросил сержанта Эдвардса проверить, числится ли в их картотеке Джерри Лайт.

— Он держит склад строительных материалов в Айлингтоне. А тебе, Уилмот, не плохо бы попробовать устроиться к нему на работу.

— А если Стокер узнает меня? У меня с ним тоже были кое-какие неприятности в Хайсайде, помните?

— На это я и рассчитываю. Если тебе удастся получить работу у Лайта, значит, он ни к чему не причастен. Если тебе откажут, тогда этот склад

— липа.

— Боюсь, как бы мне на голову не упал штабель кирпичей.

— Тогда мы точно будем знать, что они — именно те, кого мы ищем, — утешил его Петрелла. Он не боялся за Уилмота — у того было на редкость развито чувство опасности. Он никогда не станет рисковать по пустякам…

Первым отрапортовал Эдвардс.

— Джеральд Абрахам Лайт числится в картотеке Скотланд-Ярда. В 1951 году выездной сессией суда в Эксетере он был осужден на год тюремного заключения за нападение на управляющего банком.

— Ограбление?

— Нет, сэр. Избиение. Они выбили ему два зуба, сломали ребра и руку.

— Они? Сколько же их было?

— Двое. У Лайта всегда был только один напарник — Олвин Кордер. Ему тоже дали год тюрьмы.

— Почему они избили управляющего?

— Мотивы остались неизвестными. Судья Арбатнот в заключительной речи квалифицировал это как чрезвычайно трусливое и бессмысленное нападение.

Но Петреллу меньше всего интересовало, что сказал судья. Он вдруг испытал то особое чувство, похожее на легкую дрожь волнения, какое испытывает терпеливый рыбак, чуя, как мимо его поплавка проплывает рыба, — она еще не клюнула на наживку, но непременно сделает это.

— Оливер Кордер, — задумчиво промолвил он. — Это довольно редкое имя. Интересно, где он теперь и что делает?

— Если у него после одной судимости были и другие, найти его будет не трудно, — ответил Эдвардс. — Кстати, за Лайтом больше ничего не числится. Это был единственный случай, когда он, как говорят, оступился.

— Вернее, это был единственный случай, когда он дал себя поймать, — поправил его Петрелла.

Было уже около семи вечера, когда наконец вернулся Уилмот. Все сотрудники отдела Си-12 не покинули своих места после окончания рабочего дня. Эдвардс подшивал какие-то бумаги, мисс Джейн Орфри сосредоточенно подпиливала ногти маникюрной пилкой, инспектор Петрелла с интересом смотрел, как она это делает.

— Принят и тут же уволен, — доложил Уилмот. — Вначале все шло как по маслу. Мистер Лайт сказал, что я именно тот человек, который

ему нужен. Здоров, чист и аккуратен на вид, не боится никакой работы. Стал рассказывать, как он сам работает — имеет дело, мол, только с самыми солидными подрядчиками. Одному из них как раз нужна бригада рабочих для расчистки участка под новую застройку. Сам Лайт берет с каждого из рабочих десять процентов заработка. Никто не в обиде, потому что заработки хорошие, работа всегда есть.

— Почему же сорвалось?

— Я только собрался подписать контракт, как в контору вошел Стокер.

— И что?

— Сами понимаете, — неловкое молчание, Стокер покраснел как рак, а потом попросил мистера Лайта выйти с ним на минутку. Они вышли и закрыли за собой дверь. Но я все равно слышал, как они орали друг на друга. А затем мистер Лайт вернулся и сказал эдаким тихим, вежливым голосом, что к, сожалению, ему уже не требуются рабочие, а как только понадобятся, он даст мне знать. Я быстренько умотался оттуда, оглядываясь, как бы они не сотворили чего со мной.

— Тебе повезло.

— Что верно, то верно, — согласился Уилмот. — А то жаль было бы, если бы это попало им в

руки, — и он вынул из кармана кусок сапожного воска с четким отпечатком ключа.

— Ключ был внутри, и, пока они говорили, я вынул его. Отличный получился отпечаток, как вы считаете? Я знаю одного умельца, он сделает ключ прямо при нас.

— Ты что, предлагаешь нам наведаться в контору Лайта?

— Так точно.

— Если нас поймают, не служить нам больше в полиции.

— Поэтому я не собираюсь дать себя поймать, сэр, — спокойно ответил Уилмот.

Было уже за полночь, когда они оставили свою машину в переулке за складом. Моросил мелкий дождик, и за его пеленой в двух шагах ничего не было видно.

— Отличная ночка для преступлений, — заметил Уилмот. — Подержите-ка лестницу, я полезу первым. Я тут заметил в прошлый раз, что стена наверху утыкана бутылочными осколками.

Петрелла подождал с минуту, затем полез вслед за ним — если быть осторожным, то вполне можно перебраться, не поранившись. Что он и сделал. Перекинув ногу через стену, он почувствовал, как его нога с помощью Уилмота нашла прочную

опору на перевернутой вверх дном цистерне для воды.

Через пять минут они уже были в конторе Лайта. Уилмот завесил единственное окно предусмотрительно захваченным одеялом. Петрелла включил электрический фонарик и поставил его на пол.

— Пожалуй, начнем, — сказал он. — Работа, судя по всему, предстоит немалая.

В первом шкафу оказались ящики, до верху набитые квитанциями заказов, счетами, письмами. Во втором валялись вперемешку каталоги, ценники, образцы, старые телефонные книги, планы лондонских улиц и странная коллекция бульварных романов в бумажных обложках. В ящиках письменного стола тоже ничего интересного — все те же письма и счета. Сейф в углу был заперт.

Три часа, потраченные Петреллой на осмотр шкафов и стола, хотя ничего и не дали, но убедили его, что Лайта, как бизнесмена, не следует недооценивать.

— Одного только не пойму, — удивился он, — зачем он держит в верхнем ящике стола вот этот дневник семилетней давности. Обычно в этом ящике хранят то, что всегда должно быть под

рукой, что-то, во всяком случае, нужное. Как ты считаешь?

— Позабыл, должно быть, выбросить, вот и валяется.

Уилмот подошел поближе.

— Смотри, смотри, тут есть кое-что любопытное, — сказал ему Петрелла, указывая на раскрытую страницу.

Уилмот навел на нее свой фонарик.

— Ничего особенного. Какие-то записи, похоже стенография. Возможно, заметки о деловых встречах…

— Я сам поначалу так подумал. Но кто назначает деловые встречи по воскресеньям. Лайт похож на такого человека?

— Пожалуй, не очень, — согласился Уилмот. — Что вы собираетесь делать с ним?

— Взять его с собой мы, разумеется, не можем, раз он пользуется им. А вот сфотографировать его мы можем. — Петрелла вынул из кармана маленький в черном футляре фотоаппарат.

— Поставь-ка дневник стоймя и подопри его чем-нибудь. Теперь будешь наводить фонарик на каждую страницу и переворачивать ее, когда я скажу.

На то, чтобы переснять дневник, положить

его обратно в стол и навести в ящике прежний порядок, понадобилось не менее часа.

— Если в этом сейфе и есть что-то интересное, нам он все равно не по зубам, как ты считаешь? — как бы между прочим заметил Петрелла.

— Как сказать, — заметил Уилмот. — Тут мне в руки попался какой-то ключ — лежал на полке в шкафу. Можно попробовать.

Петрелла взял из его рук ключ и сунул в скважину замка. В эту минуту он почувствовал легкое покалывание в кончиках пальцев. Ключ без усилий повернулся.

— Отлично, — с удовлетворением воскликнул Уилмот. — Посмотрим, что мистер Лайт хранит в этом сейфе. Эй, что вы делаете? Что случилось?

Петрелла, не отвечая, быстро снова запер сейф, подошел к шкафу и положил ключ на место. Проделал он все это, казалось, неторопливо, но четко и не теряя времени.

— Нам надо уходить отсюда, — сказал он. — Сейф подключен к сигнализации. Я задел ее, когда открывал.

Он поднял с пола фонарик, обвел им комнату. Кое-какие следы их пребывания надо было ликвидировать и, не мешкая.

— Ладно, достаточно, — наконец сказал инспек-

тор. — Когда я погашу фонарик, тут же снимай одеяло с окна.

— Будет сделано, — коротко ответил Уилмот.

Они уже слышали шум приближающейся машины.

Когда, заперев дверь, они спустились по лестнице во двор, мощный луч прожектора уже осветил главные ворота. Завизжали тормоза, хлопнула дверца, послышался голос, отдающий приказания.

Уилмот уже был на верхушке задней стены и, протянув руку Петрелле, с силой втянул его наверх. Времени на деликатное обращение с начальством не было. Перекинув ногу через стену, Петрелла услышал звук рвущейся ткани и тут же почувствовал острую боль в бедре. Теплая струйка крови потекла по ноге.

Вслед за Уилмотом он, наконец, спустился по приставной лестнице на землю, как вдруг Уилмот предостерегающе сжал его локоть. В переулке послышались чьи-то шаги. Придвинувшись поближе к инспектору, Уилмот шепнул ему на ухо:

— Послали кого-то в обход, на всякий случай. Придется встретить.

Петрелла молча кивнул. Он чувствовал, как наполняется кровью ботинок.

Уилмот притаился, прижавшись к стене. В конце переулка уже были видны смутные очертания приближающегося человека. Он шел спокойно, ничего не подозревая, а когда поравнялся с Уилмотом, тот, неожиданно выпрямившись, нанес ему снизу удар в живот.

Человек, издав звук, похожий на громкий выдох, скорчившись упал на колени. Когда Уилмот и Петрелла, обойдя его, пустились наутек, он все еще не мог перевести дыхания.

— А что это? — спросила Джейн Орфри.

— Десять отличных, увеличенных с микропленки, снимков — страницы из делового дневника семилетней давности.

— Зачем они?

— Я сам хотел бы знать, — ответил Петрелла. — Мне интересно, ради чего я этой ночью рисковал своей жизнью и карьерой. Я думаю, расшифровать его будет нелегко. Эти буквенные обозначения или инициалы могут означать все, что угодно. Вам придется набраться терпения, Джейн.

— По крайней мере будет наконец настоящая работа. Кстати об инициалах. Помните торговую фирму Маллиндейлс? Продажа в рассрочку. Они одни пока приняли нашу рекомендацию поме-

чать свои банковские купюры условным знаком.

Петрелла, глядя на девушку, про себя отметил две любопытные вещи — как совершенно свободно и естественно она употребляет в разговоре местоимение «мы», этим как бы утверждая бесспорный факт того, что она полноправный член их маленького коллектива. А еще — она с готовностью выполняет любую работу, ни разу не напомнив, что это не ее дело, ибо она всего лишь машинистка. Ему уже не в первый раз приходила в голову мысль, что отделу Си-12 чертовски повезло.

— Вы меня слушаете?

— Простите, — спохватился Петрелла. — Вы ошибаетесь, откликнулась не одна только фирма Маллиндейлс.

— Маллиндейлс сообщила нам, что изготовила особый штамп. Помните? Дело в том, что никакого штампа на банкнотах по сути нет, его можно обнаружить лишь тогда, когда свет падает на банкноту под особым углом. Тогда только видны инициалы: «МД».

— Да, да, теперь я вспомнил, — воскликнул Петрелла. — При совершении одной или двух сделок фирма произвела оплату именно этими банкнотами. Это было как раз накануне ограбле-

ния Торгового банка в Ливерпуле. Они надеялись, что нам удастся быстро обнаружить банкноты, ибо грабителям неизвестно, что они меченые.

— Так вот, они обнаружены. Вчера, у некоего Луни Белла, мелкого вора и мошенника. Он обошел ряд домов в одном из приходов и под видом пожертвований для церкви брал деньги с прихожан.

— Меченые деньги оказались среди пожертвований?

— Да, но всего одна банкнота. Он утверждает, что ее дал ему местный священник.

Петрелла задумался. Было над чем — пастор, давший фунтовую банкноту в качестве пожертвования первому, позвонившему в его дверь, явно заслуживал внимания.

— Не мешает познакомиться с ним.

— Пастор явно чокнутый, — заявил Уилмот, вернувшись. — Они мне пытался всучить фунт стерлингов. Сказал, что я ему понравился — такой приятный молодой человек.

— Кто он?

— Преподобный отец Мортелман, викарий церкви Святого Иоанна в Патмосе, Кроуч-Энд. Когда, наконец, мне удалось убедить его, что я из полиции, а не из благотворительного общества,

он рассказал мне целую историю о том, кто дал ему эти деньги: некая немолодая дама, знавшая его, еще когда он был начинающим священником в церкви Святого Варнавы на Понт-стрит, как я понял. Но он не назвал имени этой дамы.

— Что ж, вполне возможно, что все так и было, — согласился Петрелла. — Церковь на Понт-стрит имеет немало богатых прихожан. Кто-то из них решил пожертвовать какую-то сумму и его приходу.

— Можно, конечно, навести справки и узнать имя этой дамы, — Петрелла задумался. Он не мог распылять свои немногочисленные силы. — Давайте пока ограничимся этой информацией. Я попрошу парней из местной полиции заняться этим. Если меченые банкноты опять там появятся, мы решим, что делать.

Но следующая меченая банкнота появилась совсем в другом месте. Официант ресторана «Хомборг-Карлтон», возвращаясь ночью с работы на такси, поскандалил с водителем, который якобы обсчитал его, и таким образом очутился в полиции. Участковый инспектор, прежде чем направить его в изолятор, составил опись вещей и обнаружил среди них три фунтовых банкноты со знаком «МД». Он сам доставил их в

Скотланд-Ярд.

— Целых три! — воскликнул Петрелла. — Это уже что-то. Он объяснил, откуда они у него?

— Сказал, что это его доля чаевых за этот вечер.

— Следовательно, ему дал их кто-то из, клиентов, обедавших в «Хомборге». Отличная работа, сержант. Мы займемся этим.

Джейн Орфри потратила все утро на беседу с управляющим ресторана и вернулась с большим списком — три банкета, пять частных ужинов и восемьдесят четыре человека, заказавших столики.

— Выявить всех обедающих, практически невозможно, — сказала она, — кроме того, было несколько случайных посетителей.

— Не такой уж плохой результат, — успокоил ее Петрелла. — Согласен, нам не удастся найти тех, кто пообедал там без предварительного заказа. Но их будет не так много. Постоянные посетители, заказывающие столики, как правило, не расплачиваются наличными, а просят занести расходы на их счет в банке. Что касается банкетов, то нас могут интересовать лишь их устроители. Еще немножко поработать — и после отсева получится не такой уж большой список.

— Допустим, мы сократим его до двенадцати человек, — продолжала Джейн. — Что дальше? Спросим у каждого, нет ли среди его знакомых взломщиков банковских сейфов?

Петрелла с любопытством посмотрел на девушку.

— Вы устали, вам надо отдохнуть. Вы слишком много работаете, — сказал он.

— Это самая интересная работа, которую мне довелось здесь делать. Я не хочу, чтобы она провалилась, вот и все, — сухо ответила Джейн.

— Когда нам сказали, что отделу полагается еще секретарь, — начал Петрелла, — я помню, как Уилмот начал импровизировать: поскольку мы самый молодой отдел, утверждал он, нам дадут самого плохого секретаря. А я считаю, что нам повезло. Мы получили самого лучшего.

— Очень мило с вашей стороны, так считать.

— Я думаю, в машбюро кто-то здорово ошибся. Нам прочили кого-то вроде мисс Проктор. Видимо, вытянули не ту карточку из картотеки.

— Машбюро здесь ни при чем, — спокойно ответила Джейн. — Меня направил сюда дядя Уилфред.

— Дядя Уилфред?

— Старший брат моей матери, помощник ко-

миссара.

— Вот это да! — не удержавшись, воскликнул Петрелла и вспомнил все, что говорил о начальстве сержант Уилмот. — Могли бы сказать об этом пораньше.

— Об этом знаете только вы, — предупредила его Джейн.

Петрелла, взглянув на часы, с удивлением обнаружил, что уже половина восьмого. Он готов был сказать: «Давайте поужинаем вместе», как вдруг испугался — Джейн может подумать, что он приглашает ее только потому, что она племянница его начальника.

Он так и не произнес этих слов и вместо этого довольно сдержанно попрощался: — Спокойной ночи.

Когда он ушел, Джейн еще с минуту смотрела на закрывшуюся за ним дверь, а потом в сердцах воскликнула:

— Вот дура! Кто тебя за язык тянул говорить ему это. Теперь он и вовсе при мне рта не раскроет.

Когда в понедельник утром Петрелла пришел на работу, он почти тут же ощутил царившую в отделе предгрозовую атмосферу. Он, не медля, направился в кабинет старшего инспектора Болдуина.

— Вы получили мою записку? — был первый вопрос Болдуина.

— Нет, никакой записки я не получал, — ответил Петрелла, — но утром мне все уже было известно. Скверная история, сэр.

— Еще бы, — воскликнул Болдуин. — Два ограбления в одну ночь. Особенно в Манчестере — самое крупное за все время. И неприятнее всего то, что банк понимал необходимость принятия мер предосторожности и просил полицию усилить охрану. В этот день Городской центр реконструкции получал у них деньги для выдачи жалованья сотрудникам — сумма немалая.

— Как грабители проникли в банк? — спросил Петрелла.

— Весьма хитроумно. Полиция внимательно проверила, есть ли пустующие здания по соседству с банком. Таковых не оказалось. В этом квартале только одни конторы, все помещения имеют владельцев. Те, кто готовили план ограбления, работали над ним не менее, чем полгода. Начали сразу же, как обосновались в одной из контор, через один подъезд от банка. Проделав дыру в стене, они проникли в соседнюю контору в субботу вечером, как только кончился рабочий день и конторы опустели, взломали затем еще

одну стенку и проникли в помещение банка. Сейф они, видимо, взорвали в воскресенье ночью. Шума никто не слышал, это не жилой квартал.

— Что же дальше?

— Теперь, — мрачно изрек Болдуин, — местная полиция, по требованию банков, обратилась к нам за помощью. А под ней они понимают нечто большее, чем простое расследование и координацию действий.

— А что же?

— Две или три мобильные группы специального назначения, как при расследовании убийств.

У Петреллы екнуло сердце.

— Это не так просто. Боюсь, при таком количестве участников мы совсем потеряемся.

Увидев его лицо, Болдуин не удержался от смеха.

— Совсем не обязательно. Но это означает, что нужен немедленный результат. Каковы успехи отдела за это время?

Это был нелегкий вопрос для Петреллы. Не скажешь же: «Мы анализируем информацию. Вот кончим анализ…» Поэтому он сказал:

— У нас есть версия. Она может кое-что прояснить. — И он рассказал Болдуину о Джерри Лайте.

— Ты считаешь, он главарь?

— Нет, я так не думаю. Но уверен, что ему поручена самая тяжелая часть работы. У них ведь тоже есть свои летучие отряды. Когда работа закончена, кто-то один, а может, и два, забирают инструмент и доставляют к месту его хранения, заодно прихватив для передачи тому, кому следует, долю, причитающуюся за амортизацию инструмента.

— Раз так, тогда между Лайтом и главарем шайки должна существовать постоянная связь.

— Мы разрабатываем эту линию, — пояснил Петрелла. Он, на всякий случай, решил пока не говорить о найденном у Лайта дневнике и, вообще, при каких обстоятельствах он к ним попал. — Можно по марке попытаться найти изготовителя инструментов. Для этого придется съездить в Западную Германию.

— Это можно устроить, — сказал Болдуин. — Потребуется несколько дней. Ехать придется тебе. Ты знаешь немецкий?

— Достаточно, чтобы объясниться, — ответил Петрелла по-немецки.

Когда он вернулся к себе, его встретил расстроенный сержант Эдвардс.

— Вы можете себе представить, чтобы человек

с редким и необычным именем Олвин Кордер мог исчезнуть, словно никогда и не существовал? — воскликнул он.

За это время столько событий произошло, что Петрелла не сразу сообразил, о ком идет речь.

— Вы говорите о том, втором, который был соучастником Лайта в нападении на управляющего банка в Эксетере?

— Да. Кордер, оказывается, был одним из директоров-распорядителей фирмы по сносу зданий. Лайт тоже там работал.

— Директор-распорядитель? Вы уверены?

— Совершенно уверен. Это все подтверждается документами. Вторым из директоров был некий Дуглас Мерчант. Он и Кордер создали фирму сразу же после войны. В 1952 году они обанкротились. Я проверил все, где они могли значиться, — телефонные справочники, списки избирателей, списки на получение водительских удостоверений, паспортов…

— Возможно, он умер.

— Первым, где я навел справки, был реестр об умерших в Сомерсет-Хаузе.

— Ну и что? — сказал Петрелла. — Возможно… — но тут появление Уилмота помешало ему закончить фразу. Сержант влетел в комнату как

экспресс, пуская пары.

— Угадайте, какую новость я принес? — воскликнул он. — Появилась еще одна банкнота. Это уже перекрестная ссылка!..

Три головы одновременно склонились над банкнотой.

— Владелец маленькой типографии в Нью-Кроссе сдал ее в фонд помощи местной полиции. Найдя на ней знак, полицейские тут же отнесли ее обратно владельцу и поинтересовались, откуда она у него. Он объяснил, что она была в той сумме денег, которые ему заплатили за печатание пригласительных билетов на благотворительный обед в ресторане «Хомборг-Карлтон».

— Отлично, — тихо произнес Петрелла. — А кто устроитель обеда?

— Какое-то благотворительное общество, посылающее летом детишек на взморье отдохнуть.

Петрелла справился с каким-то списком.

— Есть такое общество. Оно действительно устроило благотворительный обед в ресторане. Это уже не похоже на простое совпадение.

— Кто его председатель?

— Некая миссис Констанция Велден.

— Кажется, я уже слышал это имя. Эта дама довольно активно занимается благотворитель-

ностью, не так ли? Что скажешь, Уилмот?

— Это не по моей части, — буркнул тот.

— Зато по моей, — решительно заявила Джейн. — Я как-то сама занималась благотворительностью.

И не мешкая, она направилась к двери.

Видимо, времени на проверку и расспросы понадобилось немало, ибо Джейн вернулась уже после шести. Эдвардс и Уилмот давно ушли, но Петрелла был на месте.

По раскрасневшимся щекам девушки и торжествующим искоркам в глазах он понял, что поход ее был не напрасным.

— Я нашла эту даму, — заявила Джейн. — У нее неплохой дом в Сен-Джонс-Вудсе, кухарка, шофер и три дога. По всему видно, что денег у нее куры не клюют.

— А дальше?

— А что дальше?

— Я вижу, вам не терпится еще что-то рассказать.

— Я еще подумаю, стоит ли, — с вызовом ответила девушка. — Впрочем, расскажу. Мне совсем немного понадобилось времени, чтобы разузнать, что из себя представляет миссис Велден. День был солнечный. Я решила прогуляться и

заодно познакомиться с преподобным отцом Мортелманом.

— Черт побери, неужели вы это сделали? Как же вы представились ему?

— Сказала, что я личный секретарь миссис Велден. Сказала, что она несколько обеспокоена тем, что до сих пор не получила от него подтверждения тех о получении благотворительных сумм, которые недавно направила ему.

Петрелла непонимающе смотрел на девушку.

— Он ужасно расстроился, стал утверждать, что тут же послал подтверждение, и настоятельно предложил мне зайти в дом. Он постарается сейчас же найти копию своего письма к миссис Велден. Разумеется, он не нашел. Я извинилась, а потом он пригласил меня выпить чашечку чаю.

Наконец, Петрелла пришел в себя.

— Вам не кажется, что вы рисковали? — воскликнул он. — А если бы он знал секретаря миссис Велден?

— Он не мог знать ее нового секретаря.

— Нового?

— Да. Миссис Велден поместила объявление в «Таймсе». Это и подсказало мне идею. Я решила откликнуться на ее объявление.

Прежде, чем Петрелла снова сообразил, что ему

ответить на эту очередную дерзость, девушка поспешила его успокоить.

— Я не думаю, что миссис Велден стоит во главе шайки. Нет, это маловероятно. Но то, что меченые деньги каким-то образом идут через нее, в этом нет сомнения. У нее, бесспорно, есть связь с главарями. Если бы мне удалось устроиться к ней секретарем и попробовать разведать что и как, я уверена…

Петрелла наконец полностью обрел дар речи и ощутил себя начальником.

— Вы даже не сотрудник полиции! — возмутился он. — Вы всего лишь машинистка…

Спору нет, это были не самые удачные слова для данного момента. Щеки Джейн вспыхнули уже багровым румянцем.

— Из всех нелепых, несправедливых, высокомерных слов, какие…

— Простите, я не хотел…

— Вам что, не хочется поскорее раскрыть это дело? Вам безразлично, кто стоит за этим?

— Теперь уже вы говорите глупости…

— Зато я не пытаюсь говорить их с важным видом…

— Мне очень жаль, что я показался вам высокомерным, но вы должны понять — я не имею

права давать вам такие задания. У меня могут возникнуть неприятности с начальством, — торопливо добавил он. — Уже поздно, мы устали. Давайте поужинаем где-нибудь.

— Спасибо, — отрезала Джейн. — Как машинистка, я должна знать свое место. — С этими словами она с достоинством покинула комнату.

Оставшись один, Петрелла громко чертыхнулся и с такой силой пнул ногой плетеную корзинку для бумаги, что та, описав параболу, угодила в окно. Послышался звон разбитого стекла.

На следующее утро Петрелла появился в отделе ранее обычного, но Джейн была уже там и яростно стучала на машинке. Он мысленно подбирал наиболее подходящие слова из тех, что приходили ему в голову в эту бессонную ночь, чтобы начать разговор, но Джейн опередила его.

— Извините меня. Вчера я вела себя глупо. Разумеется, вы не можете решать такие вопросы.

Ее слова буквально сразили инспектора Петреллу, и он только смотрел на нее, не зная, что сказать.

— Собственно говоря, — наконец начал он, — я уже переговорил с помощником комиссара, то есть с вашим дядей, и он сказал, что это, пожалуй, самое безобидное предложение из всех, которые

он от вас слышал.

— Молодец дядюшка Уилфред!

— Но он поставил ряд условий. Первое — звонить мне каждый день между пятью и шестью вечера и только из уличных автоматов, ни в коем случае не из квартиры. Второе — вы должны сообщать нам, когда вы куда-нибудь уходите. Мы всегда должны знать, где вы находитесь.

— Все это, разумеется, ненужные предосторожности, но раз вы так хотите, я принимаю условия.

— Теперь все, что остается — это получить место секретаря миссис Велден.

— Ну, в этом я уверена. Я вчера была у миссис Велден, мы очень мило побеседовали и, знаете, у нас с ней оказались общие знакомые. Она знала подругу подруги моей матери. Мне кажется, мы сразу понравились друг другу. — Заметив выражение явной тревоги в глазах Петреллы, она быстро добавила: — Конечно, если не возражаете, я могу отказаться… Но, договариваясь с ней, я подумала, что, в сущности, ничем не рискую… Я обязательно буду звонить вам каждый день в условленное время.

— К сожалению, какое-то время не мне, ибо я уезжаю на несколько дней в Западную Герма-

нию, — тихо промолвил Петрелла.

Барон фон дер Хульде-и-Оберат энергичным жестом пододвинул поближе к Петрелле кедровую шкатулку с сигарами, сам взял одну, поднес длинную спичку к своей сигаре и к сигаре гостя и когда, оба задымили, снова взял в руки фотографии.

— Бесспорно, это одна из моих дрелей, — сказал он.

— Как давно ваше предприятие изготовляет такие дрели?

— Пять лет. Может, чуть больше.

— Сколько за это время вы экспортировали их в Англию?

— Мне надо проверить по документам. Возможно, сотню.

У инспектора упало сердце.

— Это одна из наших лучших моделей, — объяснил барон. — На днях я отправил шесть таких дрелей по запросу одного вашего банковского хранилища.

— Нашего банковского хранилища?

— В каждом крупном банке ключи от личных сейфов хранятся у вкладчиков. Дубликатов к ним не существует. Если вкладчик теряет ключ, сейф приходится вскрывать. Для этого с помощью

специальной дрели высверливаются петли дверцы. Стандартный инструмент здесь не подходит — сверла не берут металл такой прочности, они ломаются или оплавляются. Давно велись поиски способов охлаждения сверла при работе. Наконец мы нашли такой способ. В основе он очень прост. Дрель при работе, когда сверло нагревается, начинает «потеть». Как человек в жару. Мы снабдили наши скоростные дрели особой системой эмульсионного охлаждения.

— Понятно, — заметил Петрелла. — Следовательно, вы — единственная фирма, владеющая этим секретом.

— Изобретение запатентовано во всех странах мира.

— Вам не составит труда дать нам список ваших английских заказчиков?

— Разумеется, но на это мне понадобится дня два, не меньше.

— Я согласен подождать, дело того стоит.

— Когда список будет готов, я позвоню вам в отель. Вы остановились в «Золотом Кресте», не так ли? Возьмите еще сигару, выкурите вечерком.

Прежде всего Петрелла заказал обильный, но несколько тяжеловатый для его желудка ужин

в ресторане «Барберина». Затем зашел в одну из пивных на Августа-Плац, чтобы выпить кружку знаменитого мюнхенского светлого пива. На вкус оно, как ему показалось, ничем не отличалось от того, что подавалось в любом английском кабачке. Яркий рекламный плакат на стене с изображением господина с моноклем, курящего дорогую сигару, напомнил ему барона фон дер Хульде-и-Оберат. Внезапно пришедшая в голову мысль заставила его опустить недопитую кружку на стол.

Барон сказал, что позвонит ему в отель «Золотой Крест». «Откуда он знает, в каком отеле я остановился? — подумал Петрелла. — Я ему этого не говорил».

Он постарался вспомнить до мельчайших подробностей все, что он делал в это утро. Из аэропорта он прямехонько направился в главное управление городской милиции, чтобы встретиться и инспектором Лауфером. Эту встречу устроил Болди. Инспектор Лауфер дал ему список фирм, которые могут изготовлять подобные дрели. Среди них фирма барона фон дер Хульде-и-Оберат была самой крупной, и поэтому, по мнению инспектора, ему скорее всего следовало обратиться именно туда.

Возможно, инспектор позвонил барону, чтобы предупредить его о визите Петреллы и назвал отель, в котором тот остановился? Нет, он не мог этого сделать по той простой причине, что Петрелла сам еще не знал, в каком отеле он будет жить. Только выйдя из здания полиции, он решил, что остановится в «Золотом Кресте».

Вспомнив все это, он вдруг понял, откуда это странное и неприятное чувство, которое не покидало его все утро, — чувство настороженности.

За ним следили.

Трудно объяснить, почему вдруг он это почувствовал. Но он был уверен, что интуиция его не подводит. Подобная ситуация в Лондоне не очень бы обеспокоила его. Но в чужой стране, в незнакомом городе, все было гораздо сложнее.

Первой мыслью было позвонить Лауферу, но он тут же отказался. Как он объяснит свои опасения? Инспектору это может показаться по меньшей мере странным. Дортмунд, возможно, не самый красивый город Германии, но это хорошо организованный современный город с отлично налаженной полицейской службой и ярко освещенными улицами. Ему просто надо вернуться в отель, подняться в свой номер, запереть дверь и лечь спать.

Он расплатился за пиво, взял пальто и шляпу и, поднявшись по ступеням, вышел из подвальчика на тротуар.

Недавно прошедший дождь принес свежесть на улицы города. Пешеходов заметно поубавилось. Петрелла шел быстрым шагом. Казалось, никто не обращает на него внимания. Пересекая Августа-Плац, он собирался свернуть в узкую улочку, которая, как он рассчитывал, приведет его прямо на Вокзальную площадь, но вдруг услышал за спиной звук включаемого мотора автомобиля. Это насторожило его, он быстро обернулся и увидел едущую прямо на него машину. Не раздумывая, держась поближе к стене дома, он свернул за угол и побежал. Услышав, как машина, не останавливаясь, свернула вслед за ним, он понял, что совершил ошибку — не надо было покидать главных улиц, где были пешеходы.

Ведущая вниз, узкая, плохо освещенная улочка была пустынна. Фары преследующей его машины четко высветили его одинокую фигуру. По его подсчетам, между ним и машиной было ярдов двадцать. Левая сторона улицы представляла собой сплошную бетонную стену, где не было ни подворотен, ни дверей. По правой стороне шла ограда из металлических прутьев.

Увидев впереди, что улица упирается в другую и, как ему показалось, более освещенную, Петрелла побежал уже изо всех сил — главное успеть завернуть за угол. Но машина нагнала его.

От прямого удара его спасло то, что он отскочил в сторону. Бросившись обратно к перекрестку, Петрелла надеялся, что водителю не сразу удастся развернуться на узкой улице и он выиграет какие-то минуты. Но он недооценил ловкость и умение человека, сидевшего за рулем. Удар пришелся в поясницу и отбросил его на тротуар к подножию какого-то дощатого сооружения, похожего на забор. С визгом затормозив, машина тут же дала задний ход.

Петрелла лежал, испытывая острую боль в груди от удара о доски забора, полностью не чувствуя ног, будто их у него не было. Он успел разглядеть лицо водителя, когда тот, высунувшись из кабины, следил за задними колесами машины. Это было тяжелое, мучнисто-белое, злобное лицо человека, который на все способен. Отъехав на нужное ему расстояние, водитель выруливал теперь на тротуар.

Ударив один раз, он на этом не остановится, подумал Петрелла. Ноги были пудовыми, но он мог действовать руками. Тяжело перевернувшись

раз и еще раз, он теперь лежал, прижавшись вплотную к нижней доске забора.

Какой прок во всех его усилиях, думал он. Машина, выехав на тротуар, медленно шла на него. Отчаянным рывком он еще ближе привалился к забору, словно хотел вжаться в него, и вдруг почувствовал, как под тяжестью его тела поддалась нижняя доска. Он с еще большей силой нажал на нее. Послышался легкий треск, и доска по всей ее длине отвалилась. Петрелла, не успев опомниться, кубарем скатился вниз по заросшему травой откосу и с глухим стуком ударился о твердую землю.

Осмотревшись, он понял, что лежит на дне глубокой канавы, под ним был гравий. Падение вернуло к жизни его ноги, он снова почувствовал их и теперь они болели так же сильно, как болели его ребра.

Он пополз по канаве. Рука нащупала рядом толстый кабель. Хватаясь за него, он подтягивался всем телом. Наверху содрогался от ударов забор — его преследователи, не имея возможности пролезть в узкую щель забора, очевидно, решили сломать его. Наконец Петрелла услышал, как забор рухнул.

Продолжая ползти, он вскоре заметил слева

круглое, в полроста человека, отверстие, похожее на вход в дренажную трубу. Не раздумывая, он пролез в нее и полз по ней до тех пор, пока она не свернула. Тут он остановился, ибо услышал рядом гулкие шаги, какой-то грохот, удары, от которых сотрясалась земля, свист пара и стук металла о металл.

Он, наконец, сообразил, что находится на территории железнодорожной станции. Кабель, за который он держался, пока полз по канаве, — это, должно быть, провод сигнализации. А в настоящую минуту он, видимо, находится вблизи водозабора для дождевой воды.

Он слышал голоса, громкие приказы на немецком языке, лай собаки.

Сделав последнее усилие, он выбрался наружу. Неподалеку, на железнодорожном полотне, кто-то спорил в темноте и отдавал раздраженным голосом распоряжения.

Петрелла, прислонившись к трубе, принялся массировать плохо слушающиеся ноги. Внезапно перед ним из темноты появилась собака. Остановившись, она смотрела на него.

— Славный пес, славный, — попытался утихомирить сторожевую овчарку Петрелла, но она залаяла, громко и отрывисто, как сержант, отда-

ющий приказания на параде.

К Петрелле тут же подошли двое в зеленой униформе железнодорожной полиции. Они почему-то принялись сердито кричать на него. Дождавшись, когда они наконец выкричались, Петрелла на безукоризненном немецком языке потребовал немедленно доставить его в муниципальную полицию к инспектору Лауферу.

Тон, которым он изложил свое требование, заставил замолчать даже умную овчарку.

Когда Констанция Велден начинала говорить, остановить ее было невозможно. Ей не секретарь нужен, подумала Джейн Орфри, а терпеливая аудитория. И в течение двух дней она покорно выполняла эту роль.

Но в этом были и свои преимущества. За какой-нибудь час она узнала многое, и не только о своей новой хозяйке, но и о ее близких. Покойный муж миссис Велден, офицер административно-хозяйственной службы BBC, умер в 1955 году от инфекционной желтухи, брат Дуглас, подполковник авиации, награжденный почетными военными наградами, является директором-управляющим фирмы, изготовляющей оконные рамы, главная контора которой находится в Лондоне на Леннокс-стрит. О своих благотво-

рительных делах Констанция Велден говорила столь же подробно, особенно о том счастливом моменте, когда английская королева пожала ей руку. Любила она говорить и о деньгах. Они, без сомнения, была главным фактором во всех ее начинаниях. Из ее слов Джейн стало ясно, что она унаследовала от своего мужа деловую хватку и компетентность суждений, к тому же ей, безусловно, помогал советами брат. Он был главным советчиком по вкладам и налоговым вопросам, он же порекомендовал ей Алекса и, видимо, сам платил тому жалованье.

Из всей прислуги Алекс был единственным, кто жил в доме миссис Велден на Лоудон-роуд. Он одновременно выполнял обязанности шофера, дворецкого, садовника и лакея. Высокий, крепкого сложения, русоволосый с веснушками на лице, на вид он казался шестнадцатилетним подростком, хотя ему было уже за двадцать. Он должен был делать в доме все, что было не под силу самой хозяйке и ее многочисленным приходящим служанкам. Когда он был свободен, он возился с автомобилем, начищая его до ослепительного блеска, или проверял безупречность работы мотора своего мотоцикла.

Сегодня он куда-то повез свою хозяйку. Джейн

подозревала, что миссис Велден условилась позавтракать со своим братцем Дугласом. Джейн, лениво пожевав что-то в одиночку, в какой уже раз принималась размышлять, каким образом ее словоохотливая, уже немолодая хозяйка может быть связана с организованной преступной группой, превратившей ограбление банков в подлинное искусство. Чутье подсказывало, что какая-то связь, бесспорно, существует. Но после двух суток бесплодных догадок она начала уже сомневаться в своих предположениях.

Было три часа пополудни, когда миссис Велден наконец вернулась. Алекс, выскочив из машины, открыл дверцу салона. Джейн увидела, что миссис Велден приехала не одна. За ней следовал мужчина. Значит, Дуглас решил сопровождать свою сестру домой. Что бы это значило, подумала она.

В гостиную он вошел первым, затем пропустил сестру и закрыл за нею дверь.

Это был довольно высокий мужчина с покатыми плечами и широкой грудью боксера, с копной черных, посеребренных на висках волос. Самым примечательным на его лице, по мнению Джейн, был нос — длинный, прямой со вздернутым кончиком, он возвышался над широкой плоской

пышных седых усов и напомнил ей почему-то водосточную трубу в садовых зарослях. Из-под густых темных бровей на нее глянули глаза чуждого каких-либо иллюзий человека.

— Подполковник Мерчант — Джейн Орфри, — представила их друг другу миссис Велден.

— Можно просто Дуглас Мерчант, если вы не против, — заметил он. — А вы — новый секретарь моей сестры? Она еще не свела вас с ума?

— Дуглас, как ты можешь!..

— Если еще нет, то скоро это произойдет. Секретари у нее более двух недель не держатся. Она настоящая Медуза Горгона и отказывается понимать, что времена кабальных условий труда миновали. Хорошие секретари в наше время нарасхват и цену себе знают. Разве я не прав?

— Пожалуй, но… — неопределенно согласилась Джейн.

— Стоит кому из них появиться в агентстве по найму, как им тот час же предлагают не менее десятка мест — выбирай любое.

— Все совсем не так просто, — возразила Джейн.

— Кстати, услугами какого агентства вы пользовались?

Такого вопроса Джейн совсем не ожидала и

даже на секунду растерялась.

— Я просто воспользовалась объявлением в газете, — быстро нашлась она.

— А вам не кажется, что гораздо безопасней пользоваться услугами агентств? В этом случае никто не посмеет ущемить ваши права или платить вам меньше, чем вы того заслуживаете. Агентство всегда стоит на страже интересов своих подопечных.

— Право, Дуглас! — вмешалась миссис Велден. — Не собираешься ли ты переманить ее?

— А почему бы нет? Я уверен, ты будешь ей недоплачивать.

— Может, Джейн совсем не интересно работать в конторе, — кипятилась миссис Велден.

— Да, мне кажется, это ужасно скучная работа, — поспешно согласилась Джейн.

— В моей конторе, ручаюсь, она такой вам не покажется, — заверил ее Дуглас. — Жалованье — восемнадцать фунтов в неделю плюс оплаченные завтраки…

Джейн поняла, что пора дать отпор этому нахалу и постоять за себя.

— Если бы я решила работать в конторе, то выбрала бы скорее адвокатскую контору, но ни в коем случае не коммерческую.

— Сразу видны ваша неопытность и незнание жизни, — возразил ей Дуглас. — Адвокаты любят загружать работой, а платят гроши. Сфера их деятельности ограничена, нет того размаха, что у нас, коммерсантов. Моя фирма, например, имеет фабрики во всех уголках страны. В Англии нет ни одного вновь построенного дома, в котором не стояли бы оконные рамы нашей фирмы.

— Возможно, вы правы, — согласилась Джейн, — но лично мне коммерческая деятельность никогда не нравилась. Все коммерсанты говорят и думают только о деньгах.

— А вам уже приходилось иметь с ними дело?

Вот черт, угодила в собственную ловушку, с досадой подумала Джейн. С этим типом надо быть начеку. Он не такой простак, каким хочет казаться.

— Да, приходилось, — небрежно ответила она и, обратившись к миссис Велден, спросила: — Приготовить чай?

— Мне не надо, — заявил Дуглас. — Я спешу. Делать деньги. Алекс отвезет меня в город, если ты не возражаешь? — он посмотрел на сестру.

В тот же вечер, в шесть, как было условлено, Джейн из уличного автомата позвонила сержанту Уилмоту.

— Это очень срочно, — сказала она. — Узнайте все, что можно, о Дугласе Мерчанте, бывшем подполковнике ВВС. Сейчас владелец фирмы по изготовлению оконных рам. Да, да, рам. Его контора на Леннокс-стрит, а фабрики по всей стране.

— Это не второй ли из директоров той фирмы, где работал Лайт после войны?

— Да. К тому же он еще и брат миссис Велден и поддерживает ее финансово. Те банкноты, которые она дала на благотворительность, вполне могли попасть к ней от него.

— Возможно, что и так…

Джейн уловила нотки сомнения в голосе Уилмота.

— Мы ищем того, кто способен организовать дело такого размаха, — убежденно заявила она. — Дуглас Мерчант именно такой человек, я уверена. Я не могу все объяснить по телефону. Он крупный делец и может оказаться таким же крупным мошенником.

— «Нам не страшен серый волк», — сострил Уилмот. — О'кей. Я верю вам на слово и мы наведем справки.

— Есть новости из Германии?

— Ни ответа ни привета.

Когда Джейн выходила из телефонной будки, она услышала звук отъезжающего мотоцикла. Дом встретил ее темными окнами. Открыв дверь своим ключом, она прошла в гостиную.

И тут вдруг почувствовала смутную тревогу, даже страх.

Зловещая тень Дугласа Мерчанта, казалось, не покинула эту комнату, как и запах его сигары. Она внезапно осознала, что впервые оказалась в этом доме одна.

Оставив свет в гостиной, она прошла в конец коридора в комнату, которую Констанция Велден именовала своим рабочим кабинетом. Джейн больше всего интересовал письменный стол миссис Велден. Однако все верхние ящики стола были заперты, как, впрочем, и шкаф с документами и нижние отделения книжных шкафов. На открытых книжных полках стояли главным образом книги политической и военной тематики и это несколько удивило Джейн. Правда, она потом сообразила, что это, очевидно, книги покойного мистера Велдена, мужа ее хозяйки.

Взяв в руки один из шести томов мемуаров Ллойда Джорджа, Она смахнула с переплета пыль и открыла его.

Первое, что бросилось ей в глаза, был замыс-

ловатый экслибрис и имя и фамилия владельца: «Олвин Кордер».

Джейн смотрела и не верила своим глазам. Она начала наугад снимать с полки одну книгу за другой. Почти каждую украшал такой же экслибрис. Сначала она даже растерялась, но интуиция подсказала ей, что она обнаружила нечто очень важное.

Легкий шорох за спиной заставил ее обернуться. В дверях стоял Алекс и улыбался.

— Ищите, что бы почитать на ночь? — спросил он.

— Дуглас Мерчант — председатель довольно крупной фирмы. Всю работу, правда, давно перепоручил помощникам, а сам обычно живет за городом, появляясь в конторе лишь два раза в неделю — надо же как-то оправдать председательское жалованье, — докладывал Эдвардс.

— Есть еще что-нибудь, заслуживающее внимания? — спросил Уилмот.

— Ничего. Чисты и непорочны, что он, что его компания. Ни сучка, ни задоринки. А что у нас есть против них?

— Ничего, кроме женской интуиции. Он не нравится Джейн. Она уверена, что он мошенник, — пояснил Уилмот.

— Да, не густо по части улик, — покачал головой Эдвардс. — Когда возвращается Петрелла?

— Вот уже сутки, как Болди не имеет от него известий. Что касается моего мнения, то его подцепила какая-нибудь красотка с берегов Рейна.

После полуночи у кровати зазвонил телефон. Рыжеволосая девушка, на то время делившая кров и постель с Дугласом Мерчантом, капризно произнесла: — Не отвечай, Дуг. Кто-то ошибся номером.

— А ну-ка дай телефон, — приказал лежавший на спине Дуглас.

Поставив телефонный аппарат на живот, он снял трубку. Услышав голос, он тут же накрыл трубку ладонью.

— Марш, марш, отсюда, киска. Мне звонят по делу, — велел он девушке.

— Хорошенькое же время выбрали для дел.

— Вставай и приготовь-ка нам лучше по чашечке чаю.

И лишь после того, как девушка, накинув халатик и недовольно ворча, покинула комнату, Дуглас снял с трубки ладонь.

— Извини, Алекс, — сказал он, — я был не один. Теперь можно, говори.

Незастегнутая пижама открывала его порос-

шую седыми волосами грудь. Держа трубку одной рукой, другой он наощупь нашел сигареты на ночном столике. Лицо его было неподвижным и, казалось, лишенным всякого выражения.

— Постой, давай уточним, правильно ли я тебя понял, — сказал он наконец. — Итак, все эти три дня, каждый вечер в одно и то же время она выходила, чтобы позвонить кому-то из уличного автомата. А сегодня вечером ты застал ее в библиотеке, где она рылась на полке с книгами и разглядывала старые экслибрисы… Проклятье и еще раз проклятье!..

На обоих концах провода наступило молчание, словно каждый из разговаривавших ждал, что скажет другой.

Наконец Дуглас произнес:

— Если она та, за кого мы ее принимаем, если она ежедневно в определенный час кому-то докладывает, следовательно, завтра в шесть вечера она проделает то же самое? Надо помешать этому, ты понял?

— Я тоже так считаю, — согласился Алекс.

— Я сам не могу этим заняться. Завтра я улетаю в Германию. Неполадки на одной из фабрик. Ты мог бы каким-то образом подвезти ее куда-нибудь на автомобиле? Подумай.

— Я мог бы, например, сказать, что вы забыли в конторе важные бумаги, которые я должен доставить вам к самолету, а у вас есть поручение, которое вы хотите через нее передать сестре, или что-нибудь в этом роде.

— Можно попробовать, — согласился Дуглас.

— Предположим, она сядет в машину. Что дальше?

— Мой дорогой Алекс, я все оставляю на твое усмотрение. Прогулка под луной, например…

Когда он положил трубку на рычаг, рыжеволосая красотка принесла две чашки чая. Дуглас пил чай маленькими глотками, по всему было видно, что он не расположен к разговорам. Рыжеволосая думала про себя, что хотя он и щедрый любовник, но ведет себя странно, особенно в последнее время. Сегодня выражение его глаз просто испугало ее. В свои двадцать пять она худо-бедно, но разбиралась в характерах мужчин и поэтому решила не испытывать судьбу — как только он уедет в Германию, в этом доме она больше никогда не появится.

На следующий день под вечер Алекс сказал Джейн, что собирается, захватив в конторе нужные хозяину бумаги, отправиться в аэропорт, и предложил ей поехать с ним — у мистера

Мерчанта есть поручение для миссис Велден, которое он хочет передать через Джейн. Девушка сначала решила отказаться. Но потом, подумав, что ничего плохого с ней не может случиться на оживленных магистралях Центрального Лондона и на шумном шоссе, ведущем в аэропорт, она согласилась.

— Я должна спросить миссис Велден, — однако сказала она.

— Я уже сказал ей. Она считает, что поездка вас развлечет.

— Когда мы едем?

— Прямо сейчас.

— Мне надо взять пальто, — сказала Джейн.

Поднявшись в свою комнату, она остановилась, прислушиваясь. В доме стояла тишина. На цыпочках она прокралась через коридор в спальню миссис Велден. Там должен быть телефон, подумала она, и не ошиблась. Схватив трубку, она быстро набрала номер.

— Вас слушают, — ответил голос Уилмота. — Что случилось? — спросил он, узнав Джейн.

— Нет времени объяснять, — торопливо промолвила девушка. — Алекс везет меня в аэропорт в машине хозяйки. По дороге мы заедем в контору на Леннокс-стрит. Вы можете организовать

наблюдение?

— Будет сделано, — ответил Уилмот. — Но почему…

Однако Джейн уже положила трубку.

Когда они попали наконец на Леннокс-стрит, было уже половина шестого вечера. Алекс поднялся в контору за бумагами, и Джейн, оставшись в машине одна, незаметно окинула взглядом улицу. Удалось ли Уилмоту выполнить ее просьбу? Кроме стоявшего вдали зеленого фургончика, на котором развозят посылки, она ничего не заметила.

К шести часам, когда опустились сумерки, они минули мост Кью и влились в поток машин, идущих по Твикенхэм-роуд к центру.

— Так будет ближе, — пояснил Алекс. — Пока идут ремонтные работы на главной магистрали, приходится делать объезд. Правда, не я один такой догадливый. Мы сделаем еще один поворот и срежем расстояние.

Он умело свернул с перегруженной центральной улицы в боковую, тихую, с небольшими аккуратными домиками, палисадниками, гаражами. Улица была довольно длинной, и, когда кончились последние фонари, машина внезапно выехала на большой строительный пустырь и

остановилась.

— Да ведь это тупик! — испуганно воскликнула Джейн.

— В последний раз, когда я ехал этим путем, здесь тупика не было, — ответил Алекс. — Сейчас взглянем на карту. Она где-то здесь.

Он потянулся через ее колени к ящичку на щитке, задев ее плечом. Джейн почувствовала легкий укол в предплечье, но сначала не придала этому значения — возможно, в рукаве пальто Алекса случайно оказалась булавка. Но тут же страшная догадка осенила ее. Изо всех сил она оттолкнула тяжелое плечо Алекса. Но он всей своей тяжестью прижал ее к сиденью, и его рука в кожаной шоферской перчатке уже тянулась, чтобы зажать ей рот.

Минуту спустя юноша со вздохом облегчения опустился на сиденье. Он ввел Джейн полную дозу пеландрамина. Целый час она будет без сознания, а в последующий час мало на что будет способна, так что времени у него достаточно.

Он взглянул на себя в зеркальце над лобовым стеклом и остался доволен — лицо его было совершенно спокойным. Он стянул с рук перчатки и проверил пульс — восемьдесят четыре удара. На двенадцать ударов больше, чем обычно, но

не так уж плохо. Он вынул расческу и провел по волосам.

Наконец он посмотрел на девушку. Она тяжело дышала, открыв рот. Любой принял бы ее за человека, находящегося в состоянии сильного опьянения. Как раз то, что нужно.

Он вынул из кармашка на дверце машины бутылку джина и смочил девушке губы, подбородок и перед ее платья. В случае, если машину остановят, не уловить запах спиртного будет невозможно.

Он вышел из машины. Вокруг никого. Размахнувшись, он бросил бутылку с джином и пустой шприц через забор строительного участка, сел за руль и, медленно ведя машину, покинул пустырь.

Опустился туман. Доехав до Слау, он свернул на шоссе, ведущее в Стайнс. Он ехал на небольшой скорости. Миновав мост, у Эгхэма он выехал на развилку. Налево сверкала оранжевыми неоновыми фонарями главная магистраль с многочисленными стоянками у обочин и густым потоком машин. Направо вдоль Темзы шло небольшое шоссе, ведущее на Виндзор. Летом по нему спешили на своих машинах лондонцы, чтобы отдохнуть на зеленых лугах Раннимида.

Проехав с полмили, Алекс выключил фары и осторожно свернул с асфальта на траву обочины. Он опасался, как бы не увязнуть в болотистом грунте, но колеса машины были одинаково пригодны для городских и сельских дорог и никогда еще не подводили. Он боялся другого. Впереди, где кончалась набережная, берег Темзы нигде не был укреплен.

Алекс вышел из машины и, считая шаги, приблизился к краю берега — всего пятьдесят шагов. Вернувшись, он сел за руль и осторожно, на самой малой скорости, подъехал как можно ближе к реке. Теперь его отделяло от нее всего пять ярдов. В выбранном им месте Темза делала поворот, здесь на случай подъема воды берег был укреплен мешками с цементом.

Он глянул вниз на серую, маслянисто поблескивающую воду и вернулся к машине. Бесчувственное тело Джейн сползло с сиденья. Он подхватил ее под руки, выволок из машины и уложил на мокрую траву.

Один, скрытый от всех пеленой тумана, вправе сделать все, что захочет, со своей жертвой, он испытывал странное чувство, кружащее голову, как дурман, — чувство собственного могущества, власти. Присев на корточки у распростертого

тела девушки, он ждал, когда уймется стук крови в ушах, перестанут сверкать искры в глазах. Наконец, успокоившись, он медленно встал, вынул из багажника отрезок плетеной веревки и две гири. Связав девушке руки спереди, он привязал свободный конец веревки к ручкам гирь.

Сделав все, как положено, он распрямился, поднял голову и с удивлением увидел три пары желтых глаз, глядевших на него из тумана. Сначала он подумал, что ему померещилось, но тут же услышал шум мотора, удары автомобильных колес по неровной поверхности грунта.

Быстро вскинув на плечи обмякшее тело девушки, он поспешил к реке.

Мужской голос крикнул что-то из тумана и желтый луч света прорезал тьму.

Алекс, напрягшись, с силой сбросил свою ношу в реку и, не раздумывая, прыгнул вслед. Почти одновременно, на полкорпуса опередив его, в воду прыгнул еще кто-то.

Сознание Джейн медленно освобождалось от кошмара темноты, холода, слепящих вспышек света и голосов, возвращаясь в тихую реальность больничной палаты. Она увидела косой луч солнца, упавший на пол через незашторенное окно, и фигуру сержанта Уилмота, сидевшего на кончике

стула у ее кровати.

— Доброе утро, — приветствовал он ее. — Желаете что-нибудь сказать?

— Все в порядке, — ответила Джейн. — Я не прочь одеться, если вы принесете мою одежду.

— Доктор сказал, что отпустит вас домой через денек или два, если вы будете хорошо себя вести. А теперь рассказывайте все по порядку.

Джейн рассказала все, что могла вспомнить. Сержант крупным детским почерком старательно записал все в блокнот.

— Я почувствовала укол в руку, а потом уже ничего не помню.

— Алекс отвез вас в Раннимид и бросил в реку, привязав парочку тяжелых гирь. Интересно, от скольких своих подружек он избавился таким же способом? — Сержант вытащил из кармана кусок веревки. — Просто и без осечки. Надо отдать должное его изобретательности — веревка-то бумажная, сплетена из десятков длинных бумажных полос. Вес гирь выдерживает какое-то время, но спустя два-три дня пребывания в воде размокает и исчезает бесследно.

Джейн невольно поежилась.

— Простите. Я никогда не отличался тактичностью, — извинился Уилмот и сунул веревку

в карман.

— Кто вытащил меня из воды? — спросила Джейн.

— Это сделал я, — признался Уилмот. — Акт геройства, достойный медали. Мы следили за вами. Если бы не туман и пробка на мосту у Стейнса, мы бы вмешались раньше и спасли бы вас от купания.

— А что вы сделали с Алексом?

— Он в больнице в Скрабсе. Разумеется, в отдельной палате и останется там, пока не вернется Патрик.

— Есть какие-нибудь вести от инспектора?

— У нас не было с ним связи целых двое суток. Но он вот-вот должен появиться, не беспокойтесь.

— Откуда вы взяли, что я беспокоюсь? — не выдержав, спросила Джейн и расхохоталась. — В таком случае, если мне предстоит оставаться здесь еще несколько дней, окажите мне услугу. Принесите мне фотоснимки с известного вам дневника и подробный план улиц Лондона. У меня родилась одна мысль, хочу проверить ее.

Когда Уилмот ушел, она с наслаждением вытянулась на удобной кровати. Ей понравилось, что Уилмот назвал Петреллу по имени. И еще она по-

думала — отважится ли она на это когда-нибудь. С этими мыслями Джейн уснула.

Утром следующего дня, часов в одиннадцать, дверь палаты отворилась. Джейн, погруженная в изучение планов лондонских улиц и других бумаг, грудой лежавших на ее постели, не поднимая головы, сказала: — Спасибо, сестра, поставьте на столик.

И вдруг, подняв голову, увидела на пороге инспектора Петреллу.

— Здравствуйте, — растерянно пролепетала она.

— Стоило мне уехать, как вы уже наделали глупостей, — вместо приветствия промолвил Петрелла.

— И это говорите вы? — воскликнула Джейн. — Что с вашей ногой?

— Был сбит автомобилем. Кому-то это понадобилось. Но, как видите, жив.

— А я упала в реку. Тоже мало приятного.

И они рассмеялись. Петрелла присел на краешек кровати.

— Вы знаете, почему они хотели от вас избавиться?

— Это, очевидно, связано с книгами в библиотеке миссис Велден, куда я так неосторожно сунула

свой нос. Но только не пойму, каким образом связано.

— Я вам сейчас объясню. В 1951 году выездная сессия суда в Эксетере приговорила двух человек к тюремному заключению за избиение управляющего банком. Одним из приговоренных был Джерри Лайт из Айлингтона. Другой же, некий Олвин Кордер — директор фирмы, где работал Джерри Лайт. Олвин Кордер, выйдя из тюрьмы, исчез, словно в воду канул. Даже дотошному сержанту Эдвардсу не удалось найти хоть какой-то его след. А все потому, что мы упустили из виду одну маленькую деталь — перемену фамилии. Кордер, выйдя из тюрьмы, тут же сменил имя и фамилию — он стал мистером Кеннетом Белденом. Смена фамилии произведена вполне законно, ничего не скажешь, с последующей регистрацией в Верховном суде. Сегодня я это сам все проверил. А затем он женился на Констанции Мерчант, сестре Дугласа Мерчанта. Брак по расчету. Дуглас был вторым директором их общей фирмы.

— Понятно, — сказала Джейн. — Все понятно. — Кусочки мозаики постепенно становились на свои места и уже были видны контуры общей картины.

— Хотя многое по-прежнему остается неясным, — заметил Петрелла, — но кое-что определилось довольно четко. Дуглас Мерчант, его шурин Олвин Кордер, ныне известный как Кеннет Велден, и их старых друг мистер Джерри Лайт — именно те, кто задумал, а затем и начал осуществлять банковские грабежи. Теперь у меня нет сомнений в этом. Затем Велден умер. Двое его партнеров не могли так просто присвоить себе его долю и поделились с вдовой.

— Значит, все-таки Дуглас стоит во главе?

— Это еще надо доказать, — ответил Петрелла.

— Возможно, это легче будет сделать, если обнаружится, что он продолжает поддерживать старые связи с Джерри Лайтом, как вы считаете?

Петрелла не смог удержаться от улыбки.

— Что-то выудили?

— Что значит «что-то»?

— Вы нашли что-то важное, не так ли?

— Ну ладно, скажу. Речь идет о дневнике, который вы нашли в столе у Лайта. Я в нем, кажется, разобралась. Зашифрованные записи — это места встреч. Обычно они происходили в кабачках или пивных Лондона. Инициалы — это сокращенные названия мест встреч. Вот, например, «УТР» — это кабачок «Утренняя Роза», «ВДМ» — пивная

«Вудмен» и так далее. Следующие за ними буквы и цифры — это номера почтовых отделений, а последние цифры — время встречи. Вот они-то и навели меня на мысль, что встречи должны происходить в публичных местах. Обратите внимание на строго ограниченные часы встреч. Они не меняются: с одиннадцати утра до двух часов пополудни, а затем вечером — с шести до десяти.

Петрелла поднялся, постоял какое-то время, глядя на девушку.

— Отлично, — наконец сказал он и направился к двери. Выйдя, он неслышно, как бы с уважением, закрыл ее за собой.

— Фирма Дугласа Мерчанта изготовляет оконные рамы, — докладывал Болдуину Петрелла. — Рамы для всей Англии. Известно, что на всех крупных стройках подрядчики получают жалованье в определенный день месяца. Следовательно, накануне для выплаты в ряде банков готовятся к выдаче крупных сумм. Вот вам и источник информации. Когда решено, какой банк брать, тут же направляется группа специалистов-взломщиков. Джерри Лайт предварительно инструктирует их и выдает инструмент. А потом, когда дело сделано, кто-то из его подручных забирает инструмент и отвозит его Лайту вместе

с его долей добычи. Теперь понятно, что делали братья Фрэнк в Слау в то утро, когда попивали чай в баре, — они ждали, когда получат задание.

— А как мы это докажем?

— Если бы нам удалось заставить заговорить кого-нибудь из парней Лайта. Он навел бы нас на Лайта, а тот — на Мерчанта…

— Что-то ты сам не очень веришь в такую возможность, а?

— Да, их голыми руками не возьмешь и вряд ли удастся кого-то из них расколоть. Слишком долго они работают вместе, слишком хорошо знают друг друга.

— А идейки получше у тебя нет?

— Есть, — тихо произнес Петрелла, — но из тех, что могут не понравиться начальству. Тут нужна будет поддержка прокурора. Прежде всего надо получить разрешение на прослушивание всех телефонных разговоров Лайта.

Болдуин скорчил недовольную гримасу.

— Ты же знаешь, как они смотрят на это… А что еще?

— Увы, это только начало. Дальше будет куда серьезней. А теперь слушайте…

В лондонском аэропорту в зале для приезжающих голос из громкоговорителя попросил некоего

Дугласа Мерчанта подойти к окошку дежурной по залу, где его ждет сообщение.

Дуглас на минуту заколебался. Если уже началось, то не лучше ли ближайшим рейсом вернуться в Германию? Но он тут же отбросил эту мысль. Именно такими действиями можно погубить все, что так тщательно продумано и налажено. Люди, поддавшись панике, как правило, выдают себя. Поэтому твердым спокойным шагом он подошел к окошку дежурной и даже улыбнулся девушке.

Вынув паспорт, он спросил:

— У вас что-то есть для меня?

— Мистер Дуглас Мерчант? Вас просят позвонить по этому номеру. Можете воспользоваться нашим телефоном, если хотите, — любезно предложила девушка.

— Благодарю вас, — ответил Дуглас и, взглянув на записку, сразу узнал номер телефона сестры.

— Констанция?

— Дуглас, это ты? Слава богу, что ты приехал. Я не знала, где тебя искать, поэтому попросила дежурную аэропорта передать, чтобы ты позвонил.

— Что случилось?

— Алекс и Джейн исчезли. Вместе с машиной.

— Когда это случилось?

— Сутки назад. Я места себе не нахожу.

— Ты сообщила в полицию?

— Конечно. Но они никаких мер не принимают, говорят… — Дуглас услышал, как прервался голос сестры, — …говорят, что они просто сбежали вдвоем…

— Вполне возможно.

— Не говори глупостей, Дуглас. Алекс — шофер, простой механик, а Джейн…

— Твоя секретарша.

— Это совсем другое дело. Она из хорошей семьи.

Дуглас хотел отделаться какой-нибудь фривольной шуткой, но вовремя опомнился, представив себе, в каком состоянии сейчас находится его сестра. А в такие моменты она способна натворить бог знает каких глупостей.

— Я немедленно наведу справки, — пообещал он, — и позвоню тебе, как только что-нибудь узнаю.

Положив трубку, он тут же набрал другой номер.

— Секретарь мистера Саймонса, — послышался в трубке девичий голосок. — Кто его спрашивает? Мистер Уилберфорс? Сейчас узнаю, у себя ли он.

Спустя несколько секунд она снова взяла труб-

ку:

— К сожалению, его нет сейчас на месте. Что ему передать? Куда он может вам позвонить?

— Не беспокойтесь, — ответил Дуглас. — Просто передайте, когда он вернется, что его письмо от 3-го марта я получил.

— Хорошо, сэр.

Повесив трубку, девушка вернулась в кабинет начальника.

— Звонил мистер Уилберфорс. Вы велели сказать, что вас нет, если он позвонит.

— Да, велел, — согласился мистер Саймонс, маленький человечек в очках с линзами. — Он что-нибудь просил передать?

— Он сказал, что получил ваше письмо от 3-го марта, вот и все.

— Вы уверены, что он сказал «3-го марта»?

— Я не глухая, — обиделась девушка.

— Ладно, — успокоил ее мистер Саймонс. — Переведите телефон на меня, а сами отправляйтесь завтракать.

— Еще не время.

— Ну тогда купите себе новую шляпку.

Мистер Саймонс подождал, когда захлопнется входная дверь, и лишь после этого набрал номер в Айлингтоне.

Джерри Лайт, выслушав его, переспросил:

— Вы уверены, что он сказал вам «3-марта»? Хорошо. Большое спасибо. — Он положил трубку.

Выдвинув ящик стола и вынув из него дневник, он открыл его на первой неделе марта. Затем он взглянул на часы — было начало первого. Нахлобучив шляпу, он спустился во двор.

— Присматривай за складом, Сэмми, я ухожу, — сказал он парню с лохматой шевелюрой, пилившему какой-то брус, и быстро зашагал к воротам. Он шел, казалось, наугад, петляя по пустынным переулкам, но путь его лежал в северно-восточную часть Лондона.

Пробило ровно час пополудни, когда он вошел в небольшую пивную в Хэкни-даунс и на ходу бросив хозяину: «Здорово, Лен», прошел через зал в заднюю комнату.

Дуглас Мерчант сидел перед горящим камином и бережно, словно согревая, держал в руках стакан с виски: Он указал Лайту на другой уже наполненный стакан, ждущий на столе.

— Спасибо, — сказал тот. — Как я понимаю, вам все уже известно.

— Поэтому я вернулся из Германии. В газетах сообщалось лишь, что Алекс, выйдя из госпиталя, исчез. Никаких подробностей. Все это может

быть уткой.

— Нет, это правда, — сказал Лайт. — Он звонил мне сегодня утром.

— На склад? — Верхняя губа Дугласа искривилась в злобной гримасе и обнажила зубы.

— Нет. У него хватило ума позвонить мне через Шейди Саймонса.

— Он не сказал, как он попался?

— Считает, что ему просто не повезло. Полицейский патруль засек его в тот момент, когда он бросил эту девицу в реку.

— Я не верю в таких делах в везение или невезение, — сказал Мерчант. — А ты?

— Я тоже, — ответил Лайт. — Мне кажется, они сели нам на хвост.

— Чего хочет Алекс?

— Чтобы мы его спрятали. Вчера ему пришлось ночевать на набережной. А от вас — чтобы вы помогли ему уехать из Англии.

— А если я не сделаю этого?

— Он пока молчит. А если его заставят говорить, ему есть что рассказать.

Мерчант отпил из стакана.

— Надо что-то решать с ним, — сказал он. — Самое безопасное для него место — это Восточная Германия.

— У меня есть для него более безопасное место, черт бы его побрал.

Из камина выпал раскаленный уголек. Тихо тикали часы. Дуглас слышал, как хозяин пивной приветствует посетителей словами: «Неплохой денек для марта месяца». Он произносил эту фразу каждому, кто входил в его заведение.

Дуглас допил виски и встал.

— Думаю, ты прав. Нам скоро придется сворачивать дела. Не гоже оставлять хвосты. Пойду навещу сестрицу — она, небось, в истерике. Выйдем через заднюю дверь.

Как только они вышли на тротуар, к ним приблизилась девушка с кружкой для пожертвований.

— На строительство деревенской больницы, — сказала она. Девушка была прехорошенькая. Дуглас полез в карман и, выудив крону, бросил ее в кружку.

— А цветок оставьте себе. Продадите еще раз, — любезно сказал он девушке.

— Благодарю вас, сэр, — ответила та.

Дуглас заметил, что к ее плечу приколот необычно больших размеров цветок, круглый и темный пестик которого напоминал черный глаз.

В девять вечера Лайт покинул свою квартиру на Олбэни-стрит и направился в гараж, где обычно оставлял машину.

— Думаю, теперь она будет в полном порядке, сэр, — сказал ему механик.

Садясь в машину, Лайт вдруг спросил:

— А что значит «теперь»?

— После того, как был отрегулирован карбюратор.

— Разве я вас об этом просил?

— Это не я, сэр. Пришел представитель фирмы и сам все сделал.

— Вот как? — удивленно переспросил Лайт. — Ах, да, я совсем забыл. Значит, отрегулировал? Подумать только! Хотя сегодня мне, пожалуй, не нужна машина. Я передумал.

Покинув гараж, он остановил такси и через Риджентс-парк доехал до Кларенс-гэйта. Там он отпустил такси. Пять минут быстрой ходьбы — и он уже возле гаражей в тупике позади станции метро на Бейкер-стрит.

Лайт был почти уверен, что никто не знает о его второй машине, новой модели «Магнет» с вместительным багажником, в котором он хранил два больших, набитых до отказа чемодана и саквояж. Он снял гараж под чужой фамилией,

заплатил за три месяца вперед, но с тех пор ни разу не наведывался сюда.

Шел дождь и видимость была плохой, поэтому трудно было проверить, следил ли за ним кто, когда он шел сюда. Кажется, нет, но, кто знает.

Он вывел машину из гаража и дважды объехал парк. В боковом зеркальце отражались фары догонявших его и проносившихся мимо автомобилей. Завершив второй круг, он, почти успокоившись, повернул к Глостер-гэйту. Путь его лежал в северную часть Лондона.

— Задал же он нам работы, черт бы его побрал, — докладывал в микрофон радиосвязи Уилмот. — Интересно, почему он не воспользовался своей первой машиной. Жаль, я над ней немало потрудился. Сидели бы теперь и спокойно ловили радиосигналы. Перехожу на прием.

— Скажи спасибо, что дождь помог, — ответил Петрелла. — А то бы он засек вас, как миленьких. Конец передачи.

Джерри Лайт, не сворачивая, вел машину по Хайгэйт-хилл, пересек Северную окружную дорогу, держа курс на Барнет. План его был предельно прост. Он не был сторонником хитроумных задумок. По телефону он велел Алексу доехать на метро до Хай-Барнета, выйти в сторону Северной

дороги, пройти с полмили мимо поля для гольфа и рассчитать время так, чтобы в одиннадцать ровно быть у развилки. Алекс должен быть один. И, черт побери, он должен сделать все, чтобы за ним никто не увязался.

Лайт сверился с часами. Он успевает — без пяти одиннадцать. Вот и станция Хай-Барнет. Дождь падал ровными холодными струями. Алекс промокнет до нитки.

Лайт проехал мимо поворота на Элстри. Шоссе было пустынно. Навстречу попались всего две машины, идущие в Лондон, сзади, насколько он мог видеть, никого не было.

Свет фар его машины упал на одинокую фигуру ждавшего у обочины Алекса.

Лайт притормозил и остановился. Наклонившись, он левой рукой опустил стекло, а правую с зажатым в ней пистолетом держал внизу.

— Это ты, Джерри? — обрадованно воскликнул Алекс. — Я промок до костей.

— Да, это я, — ответил Лайт и, подняв руку, дважды выстрелил в Алекса. Он целился прямо в грудь.

Алекс отшатнулся, упал на колени и рухнул на мостовую лицом в лужу. Высунув руку в окно и используя опущенное стекло в качестве опоры,

Лайт, прицелившись, выстрелил еще раз. Грохот собственного выстрела помешал ему услышать шум подъехавшей машины.

Первое, что он увидел, был свет фар, а потом сильный луч прожектора ослепил его. Он нажал на стартер и, включив предельную скорость, почти поднял машину над мостовой.

Сзади завыла сирена.

Лайт видел, как нагоняющая его машина вот-вот ударит его в багажник. Заметив слева проселочную дорогу, он резко свернул на нее. Машину занесло. Будь под колесами сухая трава, все бы обошлось, но мокрый асфальт был скользким как лед. Машина уже не слушалась руля. С жалобным стоном лопнула тонкая проволока ограды, и машина, перевернувшись, врезалась в бетонное основание мачты электропередач. Половина района Хай-Барнета погрузилась в темноту и смятение.

Во второй раз Петрелла сидел в кабинете помощника комиссара Ромера. На этот раз он чувствовал себя менее уверенно, да и было от чего.

— Я рассчитывал, что, если мы отпустим Алекса, — пытался объяснить он, — мы поставим их в затруднительное положение. Они или бросят его и тогда он расколется, или постараются по-

мочь ему. Как видите, они выбрали второе. Алекс мертв, а мы еще дальше от выяснения, кто же стоит во главе и существует ли вообще связь между ограблениями банков и каким-то единым центром, который на этом неплохо наживается.

— То есть с Дугласом Мерчантом?

— Да, сэр. У меня уже нет никаких сомнений, что он организатор и глава этой шайки.

— Вас беспокоит не Только это, мне кажется, — заметил Ромер. — К сожалению, фактов более чем достаточно. От нашей девушки-агента мы получили неплохие фотоснимки Лайта и Мерчанта, когда они вместе выходили из пивной, а затем остановились и о чем-то беседовали.

— Мерчант может объяснить это тем, что он фабрикант, производящий оконные рамы, а Лайт — строитель. У них мог быть деловой разговор.

— Лайт — преступник, — сказал Ромер, — человек, который хладнокровно и преднамеренно совершил убийство через несколько часов после тайной встречи с Мерчантом в паршивой забегаловке на окраине Лондона. Уверен, что он объяснит это как чистое совпадение. Если постараться, то объяснить можно, что угодно. Но вот вам второе совпадение. Два дня назад Мерчант совершил поездку в Германию и посетил вашего

приятеля барона фон дер Хульде-и-Оберат. Имел с ним обстоятельную и долгую беседу. В экспедиции фирмы работает человек, связанный с местной полицией. Он может подтвердить, что видел, когда Мерчант пришел к барону и когда ушел от него. Вчера же вечером в помещении экспедиции произошел пожар.

— Пожар?

— Ничего серьезного, пустяки. Сгорели документы экспортного отдела, картотека и списки заказчиков за последние пять лет.

— Понятно, — промолвил Петрелла.

— Особый интерес представляют сведения, полученные из того же источника, — пять дней назад фирма барона отправила дрель по адресу: Англия, графство Уилтшир, Файлдин-корт (близ Левенхэма). Наш источник сам упаковывал и отправлял груз.

— Вы сказали, дрель, сэр?

— Успокойтесь, это не та дрель, которой сверлят дыры в сейфах. Так фирма барона называет свою модель картофелесажалки, которая делает дыры всего-навсего в грунте. Любопытно, что после ее отправки внезапно сгорел весь архив с документами.

— Теперь вообще невозможно что-либо дока-

зать.

— Я всегда следую правилу, — успокоил его Ромер, — получив удар, не сиди и не жди, когда получишь второй. Немедленно сам переходи в наступление. До вашего прихода я успел связаться с начальником полиции Уилтшира. Он обещал оказать вам всемерную помощь.

— Помощь в чем, сэр?

— Я получил ордер на проведение обыска и с его помощью, я надеюсь, вы перевернете вверх дном эту ферму в Файлдин-корте.

— Но… — начал было Петрелла.

— Никаких «но», инспектор!

— А если я ничего не найду? Вы же знаете, какие могут быть неприятности…

— Неприятности я беру на себя, — холодно ответил Ромер. — Этот негодяй покушался на человеческую жизнь. И к тому же я очень люблю свою племянницу.

Петрелла вел машину, а Уилмот, сверяясь по карте, составлял наиболее удобный маршрут.

— Мы едем к Крайстчерч, — неожиданно сказал Петрелла.

— Я думал, мы едем в Левенхэм.

— Нет, прежде нам надо повидать мистера Уинна.

— Кто такой мистер Уинн, если этот тип окажется дома?

— Мистер Уинн, до того как уйти на пенсию, был управляющим районным отделением банка в Эксетере, — пояснил Петрелла.

— Тот самый, кого избили наши знакомцы — старина Лайт и покойный Кордер?

— Ты угадал, — подтвердил Петрелла. — Отсюда-то и берет начало вся эта история. Я хочу услышать ее из первых уст, прежде чем браться за Дугласа Мерчанта.

День выдался на редкость ясный. Светило яркое мартовское солнце, хотя и было довольно прохладно. Однако весна была не за горами.

Уилмот с удовольствием отбросил карту.

— Ну его! Знаете, что я хотел вам сказать? Вы что-то должны решить с Джейн.

— Какой Джейн? — спросил Петрелла. Лежавшие на руле руки дрогнули. Машина вильнула вправо, но он вовремя удержал руль.

— А что, есть еще какая-нибудь другая Джейн? — с невинным видом осведомился, глядя на него, Уилмот. — Разумеется, речь идет о Джейн Орфри, первоклассном сыщике, гордости лучшей половины наших полицейских сил. О той самой Джейн, которую я вытащил из реки на прошлой

неделе.

— Что, по-твоему, я должен делать?

— На худой конец, жениться на ней.

Петрелла ничего не ответил. Они проехали с четверть мили в полном молчании. Уилмот, хорошо знавший Петреллу, уже проклинал себя за бестактность.

— Я никогда не делал предложений девушкам, — наконец выдавил из себя Петрелла. — Я даже не знаю, с чего начать.

— Ну, это пустяки, — с облегчением вздохнул Уилмот. — Ничего трудного в этом нет. Подходишь к ней как можно ближе, а затем чем-нибудь отвлекаешь ее внимание и, не дав опомниться, обнимаешь. Руки держишь повыше — так им больше нравится.

— Похоже на приемы рукопашного боя.

— Так оно и есть, по сути. Учтите, Джейн — девушка что надо. Это может подтвердить вам эксперт.

— Какой эксперт?

— Я, — без лишней скромности заявил Уилмот. — Когда я вытащил ее из воды, пришлось делать искусственное дыхание. Ну, скажу я вам…

— Конечно, я помню и того и другого. Мерчант и Кордер, — промолвил мистер Уинн. — Утро се-

годня чудесное. Давайте выйдем в сад. Как могу я их забыть, — продолжал он. — Мое ребро напоминает мне о них, стоит только резко наклониться.

Он был из тех, кто в молодости выглядят старше своих лет, а с возрастом молодеют. Свежий цвет лица, несмотря на проложенные годами глубокие морщины, живой блеск в глазах делают его похожим, подумал Петрелла, на старое крепкое дерево, которое еще долго простоит.

— Я читал об этом нападении, — сказал он, возвращаясь к разговору. — Но меня, знаете, заинтересовала одна деталь: вы, конечно, отказали им в кредите из личных соображений?

— Из личных? — мистер Уинн презрительно поджал губы, а затем, сложив их трубочкой, шумно выдохнул воздух, напомнив в этот момент Петрелле золотую рыбку в аквариуме, проглотившую личинку муравья. — Это их собственная фантазия. Управляющие банками не имеют права на личные симпатии или антипатии. Крупные кредиты даются с разрешения Главного управления банков.

— Говорят, вы отказались рекомендовать их Управлению в качестве клиентов из-за какой-то размолвки?

— Если была размолвка, то лишь с его сторо-

ны, — заметил мистер Уинн. Подняв голову, он проводил взглядом поднявшийся с соседнего аэродрома самолет, который, медленно набирая высоту в сине-зеленом небе, взял курс на Ла-Манш. — Я помню директора-управляющего Мерчанта. Он когда-то служил в авиации. Однажды утром он явился ко мне в банк. Я так толком и не понял, чего он от меня ждал и о чем я должен был просить Управление. Он хотел получить кредит, речь шла об очень большой сумме, правда, под достаточную гарантию. У его фирмы было прочное финансовое положение. Когда я сказал, что мне нужно время, чтобы подумать, он вдруг страшно разозлился. — На губах мистера Уинна мелькнула слабая усмешка, тут же исчезнувшая в уголках рта. — Буквально рассвирепел и стал утверждать, что я обещал оформить ему кредит и поэтому должен немедленно сделать это.

— И вы это сделали?

— Разумеется, нет, — ответил мистер Уинн. — Вы любите томаты?

Они находились в конце сада. Вдоль ограды, отделяющей его сад от городской площадки для игр, протянулась обширная с претензией на оранжерею теплица, защищенная сверху проволочной сеткой.

— Беда с этими мальчишками, бросают все, что под руку попадет, — объяснил мистер Уинн. — Нет достаточного воспитания и надзора. Я вывел ранний сорт «Кардинал», разумеется, гибрид. Не хотите ли попробовать?

— Нет, спасибо, — поспешил отказаться Петрелла. — Вы рассказывали, как Мерчант затеял ссору у вас в кабинете.

— Да. Он потерял контроль над собой и угрожал мне. Но на меня это не произвело впечатления.

— Когда вы говорите «угрожал», вы имеете в виду физическую расправу?

— Да, в какой-то момент мне показалось, что он сейчас ударит меня. Лицо его побагровело, он вскочил со стула и подошел вплотную к моему столу, — мистер Уинн часто заморгал.

— Что же вы ему сказали?

— Я попросил его взять себя в руки. Наконец он успокоился и вскоре ушел.

— После этого вы решили не давать ему рекомендаций?

— Если вы думаете, что я затаил неприязнь, вы ошибаетесь. Я не позволил бы себе в таком вопросе руководствоваться какими-то личными обидами. Не скрою, у меня возникли сомнения. Человек, в такой степени не владеющий собой,

не может быть надежным клиентом. Обратите внимание на этого гиганта в углу — это «Экбаллиум агресте», или бешеный огурец.

— Все банковские чиновники такие чокнутые? — удивлялся Уилмот, когда они мчались по шоссе, чтобы успеть на встречу с начальником полиции графства Уилтшир, назначенную на первую половину дня.

— Во всяком случае, каждому из них не терпится выступить в роли праведника, — заметил Петрелла. — Но мистер Уинн — это особый случай.

— То-то Мерчант так взбеленился. Будь Уинн сговорчивей и выдай он кредит нашему приятелю, может, и не было бы у нас нынешних забот, а?

Было около четырех пополудни, когда наконец вдали показались крыши Файлдин-корта. Свернув на дорогу, идущую по пустынным, лишенным растительности предгорьям Солсберийской возвышенности, они наконец начали спускаться в долину Лавенхэм. Это было похоже на возвращение с мертвых полей далекой войны в привычный покойный мир сегодняшнего дня.

При въезде в неглубокую извилистую долину Левенхэм взору сразу же открывались неого-

роженные, с остатками прошлогодней стерни земли фермы Файлдин-корт, уходящие к темной полосе зимнего леса. От шоссе к ферме вела частная дорога.

Прежде, чем повернуть на нее, Петрелла остановил машину.

— Отсюда пойдешь пешком, — сказал он Уилмоту. — Иди в обход, и так, чтобы тебя никто не видел. Осмотрись и бери на заметку все, что может представить интерес, пока я буду развлекать их разговорами в доме.

Он подождал минут пять после ухода Уилмота, затем медленно свернул к ферме. Когда он нажал кнопку звонка, дверь открыла седая женщина. Справившись на сильном уилтширском диалекте, кто он, она провела его в комнату, которая в равной степени могла быть библиотекой и комнатой для хранения охотничьих ружей, смотря каковы вкусы хозяина. В ней было много книжных шкафов, но мало книг, зато повсюду валялись в беспорядке строительные каталоги, коробки с охотничьими патронами, в углах стояли бутылки с жидким мылом для чистки седел.

Он ждал минут десять, прислушиваясь к доносившимся со двора звукам. Жизнь на ферме шла своим чередом. Подъехал грузовик и, что-то

сгрузив, снова уехал. Наконец открылась дверь и вошел Дуглас Мерчант.

— Моя экономка сказала, что вы из полиции, это верно?

— Как сказать… — Осторожно начал Петрелла.

— Следовательно, предлагать вам выпить бесполезно?

— Таких запретов нет, но в данную минуту я действительно не расположен, благодарю.

— Надеюсь, вы не возражаете, если я выпью, — сказал Мерчант и открыл массивную дверь встроенного шкафа рядом с камином. Нижние полки были уставлены ящиками с картотекой, на верхних стояли графин, несколько початых бутылок и стаканы.

Мерчант налил себе виски, добавил солидную порцию содовой и промолвил:

— Итак?

Они стояли, глядя друг на друга.

— Я инспектор уголовного управления Скотланд-Ярда. Мы занимаемся расследованием случаев ограбления банков, которые, по нашему предположению, совершает одна и та же группа преступников.

— И довольно успешно, как я понял из газет, — ответил Мерчант.

— У меня есть ордер на проведение у вас обыска.

Реакция была такой, какую он и ожидал, — сначала удивление, затем гнев, за которым следовало снисходительно-насмешливое недоумение. Что ж, он хорошо все отрепетировал за те десять минут, что заставил Петреллу ждать его.

— Если это не шутка и вы действительно подозреваете, что я имею какое-то отношение к этим ограблениям, не сочтите за труд объяснить, почему подозрение пало именно на меня? — длинно и витиевато изрек Мерчант. — За эти несколько минут, что вы будете просвещать меня, я думаю, все награбленное, что хранится, как вы полагаете, в этом доме, никуда ведь не денется, не так ли? Кстати, не ваш ли коллега околачивается у ворот?

— Вы знаете человека по фамилии Лайт?

— Джерри Лайт? Конечно. Он был старшим сержантом в нашей эскадрилье, а после войны мы с ним начали наше общее дело — взрывные работы в строительстве, сбор металлолома.

— Вы продолжаете поддерживать с ним отношения?

— Разумеется, когда приходится работать вместе по одному контракту — сносу или строи-

тельству какого-нибудь объекта. Он поставляет рабочую силу, я — оконные рамы.

— Когда вы виделись с ним в последний раз?

— Два дня назад, в Лондоне.

— Почему вы встречались с ним в пивной на окраине города, а не у себя в конторе?

— Я чаще предпочитаю деловые сделки заключать в пивных, а не в конторе.

— Однако с бароном фон дер Хульде вы встречаетесь не в пивных.

Мерчант выразил удивление.

— Вы отвлекаетесь. Мне казалось, вас интересует бедняга Джерри?

— Бедняга Джерри? — задумчиво переспросил Петрелла.

— Я думал, вы знаете. Он погиб в автомобильной катастрофе. Вчера вечером.

— Я-то знаю, — ответил Петрелла. — А вот откуда об этом знаете вы? В газетах ничего не сообщалось.

— Один из сотрудников Лайта сказал об этом нашему общему деловому партнеру. В профессиональных кругах такие вещи сразу становятся известными.

— Да, в этом вы, пожалуй, правы, — согласился Петрелла. — Интересно, в ваших кругах также

сразу стало известно, что, если бы Лайт не погиб, его судили бы за убийство?

Мерчант вскочил, лицо его побагровело.

— Если это ваша манера шутить, то это грубая шутка! Я уже вам сказал — Лайт был моим другом.

— Таким же, как человек, которого он убил? Алекс Шоу.

— Алекс?

— Или я ошибаюсь? Не вы ли устроили его шофером к вашей сестре?

— Да, ну и что из этого?

— И в его руки чисто случайно попали несколько купюр из украденных из банка денег?

— Я не понимаю, о чем вы? Вы хотите запугать меня! — возмутился Мерчант. — Не собираетесь ли вы сказать, что Алекс грабил банки?

— Он был профессиональным убийцей, — продолжал Петрелла. — Не каким-нибудь любящим поиграть мускулами парнем, как Фрэнк или Стокер, или то хулиганье, которое нанимал Лайт для вашего грязного бизнеса.

— Моего?

— Да, вашего. И это самое странное во всей этой истории. Вы превратили ограбление банков в свой бизнес из чувства личной мести. Когда-то у

вас было законное и приносящее приличный доход дело, но вам помешал банк, не дав в нужный момент нужную ссуду. Вот вы и решили после этого мстить всем банкам.

Мерчант направился к шкафу, дверь которого оставалась приоткрытой, вынул графин и налил себе еще виски.

— Продолжайте, я слушаю вас, — сказал он вежливым голосом.

— Я почти все уже сказал. Условия для этого у вас были самые подходящие. Как взрывник, вы досконально знали свое дело — ломать кирпичные стены, резать металлические перекрытия. Лайт связал вас с уголовным миром. Вы поставляли им инструмент, который получали главным образом из Германии, и, безусловно, руководили операциями… — Петрелла обвел глазами комнату, — имея с этого неплохой навар.

— Это все, что вы хотели мне сказать? Жаль, искренне жаль. В своей жизни не слышал более увлекательного рассказа с тех пор, как перестал читать комиксы. Ну, ладно, начинайте ваш обыск и поскорее освободите меня от вашего присутствия.

Открылась дверь, и вошел Уилмот.

— Прошу прощения, инспектор, — промолвил

он и протянул записку.

— Спасибо, сержант, — ответил Петрелла, взглянув на нее. — Не уходите, — остановил он Уилмота.

— Оказывается, вы недавно получили выписанную вами новую картофелесажалку. Когда вы получали ее на таможне, вы указали в декларации, что к ней прилагается еще один агрегат?

— Какой агрегат?

— У сержанта Уилмота не было времени досконально ознакомиться, но он утверждает, что к сельскохозяйственным орудиям он не имеет отношения, хотя и наглухо прикреплен к картофелесажалке и окрашен в один с нею цвет. Зачем фермеру сверхскоростная электродрель?

— Я ничего об этом не знал.

— Весьма хитроумный способ ввозить в страну контрабанду. Для этого надо иметь сообщников в Германии, не так ли?

— Опять сказки рассказываете, — небрежно промолвил Мерчант. Но холодный пот выступил у него на лбу.

Он готов сейчас дать деру, подумал Петрелла. Интересно, как он это сделает? С приходом Уилмота нас теперь двое. Я стою у окна, Уилмот — между ним и дверью…

— Если вас интересует декларация… — и Мерчант открыл шкаф, но на этот раз за ним вместо бара зиял провал двери. Она тяжело захлопнулась за исчезнувшим в ней Мерчантом.

Петрелла бросился к двери, но опоздал. Он нажал на нее, она не поддалась и казалась непробиваемой.

— Потайной ход, — сказал он Уилмоту.

Тот тоже попытался справиться с дверью, дергал что есть силы ручку, но, видимо, с другой стороны автоматически сработал прочный засов.

— Черт! — выругался Петрелла. — Он все рассчитал. — Он оглянулся, ища подходящего орудия для взлома двери, но ничего, кроме тонкой каминной кочерги на полу, не увидел. Открыв один из шкафов, он наконец нашел тяжелое охотничье ружье. Проверив, не заряжено ли оно, он, ухватившись руками за ствол, прикладом выбил небольшое оконце рядом с потайным шкафом.

Они оказались в узком подземном проходе, который лишь через пять минут вывел их на поверхность. Уилмот шел впереди, буквально таща за собой в темноте Петреллу. Очутившись во дворе фермы, они услышали шум авиационного мотора и увидели в двухстах ярдах от себя спор-

тивный аэроплан, выруливающий из широких ворот амбара.

— «Пайпер-Ацтек», — сказал Уилмот. — Отличная игрушка. Я ознакомился с ней в первую очередь, как только начал осмотр. Для посадки или взлета достаточно площадки величиной с теннисный корт.

— Мы дали маху. Это надо было предвидеть. Деятель такого сорта, да еще с опытом военного летчика, не мог не иметь личного самолета.

Они стояли и смотрели, как крохотный серебряный двухместный самолетик, сделав круг, набрал высоту и скрылся из виду.

— Можно было бы связаться по телефону, но, я уверен, он не работает. Все подготовлено с тщательностью, с какой готовят военную операцию. Он дважды подходил к этому чертову буфету. Дважды! Прямо перед моим носом. И делал это умышленно, чтобы усыпить мою бдительность.

Но вдруг неожиданно самолет вернулся и, сделав круг над фермой, снова стал удаляться, странно покачивая крыльями.

— Когда он окажется в Германии, тогда ищи-свищи — толку все равно не будет. Едем в Лондон, — сказал раздосадованный Петрелла.

Но, казалось, Уилмот не слушает его. Все его

внимание было сосредоточено на странном поведении самолета.

— Он не долетит до Германии, — наконец сказал он. — Я слил горючее, оставив в баке лишь столько, чтобы хватило долететь до побережья.

Петрелла, вырезав из уилтширской газеты «Нью-Форест адвертайзер» небольшую заметку, вложил ее в дело.

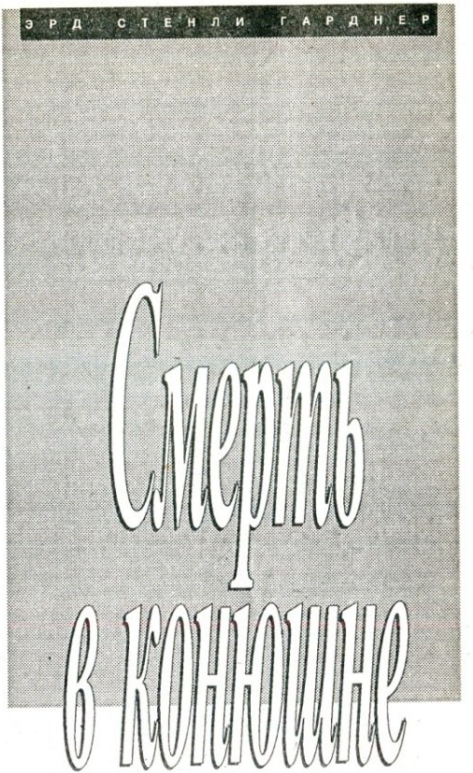
Под заголовком «Необъяснимая катастрофа» в ней сообщалось: «В четверг вечером над городом Крайстчерч потерпел аварию двухместный самолет «Пайпер-Ацтек». Пилот, подполковник ВВС в отставке, кавалер ордена «За отличную службу» и креста «За летные заслуги» Дуглас Мерчант погиб. Он был владельцем фермы Файлдин-корт и стал довольно популярной фигурой в местных кругах, оказывая щедрую финансовую поддержку Фонду помощи ветеранам войны.

Причина аварии пока не установлена, но, по словам очевидцев, при нахождении самолета в воздухе неожиданно заглох мотор, что можно объяснить техническими неполадками в моторе или прекращением подачи горючего. Пилот пытался совершить посадку на городском стадионе, но самолет, пролетев несколько ярдов дальше, упал на огород одного из жителей Крайстчерча,

мистера Алфреда Уинна, разрушив его обширные теплицы огурцов и помидоров».

По чистой случайности в этот день инспектор Петрелла объявил о своей помолвке с мисс Джейн Орфри.

ЭРЛ СТЕНЛИ ГАРДНЕР



ЭРД СТЕНЛИ ГАРДНЕР
Смерть в конюшне

© Перевод на русский язык В. Вебера

Без пяти минут восемь Лью Терлок снял трубку. Телефонистка сообщила ему, что абонент желает поговорить с мисс Бетти Терлок, и осведомилась, не может ли он пригласить ее к телефону.

— Ее нет дома.

По сладкозвучности голоса телефонистки Лью Терлок понял, что звонят из Города. Местные-то говорили совсем как обычные люди. Иногда они пытались имитировать телефонисток больших городов, но обычно перебарщивали или срывались на привычные интонации.

— Когда она придет? — продолжала допрос телефонистка.

Лью через плечо посмотрел на жену:

— Бетти сегодня не ночует дома, не так ли, Милли?

— Она останется у Розы-Марии Моллард, — ответила та. — Кто ее спрашивает?

— Звонят из Города, — ответил Терлок и добавил в трубку. — Сегодня ее не будет.

— Не можем ли мы найти ее по другому но-

меру?

— Нет другого номера. В доме, куда она поехала, телефона нет.

Он положил трубку и вновь углубился в «Роквилльскую газету».

— Интересно, кто может звонить Бетти из Города? — задала риторический вопрос миссис Терлок.

Лью пробурчал что-то невразумительное.

— Мне кажется, тебе следовало выяснить, кто это, — не унималась его жена. — Бетти не сможет уснуть, гадая, кто же ей звонил.

Лью хотел что-что сказать, потом опустил газету и склонил голову, прислушиваясь.

— Что такое? — насторожилась Милли.

— Лошади Колхауна как-то странно себя ведут. Все время ржут, бьют копытами.

— Пусть об этом волнуется Сид Роуэн, — ответила Милли. — Нам хватает забот и без соседских лошадей. Сид с каждым днем становится все ленивее. Но я не пойму, как ты можешь их слышать. По мне, там полная тишина.

— Наверное, мои уши настроены на лошадиный шум, — Терлок улыбнулся. — Кобыла Лоррейн Колхаун просто не находит себе места. Лягает и лягает стену.

Цены на землю в последнее время резко подскочили, и сосед Лью, не устояв, шесть месяцев назад продал свой участок Карлу Карверу Колхауну, богатому брокеру. Терлок с трудом привыкал к изменению давно уже устоявшегося жизненного уклада. Во-первых, Колхаун приезжал только на уик-энды. Присматривать за ранчо он нанял Сида Роуэна и его жену, причем положил им жалованье, в два раза превышающее то, которое дал бы Терлок любой семейной паре, взявшей на себя заботы о ранчо. А уж Роуэны получали в четыре раза больше того, что заслуживали.

При новом владельце с соседним ранчо произошли разительные перемены. Колхаун продал коров, быков, рабочих лошадей, их место заняли породистые скакуны. Осталась разве что пара дойных коров да полдюжины мясных бычков. Появился теннисный корт, полным ходом шло строительство бассейна.

Колхаун всегда держался вежливо. Более того, прилагал немалые усилия, чтобы подружиться с соседями. Но, как резонно заметил Терлок в разговоре с женой, из миллионера настоящего соседа не получится.

— Попробуй занять у него чашку риса, — аргументировал он свою точку зрения. — Придешь

отдавать, а тебе улыбнутся и скажут: «О, какие пустяки. Не стоило и беспокоиться».

Вновь зазвонил телефон.

На этот раз телефонистка объявила, что абонент из Города желает поговорить с тем, кто возьмет трубку. Секундой позже Терлок услышал нетерпеливый голос: «С кем я говорю?»

— Это Лью Терлок.

— О, отец Бетти, не так ли?

— Да.

— Я бы хотела, чтобы вы помогли мне.

— Чем же?

— Вы меня не знаете. Я — Ирма Джессап, подруга Лоррейн Колхаун и вашей дочери. Теперь слушайте, я должна поговорить с Бетти, это очень важно. Мне нужно ее найти, где бы она ни была.

— В доме, где она сегодня ночует, телефона нет.

— Я понимаю. А далеко это от вас?

— Шесть или семь миль.

— Послушайте, а нельзя ли с ней связаться? Может, у кого-то из соседей есть телефон? Мне надо поговорить с ней во что бы то ни стало.

— Ну, если это так важно, я попытаюсь передать ей вашу просьбу, — с неохотой ответил Терлок.

— Очень важно. Попросите ее позвонить Ирме

Джессап по номеру Тринидад 6273. Она сможет воспользоваться телефоном соседей?

— Да.

— Пусть позвонит наложенным платежом, чтобы счет прислали мне, тогда они тем более не будут возражать. Скажите ей, я буду ждать у аппарата.

— Повторите, пожалуйста, номер.

Новая задержка усилила нетерпение абонента.

— Это телефон-автомат. Тринидад 6273. Скажите ей, что Ирма просит незамедлительно перезвонить по этому номеру. Я буду ждать. Пусть звонит наложенным платежом. Теперь вам все ясно?

Терлок вздохнул.

— Все ясно. До свидания.

— Что там такое? — спросила миссис Терлок из гостиной, когда Лью положил трубку.

— Какая-то знакомая Колхаунов, Ирма Джессап, говорит, что ей необходимо как можно быстрее связаться с Бетти. Дело, мол, очень важное. Наверное, речь идет о билетах в театр или о чем-то похожем. Не пойму, чего я сам не расспросил ее.

— Неужели ты поедешь за Бетти?

— Я думаю попросить Джима Торнтона. Он живет в четверти мили от дома Моллардов…

Что же это с лошадьми? Наверное, надо пойти взглянуть. Так темно. Небось, Сид Роуэн с женой опять ушли в кино.

— Что ты так волнуешься из-за лошадей? — пробурчала миссис Терлок. — Не можешь же ты работать и за себя, и за Сида.

— Ты помнишь номер Джима Торнтона? — спросил Лью.

— Шесть-семь-четыре-ноль-три.

— Понятно.

Лью взялся за трубку. Когда его соединили, сказал:

— «Джим, это Лью Терлок. Извини, что беспокою тебя, но Бетти осталась на ночь у Розы-Марии Моллард. А до нее пытаются дозвониться из Города и говорят, что это очень важно. Не мог бы ты…

— Конечно, Лью, — ответил Торнтон. — Я им все скажу.

— Тебя это не очень затруднит?

— Отнюдь. У нас есть особый сигнал. Я повесил старую автомобильную фару на стену дома. Направлена она прямо на окна Моллардов. Если их зовут к телефону, я просто зажигаю фару. Через несколько минут кто-то приходит. Обычно Роза-Мария. Я сейчас включу фару. Как идет жизнь?

— Помаленьку.

— Не собираешься продавать ту молочную корову? Я знаю одного человека, он покупает коров, дает хорошую цену.

— Сколько?

Тон Торнтона сразу изменился, стал осторожным, показывая, он помнит, что их может слышать телефонистка.

— Помнишь, я говорил тебе, сколько получил за тяжеловоза?

— Конечно.

— Ну, он предлагает на пять долларов меньше, если корова ему подойдет.

— Я обдумаю это предложение. Возможно, завтра загляну к тебе.

— Хорошо. Буду ждать.

Терлок положил трубку. Прошло минут семь-восемь, как телефон зазвонил вновь.

— Должно быть, Бетти, — предположила миссис Терлок.

Лью отложил газету, встал и направился к телефону. Обычно на все звонки отвечала Бетти. В ее отсутствие эта обязанность ложилась на главу семейства. Миссис Терлок телефона не любила, утверждая, что не может понять ни слова, так, мол, смазаны голоса.

Лью Терлок снял трубку.

— Слушаю.

— О, мистер Терлок, — затараторил женский голосок. — Это Роза-Мария. Бетти пока нет. Она должна подъехать с минуты на минуту. Что-то задержало ее. Но она вот-вот приедет. Если вы хотите что-то ей передать, скажите мне.

Лью Терлок впился пальцами в трубку. На языке его уже вертелся вопрос, но он вовремя вспомнил о чужих ушах. Зачем ему лишние сплетни? Этак весь городок начнет говорить о том, что его дочь сказала родителям, будто ночует у подруги, а сама улеглась невесть в чью постель.

Поэтому Лью Терлок и виду не подал, что чем-то озабочен.

— Скажи ей, что звонила Ирма Джессап. Она хочет, чтобы Бетти сразу же перезвонила ей по номеру Тринидад 6273. Пусть звонит наложенным платежом. Эта Ирма все оплатит. Извини, что беспокою тебя, но Ирма настаивала, что дело очень важное. Я обещал ей, что попытаюсь связаться с Бетти сегодня же вечером.

— Хорошо. Я… я передам ей… — залепетала Роза-Мария.

— Благодарю, — прервал ее Лью и положил

трубку.

Две или три секунды он обдумывал услышанное, затем вернулся в гостиную и рассказал о своем разговоре с Розой-Марией жене. Но та едва слушала, увлеченная книгой. И высказалась в том смысле, что их миссия выполнена. И Роза-Мария передаст Бетти все, что нужно.

Лью Терлок стоял, не зная, что и делать. Внешне, однако, он ничем не выдавал той бури, что поднялась у него в душе.

А на ранчо Колхауна ржала и лягалась лошадь. Ветер дул с востока, так что сомнений в происхождении этих звуков не было. Чувствуя, что на месте ему не усидеть, Лью Терлок решил воспользоваться этой возможностью и уйти из дома.

— Надо взглянуть на лошадей. Может, у одной из них застряла нога в щели.

— Вот Сид Роуэн не стал бы работать за тебя, — фыркнула миссис Терлок. — Прямо скажу, не нравятся мне соседи, которые уезжают и оставляют все на попечение таких, как Сид Роуэн. В конце концов, Колхауны проводят здесь пять-шесть дней в месяц. А когда они здесь, в их доме стоит постоянный крик.

— Я знаю, — Лью выдвинул ящик стола и достал фонарь. — Вернусь через пять — десять минут.

Пока Лью Терлок через кухню добрался до двери черного хода, его жена успела дать исчерпывающую характеристику Сиду Роуэну, три или четыре вечера в неделю проводящего в кинотеатре и перекладывающего свою работу на плечи соседей. Выговорившись, она вновь уткнулась в книгу, показавшуюся ей еще более интересной.

Лью Терлок плотно закрыл дверь черного хода, отсекая тираду жены.

Граница между ранчо Терлока и Колхауна проходила точно через вершину холма. По этой причине дома стояли гораздо ближе, чем на соседних ранчо, расположенных на равнине. Каждый из строителей принимал во внимание прохладный в летнюю пору ветерок и открывающийся из окон вид.

Подсвечивая себе фонарем, Лью Терлок пересек узкую полоску лужайки, открыл ворота в заборе, направился к конюшне Колхауна.

Во второй половине дня прошел дождь, но теперь ветер разогнал облака, и небо сияло чисто умытыми звездами. Чистый прохладный воздух пропитался ароматом влажной земли, и ноздри Терлока не знали более приятного запаха. Запах этот успокаивал, помогал привести в порядок теснящиеся в голове мысли.

Лью Терлок понимал, что должен найти какой-то предлог для визита к Джорджу Молларду. И переговорить с Розой-Марией до того, как та свяжется с Бетти и дочь придумает, как оправдаться. Вот оно, думал Терлок, влияние Колхаунов. А верховодила всем Лоррейн Колхаун, с ее вычурными манерами, на которую местные девушки взирали, как на богиню, и во всем пытались ей подражать. Взять, к примеру, Розмари, которая перестала откликаться на свое имя, а стала требовать, чтобы к ней обращались Роза-Мария. И ее родители даже не одернули ее. Будь он ее отцом…

Занятый своими проблемами, Лью добрался до конюшни, и тут луч его фонаря отразился от хромированного бампера автомобиля с откидывающимся верхом, застывшего у ворот конюшни. Лью ответил автомобиль. Машина Лоррейн. Верх откинут, красная кожа сидений. Машина, со злостью подумал Терлок, стоит дороже дизельного трактора, а служит лишь для развлечений дочери богача.

В конюшне ржала и била копытами лошадь.

Лью Терлок открыл ворота. Где-то в глубине всхрапнула другая лошадь, учуяв приближение человека.

Терлок, чувствовавший состояние животных, сразу же заметил повисшую в конюшне напряженность. Лошади в длинном ряду стойл нервничали, словно в ожидании грозы.

Лошадиное ржание. Звякание железного кольца, надетого на крюк: лошадь дернула за веревку. Нервные удары копыт в земляной пол и деревянные стены стойла. Снова ржание.

Рука Лью нащупала на стене выключатель. Вспыхнул свет. Лошади мгновенно успокоились.

Взгляд Лью, пробежавшись по проходу между стойлами, остановился на женской ноге и туфле на шпильке. Шпилька смотрела в потолок. Далее он заметил руку, ладонью кверху.

Даже в такой критический момент Терлок не забывал о лошадях. Понимал, что их надо успокоить. И поспешил к лежащей женщине, бормоча: «Спокойно, не волнуйтесь, все будет в порядке».

Женщина лежала на боку, в таком положении, что кобыле пришлось жаться к дальней стене, чтобы не топтать неподвижное тело.

Ужасная рана на голове, темное пятно от крови, впитавшейся в земляной пол.

— Бетти! — прохрипел Лью.

Он упал на колени, тут же заметил, что одета девушка не так, как его дочь.

— Мисс Колхаун… Лоррейн.

Девушка не пошевельнулась. Лью коснулся ее руки.

Безжизненная плоть подсказала Лью Терлоку, что он уже не в силах помочь Лоррейн.

Переступив через покойницу, он отвязал кобылу и вывел ее из стойла. Кобыла нервно вздрагивала, ржала, но потом перепрыгнула через тело. Лью привязал ее в свободном стойле и направился к телефону, который поставил Колхаун прямо в конюшне недели две назад.

Для шерифа Билла Элдона вечер выдался не из приятных: в гости приехала сестра его жены, Дорис. Шериф не жаловал ее острый язычок.

Шериф внимательно выслушал Терлока.

— Так ты говоришь, что ее лягнула кобыла?

— Похоже на это. Она, должно быть, вошла в стойло и кобыла правым задним копытом угодила ей в лоб.

— Ты ее не трогал?

— Ну, я вывел ее из стойла.

— Напрасно ты это сделал, Лью, — шериф не понял, что Терлок говорит о кобыле. — Тело следовало оставить на месте.

— Я не про женщину, а про кобылу. Она не находила себе места, ржала, лягалась.

— А тело ты не трогал?

— Естественно, нет. Да и кобыла перепрыгнула через него. Я знаю, что трогать тело нельзя. И кобыла тоже.

— А где Колхауны? — спросил шериф. — Дома?

— Никого тут нет. Сид Роуэн с женой отправились небось в кино.

— Ладно, я только найду коронера[2] и приеду, — принял решение шериф. — И позвоню в кинотеатр, чтобы Сида Роуэна вызвали из зала. Проследи, чтобы никто ничего не трогал. До встречи.

Дорис Нельсон сидела в гостиной, навострив уши. А едва трубка легла на рычаг, затараторила: «Кто звонил? Кого убили? Что случилось?»

Мрачно улыбаясь, шериф вновь поднял трубку. Тем самым он получал полное право игнорировать ее вопросы.

— Соедините меня с Джеймсом Логэном, коронером, — попросил он телефонистку.

Несколько минут спустя, поставив в известность коронера, шериф позвонил в кинотеатр и попросил найти и отправить домой Сида Роуэна. Затем выскользнул через дверь черного хода, сел

---

[2] Примечания: 2

Следователь, производящий дознание в случаях насильственной или скоропостижной смерти.

в машину и укатил в ночь, не ответив ни на один из вопросов Дорис.

Логэн и Лью Терлок жили к югу от городка. От ранчо Терлока шерифа отделяло пять миль, и он не спешил, поскольку знал, что Логэн прибудет раньше него. Красный маячок он включил, но проехал по Главной улице Роквилля без сирены, не распугивая транспортный поток. Скоростью, думал он, тут не поможешь. Все равно девушка мертва.

Выехав из городка, шериф придавил на педаль газа, а вскоре свернул на проселочную дорогу, ведущую к двум домам, построенным на склонах одного холма. И тут же заметил свежие следы автомобильного протектора. Они означали, что коронер действительно прибыл раньше него.

Шериф довольно кивнул. Он всегда нервничал, приезжая на место преступления до коронера. Дорога привела его к холму, короткий подъем — и он затормозил, поставив свой автомобиль в затылок машине коронера.

Логан уже находился в конюшне. Последовал за ним и шериф.

— Я тут осмотрелся, Билл. Похоже, несчастный случай, — высказал свою версию коронер. — Она вошла в стойло, хотела что-то взять, и кобыла

лягнула ее. Случилось это сразу после того, как лошадям задали корма. Лоток заполнен сеном. Кобыла эта горячая, нервная. Мисс Колхаун, вероятно, не знала, как нужно вести себя с лошадьми. Ей небось, и в голову не пришло сказать кобыле пару слов, прежде чем войти в стойло. Она вошла молча, кобыла уловила движение уголком глаза и выбросила назад ногу.

— Как давно наступила смерть? — спросил шериф.

— Мы это выясним, когда приедет Сид Роуэн и скажет нам, в какое время он покормил лошадей. А вот, наверное, и Сид.

Донесся шум подъезжающей машины. В конюшню вошли мужчина и женщина.

— Что тут стряслось? — в голосе Сида Роуэна слышалось раздражение. — Неужели нельзя дать человеку досмотреть… — он замолк, увидев шерифа.

Роуэну было далеко за пятьдесят, но он сохранил сухую, гибкую фигуру. Жена его, лет на пять-шесть моложе, наоборот, страдала избыточным весом.

Шериф рассказал им, что произошло.

— Но ее здесь не было! — воскликнул Роуэн. — Мы живем тут вдвоем. Хозяев ждем только завтра.

Раньше они приезжали каждый уик-энд. Теперь — два раза в месяц. И сами хозяева, и слуги, и друзья. На трех-четырех автомобилях. Эй, подождите. У конюшни же стоит ее машина. Значит, она приехала без предупреждения.

— Вы не знали, что она здесь?

— Откуда? Мы ждали ее завтра. Они приезжают все вместе.

— Как по-вашему, когда она приехала?

— Понятия не имею.

— Вы, должно быть, покормили лошадей и сразу поехали в кино?

— Совершенно верно. Я разложил сено по лоткам, посадил жену в машину, и мы уехали, чтобы успеть на первый сеанс. Не буду же я болтаться здесь все время. Человека нельзя заставить работать днем и ночью.

— Вы, наверное, покормили лошадей в половине седьмого, чтобы успеть на первый сеанс?

— Я начал раздавать сено примерно в половине седьмого, закончил минут через десять, и мы сразу же уехали.

— К тому времени в конюшне было темно?

— Естественно.

— И вы зажигали свет?

— Конечно.

— А перед тем, как уехать, погасили?

— Именно так.

— У нее был ключ от дома?

— Думаю, да. Был. Колхаун велел изготовить ключи для всех членов семьи.

— Вы живете в доме или…

— Нет. Над гаражом есть квартирка. Там мы с женой и живем.

— Мы, конечно, не знаем, почему она зашла в стойло, — подал голос Логэн, — но нет сомнения, что она-таки зашла, а кобыла лягнула ее.

Сид Роуэн кивнул.

— А я в этом не уверен, — буркнул шериф Элдон.

Стоявшие вокруг вопросительно посмотрели на него.

— Как иначе это могло произойти, Билл? — спросил за всех коронер.

Билл Элдон повернулся к Терлоку.

— Ты слышал, как ржали лошади?

— Да. Эта кобыла просто не находила себе места. Ржала, била копытами в стены. Рвалась из стойла.

— Она была привязана?

— Да. Недоуздок, веревка, железное кольцо на крюке, все как обычно.

— Долго ты слышал этот шум, прежде чем пришел сюда?

— Наверное, с полчаса. Может, дольше.

— Ты позвонил в восемь двадцать пять. Я заметил время.

— Я позвонил через пять минут после того, как вошел в конюшню.

— Когда ты пришел, в конюшне было темно?

— Конечно, — кивнул Терлок.

— У тебя был фонарь, ты нашел выключатель и зажег свет?

— Да.

— И тело лежало на полу?

— Совершенно верно.

Шериф глянул на Логэна.

— Роуэн уехал без двадцати семь, — пояснил шериф. — Уже стемнело. Солнце садится около шести вечера. В конюшне темно, как в пещере. Без света тут делать нечего. Так вот, если молодая женщина входит в конюшню, первым делом она должна включить свет, чтобы видеть, куда идет. Кто погасил свет?

— Да, Билл, в этом что-то есть, — согласился коронер. — Должно быть, она приехала не одна.

— Совершенно верно, и ее спутник или спутница погасил свет.

Логэн присвистнул.

— После того, как это произошло, — добавил шериф.

Логэн посмотрел на Роуэна.

— Она не могла прийти, пока вы кормили лошадей и, когда вы…

— Быть такого не могло… — горячо запротестовал Роуэн.

Логэн кивнул на кормушку.

— Лошадь не прикоснулась к сену… Это Лоррейн Колхаун, Роуэн?

— Несомненно. Она, наверное, приехала, едва мы отправились в кино. Перед тем, как уйти, я, помнится, посмотрел на кобылу. Она как раз начала есть.

Шериф бочком протиснулся в стойло. Подошел к кормушке.

— Лоток забит сеном. Кобыла даже не начала вытаскивать сено со дна лотка, чтобы оно провалилось в кормушку.

Шериф достал несколько сухих ячменных стебельков, взглядом профессионала, оценил качество сена.

— В сене много зерна. Это хорошо… А это еще что такое?

Луч его фонаря высветил маленькую книжку в

черном кожаном переплете, в глубине кормушки совершенно неприметную.

Билл Элдон достал книжку и повернулся к свету. Пролистал ее.

— Похоже, дневник. На первой странице ее имя и фамилия — Лоррейн Колхаун. Логэн, если ты не возражаешь, самое время вызвать Куинлэна, чтобы сфотографировать тело. Постараемся ничего тут не трогать до его приезда.

Шериф выбрался в проход между стойлами, встал под одной из ламп. Снова открыл книжку.

— О Боже, не хочется мне влезать в ее личную жизнь. Пожалуй, не стоит нам этого читать, парни.

Он уже собрался положить книжку в карман, но в последний момент передумал.

— Давайте все-таки взглянем на последнюю запись. Может, она хоть чем-то поможет нам.

Шериф раскрыл дневник на последней заполненной странице и прочитал вслух: «Кажется, кое-то принимает меня за дуру. Завтра я поговорю начистоту с Френком и с этой сладкоречивой Бетти. Впрочем, к чему откладывать. Почему бы не сесть…»

На этом запись обрывалась.

Шериф захлопнул книжку и повернулся к Лью

Терлоку.

— Где сегодня Бетти, Лью? — как бы походя спросил он.

Лью Терлок мялся с ответом. Глянул в сторону своего дома, заметил, как зажглись любопытством глаза Джеймса Логэна, Сида Роуэна, его жены.

— Шериф, — он откашлялся, — могу я поговорить с вами наедине… без посторонних?

Вдвоем они отошли в конец прохода, и Лью Терлок тихим голосом рассказал, что сегодня вечером дочь обманула его.

— Сказала, что собирается провести вечер и ночь с дочерью Молларда, так? — подытожил шериф.

Терлок печально кивнул.

— Она и Розмари, или Роза-Мария, как она называет себя сейчас, собрались шить костюмы для благотворительной пьесы Красного Креста. Она уехала сразу после ужина.

— В какое время?

— Сегодня мы ужинали рано, потому что Бетти спешила. Думаю, она уехала около шести. Помогла матери помыть посуду, сразу же прыгнула в машину и умчалась.

— А телефона у Моллардов нет?

— Совершенно верно. Я позвонил Джиму Торнтону, а уж тот вызвал Розу-Марию к телефону. Бетти — хорошая девушка. Не знаю, в чем тут дело. Может, какие-то детские игры. Но, если станет известно, что Бетти проводит ночь не там, где должна… — он глянул на жену Сида Роуэна, уши которой вытянулись буквально на фут, превратившись в локаторы.

— Ладно, — принял решение шериф. — Поехали к Молларду.

— Лью Терлок и я собираемся выяснить, виделась ли сегодня его дочь с Лоррейн Колхаун. Она остановилась у друзей, в доме которых нет телефона. Джим, свяжись с Джорджем Куинлэном и попроси его приехать сюда, чтобы сфотографировать тело и стойло. Проследи, чтобы к телу никто не подходил.

Шериф открыл дверцу своей машины, и Лью Терлок забрался в кабину.

— Билл, вы же знаете, как здешний люд падок на сплетни. Особенно, если говоришь в присутствии такой болтушки, как жена Сида Роуэна. Она ловила каждый звук.

— Я знаю, — сочувственно кивнул Билл Элтон.

— Видите ли, поначалу я подумал, что в конюшне лежит Бетти. Можете представить себе,

что я испытал. Я уверен, Билл, Бетти тут ни при чем. Еще не знаю, как она объяснит сегодняшний вечер, но…

— Конечно, конечно, — успокоил его шериф. — Скорее всего, ты волнуешься напрасно, Лью. Я тоже думаю, что Бетти ни при чем, но, раз Лоррейн Колхаун собиралась объясниться с ней сегодня вечером, нам нужно поговорить с твоей дочерью. Я ни разу не встречался ни с кем из Колхаунов. Такое ужасное происшествие. Похоже, страна меняется, Лью. Уже не меньше пятидесяти маленьких ранчо продано городским жителям. Некоторые из них намерены работать на земле, но для большинства это место отдыха в выходные дни.

И шериф продолжал в том же духе, отвлекая Лью Терлока от тревожных мыслей. Они проехали дом Джима Торнтона, а еще через четверть мили грязной дороги свернули к дому Молларда.

Джордж Моллард вышел им навстречу.

Дипломатичный шериф взял переговоры на себя, за что Терлок молча поблагодарил его. Они поговорили о видах на урожай, погоде на ближайшие дни, а потом как бы невзначай шериф спросил, дома ли Розмари.

— Роза-Мария, — с ухмылкой поправил его

Моллард. — Нет ее. Умотала. Кто-то позвонил ей три четверти часа назад, она и умчалась.

— Ну да ничего, — шериф ничем не выдал своего интереса. — Она собирается участвовать в пьесе Красного Креста, которую нам обещали показать в следующем месяце, не так ли?

— Да.

— Вместе с Бетти Терлок?

— Вот-вот.

— Я и хотел поговорить с ней о пьесе, — пояснил шериф. — Ты не знаешь, куда она поехала, Джордж?

— Нет, понятия не имею. Разве нынешняя молодежь что-нибудь скажет. Она влетела в дом, схватила шляпку и плащ, метнулась к машине, и только ее и видели. У молодых в наши дни больше забот, чем у губернатора штата.

Шериф завел мотор.

— Рад повидаться с тобой, Джордж. Еще загляну к тебе, когда буду посвободнее. Скажи дочери, пусть позвонит мне домой, как только вернется. Нет, подожди… Пусть лучше сразу же садится в машину и едет ко мне.

Моллард удивился.

— А что такое? Что-то…

Шериф широко улыбнулся.

— Из-за этой чертовой пьесы на нас свалилась куча дел. Я думаю, твоя дочь отлично справится с ролью. Сейчас для красивых девушек открыты все пути. Сегодня она играет в любительской пьесе, а завтра, если ее увидит кто-то из киношников, может оказаться в Голливуде.

— Я не хочу, чтобы Роза-Мария ехала в Голливуд, — твердо заявил Джордж Моллард.

— Я знаю, но жизнь нередко идет против наших желаний.

Шериф развернул машину и отъехал ярдов пятьдесят, когда они увидели приближающийся к ним автомобиль.

— Похоже, Розмари, — возвестил Билл Элтон, — а с ней, будем надеяться, Бетти.

Лью Терлок облегченно вздохнул.

Шериф сбросил скорость, машина чуть ли не ползком съехала на обочину и замерла. Фарами он подал сигнал остановиться приближающемуся автомобилю.

— Может, вы заговорите с ней первым, — предложил шериф Терлоку.

Тот кивнул. Вылез из машины, вышел на дорогу и подождал, пока подъедет Роза-Мария.

В отсвете приборного щитка Лью увидел, что за рулем сидит очаровательная блондинка с боль-

шими синими глазами, одна. Он шагнул вперед.

— Привет, — смутилась Роза-Мария. — Да это… мистер Терлок… Добрый вечер, мистер Терлок. О, я не думала, что вы приедете только для того, чтобы…

— Где Бетти? — прервал ее Терлок.

Брови Розы-Марии сошлись к переносице, затем она улыбнулась.

— О, она приедет. С минуты на минуту.

Тут из машины вылез шериф.

— Привет, Роза-Мария. Так где Бетти?

Розу-Марию захлестнула паника. Попытка улыбнуться не удалась.

— Где она? — напирал шериф. — Я хочу поговорить с ней. Немедленно.

Гудение работающего мотора едва не перекрыло ответ Розы-Марии.

— Я не знаю. Я пыталась найти ее.

В голосе шерифа появились стальные нотки.

— Не виляй, Роза-Мария. И расскажи все, что ты знаешь о Бетти Терлок?

— Я… ничего не знаю. Она должна приехать ко мне… Чуть позднее.

— И провести ночь у тебя?

— Да.

— Когда она должна приехать?

— Она… попозже.

— Когда именно?

— Не знаю. Она не назвала точного времени.

— Мы расследуем происшествие на ранчо Колхаунов, — продолжил шериф. — Поэтому и ищем Бетти. Возможно, ее сейчас разыскивают и другие люди. И мне не нравится, что никто вроде бы не знает, где она находится. И как будет выглядеть в глазах соседей мать Бетти, отвечающая всем, что ее дочь проводит вечер в твоем доме, Роза-Мария, готовясь к благотворительной пьесе?

— Происшествие, шериф?

— Убили Лоррейн Колхаун.

— Лоррейн! Но Бетти никогда бы не пошла на такое!

— На что?

— Ну, на убийство… Как это случилось?

— Ее лягнула лошадь.

— О! — во вскрике Розы-Марии слышалось безмерное облегчение.

— После звонка Лью ты сразу села в машину и отправилась на розыски Бетти, так? — спросил шериф.

После короткого колебания Роза-Мария неохотно кивнула.

— Мне кажется, тебе ни к чему лишние непри-

ятности, Роза-Мария. Поэтому честно скажи, куда ты поехала?

— На… на дорогу вдоль реки.

— Чтобы посмотреть, не сидит ли она в автомобиле?

— Да.

— В чьем автомобиле?

— Ее… вернее, мистера Терлока.

— И кто, по-твоему, мог сидеть с ней в автомобиле?

— Но… я просто искала ее.

— Роза-Мария, нам нужны факты, а уж сопоставим мы их сами, — нетерпеливо заметил шериф. — Все мы — друзья Бетти и не хотим, чтобы о ней судачили на всех углах. И тебе нет нужды скрывать что-то от нас. Скажи нам правду, да побыстрее.

— Сегодня она собиралась встретиться с Френком Гарвином.

— Кто такой Гарвин? — спросил шериф.

Ответил ему Лью Терлок.

— Приятель Колхаунов.

Шериф пристально посмотрел на Терлока, затем вновь повернулся к Розе-Марии Моллард.

— Так мы тебя слушаем.

— Когда Колхауны купили ранчо, Лоррейн

отдыхала в штате Мэн с друзьями, — голос Розы-Марии чуть дрожал. — Она вернулась лишь три недели назад. Френк Гарвин… друг семьи. Он… он им всем очень нравится. Он хотел стать адвокатом. Он и Лоррейн всегда вместе. У него не было денег на учебу, и Лоррейн одолжила их ему, чтобы он мог закончить колледж…

— А как насчет армии? Разве он…

— Нет, его не призвали. Больное сердце. Он продолжил учебу и… начал встречаться с Бетти… Все перепуталось. Я… я многого не знаю. Но мне известно, как они несчастны.

— Кто?

— Они оба.

— Лоррейн?

Тут Роза-Мария горько усмехнулась.

— Только не Лоррейн. В Мэне она загуляла, поэтому и не захотела возвращаться в Калифорнию, когда родители купили ранчо. И по моему разумению, вернулась лишь для того, чтобы даты Френку Гарвину полный отлуп. Но увидела, что тут происходит, и решила сыграть собаку на сене. На Френка ей плевать, но как она может потерпеть, что он предпочел ей другую девушку! От великой Лоррейн Колхаун, утонченной, образованной, много повидавшей, уверенной в себе,

кавалеры не уходят!

— Она мертва, — напомнил шеф.

— Извините, я забыла. Мне ее очень жаль.

Внезапно впереди вспыхнула лампа.

— Это мистер Торнтон, — воскликнула Роза-Мария. — Он зажигает свет, если кого-то из нас просят к телефону. Наверное, звонит Бетти.

Они подождали, пока она развернет машину, и поехали следом к дому Торнтона. Но звонила не Бетти, а Ирма Джессап. Она вновь попыталась найти Бетти, и миссис Терлок, ни о чем не подозревая, продиктовала ей номер Торнтона.

Трубку взял шериф.

— Слушаю.

— Извините, что снова беспокою вас… — затараторил женский голос.

— Одну минутку, — прервал ее Элдон. — С вами говорит шериф. Мы расследуем несчастный случай на ранчо Колхауна и… — он замолчал, потому что услышал гудки отбоя. На другом конце провода бросили трубку.

Билл Элдон сидел в своем кабинете в здании суда и читал дневник Лоррейн Колхаун.

Открылась дверь, в кабинет вошел Джордж Куинлэн.

— Сфотографировал ее? — спросил шериф.

— И ее, и все остальное, — кивнул Куинлэн. — Тело передали доктору. Я связался с Колхауном по телефону. Он будет здесь с минуты на минуту. Очень расстроился. Не знал, что его дочь поехала на ранчо. Думал, что развлекается где-то в Городе.

В ночной тишине громко заскрипели деревянные ступени здания суда.

— Похоже, Колхаун, — предположил Куинлэн.

— Мне кажется, их двое, — заметил шериф.

Дверь распахнулась, в кабинет вошел высокий, представительный мужчина.

— Меня зовут Колхаун. Я хочу видеть шерифа.

Вьющиеся волосы Колхауна тронула седина. Ухоженная внешность, хорошо поставленный, властный голос. Дорогой, светло-серый двубортный костюм. Такого же цвета плащ.

Билл Элдон поднялся из-за стола. Протянул руку.

— Я — Элдон, шериф. Сожалею, что наша встреча происходит при столь печальных обстоятельствах, мистер Колхаун.

Большие черные глаза Колхауна оглядели его. Он пожал протянутую руку, отступил в сторону и указал на второго мужчину, стоящего в дверном проеме.

— Мистер Парнелл, мой деловой партнер. Он займется… всем необходимым.

По возрасту Парнелл, с квадратной челюстью и ледяным взглядом, был на несколько лет моложе Колхауна. А его толстый живот не мог скрыть даже хорошо сшитый костюм.

Шериф обменялся с ним рукопожатием и представил Куинлэна, своего помощника. Потом все сели.

— Расскажите нам, что произошло, — попросил Колхаун после нескольких ничего не значащих фраз, с которых начался разговор.

Шериф коротко обрисовал ситуацию.

— Просто не могу в это поверить, — покачал головой Колхаун.

В голосе шерифа слышалось неподдельное участие.

— Похоже, она приехала сюда неожиданно.

— Да, да. Мы все собирались на ранчо завтра. Но у Лоррейн собственный автомобиль, и она вправе делать то, что ей хочется.

— Ей двадцать один? — уточнил шериф.

— Пошел двадцать второй…

Шериф откашлялся.

— Таков уж порядок, что я обязан просить вас съездить со мной и опознать тело… вы, надеюсь,

меня понимаете. Чистая формальность, обойтись без которой…

Тут вмешался Парнелл.

— Поэтому я и приехал. Мистеру Колхауну и так нелегко. О всех формальностях позабочусь я.

Парнелл говорил быстро, сопровождая каждую фразу красноречивым жестом. Чувствовалось, что в формальностях он поднаторел и действительно может помочь скорбящему отцу.

— Хотели бы вы взглянуть на дочь? — спросил шериф Колхауна.

— Естественно, — последовал короткий ответ.

— Давайте сразу и поедем, — добавил Парнелл. — Дело это малоприятное, а когда мы с ним покончим, мистер Колхаун сможет и отдохнуть.

— Вы пристрелили кобылу? — спросил Колхаун.

— Нет, — удивился шериф.

— Разве вы не убиваете животных, бросающихся на человека?

— Видите ли… — шериф запнулся. — Я решил подождать и получить у вас разрешение, зная, что вы все равно приедете. В конце концов, кобыла…

— Считайте, что разрешение вы получили. Я не хочу видеть эту кобылу. Пожалуйста, пристрелите ее незамедлительно.

— Лучше бы нам подождать до утра, потому что…

— Я хочу, чтобы ее пристрелили этой ночью, — отчеканил Колхаун.

Шериф кивнул Куинлэну.

— Джордж, остаешься за старшего. А мы поехали.

По пути в морг Колхаун не произнес ни слова. И лишь чуть кивнул, когда Билл Элдон представил ему Логэна, коронера и владельца похоронного бюро. А затем Карл Карвер Колхаун склонился над фигурой, застывшей на мраморном столе.

Внезапно он выпрямился и повернулся.

— Что-то я вас не понял? Где другое тело?

— Другое?

— Тело моей дочери.

На лице стоящих перед ним мужчин он прочитал крайнее изумление.

— Вы хотите сказать, что в моей конюшне вы нашли это тело?

— Разве это не ваша дочь? — спросил Логэн.

— Определенно нет.

— Вы знаете, кто это? — добавил Элдон.

— Мало того, что я не знаю этой женщины, я не могу взять в толк, с чего вы решили, что моя дочь мертва. Я понимаю, это сельский округ и здешняя

полиция не чета городской, но… — усилием воли Колхаун сдержался, пренебрежительно повел плечами и посмотрел на Парнелла. — Пошли отсюда.

— Одну минутку, — остановил его шериф. — Давайте разберемся до конца. Вы уверены, что это не ваша дочь?

— Полагаю, я должен знать собственную дочь, шериф.

Шериф молча повернулся к Парнеллу. Тот покачал головой.

— Ручаюсь вам, это не Лоррейн, шериф.

— Может, кто-то из вас знает, кто она?

— Никогда не видел ее раньше, — процедил Колхаун.

— Я — тоже, — добавил Парнелл.

Шериф придвинулся, чтобы еще раз взглянуть на тело молодой женщины.

— Как вы могли допустить такую ужасную ошибку? — спросил Колхаун.

— Головой она лежала в стойле, в тени, — объяснил шериф. — К тому же лицом вниз. Прибавьте еще кровь из раны на лбу. Но Сид Роуэн признал в ней Лоррейн Колхаун. То же самое утверждал и Лью Терлок.

— Разумеется, до того, как ты приехал, Билл, —

торопливо добавил Логэн. — Терлок лишь мельком заглянул в конюшню, увидел тело и сразу же позвонил тебе. Лицо он не разглядел. Помнишь, сначала он решил, что убитая — Бетти, его дочь. А когда появился Сид Роуэн, я обратил внимание, что он старался держаться подальше от покойницы. И уж точно не приглядывался к ней. Подошел один раз, коротко посмотрел на нее и сказал, что это Лоррейн. Полагаю, наша уверенность основывалась на том, что перед конюшней стояла машина мисс Колхаун.

— Одно увязывалось с другим, — продолжил шериф. — В конюшню вошли двое. Эта молодая женщина и кто-то еще.

— Я слушаю, — насупился Колхаун. — Выкладывайте все до конца.

— Кроме того, — шериф не заставил себя ждать, — в кормушке стойла кобылы мы нашли дневник вашей дочери, с написанными на первой странице ее именем и фамилией. Отсюда и родилась уверенность, что убитая — ваша дочь. В общем, все смешалось, и я могу понять, почему ошиблись и Сид Роуэн, и Лью Терлок.

— А я — нет, — отрезал Колхаун.

— Когда Лью Терлок нашел тело, света в конюшне не было. Лошади ржали, били копытами

в пол и стены. Терлок пару раз выглядывал из окна, прежде чем посмотреть, что там такое.

— К чему вы, собственно, клоните? — спросил Колхаун.

— Едва ли женщина ходила по конюшне в темноте, — объяснил шериф. — Перед тем, как подойти к стойлу кобылы, она наверняка зажгла свет. И, естественно, не могла его потушить после того, что произошло. Поэтому логично предположить, что с ней кто-то был и…

— Вы намекаете, — прервал его Колхаун, — что Лоррейн привела эту девушку в стойло, а после того, как кобыла лягнула ее, спокойно повернулась, подошла к воротам, выключила свет и отбыла, не позвонив ни в полицию, ни доктору, ни… Однако!

— Ну зачем же так, — покачал головой шериф. — Я говорю о втором человеке. Имени вашей дочери я не упоминал. Но эта девушка вошла в конюшню не одна.

— Мне ясно значение ваших слов! — воскликнул Колхаун. — А теперь давайте поставим точки над «i», шериф. В этом округе я человек новый, но не привык, чтобы мной помыкали. Мне не нравятся ваши намеки. Да, так уж случилось, что тело этой девушки нашли в моей конюшне.

Учитывая это обстоятельство и мое довольно заметное положение в Городе, какая-нибудь газета не упустит случая тиснуть об этом статейку. Но позвольте предупредить вас об этом. Если ваши действия помогут раздуть сенсацию или в связи с этой историей упомянут кого-то из членов моей семьи, пеняйте на себя. Даже теперь я могу подать на вас в суд. Ваши топорные методы привели к тому, что на какое-то время я поверил в смерть дочери. Уехал с важного совещания и гнал, как бешеный, чтобы выяснить, что стал жертвой полной некомпетентности. Советую вам подумать об этом. Покойной ночи, сэр.

Колхаун кивнул Парнеллу, и оба направились к дверям. Парнелл, однако, обернулся, пройдя несколько шагов.

— Постарайтесь уяснить, что к чему, парни. Я знаю Карла Колхауна довольно короткое время, но горжусь тем, что мы стали друзьями. Поставьте себя на его место. Некая молодая женщина заходит в конюшню, и там ее лягает лошадь. Вы уже успели наделать немало ошибок. Так постарайтесь впредь их избегать. Если вы выберете правильную тактику, городские газеты напишут об этом лишь пару абзацев. Если нет, навлечете на себя немалые неприятности. Не дай

Бог, какая-нибудь газета еще решит, что не все так просто, или выскажет предположение, что в смерти девушки замешана Лоррейн Колхаун… что ж, вы увидите, к чему это приведет. Карл Колхаун — влиятельный человек и обожает дочь… Постарайтесь спустить все на тормозах.

— Где сейчас Лоррейн? — спросил шериф.

Улыбка исчезла с лица Парнелла.

— Откуда мне знать? Придите в себя, шериф! Лоррейн Колхаун никогда не покинула бы девушку, с которой на ее глазах произошел несчастный случай!

Парнелл хотел сказать что-то еще, но передумал, повернулся и последовал за Колхауном.

Логэн и шериф переглянулись.

— Да, — выдохнул Логэн, когда шаги затихли вдали. — Мы, похоже, расшевелили осиное гнездо.

Шериф кивнул.

— Разумеется, он прав в том, что с опознанием мы допустили промашку, — продолжал Логэн. — Вина тут моя. Ты нашел дневник, прочитал в нем о Бетти Терлок и вместе с Лью отправился на ее поиски. А мне следовало окончательно установить личность погибшей. Я же доверился словам Лью Терлока и Сида Роуэна. Да еще ее машина у

конюшни. Такую ошибку мог допустить любой.

— А как насчет жены Сида? Разве она не подходила к убитой? — спросил шериф.

— Нет, не подходила. После вашего ухода, Билл, я думал о том, что вот-вот должен приехать Джордж Куинлэн, чтобы сфотографировать покойную, и никого не подпускал к телу. А миссис Роуэн и не хотела подходить к нему. Я, кстати, сразу это заметил, потому что она известная сплетница и обычно всюду сует свой нос.

Билл Элдон кивнул, шагнул к мраморному столу, взглянул на тело.

— Смерть такой девушки — чертовская несправедливость. Смотри, какая симпатичная, стройная. Ей бы жить да жить. Мы должны выяснить, кто она, как попала в конюшню, кто сопровождал ее.

— Ты все еще думаешь, что с ней кто-то был, Билл?

Шериф ответил не сразу. Он смотрел на U-образную отметину от удара подковой на лбу девушки.

— Взгляни-ка, Джим.

— А что такое?

— Не видишь ничего необычного?

Логэн покачал головой.

— Очень уж высоко задрала кобыла ногу. И, обрати внимание, вся сила удара пришлась на верхнюю часть подковы. Честно говоря, я не пойму, как кобыла могла угодить девушке в лоб, если та стояла. И в том случае основной удар пришелся бы на нижнюю часть подковы.

— Клянусь богом, в этом что-то есть! — воскликнул Логэн. — Девушка, наверное, стояла на четвереньках, когда кобыла лягнула ее.

— Вот-вот. У тебя есть рулетка, Джим? — спросил шериф.

— Могу принести.

— Неси.

Логэн направился к выходу, но на полпути обернулся.

— Билл, действовать надо с осмотрительностью. Мы уже попали в передрягу. Раш Медфорд, окружной прокурор, тебя не любит. Более того, он всегда лебезит перед богатыми и влиятельными. Мечтает о политической карьере. А уж такому, как Колхаун, он будет лизать задницу.

Билл Элдон молча смотрел на тело девушки, глубоко задумавшись.

— Билл Элдон, послушай меня! — воскликнул Логэн. — Ты уже не так молод, а в округе давно ходят разговоры, что пора сменить всех, занима-

ющих выборные должности, и начать следует с тебя. А особенно надо остерегаться Раша Медфорда. Вот уж кто вечно держит камень за пазухой. Говорит-то ласково, а думает лишь о том, как бы ударить, да побольнее. И в этом деле лучше сразу дать задний ход. Так мы отделаемся легкими царапинами. Если же будем упорствовать, с нас живьем сдерут шкуру.

Шериф резко повернулся.

— Джим, я никогда не отступаюсь, если считаю себя правым. Пошли за рулеткой.

Вместе с коронером он прошел в маленький кабинет, где Логэн достал из ящика стола стальную рулетку, размещенную в шестнадцатых частях дюйма[3], и протянул ее шерифу.

— Такая подойдет?

Шериф посмотрел на рулетку, кивнул и повернулся к двери, чтобы вернуться в морг.

— Послушай, Билл, Колхаун ступил на тропу войны, — гнул свое Логэн. — И ты не можешь тягаться с…

Шериф уже шел к двери. Занятый своими мыслями, он не услышал ни слова.

Логэн было последовал за ним, но передумал,

---

[3] Примечания: 3
Дюйм — 2,5 см.

вернулся к столу, сел.

Он тоже занимал выборную должность. Пока он оставался коронером, его похоронное бюро процветало. Если это место занимал кто-то другой, приходило в упадок и его дело.

Логэн представлял себе дальнейшее развитие событий. Если Билл Элдон упрется, а тот, похоже, не собирался отступать, Колхаун потребует головы шерифа. За последние два года у Билла вконец испортились отношения с Эдвардом Лайонсом, издателем «Роквилльской газеты». Лайонел уже пытался, используя авторитет газеты, расправиться с шерифом, но из этого ничего не вышло, и он затих, выжидая более удобного случая. Хорошо зная Лайонса, Логэн понимал, что тот своего не упустит.

Если Джим Логэн встал бы в этом деле на сторону шерифа, вопрос решался однозначно: оба или идут ко дну, или выплывают. На этот раз Логэну хотелось в любом случае удержаться на плаву. Для этого требовалось немногое. Снять трубку и позвонить Эду Лайонсу в «Роквилльскую газету».

В коридоре послышались приближающиеся шаги. Вошел шериф, положил рулетку на стол.

— Максимальная ширина отметины подковы четыре целых и пятнадцать шестнадцатых дюй-

ма, Джим. Я хочу, чтобы ты сделал контрольный замер. Я уезжаю.

— Куда?

— Поищу эту парочку. В каком укромном уголке они обнимаются?

— На дороге вдоль реки, — рассеянно ответил Логэн, думая совсем о другом.

— Их там уже искали.

— Тогда в парке у бейсбольного стадиона. Иногда они ездят туда.

— Благодарю, — кивнул Элдон. — Поеду в парк. Покойной ночи, Логэн.

— Покойной ночи, Билл, — ответил коронер, не поднимая глаз.

Шериф оставил его за столом. Взгляд Логэна не отрывался от телефона, он никак не мог решиться взять трубку.

Шериф въехал в распахнутые ворота автостоянки у бейсбольного стадиона, описал широкий круг, высвечивая пустынный асфальт, но неожиданно фары вырвали из темноты автомобиль с потушенными огнями. Автомобиль этот тут же тронулся с места, держа курс на ворота.

Шериф попытался его перехватить, но явно не успевал. Темный автомобиль уже набрал скорость. Шериф включил маячок. Но водитель

лишь прибавил газу, проскочил ворота, в визге тормозов вывернул на дорогу, ведущую к Роквиллю.

Шериф включил сирену.

Автомобиль и не думал останавливаться. Шериф вдавил в пол педаль газа. В его-то машине мотор помощнее. И если незнакомец думает, что только он — ас ночных гонок, его ждет горькое разочарование.

И действительно, погоня длилась недолго. Менее чем на половине расстояния, отделявшего стадион от Роквилля, шериф догнал беглеца, прижал к обочине и заставил остановиться.

— В чем дело? — рявкнул шериф, опустив стекло. — Вы что, не слышали сирены?

За рулем сидела белая, как мел, Бетти Терлок. Она хотела что-то сказать, но с дрожащих губ не слетело ни звука.

Шериф потянулся к мощному ручному фонарю. Направил его на заднее сидение автомобиля Бетти. Пусто. Перевел луч на переднее: рядом с Бетти сидел мужчина.

Шериф заглушил мотор, открыл дверцу, вылез из машины.

— Не следовало тебе этого делать, Бетти.

— Я… думала, что полиция устроила облаву на

обнимающиеся парочки. Мне не хотелось попадать в их сеть.

Шериф сбил шляпу на затылок.

— Ты отлично знаешь, Бетти, что в нашем маленьком городке мы все знаем и без облав. Сегодня вечером ты собиралась работать над пьесой для Красного Креста с Розой-Марией Моллард. Вот и отправляйся туда, да поскорее. А молодого человека я увезу с собой. Как его зовут?

— Френк Гарвин, — ответил мужчина.

— А, да, рад познакомиться с вами, Френк. Вы тут не живете, не так ли?

— Нет.

— Но приезжали в гости к Колхаунам?

— Совершенно верно.

— Приятель Лоррейн?

— Да.

— Знаете девушку, которую зовут Ирма Джессап?

— Да.

— Кто она?

— Подруга Лоррейн.

— И ваша?

— Да, я знаю ее довольно давно.

— Вы встречались с ней, Бетти?

— Нет, ни разу ее не видела. Но Френк часто

говорил о ней.

— Она пыталась дозвониться тебе из Города. На ранчо Колхаунов произошел несчастный случай. Лошадь лягнула молодую женщину.

— О Боже! — воскликнула Бетти Терлок.

Гарвин промолчал, но шериф заметил, что тот чуть повернул голову к Бетти, одновременно взяв ее за руку.

— У нее тяжелая травма? — спросила Бетти.

— Она убита. Мы начали расследование. Твой папаша ищет тебя, поэтому отправляйся к Моллардам. А вы поедете со мной, Френк.

Гарвин пересел в машину шерифа.

— Давай, — махнул шериф Бетти.

Та сорвалась с места, будто за ней гнался дьявол.

А шериф повернулся к Френку Гарвину.

— А мы немного постоим, сынок. Хочу задать вам пару вопросов.

— Да, сэр.

— Вы давно встречаетесь с Бетти?

— Нет.

— Живете в Городе?

— Да.

— Машины у вас нет?

— Нет.

— Как же вы добрались сюда?

— На семичасовом автобусе.

— Приехали на свидание с Бетти?

— Совершенно верно.

— Она вас ждала?

— Да, сэр.

— Где?

— У школы.

— Как вы добрались от автобусной остановки до школы?

— Пешком.

— Бетти довольно долго не было дома.

— Я… я опоздал, — пробормотал Гарвин.

— Что послужило причиной вашего опоздания, Френк?

Тот лишь покачал головой.

— После несчастного случая у Колхаунов, — по-отечески мягко продолжил шериф, — я, естественно, осмотрел место происшествия. И нашел дневник Лоррейн Колхаун. Каким-то образом он оказался в кормушке. Дневник этот — вещественное доказательство, поэтому я пролистал его. Полагаю, вы — тот самый Френк, который упоминается в дневнике, так?

— Скорее всего, да. Что она пишет обо мне?

— Сейчас вопросы задаю я, — тон шерифа стал

жестче. — Лоррейн полагала, что вы принадлежите ей, а Бетти старается увести вас у нее.

Гарвин промолчал.

— Я вас слушаю, — властный голос шерифа вызвал лавину слов.

— Наверное, я — первосортный негодяй. Моих родителей разорила депрессия. Они умерли вскоре после того, как лопнул банк, в котором они хранили свои сбережения. В школе я играл в баскетбол, но перетренировался. Врачи запретили мне повышенные нагрузки. Я хотел учиться в колледже, но оказалось, что путь туда мне заказан.

Лоррейн и я… полагаю, мы любили друг друга. Во всяком случае, я. Она предложила заплатить за мое обучение. Я согласился. А потом встретил Бетти… я чувствую себя таким подонком. Я не хотел вести двойную игру, обманывая Лоррейн, и постарался убедить ее, что обстоятельства изменились. Но она и слышать ни о чем не хотела.

— Поэтому вы начали встречаться с Бетти в тайне от Лоррейн? — предположил шериф.

— Разумеется, нет, — вскинулся Гарвин. — Я сказал Бетти, что видеться нам больше не стоит.

— Для этого вы и приехали сюда на автобусе.

— Нет, это ее идея. Она заявила, что не может

отступиться от меня, если мы не встретимся еще раз и не поговорим. Она… она не могла понять, почему я так поступаю.

— Да, легко догадаться, что она чувствовала, — кивнул шериф. — Но вы не сказали мне, что вас задержало?

— Мы договорились встретиться у школы. Последний раз увидеться наедине. Я смирился с тем, что Лоррейн решила публично объявить о наших отношениях, имея в виду помолвку. И более не мог приезжать сюда на уик-энды. Слишком тяжело знать, что Бетти совсем близко, но недосягаема для меня. Она запала мне в душу.

Я сошел с автобуса и пешком добрался до школы. Вскоре приехала Бетти. И я… я не смог заставить себя подойти к ней. Чувствовал, если увижу Бетти, сожму в объятиях, то уже никогда не расстанусь с ней. С другой стороны, я не мог объявить Лоррейн, что между нами все кончено. Слишком много она для меня сделала. Вы представить себе не можете, как восприняла бы все это Лоррейн. Она вбила себе в голову, что Бетти пытается увести меня, а виноват, конечно, я, выказывая обеим знаки внимания. Все так перепуталось, что…

— Я понимаю, сынок, — покивал шериф. —

Значит, вы решили постоять в темноте у здания школы, пока Бетти не уедет?

— Совершенно верно.

— А что произошло потом?

— Я… я услышал, как она плачет, думая, что я не приехал… и все здравые мысли вылетели у меня из головы. Всегда я все делаю не так. Не мог я допустить, чтобы она подумала, что я обманул ее и не пришел на свидание.

— С возрастом вы поймете, что честная игра всегда лучше. Так что не будем крутить и теперь. Сколько вы там пробыли?

— Не могу сказать, сколько прошло времени, прежде чем я заговорил с ней. Я приехал семичасовым автобусом. К школе подошел в четверть восьмого, Бетти приехала еще через десять минут. Я стоял в темноте, наблюдая за ней. Она погасила фары и подфарники, заглушила мотор. Наверное, минут через пятнадцать она поняла, что я могу и не прийти. Нас разделяло лишь несколько ярдов, поэтому я и услышал ее рыдания. Этого я не выдержал и подошел к ней.

Шериф повернул ключ зажигания, мягко заурчал двигатель.

— Мы должны думать о репутации Бетти. Я отвезу вас к Сан-Родольфо, сынок, а там вы сядете

на автобус, так что в городе вас никто не увидит. А мы притворимся, что она весь вечер провела с Розой-Марией. Даже если вы разлюбили Лоррейн, вам не остается ничего иного, как жениться на ней, пусть ваше сердце принадлежит другой. Впрочем, с этим вы разберетесь сами. Так будет лучше для всех.

Когда шериф вернулся в кабинет, он нашел там своего помощника, Джорджа Куинлэна, вяло отбивающегося от наседавшей на него агрессивной молодой женщины.

При виде шерифа Куинлэн просиял.

— А вот и шериф.

Женщина повернулась к Элдону, с каштановыми волосами, белокожая, красивая. Чувствовалось, что внешности она уделяет немало времени и денег.

Шериф отметил, что она очень похожа на убитую. Короче, он понял, кто стоит перед ним еще до того, как Куинлэн представил незнакомку.

— Мисс Лоррейн Колхаун, — Куинлэн выстоял в жестокой битве и теперь желал выйти из боя. — Думаю, теперь вы во всем разберетесь без меня.

Женщина нервно зажгла новую сигарету от окурка прежней.

— Будьте так любезны, объясните мне, что все

это значит? — спросила Лоррейн шерифа.

— Мадам, а почему бы вам не присесть, — улыбнулся шериф. — Разговор нам предстоит долгий. У меня такое впечатление, что объясняться придется вам.

Звучащая в голосе уверенность возымела действие. Лоррейн тут же сменила тактику. Лицо ее озарилось улыбкой. Она словно нашла человека, который может помочь ей справиться с возникшими затруднениями.

— Мой дневник не предназначен для чужих глаз. Я хочу забрать его у вас.

— Это я понимаю, — кивнул шериф. — Когда вы видели его в последний раз, мисс Колхаун?

— Это не ваше дело.

— Если кто-то украл у вас дневник, мой долг — найти его и вернуть вам. Если вы оставили его в кормушке стойла, коронер, естественно, пожелает узнать, лежала ли на полу убитая девушка, когда вы зашли в конюшню, и время вашего прихода.

Лоррейн задумчиво посмотрела на шерифа.

— Я рада, что вы мне все объяснили. Теперь я вижу, что вы абсолютно правы.

— Вот и чудесно. Так когда вы в последний раз видели свой дневник? — повторил вопрос

шериф.

— Примерно в шесть вечера, перед тем, как уехать из Города.

— И что вы с ним сделали?

— Записала несколько строк, а затем положила в ящичек на приборной панели.

— И заперли ящичек?

— Не помню. Но ящичек не был заперт, когда я вернулась к машине.

— Я заметил, что из дневника вырвана одна страница… за 17 апреля.

— Нет страницы! — изумление отразилось в ее голосе и глазах.

— Да, ее вырвали.

— Не может быть!

— Где вы были 17 апреля?

— Дайте припомнить. Я была… да, я была в Канзас-Сити, виделась с подругой по пути в Нью-Йорк.

— А сейчас вы приехали из Города на ранчо и поставили машину у конюшни?

— Да.

— В конюшне было темно?

— Совершенно верно.

— Лошади уже поели?

— Я не знаю.

— Но Сида Роуэна вы не застали?

— Нет. Никого не было. Приехала я расстроенная и… и пошла погулять.

— Куда же?

— Откуда мне знать? Шагала и шагала вдоль какой-то дороги.

— Из вашего дневника следует, что вы ревновали к Бетти Терлок.

Лоррейн отбросила голову назад, расхохоталась.

— Ревновала к Бетти? Да это уже смешно.

— В вашем дневнике упомянут мужчина, судя по всему, ваш друг, и Бетти…

— Раз уж вам по долгу службы положено быть в курсе моих личных дел, скажу, что Френк — мой очень близкий друг. Бетти Терлок вознамерилась увести его от меня при самой первой их встрече. Я знаю, многие ценят достоинства фермерских дочек, но не хотела, чтобы Френк загубил себя ради такой девушки. Я бы не вышла за Френка замуж, будь он последним оставшимся на земле мужчиной, но он — мой друг. Кроме того, я вложила в его карьеру три с половиной тысячи долларов. Дала ему эти деньги, чтобы он получил образование. Заплатила их сама, из собственных средств. Естественно, мне хочется, чтобы они не пропали

даром. Он не сможет закончить колледж, если у него на шее будет висеть Бетти Терлок.

В коридоре послышались торопливые шаги.

Шериф повернулся к двери.

И тут же ее распахнул Раш Медфорд, окружной прокурор. Следом за ним в кабинет ввалились Колхаун, Парнелл и еще один мужчина, которого шериф видел впервые.

— Шериф, мне только что сказали, что вы держите у себя дневник мисс Колхаун? — воскликнул Медфорд.

— Совершенно верно.

— Отдайте дневник ей!

— Он может стать важной уликой.

— Уликой чего?

— Преступления, которое я расследую.

Медфорд возвысил голос.

— Мой долг, как окружного прокурора, рекомендовать вам наилучший выход из создавшегося положения. Так вот, я предлагаю отдать дневник.

Незнакомец выступил из-за спины окружного прокурора, лет сорока с небольшим, пышущий здоровьем, в дорогих костюме и плаще, привыкший к тому, чтобы ему внимали, а не слушали.

— Позвольте мне, шериф. Я — Оскар Делано,

представитель юридической конторы «Делано, Свифт, Мэдисон и Чарльз». Мы ведем дела мистера Колхауна. Считаю необходимым сообщить вам, что уполномочен подать на вас в суд, если вы незамедлительно не отдадите дневник. Своими безответственными действиями вы нанесли моему клиенту моральный урон, сообщив, что его дочь убита.

Шериф пересек кабинет, захлопнув дверцу сейфа, повернул номерной диск.

— Подавайте в суд, — коротко ответил он.

— Идиот! — взвился Медфорд.

Шериф вернулся к столу, сел на скрипнувший под ним стул.

— Но у вас нет никакой надежды выиграть процесс, — заметил Делано.

— Возможно, и нет. Я готов отдать вам дневник при одном условии. Объясните, как кобыла с подковами номер один, максимальная ширина которых составляет четыре и три шестнадцатых дюйма, могла ударить женщину по голове, оставив отметину, соответствующую подкове номер два.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Колхаун.

— Девушку мог убить кто угодно, но только не

кобыла. Я убежден, что это убийство. А теперь можете подавать на меня в суд.

Следующим утром помимо обычного номера читатели «Роквилльской газеты» получили экстренный выпуск.

«УБИЙСТВО», — заявляет шериф.

«ПОГОНЯ ЗА ДЕШЕВОЙ РЕКЛАМОЙ», — полагает окружной прокурор.

«ПУСТАЯ БОЛТОВНЯ», — считает Колхаун.

В последующей статье Эдвард Лайонс, издатель и главный редактор, излил на шерифа всю накопившуюся желчь.

«Обнаружив тело неизвестной молодой женщины в конюшне Карла Карвера Колхауна, богатого брокера, недавно купившего ранчо неподалеку от Роквилля, шериф Билл Элдон, как обычно падкий на дешевую рекламу, незамедлительно объявил, что погибшая — Лоррейн Колхаун, дочь брокера. Женщина, похоже, умерла от удара по голове, нанесенного копытом стоящей в стойле кобылы.

И лишь после того, как Колхаун и его деловой партнер на бешеной скорости примчались в Роквилль и при опознании заявили, что жертва не имеет никакого отношения к Лоррейн Колхаун, шериф неохотно изменил свою точку зрения.

Затем, с помощью рулетки и знаменитого метода дедукции, он пришел к выводу, что имеет дело с убийством.

Исходя из несоответствия в три четверти дюйма между подковой кобылы и отметиной на лбу погибшей, шериф Элдон тут же объявил, что совершено убийство.

Какими бы ни были мотивы, побудившие его к такому заявлению, в результате он получил рекламу, о которой может только мечтать любой жаждущий переизбрания политик. Едва в Городе стало известно, что в конюшне богатого брокера найдено тело убитой женщины, Роквилль заполонили репортеры и фотографы.

Раш Медфорд, окружной прокурор, рассматривает утверждение шерифа «по меньшей мере, преждевременным». «Оно, — полагает Медфорд, — являет собой сочетание некоторых косвенных улик с разгулявшимся воображением человека, которому хочется снова и снова видеть свое имя на страницах газет. Благо, прецедент уже был».

Окружной прокурор, вероятно, имеет в виду убийство, совершенное в прошлом году на ранчо старика Хайби, преступление, раскрытое Элдоном благодаря удачному для него стечению

обстоятельств. В связи с тем делом об Элдоне много писали.

Несомненно, окружной прокурор прав, отмечая, что шерифу Элдону вновь захотелось известности. Точно так же ребенок хотел бы встречать Рождество каждую неделю.

О смерти же молодой женщины Раш Медфорд сообщил следующее:

«Мы не знаем, кто она такая. Нам не известно, что привело ее в конюшню Карла Колхауна. Но мы уверены, что делать ей там было нечего. Лошадь лягнула ее. Удар, к сожалению, оказался смертельным. Обнаружив разницу между отметиной на лбу женщины и размером подковы кобылы, шериф предположил, что дело тут нечисто. Пусть и не напрямую, он ясно дал понять, что женщина убита!

Он бросил семена сенсации в почву, где они наверняка дадут хорошие всходы, — продолжил Медфорд. — Слишком уж велико было искушение. Лично я прихожу в ужас, видя, как используется выборная должность в целях личной рекламы. Карл Карвер Колхаун — человек в Городе известный. И, раз уж он оказал Роквиллю честь, купив ранчо в его окрестностях, долг всех официальных лиц округа проявлять предельную

осмотрительность и принимать все меры, чтобы на страницах жадных до сенсаций газет не полоскали имен ни в чем не повинных людей».

Карл Карвер Колхаун высказался куда более жестко, чем окружной прокурор. «Я понимаю, что шериф — старый человек, и мне следует проявить милосердие. Но нелегко быть милосердным к тому, кто каждым своим шагом выказывает стремление к дешевой популярности. Я предупреждал его, что все, связанное с моим именем, представляет огромный интерес для средств массовой информации. Причиной тому — мое положение в обществе. Я просил его действовать осторожно и не спешить с выводами.

Просьбу эту я высказал после того, как опознание показало, что погибшая не имеет ко мне ни малейшего отношения. Вместо того чтобы внять моим словам, он попер напролом, конфисковав документы, принадлежащие моей дочери, которые он, несомненно, намерен в недалеком будущем представить прессе.

Совсем иное впечатление произвел на меня окружной прокурор, Раш Медфорд, трезвомыслящий молодой человек, удивляющий широтой взглядов. Из таких людей мы должны подбирать членов Апелляционного суда. Вот бы и шерифу

так же следовать только фактам, не увлекаясь досужими домыслами».

Шериф прочитал «Роквилльскую газету» в автобусе. Ехал он повидаться с Ирмой Джессап.

«До сих пор погибшую женщину не опознали, но на жакете найден ярлык фирмы из Канзас-Сити. Туфли женщины, совершенно новые, куплены ею в том же городе, о чем свидетельствует наклейка обувного магазина. Все это дает основания полагать, что скоро мы узнаем, кто нашел смерть в конюшне ранчо Колхауна».

Ирму шериф нашел в ее квартире. Она как раз позавтракала и собиралась на работу.

Ирма выслушала шерифа. Несколько раз ее брови удивленно поднимались. Ее звонок Бетти Терлок? Сущий пустяк. По сугубо личному делу. Важному по отношению к Бетти, но не для кого другого. Да, она звонила несколько раз. И сказала мистеру Терлоку, что ей очень нужно связаться с Бетти. И позвонила по номеру, полученному от миссис Терлок.

На вопрос, почему она бросила трубку, услышав, что с ней говорит шериф, Ирма Джессап рассмеялась.

— Святой Боже, я и не представляла себе, какой подняла переполох. Я не знала, что вам сказать,

поэтому и положила трубку.

— Вы читали утренние газеты?

— Нет, а что в них?

— Лошадь лягнула молодую женщину в конюшне Колхауна. Убила ее.

Ирма Джессап выразила сожаление.

— Вы не знаете, кто это мог быть? — спросил шериф.

— Нет.

— Простите за настойчивость, но я должен знать, по какому поводу вы звонили Бетти Терлок.

Ирма уже собралась с мыслями и не замедлила с ответом.

— Бетти — очень милая девушка. Но… по многим параметрам уступает Лоррейн. Френк Гарвин очень любил Лоррейн. Думаю, и Лоррейн любила его. Она заплатила деньги за его обучение в колледже. На его долю выпало немало горестей. Я знакома с Френком с детства. Наши родители дружили. И те и другие разорились в годы депрессии. А вот мистер Колхаун успел забрать свои сбережения из того же банка. Помнится, он советовал моему отцу, наверное, и мистеру Гарвину тоже, последовать его примеру, но те на свою голову отказались. Я хочу, чтобы вы представляли

общую картину.

Шериф молча кивнул.

— Так что Френка я знала хорошо. Френк влюбился в Лоррейн, а потом… ну, разлюбил ее. Думаю, разлюбила его и Лоррейн. Они разошлись в разные стороны. Лоррейн проводила лето в Мэне, и Френку показалось, что письма ее стали холоднее. Он говорил мне об этом.

— В Роквилль он приезжал, как гость семьи Колхаунов?

— Совершенно верно.

— И начал встречаться с Бетти?

— Да.

— Хорошо. А теперь расскажите мне о телефонном звонке.

— Френк сел в автобус и поехал в Роквилль повидаться с Бетти. Он не хотел, чтобы кто-то знал, куда он уехал, но Лоррейн каким-то образом выяснила цель его поездки.

— Как ей это удалось?

— Понятия не имею.

— А откуда вам об этом известно?

— Она позвонила мне и спросила, не у меня ли Френк. Сказала, что должна немедленно поговорить с ним. По голосу я поняла: что-то она пронюхала. И решила что она собирается ехать

в Роквилль.

— И вы позвонили, чтобы предупредить Бетти о намерениях Лоррейн.

— Совершенно верно.

Шериф и не попытался скрыть своего разочарования.

— Вы ничего не можете сказать о женщине из Канзас-Сити, лет двадцати двух, весом сто двенадцать фунтов, ростом пять футов и четыре с половиной дюйма, с ладной фигурой, темно-каштановыми волосами, карими глазами?

— Нет.

— Не было ли среди подруг Лоррейн женщины с такими приметами?

— Нет.

Шериф вытащил из кармана фотографию.

— Никого она вам не напоминает, если не учитывать раны на лбу и закрытых глаз?

— Нет. Я никогда ее не видела, во всяком случае, не помню.

Шерифу не осталось ничего другого, как поблагодарить ее и откланяться. Съездил он впустую.

За несколько минут до полудня шериф вошел в кабинет.

— О Господи, — поднялся ему навстречу Куинлэн, — я ищу тебя с самого утра, Билл.

— А что такое?

— Тело опознали.

— Кто же это?

— Эстелл Никольс из Канзас-Сити. У нее расчетный счет в магазине, где она купила туфли, и один из продавцов вспомнил ее.

— Есть какая-нибудь связь с Колхауном? — в голосе шерифа послышалась озабоченность.

Куинлэн покачал головой.

— Похоже, мы проиграли.

Шериф должным образом оценил преданность помощника.

— Окружной прокурор, — продолжал Куинлэн, — откуда-то выкопал свидетеля, девушку, утверждающую, что Эстелл ехала к ней. Причем планировала добраться пешком и на попутках. У нее есть письмо Эстелл, которое Медфорд уже показал газетчикам. В нем написано, что ночевать Эстелл намеревалась в конюшнях.

Она пришла на ранчо Колхауна ранним вечером, сразу после того, как Сид Роуэн задал корма лошадям и поехал в кино. Этим объясняется, почему она вошла в конюшню и не зажгла свет. Просто не знала, где выключатель. В темноте попыталась найти лестницу на сеновал и забрела в стойло.

— К какой лошади? — спросил шериф.

— Ну, — Куинлэн запнулся. — Просто к лошадям.

— К лошади с подковами номер один, — напомнил ему шериф. — Ибо, если бы ее ударила лошадь с подковами номер два, она не лежала бы так, как мы ее нашли. Потому что в стойле, в котором она лежала, находилась кобыла с подковами номер один.

— Лоб расплющился от удара. Хоули говорит, это могло повлиять на размеры отметины.

Элдон задумался.

— Действительно, размеры отметины могли измениться, но не на три четверти дюйма!

— Как только они докажут, что эта девушка незнакома с Колхаунами и зашла в конюшню, чтобы переночевать, наша карта бита, Билл, — по голосу Куинлэна чувствовалось, что он уже смирился с поражением.

— Где письмо? — спросил шериф.

— Письмо у Раша Медфорда, но я сделал фотокопию. Вот он. В натуральную величину.

Шериф взял у помощника фотокопию, прочитал следующее:

«Дорогая Мэй!

Надеюсь, мы увидимся вскоре после того, как

ты получишь это письмо. Я собираюсь навестить тебя, даже если мне придется ехать на попутках и ночевать в конюшнях.

Я уверена, что ты выслушаешь меня, пусть тебя и загипнотизировали. То, что я скажу, откроет тебе глаза.

И, Мэй, дорогая, попытайся раздобыть адрес мужчины, о котором я тебе писала. Я потеряла его след, но хотела бы вновь встретиться с ним.

Навек твоя,

Эстелл».

— Кому адресовано письмо?

— Некоей Мэй Эдрайн.

— Где она сейчас?

— На ранчо Колхаунов.

— Поехали, — шериф шагнул к двери.

— Там Раш Медфорд и этот адвокат Колхауна, — попытался остановить его Куинлэн. — С ними Эд Лайонс, и я думаю, они… Может, нам немного подождать?

Элдон усмехнулся.

— Они готовятся к тому, чтобы разнести меня в пух и прах. Так?

— Ну, поставь себя на место Эда Лайонса, — поникнув головой, промямлил Куинлэн.

Элдон положил руку на плечо помощника.

— Джордж, я давно понял, что есть только один способ проверить глубину реки — перейти ее вброд. Так что не будем терять времени.

До ранчо Колхауна они добрались довольно быстро. У конюшни стояло не меньше полудюжины машин. Шериф нашел свободное место, вылез из кабины, кивнул Парнеллу, входящему в ворота в заборе, за которыми начиналось ранчо Терлока, и скрылся в конюшне.

Оскар Делано, адвокат Колхауна, говорил, Раш Медфорд, окружной прокурор, внимал. Не упускали ни слова и остальные слушатели, репортеры и фотографы городских газет.

— Как видите, ситуация предельно ясна. Женщина путешествовала на попутных машинах и ночевала в конюшнях, как следует из ее же заявления. Здесь же нашли пуговицу и решили пришить к ней жилетку. Я, конечно, человек посторонний, и не мне критиковать выборных лиц этого округа.

— Что ж, тогда покритикую я, — подхватил эстафету Медфорд. — Я… а вот и он.

Шериф шагнул вперед.

— Да, Медфорд, я здесь.

Делано многозначительно прокашлялся, но ничего не сказал.

— Где Мэй Эдрайн? — спокойно спросил шериф.

Хрупкая молодая женщина с темными волосами и черными глазами выступила из-за репортеров.

— Я — Мэй Эдрайн, — голосок тоненький, даже испуганный.

— Вы знали погибшую?

Мэй кивнула.

— Вы видели тело?

— Да, — почти шепотом.

— Не только видела, но и опознала ее, — с триумфом воскликнул Эд Лайонс.

— А когда вы получили письмо, что передали окружному прокурору?

— Недель назад.

— Что побудило вас обратиться к нему?

— Я увидела фотографию в газетах. И мне показалось, что это моя подруга, Эстелл Никольс. Поэтому я связалась с окружным прокурором, и он показал мне тело. Я опознала погибшую.

— И вы не знаете никого из этих людей? — спросил шериф.

— Нет.

— В письме указано, что вас загипнотизировали. О чем, собственно, речь?

Женщина рассмеялась.

— У Эстелл был неудачный роман, и она думала, что я, возможно, намерена предпринять определенные действия, которые она не могла одобрить.

Более Оскар Делано не выдержал.

— Ну вот, пожалуй, и все. Картина ясна. Молодая женщина путешествует на попутках, решает заночевать в конюшне моего клиента и получает удар в лоб лошадиным копытом. А деревенский шериф усматривает в этом возможность прославиться и начинает раздувать из мухи слона.

Фотограф одной из городских газет упал на колено, навел камеру. Полыхнул магний, и на пленке запечатлелось полное благородного негодования лицо адвоката.

— И какая же лошадь лягнула ее? — невозмутимо спросил Элдон.

Делано повернулся к нему.

— Шериф, я позволю себе поделиться с вами большим секретом. Лошадь, которая лягнула ее, — тут Делано заговорщицки понизил голос, — о четырех ногах и с подковами. Не могу ничего сказать о цвете ее глаз. Вы выясните это сами.

Последовал взрыв смеха, побудивший другого фотографа сделать еще один снимок, оставить

для истории старика-шерифа, окруженного гогочущими репортерами.

Лью Терлок и Бетти через ворота прошли на свою территорию, пересекли лужок, направились к гаражу.

— Стыд какой, — возмущалась Бетти. — По какому праву эти люди смеялись над шерифом?

— К сожалению, он сам подставился, — Терлок вздохнул, потом добавил: — Для тебя это только к лучшему.

— Почему?

— Убийство потребовало бы тщательного расследования. И твои похождения в тот вечер, который ты якобы провела с Розой-Марией, выплыли бы на…

— Я знаю, папа, — прервала его Бетти. — Не будем об этом.

Терлок внезапно остановился.

— Смотри, спустило заднее левое колесо, — он указал на семейный автомобиль. — Надо его накачать.

Он подошел к машине, вытащил ключ из замка зажигания, вставил его в замок багажника, поднял крышку.

— Доставай насос, Бетти, а я… — он не договорил, увидев, что лежит на дне багажника

— длинный металлический стержень, с приваренными к одному концу двумя короткими трубками, расходящимися под углом. К этим трубкам также сваркой крепилась подкова.

— Что ты там увидел? — спросила Бетти.

Лью наклонился пониже. Пятно на подкове, прилипшие к ней волосы — перед ним лежало орудие убийства.

— Как эта штука попала сюда? — Бетти протянула руку к стержню, но Лью Терлок остановил ее.

— Не трогай! Если они найдут отпечатки твоих пальцев…

Бетти отдернула руку.

Лью Терлок захлопнул крышку и запер багажник на ключ.

— Бетти, как ЭТО попало сюда?

— Понятия не имею, папа. Никогда раньше не видела этой железки.

— Мужчина, который был с тобой. Может, это он положил?

— Френк?

— Да.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ничего, я только спрашиваю.

— Да Френк и мухи не обидит!

— Не могла бы ты позвать его к телефону, —

лицо Лью Терлока посуровело, казалось, его высекли из гранита.

— Могу, почему бы нет?

— Тогда пошли.

Он стоял рядом с Бетти, пока она просила телефонистку соединить ее с абонентом в Городе. Когда она дозвонилась до Френка Гарвина, трубку взял Лью Терлок.

— Говорит отец Бетти. Хочу задать вам пару вопросов. Вы знали Эстелл Никольс из Канзас-Сити?

Френк ответил не сразу.

— Да. Я встречался с ней год назад или около того. Она работала в банке. А что?

— Ее убили в конюшне Колхауна.

— Эстелл Никольс убили в конюшне Колхауна? — в изумлении повторил Френк Гарвин.

— Совершенно верно. Разве вы не видели фотографии в утренней газете?

— Видел, но мне и в голову не пришло… Подождите. Я возьму газету и взгляну повнимательнее.

Через несколько секунд в трубке послышалось тяжелое дыхание Френка.

— Возможно, это Эстелл.

— Приезжайте немедленно сюда. И постарай-

тесь не привлекать к себе внимания. Не теряйте времени. Вы меня понимаете?

— Да, сэр.

Терлок положил трубку, повернулся к дочери.

— Это убийство они назвали несчастным случаем. Если мы не будем высовываться, все заглохнет само собой.

— Отец!

— Прежде всего мы должны думать о нашей семье, — пробормотал Лью Терлок и отвернулся, не решаясь встретиться взглядом с Бетти.

Из ворот в заборе, разделявшем ранчо Терлока и Колхауна, вышел шериф Элдон.

— Ты не будешь возражать, если я тут покручусь, Лью?

По голосу Терлока чувствовалось, что он очень нервничает.

— Разумеется, нет. Конечно. Смотрите везде, где вам нужно. Может, чем помочь?

— Пока не знаю чем, Лью. Не нравится мне это дело. Одно с другим не сходится. Возьми вот эту мертвую девушку. Едет на попутках через всю страну. А заходит в конюшню Колхауна в легком платье, коротком плаще и туфлях на тонкой подошве. И без багажа… даже без зубной щетки. Вот я и хочу знать, что случилось с ее вещами,

если она случайно зашла в конюшню и погибла от удара копытом.

— Да, — нервно кивнул Терлок, — я понимаю.

— И еще. Лоррейн утверждает, что, приехав сюда, она вылезла из машины и отправилась на прогулку. А у меня такое впечатление, что она не любительница ходить пешком.

— И тут вы правы, — согласился Терлок.

— У тебя спускает колесо, — заметил шериф. — Лучше сразу подкачать его.

Терлок отошел от машины.

— Еще успею. Так что вы хотели посмотреть, Билл?

— Я заметил, что Лоррейн Колхаун много курит, когда нервничает, и подумал, что по приезде она устроилась где-нибудь неподалеку и стала наблюдать за твоим домом. Все-таки она ревнует к Бетти, хотя в этом и не признается.

— Да Бетти и пальцем бы ее не тро…

— Я знаю, Лью, но, если Лоррейн устроилась в таком месте, откуда могла видеть и твой дом, и свою машину, стоявшую у ворот конюшни, она, возможно, заметила, как Эстелл Никольс вошла в конюшню.

— Но было темно, — сказал Терлок.

— Я знаю, но кто-то же залез в машину Лоррейн

и вытащил из ящичка на приборном щитке ее дневник. Я не уверен, что это можно сделать в темноте, если не знать, где искать. А по всему выходит, что Эстелл Никольс не знакома с Лоррейн Колхаун.

— Билл, — пробормотал Терлок, — а может, бросить это дело? Глядишь, все само по себе утихнет.

— Отступать мне уже поздно, — вздохнул шериф. — Снимок, который сделал фотограф, когда все вокруг смеялись, загнал меня в угол. Так что хуже мне уже не будет. Можешь представить себе, что произойдет накануне выборов. Эд Лайонс напечатает эту фотографию в газете с подписью: «Нужен ли нам шериф, над которым смеются люди?» Слушай, у тебя течет ниппель. Слышно, как выходит воздух, Давай сохраним то, что осталось в камере.

Терлок попытался было заступить шерифу путь к автомобилю, но передумал. Шериф подошел, присел у колеса, свернул колпачок, обратной стороной закрутил ниппель.

— Ну, вот, — он встал, протянул колпачок Терлоку. — Теперь все в порядке. Насос у тебя в багажнике, Лью?

— Я сам накачаю колесо. Что вы волнуетесь

из-за моей машины, Билл? У вас и так столько хлопот. Пройдитесь по ранчо. Вон на том дереве у нас качели. Может, она сидела там.

— Оттуда виден лишь черный ход, — покачал головой шериф. — Скорее, она расположилась у той зеленой изгороди. Пройдусь-ка я вдоль нее.

— Пойдем вместе, — уж очень хотелось Терлоку увести шерифа от машины. — Может, и впрямь что-нибудь найдем.

Они прошли несколько шагов, как шериф остановился.

— Смотри сюда! — возбужденно воскликнул он. — Расстеленная газета. Кто-то сидел здесь и положил на землю газету, чтобы не запачкать платье. И дюжина окурков. Осторожно, Лью. Ничего не затопчи. Ага, человек сидел спиной к изгороди, чтобы видеть входную дверь твоего дома.

Далее шериф продолжать не стал, лицо его разочарованно вытянулось.

— И это все, что она могла видеть, — подал голос Терлок. — На ранчо Колхауна отсюда не заглянешь. Не видны ни дом, ни конюшня, ни оставленная перед воротами машина.

Шериф потер подбородок, присел.

— Да, так уж устроена жизнь, Лью. Выстраи-

ваешь, выстраиваешь логическую цепочку, а потом она рушится, как карточный домик. Разумеется, Лоррейн лгала. Никуда она не ходила. Сидела здесь и следила за твоим домом, как я и предполагал. Но едва ли это можно считать преступлением, даже если она и хотела увидеть, не приезжает ли к сопернице ее дружок. Во всяком случае, этот величавый адвокат из Города без труда докажет, что никакого закона Лоррейн не нарушила.

Шериф направился к воротам в заборе между ранчо.

Как раз в этот момент Бетти Терлок открыла дверь черного хода, вышла на крыльцо, увидела приближающихся шерифа и отца и тут же юркнула в дом, захлопнув за собой дверь.

— Бетти очень расстроена, — заступился за нее отец. — Ни с кем не хочет разговаривать.

— Да, я понимаю, что творится у нее в душе, — ответил шериф.

Подходя к воротам, они услышали голоса. С другой стороны к воротам приближались Карл Колхаун, Лоррейн, Мэй Эдрайн, Оскар Делано, Парнелл. Последний и обратился к шерифу:

— Послушайте, Элдон. Я — бизнесмен. И мне кажется, что нарастающее противостояние не

приведет ни к чему хорошему. Мистер Колхаун — мой друг. Он купил землю в этом округе, и ему здесь жить. Я хочу, чтобы проведенные здесь дни приносили ему только радость.

— Разве этому что-то мешает? — удивился шериф.

— К сожалению, да. Население тут небольшое, все друг друга знают. Мистер Колхаун дал указание своему адвокату начать против вас судебный процесс в связи с неправильным опознанием погибшей. Теперь, когда мы разобрались в причинах смерти девушки, я думаю, в суд обращаться не следует.

— Пусть мистер Колхаун поступает, как сочтет нужным.

— У меня к вам следующее предложение, — продолжил Парнелл. — Мы не подаем в суд. Вы отказываетесь от попыток…

— Каких попыток? — спросил шериф.

Парнелл не нашелся с ответом, но на помощь ему пришел Колхаун.

— Попыток нажить политический капитал на несчастном случае в моей конюшне.

Шериф повернулся к Лоррейн.

— Я хочу спросить мисс Колхаун, действительно ли она отправилась на прогулку после того,

как поставила машину у конюшни, как она говорила мне?

Лоррейн глубоко затянулась сигаретой, выпустила струю дыма.

— Отец, можешь, наконец, ты прекратить это безобразие?

— Видите ли, мисс, — продолжал шериф, — вон там, у зеленой изгороди, расстелена газета, на которой кто-то сидел. К газете по мягкой земле ведут следы, причем шла женщина в туфлях на высоких каблуках. А около газеты валяется дюжина окурков. Сигареты, кстати, той же марки, что курит мисс Колхаун. А по газете без труда можно определить, когда ее расстелили. Это вчерашний номер, в котором печатаются результаты скачек, и купила его мисс Колхаун аккурат перед тем, как уехать из Города.

— Это абсурд, — спокойно ответила Лоррейн.

— Что ж, мадам, возможно, абсурд, но, возможно, и нет. Следы очень отчетливы и оставлены точно такими же туфлями, как на вас.

— Святой Боже, — негодующе воскликнула Лоррейн. — Неужели я должна отчитываться за каждый шаг? С чего мне помнить, ходила я вдоль этой изгороди или нет? Я здесь живу, могла и пройтись. Если вы нашли мои следы, так я могла

оставить их неделю назад.

— Нет, они не недельной давности, — возразил шериф. — Они вчерашние, после дождя, который размягчил землю. И газета указывает, что ходили вы здесь вчера, после пяти вечера. А теперь будьте откровенны и скажите…

— Минуточку, минуточку, — вкрадчиво прервал его Делано. — Мистер Парнелл протянул вам оливковую ветвь, шериф. Давайте простим друг друга. Мой клиент совсем не заинтересован в том, чтобы судиться с вами из-за нанесенного ему урона, но в том, что он выиграет процесс, сомнений нет. Теперь же, раз уж он хочет отказаться от иска, мы может рассчитывать, что и вы пройдете свою половину пути.

— Факты — упрямая вещь, — не уступал шериф. — И я хочу отделить истину от вымысла. Еще один вопрос я хочу задать мисс Эдрайн. В письме погибшей говорится, что она хотела бы узнать адрес мужчины, с которым когда-то встречалась. Кто этот мужчина?

— Студент. Она встретила его год назад, на каникулах.

— Как его зовут?

— Святой Боже! — нетерпеливо воскликнул Колхаун. — Не поставить ли на этом точку? Ну к

чему такое упрямство?

— Как его зовут? — повторил шериф.

— Едва ли вы слышали о нем, шериф. Обычный студент, его родители одно время жили в Канзас-Сити. Зовут его Френк Гарвин.

— Френк Гарвин! — ахнула Лоррейн. — Я его знаю. Он мой близкий друг.

— Друг семьи, — торопливо добавил Карл Колхаун.

— И я знаю его уже несколько лет, — подал голос Парнелл.

Мэй Эдрайн словно и не заметила, какой эффект произвели ее слова.

— Я собиралась поискать адрес Гарвина. Правда, не знала, где. Эстелл никак не могла забыть его, хотя после их встречи прошел год. Влюбилась, наверное. С другой стороны, он учился на юридическом факультете, так что Эстелл, возможно, просто хотела с ним посоветоваться как с адвокатом.

— Послушайте, шериф, — властно вмешался Оскар Делано. — Следует признать, это чистое совпадение, и едва ли вам удастся чем-либо поживиться.

Парнелл повернулся к Лью Терлоку.

— Действительно, ничего от этого не изменя-

ется. Между прочим, мистер Терлок, мне нужна машина. Не смогли бы вы отвезти нас в Город? Я хорошо заплачу. Я обещал мисс Эдрайн, что возьму ее с собой. Так что у вас будет два пассажира.

— А мне кажется, мисс Эдрайн рано ехать домой, — возразил шериф. — Мы еще не все выяснили.

— Ерунда все это, — отмахнулся Парнелл. — Так как, мистер Терлок?

Терлок на секунду замешкался, затем поймал взгляд шерифа.

— Билл, я хотел бы сказать вам пару слов. Наедине.

Вдвоем они отошли на десяток ярдов.

— В чем дело, Лью?

— Билл, смерть девушки — не несчастный случай. Это убийство.

— И я склоняюсь к тому же, — кивнул шериф.

— Ее ударили подковой, приваренной к дубинке.

Взгляды мужчин встретились.

— Продолжай, Лью.

— Несколько минут назад я открыл багажник моей машины… Билл, дубинка там.

— Что за дубинка?

— Металлический стержень. К концу под уг-

лом приварены две дубинки, покороче, а к ним — подкова. Общая длина под два фута. И… Билл, нет сомнения, что девушку убили именно этой штукой.

— Ты ее не трогал? — спросил шериф. — Дубинку?

— Нет.

— А Бетти?

— Нет.

— Никому об этом не говори. Парнеллу скажи, что сейчас не можешь отвезти его, потому что после разговора со мной тебе срочно потребовалось съездить в Роквилль. Найдешь Куинлэна. Никому не открывай багажник, пока Куинлэн не снимет отпечатки пальцев. Что за подкова? Номер два?

— Похоже на то, — кивнул Терлок. — На ней запекшаяся кровь. Это орудие убийства, будьте уверены.

Шериф и Терлок присоединились к остальным.

— Извините, Парнелл, но я не смогу подвезти вас. Придется вам искать другую машину.

— Окружной прокурор едет в Город и берет с собой мисс Эдрайн. Он подвезет и меня.

А Раш Медфорд счел нужным добавить:

— Я намерен допросить Френка Гарвина. Толь-

ко что говорил с ним по телефону из дома Лью Терлока. Номер дала мне мисс Колхаун, — по тону Медфорда чувствовалось, что он собирается сообщить присутствующим важную информацию. — Френк Гарвин признал, что вчера был в Роквилле, а затем знакомый довез его до Сан-Родольфо и посадил в автобус, чтобы никто не узнал, что он приезжал сюда. Знакомого зовут Билл Элдон, шериф округа. В данной ситуации я вынужден начать расследование, — он выдержал паузу, затем повернулся к репортеру «Роквилльской газеты». — Можете ссылаться на мои слова.

В кабинете шерифа Джордж Куинлэн посыпал дубинку тончайшим белым порошком, предназначенным для выявления отпечатков пальцев.

— Что-нибудь нашли? — спросил Элдон.

— Ничего, — покачал головой Куинлэн. — Дубинка тщательно протерта. Должно быть, мягкой кожей. Ни единого отпечатка.

Билл Элдон достал из кармана табачный кисет, папиросную бумагу, несколькими ловкими движениями свернул сигарету.

— Что ж, в такой ситуации нам не остается ничего иного, как идти по следу.

— Только следа у нас нет, — вздохнул Куинлэн.

— След есть, — возразил шериф. — И не один.

— Например?

— Для начала — время убийства.

— Это точно, — кивнул Куинлэн. — Сразу же после отъезда Сида Роуэна в кино.

— Но иначе и быть не может, Билл. Сид Роуэн задал лошадям корма перед тем, как уехать. Положил он сена и той кобыле. Лежащее в стойле тело не давало ей есть. Поэтому лоток остался полным сена.

— Какого сена? — спросил шериф.

— Что значит, какого? — не понял Куинлэн. — Просто сена.

— Ячменного сена, — пояснил шериф. — Колхаун кормит лошадей овсом. А вот коров — ячменем и люцерной. Овес же только для лошадей. Его довольно сложно достать.

Куинлэн обдумал слова шерифа.

— Более того, — продолжил Элдон, — обнаружив такое орудие убийства, приходишь к выводу, что преступление готовилось тщательно, с продумыванием каждого шага. Преступник постарался обставить все так, чтобы убийство приняли за несчастный случай. Вроде бы какая-то девушка вошла в конюшню, потом в стойло, а там ее лягнула лошадь. Но в последнюю минуту что-то произошло, и убийце пришлось на ходу менять

планы.

— По-моему, убийца — Гарвин, — заявил Куинлэн. — Он встречался с Бетти Терлок, а тут появляется девушка, которую он знал в Канзас-Сити. Наверное, она могла рассказать кой-чего той, на ком он собирался жениться.

Шериф зажег спичку, поднес к самокрутке.

— В таком деле, Джордж, надо учитывать все аспекты.

— Так я и делаю.

— Не совсем. Если Гарвин убил ее, он должен был знать, что она зайдет в стойло.

— Знать, что она войдет в стойло! — воскликнул Куинлэн. — Да он сам привез ее на ранчо Колхауна. А уж потом завел в стойло. Поэтому он и опоздал на свидание с Бетти, которое назначил у школы.

— Возможен и такой вариант, — согласился шериф.

— А если так, положение у нас совсем незавидное.

— Почему? — удивился шериф.

— Ты отвез Гарвина в Сан-Родольфо, чтобы он сел там на автобус, и все такое.

— Это так, — согласился шериф, — но у меня создалось впечатление, что на убийцу Гарвин не

тянет. Милый молодой человек, интеллигентный, застенчивый. Пытается доказать всем и вся, что он — джентльмен.

— Внешность обманчива, — упорствовал Куинлэн. — Его загнали в угол, и он решил вырваться, сметая все преграды. Понял, что не может просто прийти к Эстелл и сказать: «Послушай, сестричка, в Канзас-Сити мы жили душа в душу, но с тех пор утекло много воды, и я встретил другую, с которой мне гораздо лучше».

Шериф задумчиво кивнул, в облаке табачного дыма.

— Твои рассуждения не лишены логики, Джордж, но я постараюсь не впутывать в эту историю Бетти. Многие подумают, что она обманывала родителей, говоря, что проведет вечер с Розой-Марией, а сама отправилась на свидание с этим Гарвином.

— Тут уж ничего не попишешь, — возразил Куинлэн. — Когда расследуется убийство, многое выплывает на поверхность.

— Я знаю, но зачем страдать Бетти Терлок? Мне кажется, мы обязаны защитить ее, насколько возможно.

— Нам бы себя защитить, — вздохнул Куинлэн. — Уж Эд Лайонс расстарается, чтобы всем

стало известно, что Эстелл Никольс знал в Роквилле только один человек, а вывез этого человека из Роквилля не кто иной, как шериф…

Билл Элдон кивнул.

— Да, конечно. Эд Лайонс своего не упустит. Чего-то другого ждать от него не приходится.

Несколько минут шериф молча курил. Затем затушил окурок.

— Знаешь, Джордж, мы упустили из виду одно очень важное обстоятельство.

— Какое же?

— Допустим, человек хочет кого-то убить и выйти сухим из воды. Сподобится ли он привести жертву ночью в стойло и ударить дубинкой с подковой по голове, чтобы все выглядело так, будто виновница происшедшего — кобыла?

— Нет, — ответил Куинлэн.

— И я того же мнения.

— Но, если хочется убить кого-то подковой, сделать это лучше всего в конюшне, — резонно указал Куинлэн.

— Все ты сказал правильно, только задом наперед.

— Как это?

Шериф усмехнулся.

— Если человек решит убить кого-то в стойле,

у него может возникнуть мысль сделать это с помощью подковы. Вот та отправная точка, оттолкнувшись от которой, мы можем прийти к искомому результату.

По указанию окружного прокурора состоялось экстренное заседание Большого жюри. Присяжные сидели хмурые. Фермеры, мелкие бизнесмены, честность каждого из которых ни у кого не вызывала сомнений. Суровые, но справедливые, они не могли не осознать, что рассматриваемое дело требует самого серьезного разбирательства. Еще бы, по всему выходило, что шериф лично вывез за пределы округа важного свидетеля.

Впрочем, сейчас этот свидетель, как и все остальные, вызванные Рашем Медфордом, находились в комнате ожидания. И губы Эда Лайонса, издателя «Роквилльской газеты», изгибались в торжествующей улыбке. Он готовился вбить последний гвоздь в политический гроб Билла Элдона.

Окружной прокурор коротко обрисовал присяжным свою позицию.

— Цель этого расследования — выяснить, что же творится в нашем округе. Я думаю, все вы, друзья, слышали о том, что у нас случилось. Женщина вошла в стойло конюшни Карла Карвера

Колхауна, его ранчо неподалеку от Роквилля. Имеются, однако, некоторые неясности, связанные со смертью этой женщины.

Первое, в кормушке стойла, у входа в которое лежало тело, найден дневник Лоррейн Колхаун. С одной вырванной страницей. Уже нет сомнений, что женщина оказалась около того стойла не случайно. Она пришла туда в полном соответствии с чьим-то замыслом и, похоже, не одна.

И есть только один человек, знакомый с этой женщиной, хорошо знающий Колхаунов и часто бывавший на их ранчо. Это Френк Гарвин. Я хочу, чтобы вы, господа, выслушали его. Узнали от него самого, как он покинул пределы нашего округа. Кто усадил его в машину и довез до Сан-Родольфо.

Я не собираюсь комментировать имевшие место события. Долг Большого жюри — дать им взвешенную объективную оценку. А теперь, господа, позвольте представить вам первого свидетеля, Френка Гарвина. Его показания необходимо застенографировать.

Один и двое присяжных посмотрели на Билла Элдона. В их взглядах читалось сочувствие. Но старшина Большого жюри, обращаясь к Медфорду, показал, что руководствоваться присяжные

будут не эмоциями, но разумом: «Вы — окружной прокурор. Представляйте ваших свидетелей. Если вы найдете, что какие-то выборные должности нашего округа занимают недостойные люди, мы тут же примем надлежащие меры».

Френка Гарвина пригласили в зал заседаний. Присяжным он рассказал ту же историю, что и шерифу, добавив, правда, что был знаком с Эстелл Никольс. Но стоял на том, что встречался с ней год назад в Канзас-Сити, после чего не поддерживал с ней никаких отношений. С Эстелл, утверждал Френк, у него завязалась теплая дружба, но не более того, поскольку у него были, как он выразился, «другие интересы».

Медфорд не стал требовать расшифровки «других интересов», поскольку хотел как можно быстрее перейти к наиболее интересующей его части показаний.

— Скажите, Френк, вчера вечером вы были в Роквилле?

— Да, сэр.

— Куда вы пошли, покинув конюшню Колхауна?

— Я не был в конюшне Колхауна.

— Ладно, к этому мы еще вернемся. Вчера вечером вы видели шерифа нашего округа?

— Да.

— Где?

— В парке у бейсбольного стадиона.

— И что он сделал?

— Он… гм… отвез меня к автобусной остановке, чтобы я мог добраться до Города.

— А теперь я прошу вас, молодой человек, вспомнить поточнее, как было дело. Нам нужна полная ясность. Он отвез вас в некое место, потому что вы хотели сесть там на автобус, или сам предложил отвезти вас туда, чтобы вы могли сесть на автобус?

— Он предложил отвезти меня.

— Почему?

— Он полагал, будет лучше, если мои друзья не увидят меня в Роквилле.

— Понятно, — в голосе Медфорда слышалась издевка. — Увез вас из Роквилля на машине, выделенной ему округом, истирая шины и сжигая бензин, оплаченные налогоплательщиками округа.

Гарвин промолчал.

— Не стесняйтесь, молодой человек, — напирал Медфорд. — Уж на вопросы-то вы можете и ответить. Я не ошибся?

— Да, мы ехали на полицейской машине. С

маячком на крыше.

— У меня все, — подвел черту Медфорд.

Старшина Большого жюри повернулся к шерифу.

— Вы не хотите задать вопросы этому мальчику, Билл?

Шериф покачал головой.

Присяжные переглянулись. Решение шерифа их озадачило.

— Пока все, молодой человек, — обратился старшина к Гарвину. — Возвращайтесь в комнату ожидания. Вы не должны говорить другим свидетелям, какие вопросы вам задавались, и никому не рассказывайте о своих показаниях.

Гарвин вышел.

— Насколько я понимаю, Билл, — вновь заговорил старшина, — будет неплохо, если вы объясните свое поведение.

Присяжные согласно закивали.

— Что ж, господа, с моей точки зрения, мы имеем дело с убийством. Хладнокровным, тщательно спланированным, загодя подготовленным.

— Все это чистая выдумка, ничем не подтвержденная, — возразил Медфорд. — Но, если вы и подумали, что совершено убийство, ваши действия тем более сомнительны. Как вы могли

вывезти из округа одного из, если не главного, подозреваемого? Как мне представляется, господа, именно Гарвин зашел в конюшню с той женщиной. И, похоже, находился там, когда ее лягнула лошадь. А потом убежал и, чтобы снять с себя подозрения, обставил все так, будто приехал в Роквилль лишь для того, чтобы повидаться с дочерью Терлока.

И сейчас я хочу пригласить сюда дочь Терлока и доказать, что она не знала, где находился Гарвин в те минуты, когда умерла Эстелл Никольс. Бетти Терлок назначила Гарвину свидание, а тот опоздал чуть ли не на час, потому что в это время он находился на конюшне Колхауна вместе с Эстелл Никольс. Могу я пригласить Бетти Терлок?

— Я только начал объяснять свои действия, как окружной прокурор перебил меня, — заметил шериф.

Старшина кивнул.

— Можете продолжать, Билл, мы вас внимательно слушаем.

— Когда имеешь дело с убийством, многие мелочи становятся весьма существенными. Многие, но не каждая из них. Так что я полагаю, нет никакого смысла вызывать такую милую девушку, как Бетти Терлок, и заставлять ее отвечать на

вопросы перед Большим жюри, чтобы доказать, что молодой человек, которого она любит, чуть опоздал на свидание.

— Очень уж вы разборчивы с этими мелочами, — усмехнулся Медфорд. — Опоздание Гарвина для вас пустяк, а из расхождения в полдюйма между подковой кобылы…

— Не помолчать ли вам, Раш Медфорд, — прервал его шериф. — Сейчас я даю пояснения Большому жюри. Потом вы сможете высказать свои соображения.

— Это справедливо, Раш, — согласился с Элдоном старшина. — Дайте Биллу выговориться.

— Так вот, господа, называя случившееся хладнокровным тщательно спланированным убийством, я полностью отвечаю за свои слова. На копытах кобылы подковы номер один. Отметина на лбу убитой сделана подковой номер два. Кобыла просто не могла ударить женщину в лоб, стоя у кормушки. Слишком высоко. Кроме того, характер раны ясно указывает, что основная сила удара пришлась на ВЕРХНЮЮ часть подковы, то есть удар наносился сверху. Если бы женщину лягнула кобыла, основная сила пришлась бы на НИЖНЮЮ часть.

Медфорд пренебрежительно фыркнул.

— Вы привели очень уж веский аргумент. Доказали, что кобыла не могла лягнуть эту женщину.

— Вы правы, Медфорд, — кивнул шериф. — Главное вы уловили. Если желаете, можете посмотреть, чем убили Эстелл Никольс.

Шериф глянул на Куинлэна. Тот подошел, держа в руках железную дубинку с приваренной к ней подковой.

Присяжные повскакивали со стульев и окружили Куинлэна, рассматривая орудие убийства.

— Где вы это взяли? — просипел Медфорд.

— Неважно, — отмахнулся шериф. — С вашего разрешения, я продолжаю. Господа, только ничего не трогайте, потому что на подкове остались кровь и волосы, которые могут потребоваться нам, как вещественные улики. На самой дубинке отпечатков пальцев нет, ее аккуратно протерли мягкой кожей. Если вы сядете, я расскажу вам, что произошло.

Присяжные заняли свои места. Окружной прокурор склонился над орудием убийства.

— Чтобы убить женщину подковой и представить все так, будто ее лягнула лошадь, необходимо, чтобы все знали, что она заходила в конюшню. Вот я и думаю, что Эстелл Никольс подписала свой смертный приговор, указав в

письме к подруге, что собирается спать в конюшнях, если возникнет такая необходимость. И человек, знавший об этом письме, завел Эстелл на конюшню и, улучив удобный момент, ударил ее по голове дубинкой.

Чтобы все выглядело естественно, он не мог нанести более одного удара. При нем находился и дневник, а убить наверняка он мог, лишь ухватившись за дубинку обеими руками. Страницу из дневника он уже вырвал, собственно, только за этим дневник ему и понадобился. И, чтобы освободить вторую руку, он бросил дневник в кормушку, а уж затем взмахнул дубинкой.

Убийца намеревался забрать дневник позже, но не учел, что ему может помешать кобыла. А она так нервничала, что убийца побоялся входить в стойло. С другой стороны, искомая страница, которую он хотел уничтожить, уже лежала у него в кармане, поэтому он мог оставить дневник в кормушке.

— Вы полагаете, это был мужчина? — спросил старшина.

— Разумеется. Во-первых, посмотрите на сварку. Вы же не пойдете в первую попавшуюся мастерскую и не станете просить, чтобы к вашей дубинке приварили подкову. Нет, убийца все

сделал сам. Конечно, сейчас и женщины умеют обращаться со сварочным аппаратом, но мне представляется, что это мужская работа.

Далее, судя по всему, мужчина этот кое-что знает о сельской жизни, но не все. Во-первых, ему не известно, что подковы разнятся по размерам. Во-вторых, он не отличает ячменного сена от овсового. Вспомните, что писала Эстелл Никольс своей подруге. Фотокопия письма у вас имеется. Насчет гипноза и предложения прислушаться к ее, Эстелл, мнению. Если это расшифровать, речь, разумеется, идет о мужчине.

Присяжные согласно закивали.

— Отсюда можно сделать вывод, что Мэй Эдрайн покрывает этого мужчину, потому что, следуя моей версии, он видел письмо Эстелл и знал, что она собиралась спать в конюшнях.

Остальное вы можете представить себе сами. Если Эстелл Никольс и ночевала в конюшнях, она не стала бы ночевать в конюшне Колхауна, слишком уж близко от цели путешествия находится последняя. Эстелл могла бы добраться до Города, встретиться с подругой и провести ночь в хорошей постели. Более того, иных вещей, кроме носильных, у погибшей не обнаружено. Если бы она действительно добиралась на попутках и

спала в конюшнях, обойтись без других вещей она не могла.

И я полагаю, что она уже виделась с Мэй Эдрайн. А мужчина, убивший Эстелл, привез ее в конюшню Колхауна из Города. Затем вернулся к Мэй и, возможно, сказал: «Послушай, Мэй, случилось что-то ужасное. Эстелл и я зашли в конюшню, и ее лягнула лошадь. Я не хочу, чтобы кто-то знал о моем присутствии в конюшне в тот момент, потому что это сильно навредит мне. Раз уж это несчастный случай, никому не говори и все образуется само по себе».

Найденная дубинка ясно указывает, что убийство тщательно готовилось. Убийца надеялся, что прикроется «несчастным случаем», но в запасе у него был и второй вариант. Он собирался выдать за убийцу Френка Гарвина. Почему? Во-первых, он знал, что Гарвин в Роквилле в тот вечер. Во-вторых, из письма он понял, что Гарвин и Эстелл знакомы.

Тут мы имеем одну зацепку, которая способствует нам в раскрытии преступления. Мужчина, которого мы ищем, не только хорошо знал Мэй Эдрайн, он также поддерживал отношения с Френком Гарвином и для него не было тайной намерения Сида Роуэна и его жены поехать в тот

вечер в кино. Знал он и о том, что на поздний вечер у Гарвина будет железное алиби. Поэтому, на случай, что смерть Эстелл Никольс признают насильственной, он попытался достаточно точно обозначить время убийства. Обставив все так, будто кобыла не смогла поесть, потому что ее нервировало лежащее в стойле тело.

И после убийства он наложил в лоток сена. Но выдал себя, ошибившись с сортом сена, заменив овсовое на ячменное. Он пытался показать, что кобыла не успела поесть. На самом же деле кобыла съела все сено, оставленное Сидом Роуэном, а в лотке оказалось другое сено, ячменное, положенное убийцей. Закладка в лоток второй порции сена также указывает на тщательную и продуманную подготовку убийства.

Пунктуальное воплощение своего плана в жизнь наверняка придало убийце уверенности. В девяносто случаях из ста ни у кого не возникло бы и тени сомнений, что смерть наступила не от удара копытом кобылы. Оставалось лишь подстраховаться на сотый случай — подложить орудие убийства в багажник машины, на которой в тот вечер ездил Гарвин, И ПОЗАБОТИТЬСЯ О ТОМ, ЧТОБЫ ОРУДИЕ УБИЙСТВА ПОЯВИЛОСЬ НА СВЕТ В НУЖНЫЙ МОМЕНТ.

Убийца нашел очень простое решение. Выкрутил ниппель на заднем колесе машины Терлока, чтобы колесо чуть спустило, и хозяину пришлось бы лезть в багажник за насосом. А теперь, господа, если мои рассуждения заинтересовали вас, давайте пригласим Мэй Эдрайн и зададим ей пару-тройку вопросов.

Раш Медфорд хотел было что-то сказать, но, оглядев суровые лица присяжных, передумал и промолчал.

Вошла Мэй Эдрайн, присягнула.

— Задавайте вопросы, Билл, — обратился к шерифу старшина Большого жюри.

Шериф улыбнулся нервничающей молодой женщине.

— Мэй, вам придется ответить на несколько вопросов, — говорил он мягко, словно добрый дедушка. — Мы не хотели бы вмешиваться в вашу личную жизнь, но должны довести это расследование до конца.

Мэй кивнула.

— Когда вы говорили, что хотите что-то сделать вопреки предостережениям Эстелл, речь, похоже, шла о вашем замужестве?

— Не совсем так. Я встречалась с одним человеком и собиралась дать ему для инвестирования

мои деньги, полученные по наследству.

— Ваш кавалер умеет работать с инструментом? Может что-то сварить, спаять, отчеканить?

Ее лицо просветлело.

— Да. Он дарил мне сделанные им подносы, подсвечники…

— А как его зовут? — спросил шериф.

— Он не хотел, чтобы я называла его имя, и я не стану этого делать.

— Он знал Эстелл Никольс?

— Кажется… Да.

— А она его хорошо знала, не так ли?

— Да.

— И вы показывали ее письмо этому человеку и говорили ему, что она скоро должна приехать?

— Да.

Шериф отечески улыбнулся.

— А теперь, мисс Эдрайн, будьте с нами откровенны. Этот мужчина — Генри Парнелл, не правда ли?

Мэй крепко сжала губы.

— Ну что же вы молчите, — напирал шериф. — Большое жюри вправе требовать у вас ответа. Зачем вам лишние неприятности? Он и Эстелл Никольс поехали на ранчо Колхауна, хозяина не оказалось дома, а лошадь случайно лягнула

Эстелл и убила ее. Он же не хотел, чтобы Колхаун знал о его поездке на ранчо. Поэтому и попросил вас помочь ему замять это дело, тем более, что причиной смерти стал несчастный случай, и Эстелл Никольс уже не оживить.

По щекам Мэй потекли слезы.

— А потом, когда все-таки началось расследование, Парнелл предложил вам опознать тело и показать письмо Эстелл окружному прокурору, чтобы все выглядело так, будто она зашла в конюшню Колхауна по пути в Город, чтобы переночевать там, как, собственно, и следовало из письма. Я прав, не так ли, Мэй?

Всхлипывая, она кивнула.

— Молодец, — похвалил ее шериф. — А теперь пройдите в соседнюю комнату. Мы тут посоветуемся, а потом снова вызовем вас, когда вы немного успокоитесь.

Едва Мэй вышла, шериф повернулся к присяжным.

— Господа, мне кажется, — мы на верном пути. И сейчас самое время побеседовать с Парнеллом. Впрочем, что бы он ни сказал нам, у нас есть все основания обвинить его в убийстве.

— Убей меня Бог, не пойму, как вы догадались, что это Парнелл, — старшина Большого жюри,

похоже, выразил общую мысль.

— Видите ли, поначалу убийца попытался представить убийство как несчастный случай. С этим у него ничего не вышло, поэтому он решил возложить вину за содеянное на Френка Гарвина. Парнелл очень уж хотел, чтобы я обнаружил орудие убийства в багажнике машины Лью Терлока. По тому, как выходил воздух из спущенного колеса, я понял, что ниппель вывернули совсем недавно.

Тут мне вспомнилось, что я видел Парнелла, возвращающегося с ранчо Терлока, когда подъехал к конюшне Колхауна, в которой находились в тот момент репортеры, окружной прокурор, Колхаун, его адвокат да и все остальные. Парнелл незаметно покинул конюшню, чтобы выкрутить ниппель. А потом попросил Терлока подвезти его до Города, сознательно привлекая внимание к машине, рассчитывая, что Терлок обязательно откроет багажник, чтобы достать насос и подкачать колесо. И, естественно, обнаружит спрятанное им там орудие убийства. Отсюда я сделал однозначный вывод, что убийца — Парнелл.

Обращаю ваше внимание и еще на две-три мелочи. Страница, вырванная из дневника, указывает на то, что убийца скорее всего встречался

с Лоррейн Колхаун в тот апрельский день. Лоррейн, вероятно, и не вспомнила бы об этом, не заглянув в дневник. Возможен и другой вариант. Когда Лоррейн гостила в Канзас-Сити, друзья рассказали ей о некоем скользком типе по фамилии Парнелл. Она записала их слова в дневник и забыла об этом. Но кто-то из его приятелей в Канзас-Сити прознал об этом и сообщил Парнеллу. Чем поставил последнего в неловкое положение, потому что он как раз набивался в деловые партнеры к Колхауну. Вполне возможно, что рассказал ему о записи в дневнике Френк Гарвин, потому что, как вы помните, Парнелл знаком с Гарвином с давних пор, а с Колхауном — недавно. И я уверен, что Парнелл и Гарвин знакомы по Канзас-Сити.

И еще одна маленькая подробность. Убийца знал, что машина Лоррейн с дневником в ящичке на приборном щитке будет стоять у конюшни, знал, что Гарвин в тот вечер тайно встречается с Бетти Терлок, что Сид Роуэн отправляется в кино. Доводилось ему бывать и в конюшне Колхауна. Не знал он одного — чем кормит Колхаун лошадей.

Как вы видите сами, речь идет о человеке, обманувшем одну девушку в Канзас-Сити, пы-

тающемся прокрутить то же самое с другой и стремящемся втянуть в какую-то аферу богатого человека. Соедините все воедино, и у вас не останется сомнений, о ком идет речь.

— М-да, — протянул старшина присяжных. — Давайте пригласим мистера Парнелла и посмотрим, что он нам скажет. Возможно, мы ничего от него не услышим, но попробовать надо.

Вошел Парнелл. Держался он уверенно, всем видом показывая, что готов помочь расследованию.

— Мистер Парнелл, — начал шериф, — вы подтверждаете, что никогда не встречались и не были знакомы с Эстелл Никольс?

— Да.

— Но Мэй Эдрайн вы знаете, не так ли?

— Конечно, мы виделись сегодня.

— Но вы знали ее и раньше?

— Я… э… могу я поинтересоваться, в чем смысл ваших вопросов?

— Мы просто пытаемся представить себе общую картину.

— А нельзя ли поконкретнее?

— Вам задан вопрос, — напомнил шериф. — Знали вы раньше Мэй Эдрайн или нет?

Парнелл оглядел сидящих перед ним присяж-

ных.

— Не думаю, что должен отвечать на этот вопрос.

— Почему нет?

— Откровенно говоря, полагаю, что это не ваше дело. А потом, мне не нравится настроение этих людей.

И тут шериф вытащил дубинку.

— Я хочу показать вам подкову второго номера, приваренную к металлическому стержню. Вам не доводилось видеть ее ранее?

— Нет. Впервые вижу.

— Но вы признаете, не правда ли, что сказали Мэй Эдрайн о вашей поездке с Эстелл Никольс на ранчо Колхауна и о несчастном случае в конюшне? Насчет того, как Эстелл лягнула лошадь, а вы не хотите, чтобы в этой истории упоминалось ваше имя?

Парнелл облизал губы.

— Я отказываюсь отвечать на этот вопрос.

— На каком основании? — поинтересовался шериф.

Парнелл глубоко вздохнул, прежде чем ответить.

— На основании того, что ответ может быть использован против меня.

— Вы абсолютно правы, — кивнул шериф. — К тому же ваш ответ нам и не нужен. У нас есть показания Мэй Эдрайн. А еще мы поедем к вам домой и наверняка найдем маленькую мастерскую. И не составит труда доказать, что именно там вы изготовили дубинку, удар которой оборвал жизнь Эстелл Никольс. Вы же, мистер Парнелл, будете немедленно взяты под стражу и останетесь в тюрьме округа, пока вас не вызовут в суд по обвинению в убийстве…

Шериф открыл дверь своего дома. Время близилось к полуночи, и он чертовски устал. Напряжение спало, и теперь он еле передвигал ноги. Что поделаешь, возраст, сказал он себе, нечего прикидываться молодым.

На цыпочках шериф пересек холл. Сестра жены могла потребовать полного отчета, если б увидела его.

Он уже достиг двери в спальню, когда заметил ее. В пижаме и тапочках, она сидела в гостиной под торшером. На коленях лежал вечерний выпуск «Роквилльской газеты» с заголовком на первой полосе: «ТОЛПА РЖЕТ НАД ШЕРИФОМ».

Шериф подошел к ней и постоял, всматриваясь в лицо спящей Дорис. Кресло она поставила так, чтобы видеть ворота гаража, и никто не проско-

чил бы в дверь незамеченным. Но сон оказался сильнее любопытства.

Билл Элдон наклонился, взял газету, зачеркнул в заголовке слова «ШЕРИФ», написал «ИЗДАТЕЛЬ». Заголовок принял следующий вид: «ТОЛПА РЖЕТ НАД ИЗДАТЕЛЕМ».

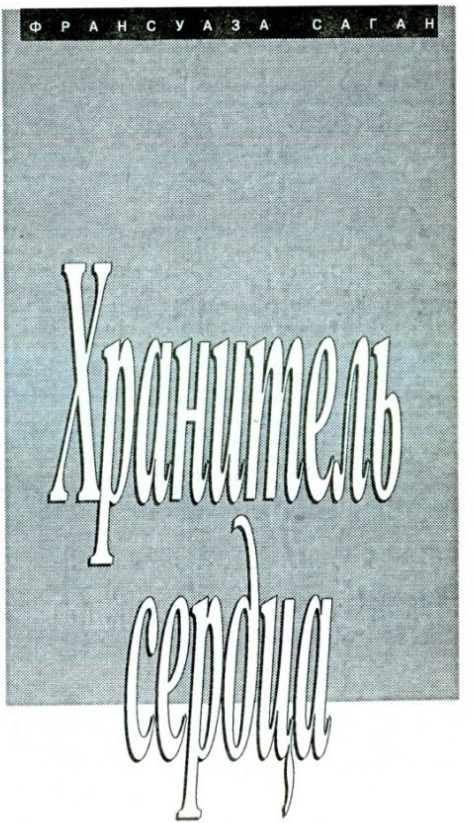
Так же неслышно шериф прошел в спальню.

— Ты видел Дорис? — сонно спросила с кровати жена.

Шериф хохотнул.

— Я ее видел, — он начал раздеваться. — А вот она меня — нет.

ФРАНСУАЗА САГАН



ФРАНСУАЗА САГАН
Хранитель сердца

© Перевод на русский язык В. Вебера

1

Дорога, окаймляющая океан у Санта-Моники, вытягивалась, прямая и бесконечная, под колесами ревущего «ягуара» Пауля. Было тепло, и влажный воздух пах бензином и ночью. Мчались мы со скоростью 90 миль в час. Как все, кто ездит быстро, Пауль вел машину с небрежным видом; на его перчатках, как у профессиональных гонщиков, были аккуратные дырочки для костяшек пальцев, и оттого его руки казались мне немного отталкивающими.

Меня зовут Дороти Сеймур, мне сорок пять лет, лицо немного увядшее, так как ничто в жизни серьезно не препятствовало этому. Я пишу киносценарии, и довольно удачные, и все еще привлекательна для мужчин, наверное потому, что и они привлекают меня. Я — одно из тех ужасных исключений, которые позорят Голливуд: в двадцать пять актрисой имела колоссальный успех в экспериментальном фильме, в двадцать шесть покинула фабрику грез, чтобы промотать свои накопления с художником-авангардистом в Европе, в двадцать семь вернулась никому не известная, без единого доллара и с несколькими

судебными исками на руках. Видя мою некредитоспособность, студия прекратила судебное дело и решила использовать меня как сценариста: мое славное имя уже не производило никакого впечатления на неблагодарную публику. Мне это даже понравилось; автографы, фотографы и награды всегда утомляли меня. Я стала Тем, Кто Мог Бы Иметь (как какой-нибудь индейский вождь…). Однако хорошее здоровье и богатое воображение, тем и другим я обязана ирландскому дедушке, заработали мне определенную репутацию за сочинение глупостей в цвете, которые, к моему глубокому удивлению, еще и хорошо оплачивались. Исторические ленты RKB, например, особенно повышали мой авторитет, и в ночных кошмарах мне являлась Клеопатра, с горечью восклицая: «О, нет, мадам, я не говорила Цезарю: «Войди, о властелин моего сердца»».

Между тем властелином моего сердца или, по крайней мере, тела, в тот вечер предстояло стать Паулю, и я заранее зевнула.

Пауль Бретт, кстати, очень интересный мужчина, элегантный, обходительный, представлял интересы RKB и других кинокомпаний, оберегая от покушавшихся на их собственность. Его достоинства котировались столь высоко, что Памела

Крис и Лола Греветт — два самых значительных символа секса для нашего поколения, в течение десяти лет пребывания на экране пожиравшие состояния и сердца мужчин, опустошая к тому же их портсигары, даже они без памяти влюблялись в него, а после разрыва закатывали истерики. Словом, Пауль мог по праву гордиться славным прошлым. Но, глядя на него в тот вечер, несмотря на все, я видела только маленького белокурого мальчика, мальчика лет сорока. Должно быть потому, что лицом он напоминал херувима.

Сегодня мы подошли к последнему рубежу: после восьми дней цветов, телефонных звонков, намеков и появления вместе в обществе женщина моего возраста не могла не сдаться, по крайней мере, в этой стране. День Икс наступил: в два часа ночи мы неслись в мою скромную обитель, и в тот момент я горько сожалела о важности секса в отношениях между людьми, потому что у меня от усталости слипались глаза. Но я уже хотела спать прошлой ночью и три дня назад, так что теперь не имела на это права. Понимание Пауля — «Конечно, дорогая» — сменилось бы неизбежным — «Дороти, что случилось? Ты можешь сказать мне все». Значит, впереди у меня приятный ритуал выуживания из холодильника кубиков льда,

поиски бутылки шотландского виски, вручение бокала с весело звенящими кубиками Паулю, а потом мне предстояло расположиться в гостиной на большой тахте, приняв соблазнительную позу а-ля Полетт Годдард. Пауль подошел бы ко мне, поцеловал… а после всего проворковал бы проникновенным голосом: «Это должно было случиться».

У меня перехватило дыхание. Пауль сдавленно вскрикнул. В свете фар, шатаясь, как лунатик, или, скорее, как одно из тех болтающихся соломенных чучел, которые я видела во Франции, человек ринулся на нас. Должна сказать, что мой маленький блондин среагировал мгновенно. Резко нажал на тормоза, и машина полетела в правый от дороги кювет вместе с очаровательным пассажиром, я имею в виду себя.

После ряда странных видений я обнаружила, что лежу, уткнувшись носом в траву и вцепившись в сумочку: любопытная ситуация, так как обычно я ее везде забываю (что заставило меня схватить эту маленькую сумочку в преддверии, быть может, рокового момента, я никогда не узнаю). Потом услышала голос Пауля, произносящий мое имя с такой сердечностью, что у меня защемило сердце, и, успокоившись за него, снова

закрыла глаза. Лунатик не пострадал, со мной, как и с Паулем, все в порядке, значит после того, как все утрясется — нервный шок и так далее, — у меня появится отличная возможность хорошо выспаться одной.

— Все хорошо, Пауль, — пробормотала я умирающим голосом и поудобнее устроилась на траве.

— Слава тебе, Господи, — воскликнул Пауль, обожавший старинные, романтичные выражения. — Слава Богу, ты не ранена, дорогая. На мгновение я поду…

Я не знаю, о чем он подумал в то мгновение, так как в следующее, в адском грохоте, нас, сцепленных в объятии, отбросило метров на десять от кювета. Наполовину оглохшая и ослепшая, я освободилась от объятий Пауля, чтобы взглянуть на «ягуар», горевший как свечка, к счастью, хорошо застрахованная свечка. Пауль тоже сел.

— Мой Бог, — простонал он, — бензин…

— Там осталось еще что-нибудь взрывающееся? — спросила я с оттенком черного юмора. И внезапно вспомнила о существовании дикаря. Быть может, он горел в тот самый момент. Я вскочила, заметив, что на обоих чулках спустились петли, и побежала к дороге. Пауль последовал за мной. Темная фигура, недоступная огню, но

неподвижная, распростерлась на щебенке. Сначала я видела только гриву каштановых волос, которым огонь придавал красноватый оттенок, а затем, без усилия перевернув его, я увидела лицо человека, скорее, лицо ребенка.

Поймите меня правильно. Я не любила, не люблю и не буду любить совсем молоденьких парней, тех, кого называют в Европе minets. Их растущая популярность, и среди моих приятельниц тоже, кажется мне удивительной. Прямо-таки последователи Фрейда. Юнцам, от которых еще пахнет молоком, не следует вить гнездышко на груди у женщин, от которых пахнет виски. И все же это лицо на дороге, повернутое ко мне в свете языков пламени, это лицо, такое юное, но уже такое суровое, его совершенство наполнили меня странными чувствами. Мне хотелось и бежать от него, и баюкать, нежно обняв. А ведь я не страдаю от материнского комплекса. Моя дочь, которую я обожаю, живет в Париже, счастлива замужем и окружена стайкой маленьких чертенят, которых она постоянно мечтает спихнуть мне летом, когда у меня появляется счастливая мысль провести месяц на Ривьере. Слава Богу, я редко путешествую одна, поэтому ее мечты еще ни разу не материализовались.

Но вернемся к той ночи и к Левису — этого безумца, это чучело, этого лежащего без сознания человека, этого красавца звали Левис, — на мгновение я застыла над ним, не двигаясь, даже не положив ему руку на сердце, чтобы удостовериться, бьется ли оно. Я смотрела на него, не видя особой разницы, жив он или умер. Несомненно, недопустимая сентиментальность, в которой потом мне пришлось горько раскаяться, не в том смысле, как кто-то, возможно, подумал.

— Кто это? — сурово спросил Пауль. Если и есть что-то восхитительное в обитателях Голливуда, так это их мания знать и узнавать всех. И Пауля нервировало, что он не может назвать по имени человека, которого едва не переехал среди ночи. Я начал закипать.

— Мы же не на вечеринке, Пауль. Как ты думаешь, он ранен?.. О!

Что-то коричневое, бегущее из-под головы незнакомца на мои руки… Кровь! Я узнала ее тепло, липкость, густоту. Пауль увидел кровь в тот же момент.

— Я не тронул его, я в этом уверен. Его, должно быть, стукнуло обломком машины при взрыве, — он встал, его голос был спокоен и тверд. Я начала понимать слезы Лолы Греветт. — Не двигайся,

Дороти, я пойду позвоню, — большими шагами он направился к темным силуэтам домов, видневшихся вдали. Я осталась одна на дороге, рядом с человеком, который, быть может, умирал. Вдруг он открыл глаза, взглянул на меня и улыбнулся.

2

— Дороти, ты совсем свихнулась?

На такой вопрос мне труднее всего ответить, особенно, если его задает Пауль, который, в элегантном темно-голубом блейзере, смотрит на меня с издевкой. Мы на террасе моего дома, и я одета для работы в саду: старые брезентовые слаксы, цветастая блуза и косынка на голове. Не то, чтобы я когда-либо работала в саду: вид садовых ножниц пугает меня; но я люблю менять внешность. Поэтому каждый субботний вечер я одеваюсь для работы в саду, как и мои соседи, но вместо того, чтобы носиться за взбесившейся газонокосилкой или полоть буйно заросшую цветочную клумбу, я устраиваюсь на террасе с двойным виски в одной руке и книгой в другой. За этим занятием и застал меня Пауль. Я чувствовала себя виноватой и неряшливой — два почти одинаково неприятных ощущения.

— Ты знаешь, что все в городе только и говорят, что о твоем последнем сумасбродстве?

— Все, все, — повторила я недоверчиво и скромно.

— Что, во имя Бога, этот парень здесь делает?

— Но он выздоравливает, Пауль, он поправляется. В конце концов, ему сильно повредило ногу. И ты же знаешь, что у него нет ни доллара, ни семьи, ничего.

Пауль глубоко вздохнул.

— Именно это и беспокоит меня, дорогая. Включая и то, что твой молодой битник налакался ЛСД перед тем, как броситься под колеса.

— Но, Пауль, он же сам тебе все объяснил. Под действием наркотиков он не только не узнал, но и представить себе не мог, что это автомобиль. Огни фар он принял…

Неожиданно Пауль покраснел.

— Мне все равно, что он там себе представлял. Этот придурок, этот хулиган чуть не убил нас, а через два дня после этого ты привозишь его к себе, устраиваешь в гостиной и носишь ему завтраки в постель. Что, если он однажды придушит тебя, приняв за цыпленка или Бог знает за кого? А если он убежит с твоими драгоценностями?

Тут я нанесла ответный удар.

— Знаешь, Пауль, никто еще не принимал меня за цыпленка. А что касается моих драгоценностей, то их не так уж много, чтобы нажить на них состояние. В конце концов, не могли же мы оставить его совершенно беспомощного прямо

на дороге.

— Ты могла оставить его в больнице.

— Но он думал, что в больнице слишком мрачно, и я целиком с ним согласна.

Пауль выглядел очень расстроенным, когда уселся напротив меня в парусиновое кресло. Механически он взял мой стакан и выпил добрую половину содержимого. Я не остановила его, хотя мне это совсем не понравилось. Пауль явно был на взводе. Он посмотрел на меня.

— Ты работала в саду?

Для убедительности я кивнула несколько раз. Любопытно, что некоторые мужчины просто заставляют их обманывать. Я просто не смогла бы объяснить Паулю мое невинное субботнее времяпрепровождение. Он опять назвал бы меня сумасшедшей, и я задумалась бы, а не прав ли он.

— Не так-то легко заметить, — продолжал Пауль, оглядываясь вокруг. Мой мизерный клочок сада действительно напоминал джунгли. Но я притворилась рассерженной.

— Я делаю все, что могу.

— Что у тебя в волосах?

Я провела рукой по голове и обнаружила две или три стружки, белые и тонкие, как бумага.

— Стружки, — недоуменно ответила я.

— Я это прекрасно вижу, — сухо подтвердил Пауль. — Кстати, их полно и на земле. Кроме ухода за садом ты еще и плотничаешь?

В этот момент еще одна стружка спланировала сверху ему на голову. Я быстро взглянула наверх.

— А, я знаю, это Левис вырезает маску из дерева, чтобы скоротать время.

— И элегантно отправляет обрезки через окно? Очаровательно!

Я тоже начала немножко нервничать. Возможно, я допустила ошибку, привезя Левиса сюда, но, в конце концов, лишь на определенное время без каких-то скрытых мотивов. И потом, Пауль не имел никаких прав на меня, на что я тут же ему и указала. Он ответил, что его права те же, что имеет каждый мужчина на беспечную женщину. Право это — оберегать ее, и дальше такая же чушь… Мы повздорили, он ушел взбешенный, а я осталась в шезлонге, с навалившейся усталостью и теплым виски. Часы показывали шесть. На лужайке, усыпанной листьями, удлинялись тени, приближающийся вечер сулил лишь скуку, так как битва с Паулем лишила меня приглашения в веселую компанию. Оставался еще телевизор, обычно нагоняющий сон, да неразборчивое бор-

мотание Левиса, которое я слышала, принося ему обед.

Никогда раньше я не встречала такого тихого человека. Внятно он говорил только раз, когда объявил о своем нежелании остаться в больнице, через два дня после столкновения. Мое гостеприимство он принял как само собой разумеющееся. В тот день у меня было очень хорошее настроение, возможно, слишком хорошее; один из тех моментов, редких, слава Богу, когда чувствуешь, что каждый человек на Земле одновременно твой брат и твой сын, и ты должна заботиться о нем. С тех пор я забочусь о Левисе, удобно устроенном в кровати в моей гостиной, на его ногу наложены повязки, которые он сам меняет. Все это время он не читал, не слушал радио, не смотрел телевизор, не разговаривал. Иногда сооружал нечто странное из сухих веток, которые я приносила из сада, или с ничего не выражающим лицом смотрел в окно. В самом деле, спрашивала я себя, а не идиот ли он, и это предположение, вкупе с его красивой внешностью, казалось мне очень романтичным… Что касается моих достаточно скромных и редких вопросов о его прошлом, будущем, настоящем, то ответ следовал один и тот же: «Это неинтересно». Однажды ночью он оказался на дороге перед

нашим автомобилем, его имя — Левис, и это все. Впрочем, меня это устраивало: длинные истории утомляют, а большинство людей, видит Бог, меня не жалели.

Я пошла на кухню, на скорую руку приготовила изысканный обед из консервов и поднялась наверх. Постучав, вошла в комнату Левиса и поставила поднос на кровать, усыпанную стружками. Вспомнив о той, что спланировала Паулю на голову, я начала смеяться. Левис поднял глаза, явно заинтригованный. Глаза у него были как у кошки, очень светлые и зеленовато-голубые под черными длинными ресницами. Механически я отметила, что за такую внешность «Колумбия» подписала бы с ним контракт, не раздумывая ни секунды.

— Ты смеешься? — Говорил он низким, хрипловатым голосом, чуть заикаясь.

— Я смеюсь потому, что одна из стружек упала через окно Паулю на голову, и он рассвирепел.

— Его сильно ушибло?

Я взглянула на Левиса в изумлении. Впервые он шутил, по крайней мере, я надеялась, что он шутит. Я глупо хихикнула, и вдруг мне стало как-то не по себе. Пауль прав. Ну что я буду делать с этим молодым психом в субботний вечер, одна, в

уединенном доме? Я могла бы танцевать или смеяться с друзьями или даже заниматься любовью с милым Паулем или с кем-нибудь еще…

— Ты не собираешься уходить?

— Нет, — ответила я с горечью. — Я надоедаю тебе? — Я тут же пожалела о сказанном, противоречащем законам гостеприимства. Но Левис, лежащий в постели, залился счастливым, сердечным, прямо-таки детским смехом. И неожиданно, всего лишь под действием этого смеха у него, казалось, появилась душа, он сразу помолодел.

— Тебе ужасно скучно? — Этот вопрос застал меня врасплох. Разве можно понять, когда тебе ужасно скучно, очень скучно или просто, не сознавая того, скучно в этой бесконечной кутерьме, которая и есть жизнь?

— Мне некогда скучать, — холодно ответила я. — Я сценарист в RKB и я…

— Это там? — Поворот его подбородка влево вобрал в себя сверкающую бухту Санта-Моники, Беверли-Хиллз, эту обширную окраину Лос-Анджелеса, студии и съемочные павильоны, и объединил их одинаковым презрением. Быть может, презрение, сказано слишком сильно, но движение это выражало нечто большее, чем безразличие.

— Да, там. Так я зарабатываю себе на жизнь, — в моем голосе слышалось раздражение. За три минуты этот незнакомец заставил меня сначала упасть в собственных глазах, а потом почувствовать себя бесполезной. Ведь, в самом деле, что мне давала эта идиотская работа, кроме небольшой стопки долларов, собирающихся вместе каждый месяц и таким же образом каждый месяц растрачиваемых? Однако чувствовать себя виноватой из-за юнца, явно некомпетентного и нализавшегося ЛСД, было по меньшей мере неприлично. Я не имею ничего против таких наркотиков, но не верю, что они могут трансформировать чью-то привычку в философию, почти всегда предающую презрению тех, кто ее не разделяет.

— Зарабатывать на жизнь, — повторил Левис задумчиво, — зарабатывать на жизнь.

— Так говорят, — ответила я.

— Какая жалость! Как я хотел бы жить во Флоренции в те времена, когда там хватало людей, заботившихся о других просто так, как ты сейчас.

— Они заботились о скульпторах, художниках или писателях. Ты принадлежишь к ним? — Левис покачал головой.

— Быть может, они заботились о людях, прино-

сивших им радость.

Я цинично рассмеялась, почти в духе Бетт Девис:

— Ты легко можешь найти это и здесь, прямо сейчас. — Я тоже повернула подбородок влево, как и он чуть раньше.

Левис закрыл глаза.

— Я же сказал «просто так», а это уже не просто так.

Когда он произносил «это», в его голосе было столько чувства, что я вдруг стала задавать себе множество вопросов о нем, каждый следующий все более романтичнее. Что я знала о нем? Любил ли он кого-нибудь до безумия, не понимаю, почему так говорят, по мне это единственный способ любить. Случай, наркотики или это отчаяние бросило его под колеса «ягуара»? Исцелялся ли он, отдыхая? Заживало ли его сердце, как и нога? И когда он упорно смотрел в небо — не видел ли он там чье-то лицо? Несносная память подсказала мне, что последнюю мысль я использовала, когда писала сценарий к цветному фильму «Жизнь Данте» и испытывала большие трудности с любовным антуражем. Голос за сценой. На сцене Данте, сидящий за массивным средневековым столом. Данте поднимает глаза от запыленного

манускрипта, и голос мурлычет: «Когда он упрямо смотрел в небо, не видел ли он там чье-то лицо?» Вопрос, на который зрителям предстояло ответить самим, я надеюсь, утвердительно.

Итак, мы пришли в ту точку, откуда начинался путь, проложенный ранее моим пером. Меня бы это очень обрадовало, обладай я малейшим литературным честолюбием или следами таланта. Очень плохо… Я взглянула на Левиса. Он уже открыл глаза и наблюдал за мной.

— Как тебя зовут?

— Дороти, Дороти Сеймур. Разве я тебе не говорила?

— Нет.

Я сидела на краешке его кровати. Вечерний воздух вливался в окно, наполненный запахом моря, запахом столь сильным, столь неизменным после стольких лет, как я дышу им, что он казался прямо-таки жестоким в своем постоянстве. Долго ли еще я буду сладострастно вдыхать этот воздух? Сколько времени мне отпущено до того, как останется лишь тоска по ушедшим годам, поцелуям, теплу мужского тела? Я вышла бы замуж за Пауля, отказалась бы от неограниченной веры в свое хорошее здоровье, душевное равновесие. Так легко быть довольной собой, когда ты кому-то

нужна, а потом? Да, потом? Потом, без сомнения, будут психиатры, сама мысль о которых вызывала у меня тошноту.

— Ты выглядишь грустной, — Левис взял мою руку и посмотрел на нее. Я тоже взглянула не нее. Оба мы с интересом смотрели на мою руку, ситуация забавная и неожиданная. Левис, похоже, не знал, что это такое, а у меня же возникло ощущение, что в руках у него какая-то вещичка, более мне не принадлежащая. Никто еще не держал мою руку столь естественно.

— Сколько тебе лет?

К моему безмерному удивлению я ответила честно:

— Сорок пять.

— Ты счастливая.

Пораженная, я взглянула на Левиса. Ему, должно быть, 26 или чуть меньше.

— Дожить бы до таких лет. Это здорово. — Он отпустил мою руку или, как мне показалось, снова вернул ее моему телу. Затем отвернулся и закрыл глаза.

— Спокойной ночи, Левис, — я встала.

— Спокойной ночи, — ласково ответил Левис. — Спокойной ночи, Дороти Сеймур.

Я осторожно закрыла дверь и спустилась вниз,

на террасу. Мне было необычайно хорошо.

3

«— Ты знаешь, я никогда не забуду тебя. Я не смогу тебя забыть.

— Забыть можно все.

— Нет. Между нами стоит что-то безжалостное, ты тоже это чувствуешь. Ты… должен понять. Невозможно, чтоб ты не понимал этого».

Я прервала этот волнующий диалог, мой последний шедевр, и бросила вопросительный взгляд на Левиса. Он приподнял брови и улыбнулся.

— Ты веришь в безжалостность поступков? — спросил он.

— Но это же не обо мне, это о Ференце Листе и…

— Но ты?

Я начала смеяться. Я знала, что жизнь временами казалась мне безжалостной, и некоторые любовные увлечения оставляли меня в уверенности, что я никогда не приду в себя. И вот теперь, в сорок пять лет, в отличном расположении духа я сижу у себя в саду и ни в кого не влюблена.

— Я верила, а ты?

— Пока нет, — Левис закрыл глаза. Постепен-

но он становился более разговорчивым, и мы болтали о нем, обо мне, о жизни. Вечером, когда я приходила из студии домой, он, опираясь на костыли, спускался вниз, удобно устраивался на террасе в парусиновом кресле-качалке, и мы, бывало, с несколькими порциями шотландского наблюдали наступление ночи. Я радовалась, что, приходя домой, нахожу его там, спокойного, странного, веселого и молчаливого одновременно, как какую-то домашнюю зверушку. Просто радовалась, ничего больше. Я ни в каком смысле не влюбилась в него, наоборот, его привлекательность пугала и почти отталкивала меня. Не знаю почему, возможно, он казался мне чересчур приглаженным, слишком стройным, слишком совершенным. Нельзя сказать, что я видела в нем что-то женственное, но он заставлял меня вспомнить об избранной расе, о которой писал Пруст: волосы, как пух, кожа, как шелк. Короче, не было в нем ничего от детской угловатости, которую я нахожу такой привлекательной в мужчинах. Интересно, брился ли он, да росла ли у него борода?

По рассказам Левиса, он родился в пуританской семье, в Новой Англии. Немного проучившись, он пешком отправился в путь, подрабатывая по мелочам, где можно, и, наконец, прибыл в Сан-

Франциско. Встреча с себе подобными, слишком большая доза ЛСД, нападение на машину, травма — и вот он здесь, в моем доме. Поправившись, он уедет — куда, он не имел ни малейшего представления.

А пока мы болтали о жизни, об искусстве — что-то он знал, но его образование изобиловало зияющими пробелами — короче, наши отношения большинство людей назвали бы весьма интеллектуальными и в то же время самыми необычными, какие могут быть между мужчиной и женщиной. Но если Левис постоянно расспрашивал меня о моих прошлых любовных приключениях, то о своих не говорил никогда. Последнее, естественно, тревожило меня, учитывая его возраст. Слова «мужчина» и «женщина» он произносил одинаково вяло, беспристрастно. А так как я, даже в мои сорок пять, не могла произнести слово «мужчина» без нежности в голосе и не почувствовав пробегающую по мне волну милых сердцу спутанных воспоминаний, то временами ощущала холодность и неловкость.

— Когда ты впервые узнала, что такое жестокость? — спросил Левис. — Когда первый муж покинул тебя?

— Боже мой, нет. Это-то я пережила. Представив

себе только — абстрактное искусство все время, постоянно… Но когда Френк ушел, да, тогда я чувствовала себя, как раненое животное.

— Кто это — Френк? Второй?

— Да, второй. Мужчина как мужчина, ничего особенного, но он был такой веселый, такой нежный, такой счастливый…

— И он оставил тебя?

— Лола Греветт влюбилась в него до безумия.

Левис приподнял брови, заинтригованный.

— Ты же слышал об этой актрисе?

Он неопределенно взмахнул рукой. Меня это разозлило, но я не подала вида.

— Короче, Френк потерял голову, решил, что уже на седьмом небе, и покинул меня, чтобы жениться на ней. В то время я думала, что никогда не выкарабкаюсь. Мучалась больше года. Ты удивлен?

— Нет. Что с ним стало?

— Через два года Лола безумно влюбилась в кого-то еще и бросила Френка. Он подряд снял три неудачных фильма и начал пить. Вот и конец истории, — наступило минутное молчание.

Левис слабо застонал и попытался подняться из кресла-качалки.

— Что-то случилось? — встревоженно спро-

сила я.

— Я чувствую, что никогда не смогу снова ходить.

На мгновение я представила себя проводящей с ним, инвалидом, остаток моих дней, и, что любопытно, идея не показалась мне ни абсурдной, ни неприемлемой. Наверное, я уже достигла того возраста, когда хочется взвалить на себя такую ношу. В конце концов, я ничем не могла навредить ему.

— Оставайся, где ты есть, — весело воскликнула я, — и когда у тебя выпадут зубы, я буду готовить тебе кашку.

— А почему у меня должны выпасть зубы?

— Говорят, это случается, когда долго лежишь. Должна отметить, что это странно. Они тем более должны выпасть, когда стоишь, согласно закону всемирного тяготения. Но не выпадают.

Левис искоса взглянул на меня, почти как Пауль, но более дружелюбно.

— В этом что-то есть. Ты знаешь, я бы никогда не уходил от тебя. — Затем, закрыв глаза, нежным голосом попросил принести что-нибудь из поэзии, и я отправилась в библиотеку поискать стихи, которые понравились бы ему. Это был еще один наш ритуал. Тихим, спокойным голосом я

декламировала строчку за строчкой, чтобы не разбудить и не испугать его. В этот раз я выбрала «Оду Уолту Уитмену» Гарсиа Лорки.

4

Новости я узнала в разгаре работы. Я диктовала секретарше захватывающий диалог Ференца Листа и Марии д'Аго, как я его себе представляла (впрочем, без особого энтузиазма, так как накануне выяснила, что роль Листа отдана Нодину Дьюику. Интересно, кто решил, что на роль композитора более всего подходит этот мускулистый и темнолицый здоровяк, но в подобных фильмах случается и не такое).

— Это безнадежно, — бормотала я на ухо плачущей секретарши (она удивительно чувствительная натура), когда зазвонил телефон. Хлюпая носом и вытирая глаза платком, секретарша взяла трубку и повернулась ко мне:

— Это Пауль Бретт, у него что-то срочное.

Я взяла трубку.

— Дороти? Ты уже слышала?

— Нет. По крайней мере, не думаю.

— Милая… Ах… Френк умер, — я промолчала. Пауль нервно добавил: — Френк Тайлер. Твой бывший муж. Он покончил с собой сегодня ночью.

— Это неправда, — я не поверила. У Френка

не было ни крупицы мужества. Очаровательный во всех отношениях, но полное отсутствие мужества. А насколько я знаю, нужно немалое мужество, чтобы убить себя. Достаточно вспомнить о тех, кому больше ничего не оставалось, но они не смогли переступить последнюю черту.

— Он покончил с собой этим утром в третьеразрядном отеле, — продолжал Пауль. — Недалеко от твоего дома. Никаких объяснений.

Мое сердце билось реже, реже. Так сильно и так редко. Френк… его жизнерадостность, смех, кожа… Мертв. Странно, насколько смерть легкомысленного человека может потрясти сильнее, чем смерть более цельной личности. Я не могла заставить себя поверить.

— Дороти, ты меня слышишь?

— Слышу.

— Дороти, ты должна приехать. У него нет семьи, и ты же знаешь, Лола в Риме. Мне очень жаль, Дороти, но ты должна приехать и позаботиться о формальностях. Я заскочу за тобой.

Он повесил трубку. Я передала трубку секретарше, ее все зовут Кэнди-Леденец, Бог знает почему, и села. Она взглянула на меня, и какое-то шестое чувство, делающее ее столь незаменимой, заставило ее подняться, открыть ящик, помеченный

«картотека», и подать мне открытую бутылку «Chiv as Pegal», которая обычно там стояла. Рассеянно я сделала длинный глоток. Я знаю, почему людям в шоковом состоянии дают алкоголь: это отвратительная штука, и в таких случаях он вызывает в человеке чувство отвращения, чем и выводит из оцепенения быстрее, чем что-либо другое. Виски обожгло мне рот и горло, и я пришла в себя.

— Френк мертв, — сказала я. Кэнди уткнулась в носовой платок. Разумеется, я частенько, когда меня покидало вдохновение, рассказывала ей грустную историю своей жизни. Она, впрочем, тоже. Короче, она знала о Френке все, и это хоть как-то утешало меня. Трудно представить, что бы я делала, если б узнала о смерти Френка, находясь в обществе человека, не знавшего о его существовании. Действительно, видит Бог, бедняга давно уже пропал с глаз. Когда-то его знали все, теперь — напрочь забыли. Здесь, в Голливуде, трагедия известности в том, что вышедшую в тираж знаменитость стараются совсем не вспоминать. А если уж и упомянут, то единственной строчкой в газетах, несколькими небрежными фразами, неодобрительными и совсем без жалости, которую могло бы вызвать самоубийство. И Френк,

Красавчик Френк, вызывавший зависть муж Лолы Греветт, смеявшийся со мной Френк, будет умерщвлен вторично.

Пауль приехал быстро. Он по-дружески взял меня за руку, но не проявил ни малейшего сочувствия, которое, знаю, вызвало бы у меня потоки слез. Я всегда сохраняю привязанность, нежность к мужчинам, с которыми я спала, плохим или хорошим. У женщин это встречается крайне редко. Но ночью, в постели, наступает момент, когда чувствуешь, что на земле нет никого ближе тебе, чем мужчина, лежащий рядом, и ничто не заставит меня поверить в обратное. Мужские тела, такие мужественные и такие ранимые, такие разные и такие похожие, так озабоченные не быть похожими… Я взяла Пауля под руку, и мы вышли. Мне стало значительно лучше еще и от того, что я не любила Пауля… Мне предстояло окунуться в прошлое, и присутствие там близкого человека из реального мира было бы невыносимым.

Френк лежал на кровати, спящий, безразличный ко всему, мертвый. Он выстрелил себе в сердце с двух дюймов, так что лицо его осталось нетронутым. Я попрощалась с ним без особых волнений, как, я полагаю, прощаются с частью самого себя, с чем-то, что было частью тела, а

взрыв снаряда, операция или несчастный случай забирают ее. У него были каштановые волосы; странно, но я никогда не видела мужчин с такими волосами, и все же это самый обычный цвет. Пауль — решил отвезти меня домой. Я повиновалась. Было четыре часа дня, солнце обжигало наши лица в новом «ягуаре» Пауля, а я думала о том, что оно уже никогда не обожжет лица Френка, а он так любил солнце… С мертвыми не церемонятся: лишь только человек испустил дух, как его заколачивают в черный ящик, плотно закрытый, и опускают в землю. Избавляются от мертвых. Или их приукрашивают, уродуют, выставляют напоказ, под белыми электрическими огнями, неузнаваемо изменившихся в окоченении. А я оставляла бы их на солнце, минут на десять, отвозила бы на морской берег, если они любили море; они могли бы в последний раз полюбоваться землей перед тем, как соединиться с ней навеки. Но нет. Мертвых наказывают за их смерть. В лучшем случае мы играем немного Баха или церковные псалмы, которых они наверняка не любили. В общем, Пауль доставил меня к дому, подавленную меланхолией.

— Можно мне зайти на минуточку?

Механически я кивнула, потом подумала о

Левисе. Ну, впрочем, велика важность! Что мне их молчаливые, ледяные взгляды, какая разница, что они думают друг о друге.

Итак, Пауль проследовал за мной к террасе, где Левис, растянувшись в кресле, наблюдал за птичками. Он издалека приветливо помахал рукой, но, заметив Пауля, резко опустил ее. Я вошла на террасу и остановилась перед Левисом:

— Левис, Френк умер.

Он вытянул руку, нерешительно коснулся моих волос, и тут я не выдержала, что-то во мне сломалось. Я упала на колени и зарыдала у ног этого ребенка, ничего не знающего о горестях жизни. Рука Левиса прошлась по моим волосам, лбу, залитым слезами щекам; он молчал. Слегка успокоившись, я взглянула вверх: Пауль ушел, не сказав ни слова. И неожиданно я поняла, что не плакала при нем по одной простой причине: он этого очень хотел.

— Ну и вид, должно быть, у меня, — пробормотала я, взглянув на Левиса. Я знала, что глаза у меня заплыли, тушь потекла, косметика погибла. И в первый раз в жизни в присутствии мужчины меня это нисколько не беспокоило. Во взгляде Левиса, в том моем отражении, которое этот взгляд возвращал мне, я видела только заплаканного

ребенка Дороти Сеймур, сорока пяти лет. В этом взгляде чувствовалось что-то мрачное, пугающее и успокаивающее, наверное, из-за искренности, исключающей всякую фальшь в проявлении чувств.

— Тебе тяжело, — задумчиво произнес Левис.

— Я очень долго любила его.

— Он покинул тебя, — отрезал Левис. — И наказан. Такова жизнь.

— Ты слишком наивен. Жизнь, слава Богу, не детская игра.

— А хотелось бы... — Левис больше не смотрел на меня; его внимание снова обратилось на птичек. Он, казалось, полностью забыл обо мне. На мгновение я подумала, что его сочувствие не так уж глубоко; мне не хватало Бретта, воспоминаний о Френке, которого мы могли бы воскресить в разговоре, рук Пауля, все время платочком осушающих бы мне слезы, — короче, иной отвратительной, слюнявой, сентиментальной комедии, которую мы могли бы сыграть на этой самой террасе. В то же время я гордилась тем, что удалось обойтись без этого. Зазвонил телефон, и я вошла в дом. Звонки не прекращались весь вечер. Мои бывшие любовники, друзья, бедная секретарша, приятели Френка,

репортеры (правда, только два-три), казалось, все повисли на телефоне. Они уже знали, что в Риме Лола, узнав новости, сочла удобным грохнуться в обморок и покинуть съемку в сопровождении ее нового итальянца-жиголо. Вся эта суета совершенно выбила меня из колеи. Никто из них, сейчас таких сочувствующих, ни разу не помог Френку, и именно я, презирая американские законы о разводе, материально поддерживала его до конца. Последний удар нанес Джерри Болтон, глава Актерской Гильдии. Этот тип, отвратительнее которого трудно представить, после моего возвращения из Европы возбуждал против меня одно судебное дело за другим, стараясь довести меня до нищенства, а затем, когда у него ничего не вышло, принялся за Френка после того, как Лола оставила его. Этот всесильный грубый и удивительно ничтожный человек прекрасно знал, что я искренне ненавижу его. Но у него хватило наглости позвонить мне.

— Дороти, мне так жаль. Я знаю, ты глубоко любила Френка, и я…

— А я знаю, что ты выбросил его на улицу и практически везде внес в черный список. Повесь трубку, пожалуйста. Я не хочу быть грубой.

Джерри повесил трубку. От злости мне стало

легче. Я повернулась к Левису и объяснила ему, почему я ненавижу Джерри Болтона вместе с его долларами и всемогуществом.

— Если бы не несколько друзей и не мои стальные нервы, он довел бы меня, как и Френка, до самоубийства. Лицемерный подонок. Я никогда никому не желала смерти, но я почти хочу, чтобы он сдох. Он — единственный, кого я ненавижу до такой степени… — На этом моя речь оборвалась.

— Ты недостаточно требовательна, — рассеянно заметил Левис. — Наверняка есть и другие.

5

Мы сидели в моем кабинете. Я нервно ерзала, не отрывая глаз от телефона. Кэнди побледнела от волнения. И только Левис, устроившийся в кресле для посетителей, казался спокойным и даже заскучавшим. Мы ждали результатов его кинопробы.

Однажды вечером, через несколько дней после смерти Френка, он неожиданно решился. Встал, легко сделал три шага, будто у него и не было травмы, и остановился передо мной.

— Посмотри, я опять здоров.

Неожиданно я осознала, что настолько привыкла к его присутствию, к его физической неполноценности, что совсем не ожидала того, что произошло. Потом он скажет мне «прощай, благодарю тебя», покинет дом, и я больше никогда не увижу его. Странная грусть охватила меня.

— Это хорошая новость, — в голосе моем не слышалось радости.

— Ты так думаешь?

— Конечно. Что… Что ты собираешься теперь делать?

— Это зависит от тебя, — Левис снова сел. Я

перевела дух.

По крайней мере, он не уезжает немедленно. В то же время его слова заинтриговали меня: как могла судьба такой капризной, равнодушной и свободной особы зависеть от меня? Ведь я была для него не более чем сиделкой.

— В любом случае, если я останусь здесь, я должен буду работать, — продолжал он.

— Ты думаешь поселиться в Лос-Анджелесе?

— Я сказал — здесь, — твердо ответил Левис, указав на террасу и кресло. И, помедлив, добавил: — Если, конечно, тебя это не стеснит.

Я уронила сигарету, подобрала ее, встала, бормоча:

— Ну, скажи мне… Э… Я понимаю… конечно, если бы я предполагала… — Он, не двигаясь, наблюдал за мной. Потом, страшно смутившись, ведь всему же есть предел, я поспешила на кухню и хлебнула виски прямо из бутылки. Наверное, я кончу алкоголиком, если уже им не стала. Придя в себя, я вернулась на террасу. Пришло время объяснить этому мальчику, что одна я живу добровольно, по своему собственному желанию, и не нуждаюсь в компании молодого человека. Кроме того, его присутствие лишало бы меня возможности принимать дома моих поклонников, весьма

существенное неудобство, кроме того… кроме того… кроме того… Короче, я не могла найти лишь причину для его пребывания здесь, в моем доме. В тот момент меня просто возмутило его решение остаться, хотя несколько минут назад я сожалела о его отъезде. Но я привыкла к своим внутренним противоречиям.

— Левис, — начала я, — мы должны поговорить…

— В этом нет нужды. Если ты не хочешь, чтобы я оставался, я уеду.

— Я не об этом, — как видите, моего сопротивления хватило ненадолго.

— О чем же еще?

Оцепенев, я взглянула на него. Да, о чем же еще? Я ведь действительно, не хотела, чтобы он уходил. Мне он очень нравился.

— Это неприлично, — выдохнула я. Левис расхохотался. От смеха он молодел. Я начала злиться.

— Пока ты выздоравливал, твое присутствие здесь считалось закономерным. Мы подобрали тебя на дороге, ты едва не угодил…

— Итак, если я снова могу ходить, это уже неприлично?

— Теперь нет объяснения.

— Нет объяснения для кого?

— Для всех.

— Ты всем объясняешь, как ты живешь? — Презрение в его голосе разъярило меня.

— Действительно, Левис, что ты себе думаешь? У меня своя жизнь, друзья, я даже… э… есть даже мужчины, которые мной интересуются. — Произнеся последнюю фразу, я почувствовала, что краснею. В сорок пять лет! Левис кивнул:

— Я прекрасно знаю, что есть мужчины, которые любят тебя. Бретт, например.

— Между мной и Паулем ничего не было, — целомудренно ответила я. — И потом, это не твое дело. Просто пойми, что твое присутствие здесь компрометирует меня.

— Ты уже большая девочка. — Достаточно твердо заявил Левис. — Я только подумал, что, работая в городе, я мог бы продолжать жить у тебя и платить за квартиру.

— Но мне не нужны деньги. Я зарабатываю достаточно и без постояльцев.

— Мне здесь спокойнее.

После бесконечной дискуссии мы пришли к компромиссу. Левис будет искать работу, а потом снимет комнату где-нибудь поблизости, если уж он так настаивает. Он принял эти условия. В полном согласии мы отправились спать. Перед тем

как заснуть, до меня дошло, что мы не коснулись только одного простого вопроса: почему он хочет остаться со мной?

На следующий день я обошла все студии, рассказывая о молодом человеке ангельской внешности, и, собрав коллекцию ехидных замечаний, договорилась о встрече для Левиса. Еще через день я привела его на студию, он спокойно прошел кинопробу, и Джей Грант, мой босс, обещал взглянуть на нее через неделю…

Этот день наступил. Джей сидел в проекционном зале и просматривал кинопробы Левиса и еще дюжины надежд; я нервно жевала ручку, и Кэнди, влюбившаяся в Левиса с первого взгляда, что-то рассеянно печатала.

— Ну и вид же отсюда, — лениво пробормотал Левис. Через окно я посмотрела вниз, на желтый лужок. Вот это да! Левис может стать суперзвездой, американским соблазнителем номер один, а его интересует вид из моего окна. Я представила его, идола толпы, увешанного Оскарами, проталкивающегося сквозь массу поклонников и время от времени делающего крюк в своем роскошном «кадиллаке», чтобы навестить бедную старую Дороти, из-за которой все и началось… Зазвонил телефон. Влажной от пота рукой я подняла

трубку.

— Дороти? Это Джей. Дорогая, твой маленький приятель очень хорош, просто превосходен. Приезжай и посмотри сама. Его проба лучшая, какую я видел с времен Джеймса Дина.

— Он здесь, — сказала я изменившимся голосом.

— Прекрасно, бери его с собой.

После того, как Кэнди, снова вытирая глаза, расцеловала нас, мы вскочили в мою машину, побили все рекорды скорости на тех двух милях, что отделяли нас от студии, и упали в объятия Джея. Говоря «мы», я несколько преувеличиваю, так как Левис, насвистывая, еле волочил ноги, выражая полное безразличие к происходящему. Он вежливо поздоровался с Джеем, в темноте сел рядом со мной; тут же включили пленку.

На экране у него было совсем другое лицо, не поддающееся четкому описанию, жестокое, и в то же время удивительно привлекательное. Я должна бы восхищаться, а мне стало как-то не по себе. Незнакомец на экране с неожиданной небрежностью и простотой вставал, закуривал, прислонясь к стене, улыбался, зевал, как если бы он был один. Камера нисколько не мешала ему, он, казалось, не подозревал о ее наличии. Экран

погас, и Джей повернулся ко мне, ликуя:

— Ну, Дороти, что ты думаешь? — Естественно, именно он сделал открытие. Я, ничего не говоря, несколько раз кивнула — лучший способ маскировки чувств. Дей повернулся к Левису:

— Что ты думаешь о себе?

— Я не думаю о себе, — спокойно ответил тот.

— Где ты учился играть?

— Нигде.

— Нигде? Ладно, ладно, мой друг…

Левис встал. Казалось, он здорово рассердился:

— Я никогда не лгу, мистер э… э…

— Грант, — механически подсказал Джей.

— Я никогда не лгу, мистер Грант. — Впервые я увидела, чтобы Джей растерялся. Он даже слегка покраснел:

— Я не говорил, что ты лжешь, я просто заметил, что ты удивительно естествен для новичка. Дороти может подтвердить. — Джей повернулся ко мне, и от его умоляющего взгляда я чуть не рассмеялась. Но пришла ему на помощь:

— Это правда, Левис, ты очень хорош.

Он взглянул на меня, улыбнулся и неожиданно наклонился ко мне, как будто мы были одни:

— Правда, я тебе понравился? — Его лицо замерло в дюйме от моего, и я беспокойно заерзала

в кресле.

— Да, Левис, я уверена, ты сделаешь карьеру. Я…

Джей скромно кашлянул, как я и надеялась.

— Я подготовлю твой контракт, Левис. Если ты захочешь, можешь показать его своему адвокату. Где я смогу найти тебя?

Спрятавшись в кресле, оцепенев, я услышала спокойный ответ Левиса:

— Я живу у миссис Сеймур.

6

Скандал не раздули лишь благодаря моей малой известности в Голливуде. Несколько замечаний, несколько идиотских поздравлений с блестящим будущим моего протеже. Но слухи не вышли за пределы моего кабинета. Никто из журналистов не постучал в дверь. Единственная строчка в газете сообщала, что молодой дебютант Левис Майлс подписал контракт у знаменитого Джея Гранта. И лишь Пауль Бретт во время ленча в директорате компании серьезно спросил, что я собираюсь делать с Левисом. Он похудел, что шло ему, и стал меньше улыбаться, впрочем, обычное явление для сорокалетних в этой стране. И неожиданно он заставил меня вспомнить, что на свете существуют мужчины и любовь. Я весело ответила, что с Левисом меня ничего не связывает, я очень рада за него, и он скоро переедет. Пауль посмотрел на меня подозрительно:

— Дороти, мне всегда нравилось, что ты не лжешь и не разыгрываешь идиотских комедий, как другие голливудские женщины.

— Как?

— Не говори мне, что ты целый месяц в цело-

мудрии прожила с красивым молодым парнем. Я полагаю, он не только красив, но и…

Я рассмеялась.

— Пауль, ты должен поверить мне. Он не интересует меня, во всяком случае в этом смысле. Так же, как и я его. Я знаю, это кажется странным, но все так и есть.

— Ты клянешься в этом?

Мания мужчин к получению клятв очаровательна. Итак, я поклялась, и, к моему удивлению, Пауль просиял. Вот уж не думала, что он столь доверчив и полагается на женские клятвы, все равно какие. Тут же, правда, я нашла другое объяснение: он так влюблен в меня, что мои заверения доставляют ему удовольствие. Вот когда до меня дошло, что я прожила с Левисом больше месяца, за это время почти нигде не бывала и тем не менее ни разу не оказалась в одной постели с этим красивым парнем, хотя этот вопрос всегда занимал важное место в моей жизни. Я посмотрела на Пауля более внимательно, обнаружила обаяние, элегантность, изысканные манеры и договорилась о встрече с ним на следующий день. Он заедет за мной около девяти вечера, мы пообедаем у Чейзена, а потом потанцуем. Довольные друг другом, мы разошлись.

На следующий день я вернулась домой раньше обычного с твердым намерением роскошно одеться и соблазнить Пауля раз и навсегда. Как обычно, Левис сидел в кресле и смотрел в небо. Он помахал в воздухе листом бумаги. Подойдя, я взяла его. Это был контракт с Грантом. Он включал съемку трех фильмов, прекрасный недельный оклад в течение двух лет и, разумеется, исключительные права. Я быстро пробежала его и посоветовала для надежности показать контракт моему адвокату.

— Ты доволен, Левис?

— Мне все равно; если контракт тебе нравится, я подпишу его. Ты торопишься?

— Я приглашена на обед, — бодро ответила я. — Пауль Бретт через час заедет за мной.

Я поднялась наверх и через минуту сидела в ванне по шею в горячей воде, с оптимизмом думая о будущем. Решительно, мне удалось выбраться из очень щекотливой ситуации: перед Левисом открывается блестящая карьера, Пауль все еще любит меня, мы собираемся пообедать, поразвлечься, быть может, заняться любовью — жизнь прекрасна. Я взглянула в зеркало на свою еще стройную фигуру, сияющую физиономию и, что-то напевая, скользнула в прекрасный халат,

присланный дочерью из Парижа. Затем присела у туалетного столика, вытащила бесчисленное множество баночек с магическими кремами и начала священнодействие. Левиса я увидела в зеркало. Он без стука вошел в спальню, меня это удивило, но особенно не рассердило, учитывая, как я уже отметила, мое прекрасное настроение, и сел на ковер возле меня. С одним глазом я уже покончила, со вторым — нет, выглядела наверняка глупо, поэтому продолжала устранение асимметрии.

— Где ты собираешься обедать? — спросил Левис.

— У Чейзена. Это в Лос-Анджелесе, единственный ресторан, который тебе стоит посетить! Скоро ты появишься там, как звезда.

— Не говори ерунды, — он говорил грубо и раздраженно. На мгновение я оторвалась от дела, моя рука с кисточкой для теней замерла в воздухе:

— Я не говорю ерунду. Это очаровательное место.

Левис не ответил. Как обычно, он смотрел в окно. Я покончила с глазом, но, к моему удивлению, не решалась накрасить губы в его присутствии. Мне казалось, что это так же неприлично, как

раздеться перед ребенком. Я пошла в ванную, тщательно подвела губы а-ля Кроуфорд и надела вечернее платье, мое самое любимое. Возникли трудности с молнией, и я полностью забыла о Левисе, из-за чего, входя в спальню, чуть не наступила на него, все еще сидящего на ковре. Он вскочил на ноги и уставился на меня. Довольная собой, я мило ему улыбнулась:

— Что ты обо мне думаешь?

— Ты мне больше нравишься в наряде садовника.

Я засмеялась и пошла к двери: пора готовить коктейли. Но Левис схватил меня за руку:

— А я что буду делать?

— Делай, что хочешь, — ответила я в изумлении. — Есть телевизор, копченая семга в холодильнике… или, если хочешь, можешь взять мою машину…

Он все еще держал меня за руку, лицо его закаменело. Он смотрел на меня пустым взором, и я узнала тот самый взгляд, что поразил меня в студии, — взгляд пришельца на Земле. Я попыталась высвободить руку, а когда это не удалось, подумала с надеждой, что скоро приедет Пауль.

— Разреши мне пройти, Левис. Я опаздываю, — я говорила тихо, будто боясь разбудить его. На

лбу и вокруг рта Левиса появились капельки пота, я подумала, уж не болен ли он. В этот момент он будто увидел меня, очнулся и отпустил мою руку.

— Твое ожерелье плохо застегнуто. — Его руки легко обвились вокруг моей шеи, замочек нитки жемчуга щелкнул. Потом он отступил на шаг, и я вышла из комнаты. Все это длилось не более секунды, но я почувствовала, что крошечная капелька пота скатилась по спине. Не от возбуждения, вызванного прикосновением к шее рук мужчины. Это-то чувство я знала прекрасно.

Пауль прибыл вовремя, был мил с Левисом, несколько снисходительным, но очаровательным, и мы втроем выпили по коктейлю. Мой оптимизм быстро восстановился. Уезжая, я помахала рукой Левису, стоявшему неподвижно в дверном проеме: высокий, стройный силуэт, красивый, настолько красивый — слишком красивый.

Вечер прошел, как я и ожидала. Я повидала массу друзей, часа два протанцевала с Паулем, и мы приехали к нему на квартиру. Я снова испытала прелесть табачного запаха, тяжести мужского тела и любовных слов, нашептываемых в темноте. Пауль был настоящий мужчина, очень нежный,

сказал, что любит меня, и попросил выйти за него замуж. Я, естественно, согласилась, так как, получая удовольствие, готова согласиться на что угодно. В шесть утра я заставила Пауля отвезти меня домой. Левис затворил на ночь окно, и только утренний ветерок шелестел высокими сорняками в моем саду.

7

Прошел месяц. Левис начал работать — второстепенная роль в сентиментальном цветном вестерне. Тем не менее, когда нам однажды вечером показали снятые куски, Левис настолько приковал внимание, что о нем начали говорить. Он же, казалось, отнесся ко всей этой суете безо всякого интереса. Не произнося ни слова, слонялся по студии, сколько мог, сидел в моем кабинете, выслушивая похвалы Кэнди, или дремал среди старых голливудских декораций, отдавая предпочтение сделанным для вестернов, тем, что никогда не разбирались: целыми деревнями с балконами и деревянными лестницами, фасадами, за которыми ничего не было, — пустыми, трогательными и отвратительными одновременно. Левис часами бродил по фальшивым улицам, часто сидел на ступеньках с сигаретой во рту. Вечером я отвозила его домой. По вечерам он нередко оставался один, хотя я неоднократно советовала ему найти себе компанию. Пауль жаждал как можно скорее предстать перед священником, и требовалась вся моя дипломатия, чтобы сдерживать его. Все считали, что я разде-

ляю объятия двух мужчин, изображая сирену, и от этого я чувствовала себя помолодевшей. Но где-то в глубине души накапливалось и раздражение.

Так продолжалось около трех недель. Надо ли говорить, как прекрасна жизнь, когда ее любишь! Чудесные дни, волнующие ночи, головокружение от алкоголя и удовольствия, нежные прикосновения, возбуждение, невероятное счастье просыпаться живой, чувствуя, что впереди бездна времени, целый гигантский день до того, как снова заснуть, коснувшись подушки. Я никогда не смогу полностью отблагодарить небеса, Бога или мою мать за свое появление на свет. Все было моим: свежесть простыней или их влажность, плечо любовника, касающееся моего, или мое одиночество, серый или голубой океан, прекрасная, гладкая дорога к студии, музыка, льющаяся из приемника… и умоляющий взгляд Левиса. Камень преткновения. Я начинала чувствовать себя виноватой. Каждый вечер у меня возникало такое чувство, что я бросаю его. Когда я подъезжала к съемочной площадке, где он работал, когда, захлопнув дверцу автомашины, направлялась к нему изящной, я надеюсь, походной уверенной в себе женщины, я видела, что он издерган, пе-

чален, и иногда, как в бреду, спрашивала, а не дурачу ли я себя… а если эта жизнь, принадлежащая мне, счастье, радость, любовь, ощущение совершенства всего-навсего глупый самообман. И почему бы мне не подбежать к нему, сжать его в объятиях и спросить… спросить его о чем? Что-то пугало меня. Я чувствовала, как меня притягивает к чему-то неизвестному, зловещему, но несомненно существующему, реальному. А затем я брала себя в руки, улыбалась и говорила: «Привет, Левис», — и он всегда улыбался в ответ. Раз или два я видела его на съемках. Перед ненасытной камерой он держался так же естественно, как дикое животное, довольствуясь несколькими жестами, причем в такой рассеянной манере исполнения, что выглядел отрешенным, как львы, которым надоел зоопарк и которым невозможно смотреть в глаза.

А потом Болтон решил купить его. Ему это удалось без особых хлопот. В Голливуде не было режиссера, который отважился бы в чем-то отказать ему. Включая и Джея. Болтон встретился с Левисом, предложил ему лучшие условия и купил контракт у Джей. Я разъярилась. Особенно потому, что Левис отказывался рассказывать мне о встрече. Я еле заставила его.

— Там большой стол. Он сидел с сигаретой. Предложил мне сесть, потом поднял трубку и позвонил еще какому-то парню.

— Что ты тогда сделал?

— Взял со стола журнал, начал читать.

Я не могла не улыбнуться. Приятно представить себе молодого человека, читающего журнал, сидя перед Болтоном.

— А потом?

— Он положил трубку, спросил, не думаю ли я, что это приемная дантиста.

— Что ты ответил?

— Не думаю. Я ни разу не был у дантиста, никогда. У меня очень хорошие зубы.

Левис наклонился ко мне и пальцем приподнял верхнюю губу, чтобы доказать свою правоту. Зубы у него были, как у волка, белые и острые. Я кивнула.

— А потом?

— А потом ничего. Он что-то пробормотал и сказал, что это честь для меня, что он мной интересуется, или что-то в этом роде. Что он собирается купить мой контракт, он сделает мне карьеру, э… как это он сказал… производящую впечатление карьеру. — Тут он расхохотался. — Производящую впечатление… мне… Я ответил,

что мне все равно и я хочу только заработать кучу денег. Ты знаешь, я нашел «роллс».

— Что?

— Я же говорю, «роллс», ты на днях говорила о таком с Паулем, в который можно войти, не сгибаясь. Я нашел его для тебя. Ему лет двадцать, он очень высокий, а внутри весь золотой. Мы получим его на следующей неделе. Болтон дал мне достаточно денег для первого взноса, и я его внес.

На мгновение я остолбенела.

— Ты хочешь сказать, что купил мне «роллс»?

— Разве ты не хотела его иметь?

— И ты полагаешь, что и дальше будешь осуществлять все мои школьные мечты? Ты с ума сошел.

Левис успокаивающе махнул рукой, жест, более уместный для мужчины зрелых лет. Наши роли переменялись. Отношения, до того бывшие платоническими, теперь становились просто смешными. Трогательными, но смешными. По моему лицу Левис все понял, так как тут же надулся.

— Я думал, тебе будет приятно… Извини, я должен уйти сегодня вечером.

Прежде чем я успела что-либо сказать, он встал

и скрылся в доме. Терзаемая раскаянием, я отправилась спать, около полуночи поднялась, чтобы написать Левису письмо с благодарностью и извинениями столь приторными, что пришлось в конце концов вычеркнуть несколько фраз. Зайдя в комнату Левиса, я сунула письмо под подушку и еще долго не могла заснуть, ожидая его возвращения. В четыре утра Левис еще не появился, и, со смесью облегчения и грусти, я заключила, что он, наконец, нашел любовницу.

Чтобы хоть немного выспаться, я отключила телефон; позевывая, появилась в студии лишь к полудню и, естественно, оказалась не в курсе последних событий. Когда я вошла, Кэнди подпрыгнула в кресле, глаза у нее были совершенно бешеные. Уж не укусила ее электрическая пишущая машинка, подумала я. Она обняла меня за шею:

— Что ты думаешь об этом, Дороти? Что ты думаешь?

— Бог мой, о чем?

Я увидела перед собой грандиозную перспективу нового контракта, за который хорошо заплатят. Я как раз простаивала, и Кэнди не позволила бы мне отказаться от работы. Вопреки тому, что я, очевидно, вполне здорова, каждый, с самого мое-

го детства, считал своим долгом приглядывать за мной, словно за умственно отсталой.

— Ты ничего не знаешь? — блаженство, разлившееся по ее лицу, породило во мне сомнения. — Джерри Болтон мертв.

Я с ужасом вынуждена отметить, что, как и она, да и все на студии, восприняла это известие как хорошую новость. Я села напротив Кэнди, а она уже достала бутылку шотландского и два стакана, чтобы отпраздновать это событие.

— Что значит мертв? Левис еще вчера видел его.

— Убит, — радостно сообщила она. Тут я спросила себя, не результат ли моих литературных творений эта ее мелодраматическая манера поведения?

— Но кем?

Неожиданно она смутилась и, запинаясь, ответила:

— Я не знаю, смогу ли я сказать… Кажется, мистер Болтон имел… э… моральные принципы… которые… которые…

— Кэнди, у каждого есть свои принципы, неважно какие. Объясни подробнее.

— Его нашли в одном доме, около Малибу, кажется, он был там старым клиентом. Он пришел

с молодым человеком, который потом исчез. Он и убил Болтона. Радио назвало это преступлением на почве секса.

Итак, тридцать лет Джерри Болтон скрывал свое истинное лицо. Тридцать лет он играл роль безутешного, нетерпимого в вопросах нравственности вдовца. Тридцать лет пачкал грязью молодых актеров определенного типа, похожих на женщин, часто, несомненно в целях самозащиты, губил их карьеру… Жуть какая-то.

— Почему они не замяли дело?

— Убийца, как полагают, сразу же позвонил в полицию, а затем в газеты. Тело нашли в полночь. Тайное, как говорится, стало явным. Владельцу этого притона пришлось раскрыть карты.

Механически я поднесла стакан к губам, затем с отвращением поставила обратно на стол. Для спиртного слишком рано. Я решила пройтись по студии. Всюду царило оживление. Я могла бы даже сказать, народ веселился, как на празднике, и мне стало немного досадно. Человеческая смерть никогда не делала меня счастливой. Все эти люди в свое время натерпелись от Болтона, и двойная новость о его тайной жизни и смерти доставляла им нездоровое удовольствие. Я быстро ушла и направилась к площадке, где работал

Левис. Съемки начинались в восемь утра, но после бессонной ночи едва ли он мог предстать перед камерой в хорошей форме. Однако я нашла его, прислонившегося к стене, улыбающегося и непринужденного, как обычно. Он направился ко мне.

— Левис, ты слышал новости?

— Да, конечно. Завтра не работаем, траур. Мы сможем заняться садом. — Помолчав, он добавил: — Нельзя сказать, что я принес ему удачу.

— Все это мешает твоей карьере, — ленивым жестом он отмахнулся от разговора.

— Ты нашел мое письмо, Левис?

Он посмотрел на меня и начал краснеть:

— Нет. Меня не было всю ночь.

Я рассмеялась.

— Ты имеешь полное право. Я только хотела сказать, что очень обрадовалась «роллсу», но от изумления начала молоть какую-то чушь. И поэтому ты не понял моей радости. Вот и все. Потом мне было так стыдно.

— Ты никогда не должна чувствовать себя виноватой из-за меня, — заверил меня Левис. — Никогда.

Его позвали. Репетировалась короткая любовная сценка с участием восходящей звезды Джун

Пауэр, брюнетки с жадным ртом. Она с явным восторгом устроилась в объятиях Левиса, и я поняла, что теперь он вряд ли будет проводить ночи дома. Так и должно быть, решила я и отправилась к зданию дирекции студии, где собиралась позавтракать с Паулем.

8

«Роллс» застыл, огромный и таинственный: машина для дальних поездок, грязно-белый, с черной обшивкой, или когда-то черной, с медными деталями, тускло блестевшими повсюду. В лучшем случае это была модель 1925 года. Настоящий кошмар. Так как в гараж вторая машина не помещалась, нам пришлось оставить его в саду, в котором и так уже негде было повернуться. Высокие сорняки очаровательно покачивались вокруг «роллса». Левис радовался, как ребенок, его все время тянуло к машине, а заднее сиденье он даже предпочел креслу на террасе. Мало-помалу он заполнил «роллс» книгами, сигаретами, бутылками и, возвратившись со студии, обычно там и устраивался, высунув ноги в открытую дверь и наслаждаясь смесью запахов ночи и затхлости, исходящих от старых сидений. Слава Богу, Девис не заикался о ремонте «роллса». Честно говоря, я совсем не представляла, как ему вообще удалось доставить этого старичка к дому.

К общему удовольствию, мы решили мыть «роллс» каждое воскресенье. И тот, кто в воскресное утро не чистил «роллс» 1925 года выпуска,

стоящий, как статуя в запущенном саду, потерял одну из самых больших радостей в жизни. Полтора часа уходило на, наружную часть и еще полтора — на внутреннюю. Обычно я начинала с помощи Левису, занимавшемся фарами и радиатором. Затем, уже самостоятельно, переходила к обивке. Интерьер — это мой конек! За «роллсом» я ухаживала лучше, чем за собственным домом. Я покрывала кожу сидений специальной пастой, а затем полировала ее замшей. Драила деревянные части приборной доски, заставляя их блестеть. Потом, подышав на диски приборов, протирала их, и перед моим восторженным взором на сверкающем спидометре появлялись цифры 80 миль/час. А снаружи Левис, в тенниске, трудился над покрышками, колесами, бамперами. К половине двенадцатого «роллс» сверкал в полном великолепии, а мы, млея от счастья, потягивали коктейли, ходили вокруг машины, поздравляли себя с завершением утренней работы. И я знаю, чему мы радовались: полной бессмысленности наших трудов. Пройдет неделя. Ветки снова сплетутся вокруг «роллса», а мы никогда не будем им пользоваться. Но в следующее воскресенье мы все начнем сначала. Вновь вместе откроем радости детства, самые неистовые, самые глубокие, самые

беспричинные. На следующий день, в понедельник, мы возвратимся к своей работе, за которую получаем деньги, размеренной и регулярной, позволяющей нам пить, есть и спать, к работе, по которой все о нас и судят. Но как же я иногда ненавидела жизнь и ее деяния! Вот ведь странно: может быть, чтобы любить жизнь по-настоящему, надо уметь как следует ее ненавидеть…

В один чудесный вечер в сентябре я лежала на террасе, закутавшись в один из свитеров Левиса, теплый, грубый и тяжелый, которые мне так нравятся. С определенными трудностями, но я все же уговорила Левиса сходить со мной в магазин, и он, благодаря прекрасному заработку, пополнил свой до того несуществовавший гардероб. Я часто одевала его свитера; я любила носить одежду мужчин, с которыми жила, — думаю, единственный грех, в котором они могут меня упрекнуть. В полудреме я просматривала удивительно глупое либретто для кинофильма, к которому от меня требовали за три недели написать диалоги. Речь шла о глупенькой девчушке, которая встречает интеллигентного молодого человека и под его влиянием расцветает прямо на глазах, или о чем-то в этом роде. Единственная проблема состояла в том, что эта глупая девушка казалась мне куда

более интеллигентной, чем молодой человек. Но, к сожалению, ставился фильм по бестселлеру, так что линию сюжета изменить я не могла. Итак, зевая, я с нетерпением ожидала прихода Левиса. Но увидела вместо него в просторном твидовом, почти черном костюме, но зато с огромной брошью на воротнике, знаменитую, идеальную Лолу Греветт.

Ее машина остановилась перед моим скромным жилищем, Лола промурлыкала что-то шоферу и открыла ворота. Ей не сразу удалось обойти «роллс». А когда она увидела меня, в ее темных глазах застыло изумление. Должно быть, я представляла собой исключительное зрелище: спутанные волосы, огромный свитер, шезлонг и бутылка шотландского. Я, вероятно, напоминала одну из тех одиноких алкоголичек, героинь пьес Теннеси Уильямса, которые, кстати, я так любила. Лола остановилась в трех шагах от террасы и дрогнувшим голосом произнесла мое имя:

— Дороти, Дороти…

Я никак не могла поверить своим глазам. Лола Греветт — национальное достояние, она никуда не выходила без телохранителя, любовника и пятнадцати репортеров. Что она делала в моем саду? Мы уставились друг на друга, как две совы,

и я не смогла не отметить, что она превосходно следит за собой. В сорок три она сохранила красоту, кожу и очарование двадцатилетней. Вновь услышала я: «Дороти», — и, поднимаясь с шезлонга, проквакала «Лола», без особого энтузиазма, но достаточно вежливо. Тут она заторопилась, прыгая по ступенькам, как молодой олень, от чего груди под блузкой жалостливо затряслись. Она упала мне в объятия. Только теперь я сообразила, что мы обе были вдовами Френка.

— Бог мой, Дороти, когда я думаю, что меня здесь не было… что тебе одной пришлось обо всем заботиться… Да, я знаю, ты вела себя изумительно, все об этом говорят. Я не могла не повидать тебя… Не могла…

Пять лет она не обращала внимания на Френка, ни разу даже не виделась с ним. Поэтому я решила, что у нее свободный день или ее новый любовник не может удовлетворить ее духовные запросы. В Лоле не было ничего от печальной женщины, ищущей утешения. Размышляя подобным образом, я предложила ей стул, виски, и мы начали состязаться в восхвалении Френка. Лола первым делом извинилась, что отбила его у меня (но страсть извиняет все), я тут же ее простила (время все сглаживает), и так далее, в том

же духе. По правде говоря, она чем-то удивляла меня. Говорила избитыми фразами, с пугающими вспышками нежности или ярости. Мы вспоминали лето 1959 года, когда приехал Левис.

Улыбаясь, он прыгнул через бампер «роллса». Да, немногие мужчины так красивы и стройны, как он. Старая куртка, вылинявшие джинсы, черные волосы, падающие на глаза. Я видела его таким каждый день, но сегодня смотрела на него глазами Лолы. Пусть это покажется странным, но она задрожала. Так дрожит лошадь перед препятствием, так дрожит женщина, увидев мужчину, которого захотела страстно и мгновенно. Улыбка Левиса исчезла, как только он увидел Лолу: он не любил посторонних. Я дружески представила их друг другу, и Лола немедленно пустила в ход все свое обаяние.

Разумеется, она не поперла напролом, словно неопытная кокетка. Наоборот, показала, что она женщина с головой на плечах, женщина с положением, профессионал. Ее поведение восхитило меня. Она не пыталась ни ослепить Левиса, ни даже взволновать его. Она постигла дух, царивший в доме, говорила о машине, о саде, небрежно налила себе еще бокал, рассеянно поинтересовалась намерениями Левиса — словом, играла роль жен-

щины-друга, с которой легко ладить и которая далека от всего этого (то есть нравов Голливуда). По взгляду, брошенному на меня, я поняла, что она считает Левиса моим любовником и решила сделать его своим. После бедняги Френка это уже перебор, решила я. Признаюсь, меня все это рассердило. Одно дело, когда она развлекается разговором с Левисом, но делать из меня идиотку, заходить так далеко… Страшно подумать, куда может завести уязвленное тщеславие. Впервые за шесть месяцев я позволила себе вольность, жест собственника по отношению к Левису. Он сидел на земле, наблюдая за нами, почти не разговаривая. Я протянула ему руку:

— Прислонись к моему креслу, Левис, а то у тебя будет болеть спина.

Он прислонился, а я небрежно провела рукой по его волосам. Он тут же откинул голову и положил ее мне на колени. Закрыл глаза, улыбаясь, казалось, он безмерно счастлив, а я отдернула руку, будто ее обожгло. Лола побледнела, но это не доставило мне никакого удовольствия: так стало стыдно За себя.

Лола, тем не менее, какое-то время продолжала разговор с хладнокровием тем более похвальным, что Левис не убрал головы с моих коленей

и демонстрировал полное безразличие к беседе. Мы, несомненно, являли собой счастливую любовную парочку, и, когда развеялась первая неловкость, мне захотелось смеяться. Лола, наконец, утомилась и поднялась. Я — следом, что явно расстроило Левиса: он встал, потянулся и одарил Лолу таким ледяным, безразличным, так ждущим ее отъезда взглядом, что вынудил Лолу взглянуть на него столь же холодно, будто на неодушевленный предмет.

— Я покидаю тебя, Дороти. Боюсь, я помешала тебе. Оставляю тебя в приятной компании, даже если мне она и не рада.

Левис не шелохнулся, я — тоже. Шофер уже открыл дверцу. Лола вспылила:

— Разве вы не знаете, молодой человек, что обычно дам провожают к выходу?

Она смотрела на Левиса, а я слушала ее, просто остолбенев: редчайший случай — она теряла свое знаменитое самообладание.

— Дам — конечно, — спокойно ответил Левис и опять не шелохнулся.

Лола подняла руку, собравшись ударить его, а я закрыла глаза. В реальной жизни Лола отвешивала пощечины так же часто, как и на экране. Отработала она их прекрасно: сначала ладонью,

затем тыльной стороной руки, не шелохнув при этом плечом. Но удара не последовало. Тогда я взглянула на Левиса. Он стоят застывший, слепой и глухой, каким я уже видела его однажды; он тяжело дышал, а вокруг рта выступили маленькие бисеринки пота. Лола сделала шаг назад, затем еще два, от греха подальше. Как и я, она испугалась.

— Левис, — я взяла его за руку. Он очнулся и поклонился Лоле в старомодной манере. Лола свирепо поглядела на нас:

— Тебе надо бы находить менее молодых и более вежливых, Дороти.

Я не ответила. Честно говоря, расстроилась. Завтра весь Голливуд будет все знать. И Лола возьмет реванш. Мне предстояли две недели непрерывных мучений.

Лола ушла, а я не удержалась, чтобы не сказать об этом Левису. Он посмотрел на меня с сожалением:

— Тебя это действительно беспокоит?

— Да, я ненавижу сплетни.

— Я позабочусь об этом, — успокоил меня Левис.

Но он не успел. На следующее утро по дороге на студию Лолин лимузин с открытым верхом

не вписался в поворот, и она свалилась в ущелье глубиной метров сто.

9

Похороны прошли по высшему разряду. За последние два месяца трагически погибла вторая голливудская знаменитость, не считая Джерри Болтона. Бесчисленные венки от бесчисленных живущих покрыли могилу. Я была с Паулем и Левисом. Третьи похороны. Френк, потом Болтон. Снова я шагала по аккуратно выложенным дорожкам. Я похоронила троих, таких разных, но все они были слабые и безжалостные, жаждущие славы и разочаровавшиеся в ней, все трое движимые безымянными страстями, загадочными и для них самих, и для окружающих. Такие мысли угнетают больше всего. Что же стоит в жизни между людьми и их самыми сокровенными желаниями, их пугающей решимостью быть счастливыми? Не есть ли это представление о счастье, которое они создают себе и которое не могут примирить со своей жизнью? Может быть, это время или отсутствие времени? Или, быть может, ностальгия, взлелеянная с детства?

Дома, сидя между двумя мужчинами, я вновь вернулась к этим мыслям, настойчиво спрашивая и мужчин, и звезды. Никто не смог ответить мне.

Я могу лишь сказать, что в ответ на мои вопросы звезды слабо мерцали, как и глаза моих гостей. Вдобавок я поставила на проигрыватель пластинку с «Травиатой» — музыкой самой романтичной, которая всегда располагает к размышлению. Наконец их молчание мне надоело.

— Ну, Левис, ты, ты счастлив?

— Да, — его уверенный ответ обескуражил меня, но я настаивала:

— И ты знаешь почему?

— Нет.

Я повернулась к Паулю:

— А ты, Пауль?

— В скором будущем я надеюсь обрести настоящее счастье.

Этот намек на нашу свадьбу слегка охладил меня, но я быстро увернулась от него:

— Но посмотрите. Мы здесь втроем, сейчас тепло, Земля вертится, мы здоровы, счастливы… Так почему же у всех нас такой голодный, затравленный вид… Что происходит?

— Сжалься, Дороти, — взмолился Пауль. — Я не знаю. Почитай газеты, они полны статьями на эту тему.

— Почему никто не хочет говорить со мной серьезно? — спросила я, закипая. — Что я — гусыня?

Или я совершенно глупа?

— С тобой нельзя серьезно говорить о счастье, — ответил Пауль. — Ты сама живой ответ. Я не смог бы дискутировать о существовании Бога с ним самим.

— Все потому, — вмешался Левис, — все потому, что ты добрая.

Неожиданно он вскочил, и свет из гостиной упал на него. Рука его поднялась, как рука Пророка.

— Ты… ты понимаешь… ты добрая. Люди совсем не добрые, поэтому… поэтому они не могут быть добрыми даже к себе, и…

— Бог мой, — воскликнул Пауль, — почему бы нам не выпить? Где-нибудь в более веселом месте? Как ты, Левис?

Пауль впервые пригласил Левиса, и тот, к моему величайшему удивлению, не отказался. Мы решили поехать в один из клубов хиппи около Малибу. Влезли в «ягуар» Пауля, и я, смеясь, отметила, что внутри Левису лучше, чем при первой встрече с «ягуаром». После этого умного замечания мы помчались вперед, ветер свистел в ушах и резал глаза. Я чувствовала себя прекрасно, устроившись между моим любовником и моим младшим братом, почти моим сыном, между

двумя красивыми, благородными, добрыми мужчинами, которых я любила. Я думала о бедной Лоле, умершей и похороненной, о том, что я невероятно удачлива, а жизнь — это бесценный дар.

Клуб переполнила молодежь, в основном бородатая и длинноволосая; мы с трудом нашли столик. Если Пауль серьезно хотел избежать разговора со мной, то он своего добился: музыка оглушала, ни о каких разговорах не могло идти и речи. Вокруг прыгала и дергалась счастливая толпа, шотландское оказалось вполне сносным. Сначала я не заметила отсутствия Левиса, и только когда он вернулся и сел за стол, обратила внимание, что глаза у него слегка остекленели, хотя он практически не пил. Воспользовавшись тем, что музыка стала чуть спокойнее, я немного потанцевала с Паулем и возвращалась к столику, когда все и случилось.

Потный бородатый парень налетел на меня около столика. Механически я пробормотала «извините», но он обернулся и так угрюмо зыркнул на меня, что я испугалась. Если ему перевалило за восемнадцать, то ненамного, на улице его ждал мотоцикл, а в животе плескались несколько лишних порций спиртного. В кожаной куртке выглядел он, как один из тех «рокеров», поль-

зовавшихся недоброй славой. О них в то время часто писали газеты. Он буквально гаркнул на меня:

— Что ты здесь делаешь, старуха?

Чтобы рассердиться, мне требуется лишь секунда, но рассвирепеть я не успела, потому что у меня из-за спины вылетел человеческий снаряд и вцепился парню в горло: это был Левис. Они покатились по полу между столиками и ногами танцующих. Мне стало страшно. Пронзительным голосом я звала Пауля и видела, что он старается пробиться через толпу в метре от меня. Но эта восторженная молодежь образовала кольцо вокруг дерущихся и не давала ему пройти. Я вопила «Левис, Левис», но он не слушал меня, во всяком случае парня не отпускал. Все это продолжалось с минуту, минуту, полную кошмара. Неожиданно возня прекратилась, и дерущиеся застыли на полу. В темноте я едва различала их тела, но эта неподвижность пугала еще более, чем драка. Тут кто-то заорал:

— Разнимите же их, разнимите!

Пауль, наконец, пробился ко мне. Он растолкал стоящих вокруг зрителей, если их можно так назвать, и ринулся вперед. Потом вдали я отчетливо увидела руку Левиса, его изящную, тонкую

руку, вцепившуюся в горло застывшего парня, сжавшую его в безумном объятии. Я видела руки Пауля, схватившие эту руку и отрывающие палец за пальцем. Потом меня оттолкнули, и я, оцепенев, упала в кресло.

Все смешалось: Левиса держали в одном углу, в другом старались привести в чувство того, в кожаной куртке. Так как никто не собирался звать полицию, мы трое быстренько ретировались; мы — испуганные, в полном замешательстве, Левис — спокойный, спокойный и далекий от всего. Мы молча забрались в «ягуар». Пауль, тяжело дыша, достал сигарету, закурил и протянул мне. Затем прикурил еще одну, для себя. Сразу завести машину он не мог.

Я повернулась к нему и насколько можно веселым голосом воскликнула:

— Ну и ну, вот это вечерок…

Пауль не ответил, но, наклонившись через меня, пристально посмотрел на Левиса:

— Что ты принял, Левис, ЛСД?

Левис промолчал. Я резко повернулась и тоже взглянула на него. С откинутой назад головой, он смотрел в небо, в другой мир.

— Как бы то ни было, — мягко продолжал Пауль, — ты едва не убил человека… Что произошло,

Дороти?

Я колебалась. Признаться не хотелось.

— Парень сказал, что я… э… немного стара для этого заведения.

Я надеялась, что Пауль, по крайней мере, возмутится, но он лишь пожал плечами, и мы, наконец, отчалили.

В пути мы не обмолвились ни словом. Левис вроде бы спал, и я с отвращением подумала, что он, вероятно, полон своего драгоценного ЛСД. Я, в общем-то, не против наркотиков, только считаю, что алкоголя вполне достаточно, а остальные меня пугают. А еще я боюсь аэропланов, подводного плавания и психиатрии. Земля — единственное, что меня успокаивает, хотя и здесь много грязи. Как только мы приехали, Левис выскочил первым, что-то пробормотал и исчез в доме. Пауль помог мне выбраться из машины и прошел за мной на террасу:

— Дороти… ты помнишь, что я говорил тебе о Левисе в первый раз?

— Да, Пауль. Но теперь он тебе нравится, не так ли?

— Да, только я… — Он запнулся. Для Пауля это редкость. Потом взял мою руку, поцеловал ее. — Он… ты знаешь, я думаю, он не совсем нормален.

Он действительно чуть не убил того бородача.

— Кто будет нормальным после кусочка сахара, пропитанного этой дрянью? — задала я логичный вопрос.

— Главное в том, что он просто буйный, и мне не нравится, что ты живешь с ним.

— Честно говоря, я думаю, что он очень любит меня и никогда не причинит мне вреда.

— Во всяком случае, он скоро станет звездой, и ты избавишься от него. Грант говорил мне. В следующем фильме ставку сделают на него. К тому же он талантлив. Дороти, когда же ты выйдешь за меня замуж?

— Скоро, — ответила я, — очень скоро.

Наклонившись, я легонько поцеловала Пауля в губы. Он вздохнул. Я оставила Пауля на террасе и пошла в дом взглянуть на будущую суперзвезду. Левис распластался на полу на моем мексиканском ковре, голова его покоилась на руках. Я пошла на кухню, сварила кофе и наполнила чашку для Левиса, одновременно репетируя про себя речь о вреде наркотиков. Потом вернулась в гостиную, присела рядом с Левисом, похлопала по плечу. Бесполезно.

— Левис, выпей кофе! — Он не пошевелился. Я тряхнула его, но, возможно, в тот момент он

сражался с тучей китайских драконов и многоцветных змеев. Меня это рассердило, но я тут же вспомнила, как он защищал меня часом раньше, а это любую женщину делает более снисходительной.

— Левис, дорогой мой, — промурлыкала я.

Он перевернулся и бросился мне в объятия, сотрясаясь от неистовых рыданий, которые почти задушили его и испугали меня. Спрятал голову у меня на плече, кофе расплескался по ковру, а я, тронутая и испуганная одновременно, слушала сбивчивые признания, слетавшие с его губ и тонувшие в моих волосах:

— Я мог бы убить его… о… Я должен был… еще секунда… еще одна секунда… Сказать такое… тебе… О, он был у меня в руках… да, был…

— Но, послушай, Левис, нельзя же так драться с людьми, это неразумно.

— Свинья… он просто свинья… глаза зверя. У них у всех звериные глаза… у всех… ты не понимаешь… они разъединят нас, они доберутся и до тебя тоже… до тебя, до тебя, Дороти.

Я гладила его волосы, целовала виски. Я успокаивала ребенка, расстроенного ребенка.

— Ну успокойся, — бормотала я. — Пойми, ведь это же пустяк.

От сидения на корточках с навалившимся на плечо Левисом у меня начало сводить икры, и я сказала себе, что подобные сцены не для женщины моего возраста. Чтобы вернуть Левису уверенность и вкус к жизни, нужна молодая невинная девушка. Я ведь хорошо знала, какой может быть жизнь, знала очень хорошо. Наконец Левис немного успокоился. Я осторожно высвободилась, уложила его на ковер. Потом укрыла шерстяным пледом и, измученная, пошла наверх, спать.

10

Среди ночи я проснулась, дрожа от страшной мысли. Почти час я сидела в темноте, как сова, собирая вместе обрывки воспоминаний. Затем, все еще дрожа, спустилась вниз, на кухню, сварила кофе и, подумав, плеснула в чашку коньяка. Занималась заря. Я вышла на террасу, посмотрела на восток, где тянулась длинная, бледная, но уже синеющая полоса, на «роллс», снова атакованный сорняками (конец недели — пятница), на любимое кресло Левиса, на свои руки, вцепившиеся в перила. Я все еще дрожала. Не имею понятия, сколько простояла я на террасе, вот так, держась за перила. Время от времени пыталась сесть в кресло, но та же страшная мысль тут же поднимала меня на ноги, как марионетку. Я не смогла даже зажечь сигарету.

В восемь часов жалюзи в окне Левиса стукнулись о стену над моей головой, и я вздрогнула. Услышала, как Левис спустился вниз, насвистывая, зажег газ. Казалось, ЛСД уже выветрился. Глубоко вдохнув утреннего воздуха, я вошла в кухню. Девис удивился, увидев меня, а я, застыв, секунду разглядывала его: такой молодой, краси-

вый, благородный.

— Извини за вчерашний вечер, — быстро ввернул он. — Я больше никогда не притронусь к этой гадости.

— Вот что, — сурово начала я и наконец села на стул. Возможность с кем-то поговорить, пусть даже с ним, странным образом успокоила меня. Левис внимательно наблюдал за кофейником, но что-то в моем голосе заставило его посмотреть на меня.

— Что случилось? — В халате, с удивленно поднятыми бровями, он казался таким невинным, что у меня зародились сомнения. Лоскутки совпадений, косвенных улик, замечаний, которые ночью я соединила вместе, снова рассыпались.

— Левис… Ведь не ты уже убил их, правда?

— Кого?

Вопрос обескуражил меня. Я не решилась поднять на него глаза.

— Их всех: Френка, Лолу, Болтона.

— Я убил.

Я застонала и откинулась на спинку стула. Левис же продолжал в размеренном тоне:

— Но тебе не надо беспокоиться. Улик нет. Они больше не будут досаждать нам, — при этом он добавил в кофейник немного воды, и тут я нако-

нец взглянула на него:

— Но, Левис… ты что, сумасшедший? Ты не можешь убивать всех подряд, этого же нельзя делать. — Последняя фраза показалась мне слишком наивной, но его признание столь ошарашило, что я не могла найти правильных слов. А кроме того, в стрессовых ситуациях мне на ум приходят лишь фразы из лексикона монастырей и учебников хорошего тона, сама не знаю, почему.

— Если бы ты знала, как много вещей нельзя делать, но тем не менее люди их делают… предают, подкупают, позорят, бросают близких…

— Но ты не должен их убивать, — твердо заявила я. Левис пожал плечами. Я ожидала трагической сцены, и этот спокойный разговор беспокоил меня. Тут Левис повернулся ко мне:

— Как ты узнала?

— Я думала об этом. Думала всю ночь.

— Ты, должно быть, мертвая от усталости. Хочешь кофе?

— Нет. Я — я не мертвая, — ответила я с горечью, — Левис… что ты собираешься делать?

— Ничего. Это же самоубийство, преступление на почве секса и автомобильная катастрофа. Все прекрасно.

— А я, — взорвалась я, — а я? Могу я продолжать

жить с убийцей? Могу я позволить тебе вот так, от скуки, убивать людей и никак не воспрепятствовать этому?

— От скуки? Но, Дороти, я убил только тех, кто обидел и продолжал обижать тебя. При чем тут скука?

— Что с тобой? Разве ты мой телохранитель? Я просила тебя об этом?

Он наконец поставил кофейник.

— Нет, но я люблю тебя.

Тут моя голова начала кружиться, я соскользнула со стула и первый раз в жизни, наверное, сказалась бессонная ночь, упала в обморок.

Я очнулась на софе и увидела Левиса, явно испуганного. Мы молча посмотрели друг на друга, потом он протянул мне бутылку шотландского. Глядя ему прямо в глаза, я сделала глоток, потом другой. Сердце вошло в нормальный ритм. И мгновенно меня охватила ярость:

— А, ты меня любишь? Правда? Поэтому ты убил беднягу Френка? И Лолу? Почему же ты не убил Пауля? В конце концов, разве не он мой любовник?

— Потому что он любит тебя. Но, если он попытается покинуть тебя или обидеть, я убью и его.

— Бог мой, ты сумасшедший! — воскликнула

я. — А раньше ты убил много народу?

— Нет, я не убивал, пока не познакомился с тобой, — ответил он. — Никогда. Не было причины. Я никого не любил.

Он вскочил и, потирая подбородок, зашагал по комнате. Казалось, я видела кошмарный сон.

— Видишь ли, до тех пор, пока мне не исполнилось шестнадцать, меня били чаще, чем других. Мне никогда ничего не давали, никогда. А потом, после шестнадцати, я стал всем нужен — мужчинам, женщинам, — всем, но при условии, что… э… что…

Этот жеманный убийца перешел все границы. Я прервала его:

— Да, я понимаю.

— Никогда ничего, понимаешь. Ничего просто так. До тебя. Я все думал, когда лежал в постели наверху, что ты захочешь… ну… однажды… — он покраснел. Полагаю, я тоже. Меня трясло.

— Когда я понял, что ты все делаешь из одной только доброты, я полюбил тебя. Так-то вот. Я знаю, ты думаешь, я слишком молод, ты предпочитаешь Пауля Бретта, и я тебя не интересую, но я могу защищать тебя. Вот и все.

ТАК-ТО ВОТ. Как он сказал. ТАК-ТО ВОТ, ТАК-ТО ВОТ. Я оказалась в гнезде шершней. Я ничего не

могу поделать. Я пропала. На дороге, в канаве я подобрала сумасшедшего, убийцу, жертву навязчивой идеи. Снова Пауль оказался прав. Пауль всегда прав.

— Ты мной недовольна? — мягко спросил Левис. Я даже не ответила. Можно ли быть «недовольной» тем, кто, чтобы доставить тебе удовольствие, убил трех человек? Его вопрос напоминал вопрос ребенка. Я думала или притворялась, что думаю, так как голова моя соображать отказывалась.

— Ты знаешь, Левис, что моя обязанность — передать тебя полиции?

— Если хочешь, — спокойно ответил он.

— Мне следует позвонить им немедленно, — слабым голосом добавила я. Он поставил телефон рядом со мной, и мы вместе лениво разглядывали его, словно сомневались, подключен ли он к сети. — Как ты это сделал? — спросила я.

— С Френком — я назначил ему свидание от твоего имени в мотеле, в комнате, заказанной по телефону. Я влез через окно. С Болтоном — я сразу понял его сущность. Притворился, что согласен. Мы тут же договорились о встрече в малоизвестном отеле. Он обалдел от счастья. С ключом, который он дал мне, я мог прийти и уйти, когда вздумаю. Никто меня не видел. С Лолой

— я целую ночь откручивал гайки на передних колесах. Вот и все.

Я могла бы молча вышвырнуть Левиса вон. Но дикого льва не выпускают из клетки. Он продолжал бы издали следить за мной и убивать, как машина. Я могла бы заставить его покинуть город, но он подписал долгосрочный контракт, и, куда бы он ни отправился, его обязательно бы нашли. А передать его полиций я не могла. И никогда не смогу передать кого-либо в полицию. Я попала в западню.

— Ты знаешь, никто не страдал, — успокоил меня Левис. — Все произошло очень быстро.

— Какое счастье! Ты вполне мог бы зарезать их перочинным ножиком, — с горечью съязвила я.

— Ты прекрасно знаешь, что это не так, — с нежностью в голосе произнес Левис. Он взял меня за руку. На мгновение, не осознавая, я ему это позволила. Но потом вспомнила, что эта теплая, тонкая рука, держащая мою, убила трех человек, и с изумлением отметила, что меня это уже не ужасает. Тем не менее руку я решительно убрала.

— Тот парень, вчера, ведь ты хотел убить его, не так ли?

— Да, глупо все вышло. К сожалению, я принял

ЛСД и не сознавал, что творю.

— Но, не учитывая этого… Левис, ты понимаешь, что ты наделал?

Он смотрел на меня. А я вглядывалась в зеленые глаза, в совершенную линию рта, черные волосы, гладкую кожу: я искала проблеск понимания или отпечаток садизма, но не нашла ничего. Ничего, кроме беспредельной ко мне нежности. Он смотрел на меня, как смотрят на закапризничавшего ни с того ни с сего ребенка. Клянусь, в глазах Левиса я видела снисхождение ко мне. Это последняя капля переполнила чашу терпения: я расплакалась. Левис обнял меня, гладил мои волосы, и я его не остановила.

— Между нами говоря, — шептал он, — с прошлой ночи мы оба много плакали.

11

Естественно, у меня начался приступ печеночной колики. Если возникает серьезная проблема, у меня обязательно появляются резкие боли в правом подреберье. Приступ продолжался два дня, что дало мне возможность сорок восемь часов ни о чем не думать. Я выкарабкалась из болезни печальная, но решившая все оставить на своих местах. Может показаться, что два дня тошноты слишком малая цена за три трупа, но критиковать меня могут только те, кто не знает, что такое печеночная колика. Когда я наконец встала, ноги мои подгибались, не желая слушаться, для себя я уже все решила. Убийства, совершенные Левисом, теперь представлялись мне не столь уж и важными. Кроме того, бедняжка провел два дня около моей постели, вооруженный компрессами, тазиками, настоем ромашки и встревоженный до смерти, а я не могла укусить руку, которая кормила меня.

Тем не менее, с Левисом предстояло разобраться. И как только я смогла проглотить бифштекс и сделать глоток виски, я пригласила Левиса в гостиную и предъявила ему ультиматум:

1. Он обязуется никого не убивать без моего разрешения (конечно, я не собиралась давать его, но подумала, что разумно оставить ему хотя бы надежду).

2. Он перестает употреблять кусочки сахара с ЛСД.

3. Он начинает подыскивать жилье.

Насчет третьего пункта я чувствовала себя менее уверенно, однако Левис со всем согласился, с серьезным выражением лица, без тени улыбки.

После этого я осторожно расспросила Левиса, желая определить, какой эффект произвели на него три убийства? Не садист ли он? Он немного успокоил меня, не совсем, конечно, но успокоил: убийства не произвели на него никакого впечатления. Не было печали — это очевидно, так как никого из них он не знал, но не было и удовлетворенности. Никаких эмоций. Ко всему прочему, его не терзали ни угрызения совести, ни ночные кошмары, короче, моральных устоев у него не обнаруживалось. Тут, по ассоциации, я начала задумываться, что же стало с моими устоями.

Пока я болела, Пауль Бретт приезжал дважды, но я отказывалась видеть его. Редко человек бывает так непригляден, как при печеночной колике. Оскорбляла сама мысль о том, что лю-

бовник увидит меня с желтой кожей, с грязными волосами и опухшими глазами. С другой стороны, присутствие Левиса совершенно меня не беспокоило. Вероятно, из-за отсутствия секса в наших отношениях. И, потом, его признание в любви в то знаменательное утро трактовалось однозначно: будь я вся покрыта язвами, он бы этого не заметил. Как женщина, я не могла сказать, хорошо это или плохо. Все это я и попыталась объяснить Паулю, когда после моего возвращения на работу он начал упрекать меня:

— Ты позволила Левису заботиться о себе, а меня не захотела даже видеть.

— Я была такая страшная. Если б я пустила тебя в дом, ты бы испугался и потом ни разу больше не взглянул бы на меня.

— Это забавно. Знаешь, мне потребовалось много времени, чтобы поверить, что между вами ничего не было, но теперь я уверен. Но скажи мне, с кем он спит?

Мне пришлось признать, что я не имею ни малейшего понятия. Раньше я думала, что он провел две-три ночи в объятиях какой-либо молоденькой звездочки, но это оказались именно те ночи, когда он занимался Болтоном или кем-то еще. И все же Глория Нэш — после смерти Лолы

звезда номер один — обратила на него внимание и даже прислала ему приглашение на вечер, куда ей пришлось пригласить и меня. Не забыла Глория и Пауля.

— Я пойду только из-за вас двоих, — признался он. — Надеюсь, этот вечер для нас кончится лучше, чем тот, другой.

Я тоже искренне в это верила.

— Все равно я удивлен, что из-за обычной драки ты так расхворалась. Твои приступы печеночной колики хорошо известны в Голливуде, Дороти. Один был, когда Френк ушел к Лоле, другой — когда Джерри выгнал тебя после того, как ты обозвала его грязным скрягой, и еще один, когда твоя бедная секретарша выпала из окна. То есть они имели под собой более веские причины, если можно так сказать.

— Что ты хочешь, Пауль? Я старею.

Более веские… если б он только знал… Бог мой, если б он только знал! На мгновение я представила выражение его лица и начала смеяться. Минут пять я буквально плакала от смеха. В последнее время мои нервы определенно расшатались, но Пауль проявил снисхождение, терпение, заботу и даже дал мне свой платок, чтобы вытереть потекшую с ресниц тушь. Наконец я успокоилась,

пробормотала что-то, извиняясь, и поцеловала Пауля, чтобы успокоить и его. Мы были одни в моем кабинете. Кэнди куда-то вышла. Пауль становился все более нежным. Мы решили этим же вечером поехать к нему, я позвонила Левису и сказала, чтобы он обедал без меня (эту неделю они не снимали).

Велела ему быть хорошим мальчиком, и тут меня снова разобрал смех. Он обещал не буянить до следующего утра. С ощущением нереальности всего происходящего я поехала С Паулем обедать к Чейзену, готовая встретить сотню людей, которые ничего не знали. Все это изумляло меня. И только позже, ночью, рядом с Паулем, который, как обычно, спал, положив голову мне на плечо и обняв меня рукой, я неожиданно почувствовала себя одинокой и испуганной. Я владела тайной, страшной тайной, а я не создана хранить секреты. Я не спала до рассвета, а в то же время в пяти милях от меня в своей маленькой кроватке безмятежно, должно быть, спал мой сентиментальный убийца, и ему снились птички и цветы.

12

В тот вечер у Глории Нэш мы выглядели исключительно элегантно. Я надела черное, вышитое бисером платье, купленное за бешеную цену в Париже, которое прекрасно оголяло спину — один из оставшихся моих козырей. Левис в смокинге, с блестящими черными волосами смотрелся, как молодой принц, хотя в нем было что-то от фавна. Что касается Пауля, то он являл собой спокойного, элегантного мужчину лет сорока, со светлыми волосами, седеющими на висках, и ироническим взглядом. Я уже смирилась с тем, что мои бисеринки превратятся в пыль, зажатые между двумя смокингами в «ягуаре», когда Левис торжественно поднял руку.

— У меня есть для тебя новости, Дороти!

Я вздрогнула, а Пауль заговорщицки засмеялся:

— Это настоящий сюрприз, Дороти, пойдем за ним.

Левис вышел в сад, сел в «роллс» и на что-то нажал. «Роллс» издал мягкий, ровный звук, дернулся и, плавно тронувшись с места, остановился передо мной. Левис спрыгнул на землю, обошел

машину и с низким поклоном открыл дверь. От изумления я лишилась дара речи.

— По крайней мере, сюда-то он доехал, — рассмеялся Пауль. — Да не удивляйся ты так. Залезай. Шеф, мы едем к мисс Глории Нэш, кинозвезде, Бульвар Заходящего Солнца.

Левис тронул машину с места. Через стекло, разделявшее нас, в зеркале заднего обзора я видела лицо Левиса, радостное, детское, счастливое, возбужденное доставленной мне радостью. Бывают моменты, когда реальность жизни полностью ускользает от меня. Я нашла старую переговорную трубку и поднесла ее ко рту:

— Шеф, что заставило «роллс» сдвинуться с места?

— Я всю неделю чинил его. Как видишь, не зря.

Я посмотрела на Пауля.

— Он признался мне три дня назад, — Пауль улыбнулся. — Мне кажется, Левису лет двенадцать. — Пауль в свою очередь взял трубку: — Шеф, советую вам сегодня быть повежливее с хозяйкой. Ваше безразличие могут неправильно истолковать.

Левис пожал плечами, но ничего не ответил. Я отчаянно надеялась, что все будут добры ко мне в этот вечер, и у моего маленького преступ-

ника не возникнет никаких странных желаний. К этому вечеру я готовилась последние десять дней. Приукрашивала коллег, друзей и изображала Голливуд, эти гнусные джунгли цветущим раем любви. Если же едкая реплика о ком-либо все-таки слетала с моих губ, я немедленно рассказывала о воображаемой услуге, которую эта личность оказала мне три года назад; короче, я быстро могла стать идиоткой, сойти с ума, если этого еще не случилось.

Глория Нэш встретила нас в дверях своего скромного 32-комнатного домика. Прием этот ничем не отличался от других: сад, подсвеченный маленькими лампочками, залитый светом бассейн, огромные столы и вечерние туалеты. Глория Нэш — блондинка, красивая и образованная. К сожалению, она родилась лет на десять, как минимум, позже меня и никогда не забывала любезно напомнить мне об этом самыми разными способами: восклицаниями типа «Но как тебе удается сохранить такой цвет лица? Ты должна в будущем открыть мне свои секреты», или, посмотрев на меня с выражением изумления, будто сам факт, что в свои сорок пять я могу стоять одна, без поддержки, достоин занесения в книгу Гиннеса. В тот вечер она выбрала именно

второй путь, и на мгновение под ее изумленным взглядом я почувствовала себя мумией Тутанхамона, случайно выставленной для обозрения. Она немедленно увела меня, чтобы я могла поправить прическу, которая, впрочем, в этом не нуждалась, но это один из наиболее скучных и неизменных обычаев Голливуда: каждые десять минут женщины должны исчезать, чтобы причесаться или попудрить нос. На самом деле Глория дрожала от любопытства и забросала меня тысячью вопросов о Левисе, от которых я механически старалась увильнуть. Наконец она начала злиться, сделала несколько намеков, которые я игнорировала, и в отчаянии, когда мы покидали ее очаровательный будуар, перешла в наступление:

— Знаешь, Дороти, я питаю к тебе глубокую привязанность. Да, да. Еще когда я была маленькой и увидела тебя в том фильме… э… В общем, кто-то должен предупредить тебя. О Левисе рассказывают странные истории…

— Что?! — Кровь застыла в моих жилах, но мне удалось замаскировать мой испуганный крик под вопрос.

— Как ты упряма!.. Я должна отметить, что он чертовски обольстителен.

— Между нами нет ничего романтического, —

отрезала я. — Что это за истории?

— Ну, говорят… ты знаешь, какой здесь народ… говорят, что ты, Пауль и он…

— Что? Пауль с ним и со мной?

— Ты всегда появляешься между ними, поэтому неизбежно…

Наконец, до меня дошло, и я снова обрела способность дышать.

— О, и это все? — весело воскликнула я, словно истории эти не более, как детские шутки. Хотя как еще можно назвать сплетни об оргиях по сравнению с мрачной действительностью. — О, только это? Ерунда.

И, оставив Глорию в недоумении, я выпорхнула в сад, взглянуть, не успел ли Левис между двумя рюмочками зарезать кого-нибудь из гостей, кому не понравилось мое вышитое бисером платье. Нет. Он спокойно разговаривал с одной из голливудских журналисток-сплетниц.

Успокоившись, я приняла активное участие в развлечениях. Встретила кое-кого из моих бывших любовников, и все они ухаживали за мной, осыпая комплиментами цвет моего лица и мое платье, пока я не начала думать, не является ли хороший приступ печеночной колики секретом омоложения. Должна подчеркнуть, я

всегда остаюсь в хороших отношениях с моими бывшими любовниками, и теперь при встрече со мной они с виноватым видом шептали: «Ах, Дороти, если бы ты только захотела…», скромно намекая на воспоминания, подернувшиеся для меня плотной дымкой тумана. Со временем моя память, увы, слабеет. Пауль издали наблюдал за мной, улыбаясь азарту, с которым я развлекалась, а раз или два я поймала взгляд Левиса — казалось, Глория серьезно осаждала его. Но я решила не беспокоиться о нем, мне хотелось немного развеяться. Я достаточно поволновалась за последние несколько дней. Я хотела шампанского, благоухания калифорнийской ночи и уверенно-успокаивающего смеха добрых, смелых, красивых голливудских мужчин, которые если и убивали, то лишь на экране.

Когда через час Пауль подошел ко мне, я была слегка пьяна и счастлива, как жаворонок. Рой Дэдридж, король вестернов, печально объяснял мне, что четыре или пять лет назад я загубила его жизнь, и вдохновленный своими чувствами и добрым десятком бокалов «мартини», презрительно взглянул на Пауля, на что тот, впрочем, не прореагировал. Пауль взял меня за руку и отвел в сторону:

— Ты довольна?

— Безумно. А ты?

— Конечно. Видеть тебя смеющейся, даже издалека… — Пауль, несомненно, душка, подумала я и решила завтра же выйти за него замуж, раз для него это так важно. Единственное, что удержало меня от того, чтоб сразу сказать ему об этом, — мое твердое правило не высказывать мысли вслух на вечеринке. Воспользовавшись тем, что мы стояли в тени магнолии, я ограничилась лишь нежным поцелуем в щеку.

— Как поживает наш маленький мальчик? — спросила я.

— Глория смотрит на него, как спаниель на мясо. Она не даст ему сбиться с пути. Кажется, его карьера обеспечена.

«Конечно, если он не убьет дворецкого», — быстро подумала я. Хотела пойти посмотреть, как там идут дела, но не успела: со стороны плавательного бассейна раздался вскрик, и я почувствовала на мгновение, как пишут в романах, что волосы мои встали дыбом, несмотря на прижимающий их лак.

— Что это? — хрипло вырвалось у меня. Но Пауль уже бежал к толпе, собравшейся вокруг бассейна. Я закрыла глаза. Когда я их открыла,

рядом бесстрастно стоял Левис:

— Это бедная Рена Купер. Она мертва, — спокойно сказал он. Рена Купер была та самая журналистка, с которой он говорил часом раньше. Ужаснувшись, я взглянула на него. Рену, правда, не следовало считать символом человеческой доброты, но в ее вызывающей отвращение профессии она была из лучших.

— Ты обещал мне, — выдохнула я. — Ты же обещал!

— Что обещал? — спросил он, удивившись.

— Обещал никого не убивать без моего разрешения. Ты трус, и твое слово ничего не значит. Ты прирожденный убийца. Тебе нельзя верить. Мне стыдно за тебя, Левис. Я в ужасе.

— Но… это не я, — сказал он.

— Скажи это кому-нибудь еще, — с горечью ответила я, покачав головой. — «Кто-то еще». Кто же еще это мог быть?

Подошел Пауль, ему было не по себе. Он взял меня под руку, спросил, почему я так бледна. Левис спокойно стоял, наблюдая за нами, почти улыбаясь; мне хотелось надавать ему пощечин.

— У бедняжки Рены еще один сердечный приступ, — пояснил Пауль. — Десятый в этом году. Доктор ничего не смог сделать: она пила слиш-

ком много, а он предупреждал ее.

Левис широко развел руками и одарил меня насмешливой улыбкой несправедливо обиженного праведника. Я вздохнула свободнее. И в то же время поняла, что остаток моей жизни, прочтя любой некролог в газете или узнав о чьей-либо смерти, я не смогу не подозревать его.

Вечер в результате пошел насмарку. Бедняжку Рену увезла «скорая помощь», а вскоре разъехались и остальные гости.

Я пришла в себя, все еще несколько подавленная, только дома. Левис с покровительственным видом подал мне содовой и предложил идти спать. Я покорно согласилась. В это трудно поверить, но мне было стыдно за себя. Мораль — странная штука, чрезвычайно многогранная. У меня никогда не будет времени твердо определить свои моральные принципы, пока я не умру — несомненно, от сердечного приступа.

13

Потом был чудесный спокойный период. Три долгие недели прошли без инцидентов. Левис снимался, Пауль и я работали, часто мы обедали вместе у меня дома. Однажды в солнечный уикэнд мы даже отправились за пятьдесят миль в уединенное бунгало на побережье, принадлежащее приятелю Пауля. Бунгало стояло высоко над океаном, на скалистом обрыве, и, чтобы искупаться, приходилось спускаться вниз по козьей тропке. В тот день штормило, и мы с Левисом, бездельничая, в основном наблюдали, как плавает Пауль. Как и все хорошо сохранившиеся мужчины его возраста, он старался изображать спортсмена, и это чуть было не закончилось катастрофой.

Пауль плыл элегантным кролем футах и в тридцати от берега, когда его ноги вдруг свело судорогой. Левис и я, оба в купальных халатах, ели тосты на террасе, с которой открывался прекрасный вид на океан, лежавший футах в двадцати пяти ниже. Я услышала, как Пауль слабо вскрикнул, увидела, как он взмахнул рукой, потом огромная волна накрыла его с головой. Я

вскочила и бросилась вниз по тропинке. Но Левис уже скинул халат и прыгнул в воду с высоты двадцать пять футов, рискуя приземлиться на скалы. В две минуты он доплыл до Пауля и вытащил его на берег. Пауля рвало морской водой, я глупо шлепала его по спине, а когда взглянула вверх, то увидела, что Левис совершенно голый. Бог знает, сколько голых мужчин видела я в своей жизни, но тут я почувствовала, что краснею. Наши глаза встретились, и Левис опрометью бросился к дому.

— Друг мой, — сказал Пауль немного позже, согретый и возвращенный к жизни грогом, — друг мой, у тебя есть голова на плечах. Этот прыжок… Если бы не ты, меня бы здесь не было.

Левис хмыкнул, явно раздраженный. Меня поразило, что этот мальчик занимается или спасением человеческих жизней, или кладет им конец. В роли спасителя он определенно нравился мне больше. Я порывисто поднялась и поцеловала его в щеку. Все-таки, может, мне еще удастся превратить его в хорошего мальчика. Поздновато, конечно, если вспомнить Френка, Лолу и так далее, но надежда еще оставалась. Но чуть позже я стала менее оптимистичной, когда, воспользовавшись отсутствием Пауля, я поблаго-

дарила его за спасение.

— Знаешь, — холодно ответил он, — лично для меня нет никакой разницы, жив Пауль или нет.

— Тогда зачем же ты рисковал своей жизнью, спасая его?

— Потому что ты любишь его, и ты бы страдала, если б он погиб.

— Если я правильно тебя понимаю, не будь Пауль моим другом, ты бы и пальцем не пошевелил, чтобы спасти его?

— Точно, — кивнул он.

Я подумала, что никогда не встречалась с таким представлением о любви. Во всяком случае, никто из моих кавалеров не предложил такого толкования чувства, которое я когда-либо кому внушала; им всегда хотелось и чего-то плотского.

— Но разве у тебя не возникло никакого сострадания к Паулю, никакой привязанности после этих трех месяцев?

— Ты — единственная, кого я люблю, — серьезно ответил Левис, — и больше никто меня не интересует.

— Ясно, — сказала я. — А ты думаешь, это нормально? Мужчина твоего возраста… привлекающий женщин, должен время от времени… я не знаю… я…

— Ты хочешь, чтобы я кинулся в объятия Глории Нэш?

— К ней или кому-нибудь еще. Это необходимо даже просто с точки зрения здоровья. Я думаю, что молодого человека, который… что…

Я замялась. Не знаю, что на меня нашло, но я начала читать нотации, как любящая мать. Левис с ехидцей посмотрел на меня:

— Я думаю, что люди поднимают слишком много шума вокруг этого дела, Дороти.

— Тем не менее, это одно из главных удовольствий в жизни, — слабо запротестовала я, отметив про себя, что я-то посвящала этому делу три четверти своего времени и мыслей.

— Но не для меня, — возразил Левис. И опять на мгновение у него появился отсутствующий вид, вид дикого близорукого животного, который всегда так пугал меня. Я быстро оборвала разговор.

Если не считать происшествия с Паулем, уикэнд прошел прекрасно. Мы отдохнули, загорели и в отличном настроении возвращались в Лос-Анджелес.

А тремя днями позже закончились съемки фильма Левиса, вестерна, на который возлагали немало надежд, и Билл Макклей, режиссер, пригласил массу народа на коктейль, прямо на

съемочной площадке, чтобы отпраздновать завершение работы. Все происходило в фальшивой деревне, среди хрупких деревянных фасадов, где Левис слонялся все лето. Я приехала около шести, чуть раньше назначенного времени, и нашла Билла в фальшивом салуне, расположенном на фальшивой главной улице. Я поняла, что он в плохом настроении, помятый и грубый, как обычно. Чуть дальше по улице его съемочная группа подготавливала следующую сцену, а он, с остановившимся взглядом, сидел за столом. В последнее время он сильно пил, поэтому ему давали ставить только второсортные фильмы, от чего он нервничал и пил еще больше. Он глядел, как я поднималась по пыльным ступенькам, ведущим в салон, потом прорычал что-то похожее на смех:

— А, Дороти! Пришла посмотреть на работу, своего жиголо? Сегодня его главная сцена. Не волнуйся, он красивый парень. Я думаю, тебе недолго осталось платить за него.

Он был мертвецки пьян, но я, несмотря на благие намерения, не обладаю долготерпением. Я сердечно назвала его грязным мерзавцем. Он пробормотал, что, не будь я женщиной, он бы уже вышвырнул меня вон, после чего я вежливо

поблагодарила за то, что он, хотя и несколько запоздало, вспомнил, кто я.

— Во всяком случае, я хотела бы, чтоб ты знал о нашей помолвке с Паулем Бреттом, — колюче добавила я.

— Я знаю. Все говорят, что вы делаете это втроем.

Он разразился хохотом, а я уже собралась бросить что-нибудь ему в физиономию — мою сумочку, например, — когда увидела силуэт в дверном проеме. Это был Левис. Ко мне тут же вернулось самообладание:

— Билл, милый, извини меня. Знаешь, я обожаю тебя, но мои нервы слегка расшатаны.

Невзирая на свое состояние, он удивился, но продолжил в том же духе:

— Это все твоя иностранная кровь, она тебя далеко заведет, — он повернулся к Левису. — Ты-то должен знать, не так ли? — Он дружески ткнул Левиса в плечо и ушел. Я нервно рассмеялась:

— Добрый старина Билл. Он не отличается тактичностью, но сердце — чистое золото.

Левис не ответил. Небритый, в ковбойском костюме, с платком на шее, мысли его, казалось, витали где-то далеко.

— По крайней мере, — добавила я; — он хо-

роший товарищ. Какую сцену вы собираетесь окончить сегодня?

— Убийство, — спокойно ответил Левис. — Я убиваю парня, который изнасиловал мою сестру, чистую, невинную девушку. Могу тебя уверить, для этого требуется смелость.

Мы немедленно пошли к съемочной площадке, где шла подготовка к финальной сцене. Левис минут на десять оставил меня, чтобы привести себя в порядок. Я наблюдала. Хотя техники все прекрасно подготовили, Билл сыпал ругательствами и оскорблениями. И дурак понял бы, что он полностью потерял контроль над собой. Голливуд погубил его, во всяком случае, Голливуд и алкоголь. Столы для коктейля стояли рядом с площадкой, и некоторые жаждущие уже кончали первые порции. Всего в этой фальшивой деревне вокруг камеры столпилось человек сто.

— Майлса крупным планом! — кричал Билл. — Где он?

Левис спокойно шел к нему, с винчестером в руке и с тем отрешенным взглядом, который появлялся у него, когда кто-нибудь или что-нибудь выводило его из себя. Билл наклонился, приник к камере и громко выругался:

— Отвратительно, все отвратительно. Левис,

подними ружье к плечу, к плечу… цельсяв меня… я хочу видеть выражение ярости, ты понимаешь, ярости. Ради Бога, сбрось этот идиотский вид, ведь ты собираешься убить мерзавца, который изнасиловал твою сестру… Так, хорошо… очень хорошо… ты нажимаешь курок… ты…

Я не видела лица Левиса, он стоял ко мне спиной. Раздался выстрел, Билл прижал руки к животу. Кровь появилась между пальцами. Билл упал. На мгновение все застыли, потом бросились к нему. Левис глупо уставился на ружье, я отвернулась и прислонилась к одной из фальшивых, пахнувших пылью стен: мне стало нехорошо.

Лейтенант Пирсон из полиции являл собой саму вежливость, не вызывала сомнений и его логика. Кто-то заменил холостые патроны настоящими, очевидно, это дело рук одного из, быть может, тысячи людей, которые ненавидели Билла Макклея. Но уж точно не Левис, который едва знал его и казался достаточно разумным, чтобы не убивать Билла в присутствии сотни людей. Все искренне жалели Левиса, и его молчание, его мрачность отнесли за счет эмоционального шока: не так уж забавно быть орудием преступления. Мы покинули полицейский участок около десяти вместе с несколькими свидетелями, и кто-

то предложил восполнить то, что мы не выпили. Я отказалась, Левис тоже. По дороге домой мы не произнесли ни слова. Я настолько вымоталась, что даже не злилась.

— Я все слышал, — объяснил Левис, стоя перед крыльцом. Я не ответила. Я пожала плечами, приняла три таблетки снотворного и пошла спать.

14

Лейтенант Пирсон сидел в гостиной и, казалось, скучал. Красивый мужчина, быть может, немного худой, с серыми глазами и пухлым ртом.

— Это только формальность, вы понимаете, но вы действительно ничего больше не знаете об этом юноше?

— Ничего, — ответила я.

— И он живет с вами уже три месяца?

— Ну да, — ответила я и, извиняюще пожимая плечами, добавила: — Вы, должно быть, думаете, что я лишена любопытства?

Его черные брови поднялись, и лицо приняло выражение, которое я часто видела у Пауля:

— По меньшей мере.

— Видите ли, — продолжала я, — мне кажется, что мы знаем слишком много о людях, с которыми часто встречаемся, а это неприятно. Мы знаем, с кем они живут и как, с кем спят, кем себя считают. Мне кажется, слишком много. Налет загадочности успокаивает, не так ли? Вы так не думаете?

Его, очевидно, это не успокаивало.

— Это одна точка зрения, — холодно заметил

Пирсон. — Точка зрения, которая не способствует моему расследованию. Конечно, я не думаю, что он обстоятельно готовил убийство Макклея. Напротив, кажется, только к нему Макклей относился прилично. Но стрелял-то все-гаки он. И представ перед присяжными, он должен выглядеть ангелом, чтобы избежать худшего.

— Вам следовало бы спросить его, — сказала я. — Я знаю, что он родился в Вермонте, и это все. Разбудить его или вы выпьете еще чашечку кофе?

Макклея убили прошлым днем, а в восемь утра лейтенант поднял меня с постели. Левис все еще спал.

— Я бы выпил еще кофе, — ответил Пирсон. — Миссис Сеймур, извините меня за столь откровенный вопрос, но… есть ли что-нибудь между вами и Левисом Майлсом?

— Ничего, — с чистой совестью констатировала я. — Ничего похожего на то, что вы предполагаете. Для меня он — ребенок.

Лейтенант посмотрел на меня и улыбнулся.

— Прошло много времени с тех пор, когда я хотел бы поверить женщине.

Польщенная, я рассмеялась. Я, конечно, сожалела, что приходится направлять по ложному

пути такого симпатичного представителя закона моей страны, особенно в этой отвратительной истории. И в то же время, сказала я себе, мое чувство гражданского долга проявилось бы не столь сильно, будь он грубияном с толстым пузом и красным носом. Ко всему прочему действие снотворного еще не кончилось, и меня слегка пошатывало.

— Мальчика ждет блестящая карьера, — предсказал Пирсон. — Он — выдающийся актер.

Я застыла над кофейником:

— Откуда вы знаете?

— Нам показывали отрывки прошлой ночью. Вы понимаете, насколько полезно для полицейского иметь фильм об убийстве — не нужны очевидцы.

Мы разговаривали через дверь кухни. При этих словах я глупо захихикала и ошпарила пальцы кипятком.

— Лицо Левиса дали крупным планом. Должен отметить, я содрогнулся, — продолжал он.

— Я тоже думаю, что он будет великим актером, все так говорят.

Тут я схватила с холодильника бутылку виски и хлебнула прямо из горла. Слезы брызнули из глаз, но руки перестали дрожать, как два листоч-

ка на ветру. Я вернулась в гостиную и налила Пирсону кофе.

— Итак, вам неизвестны причины, по которым молодой Майлс мог бы убить Макклея?

— Не имею ни малейшего понятия, — твердо заявила я.

Итак, дело сделано, я стала сообщницей. Не только в своих глазах, но и в глазах закона. Тюрьма штата ждала меня, там я обрела бы душевное спокойствие. Неожиданно я поняла, что, сознайся Левис, я оказалась бы в глазах публики не просто сообщницей, но инициатором всех убийств и могла бы кончить в газовой камере. На секунду я закрыла глаза. Решительно, судьба против меня.

— Нам тоже не известны какие-либо причины, — вздохнул Пирсон. — Простите. К сожалению, разумеется, для нас Макклей — известный грубиян, а в помещение, где хранится реквизит, мог зайти каждый и заменить патроны. Там нет даже сторожа. Кажется, это будет очень долгое расследование. Я за эти дни совершенно измучился.

Он начал жаловаться, но меня это не удивило. Все мужчины, с которыми меня сталкивала жизнь, будь то полисмены, почтальоны или писатели, обязательно вываливают на меня все

заботы. И никуда от этого не деться. Даже мой сборщик налогов рассказывает мне о своих семейных неурядицах.

— Сколько времени? — сонно спросил кто-то, и Левис, протирая глаза, появился на лестнице. Чувствовалось, что выспался он хорошо, и тут меня захлестнула злость. Пусть он убивает людей, если не может иначе, но, по крайней мере, сам тогда встречает на заре полицию вместо того, чтобы от удовольствия пускать во сне слюни в подушку. Я быстро представила мужчин. Ни одна черточка на лице Левиса не дрогнула. Он пожал руку Пирсону и со смущенным видом и плутовской улыбкой спросил, не сможет ли он налить себе чашечку кофе. Я же представила себе момент, когда он так же сонно спросит, не сердита ли я на него за вчерашнее. Дальше, как говорится, некуда. Я сама налила Левису кофе, он сел перед Пирсоном, и допрос начался.

Только теперь я узнала, что мой благородный убийца вышел из очень хорошей семьи, получил прекрасное образование, все работодатели нарадоваться на него не могли, и только беспокойная душа и тяга к путешествиям препятствовали его блестящей карьере, Я слушала, разинув рот. Мальчик был достойным гражданином, если я

правильно поняла, до тех пор, пока не попал в руки Дороти Сеймур, роковой женщины номер один, которая и толкнула его на четыре убийства. Потрясающе! За всю жизнь я не убила и бабочки, не почувствовав себя виноватой; ко мне тянулись все несчастные кошки, собаки и люди! Левис спокойно объяснил, что он взял винчестер в комнате, где тот всегда находился, и даже не подумал проверить ружье, из которого он палил во все стороны восемь недель с начала съемок.

— Как вы относились к Макклею? — неожиданно спросил Пирсон.

— Пьяница, — холодно ответил Левис. — Несчастный пьяница.

— Что вы почувствовали, когда он упал?

— Ничего. Удивился.

— А теперь?

— Все еще удивляюсь.

— Происшедшее не помешало вам спать? Ведь вы убили человека!

Левис поднял голову и посмотрел ему прямо в глаза. Неожиданно я почувствовала на лбу испарину. Покусывая палец, Левис смущенно взмахнул другой рукой:

— Все это не произвело на меня никакого впечатления.

Я знала, что это правда, и, к моему удивлению, поняла, что именно последняя фраза убедила Пирсона в невиновности Левиса больше, чем весь предыдущий разговор. Он поднялся, вздохнул и закрыл блокнот:

— Все, что вы сообщили мне, не отличается от того, что мы узнали ночью по своим каналам, мистер Майлс, или почти все. Извините, что потревожил вас, но таковы обязанности. Миссис Сеймур, большое вам спасибо.

Я проводила его до двери. Он что-то пробормотал о нашей возможной встрече, я торопливо согласилась. Когда он уезжал, я так широко улыбалась ему, словно у меня было пятьдесят два зуба. Дрожа, вернулась в дом. Левис потягивал кофе, довольный собой. От испуга я отошла, и теперь меня трясло от ярости. Я подняла с дивана подушку и швырнула ее в Левиса, потом еще какие-то вещи, стоящие в гостиной. Сделала я все это очень быстро, особо не целясь и не произнося ни слова. Кофейная чашка разбилась о лоб Левиса, брызнула кровь, и я опять разрыдалась. Второй раз за месяц и за последние десять лет.

Села на тахту и взяла голову Левиса в руки. Теплая кровь капала с моих пальцев, а я удивлялась, почему же тогда, шесть месяцев назад, когда на

пустынной дороге я так же держала в руках эту голову при свете пламени и эта же теплая кровь бежала по моим пальцам, у меня не возникло никакого предчувствия. Все еще плача, я отвела его в ванную, продезинфицировала рану спиртом и перевязала.

— Ты испугалась, — прервал он затянувшееся молчание, — на то не было никаких оснований.

— Не было оснований… — я сурово глянула на него. — Под моей крышей живет человек, который убил пятерых.

— Четверых, — скромно поправил он.

— Четверых… это одно и то же. Полицейский офицер будит меня в восемь утра… и ты думаешь, у меня нет оснований для испуга… это уже последняя капля.

— Я же ничем не рисковал, — он уже улыбался. — Ты все видела сама.

— И еще, — добавила я, — и еще… А как насчет твоего показательного детства? Хороший студент, хороший работник, хороший во всем. За кого я должна себя считать? За Мата Хари?

Он рассмеялся:

— Я же говорил тебе, Дороти. До того, как я встретился с тобой, у меня никого не было, я был одинок. Теперь у меня есть что-то свое, его я и

защищаю. Вот и все.

— Но у тебя нет ничего своего, — воскликнула я в отчаянии. Я не принадлежу тебе. Насколько я понимаю, я даже не твоя любовница. И ты прекрасно знаешь, что, если мы избежим встречи с палачом, я вскоре собираюсь выйти замуж за Пауля.

Он резко встал и повернулся ко мне спиной:

— Ты полагаешь, — с отсутствующим видом пробурчал он, — что я больше не смогу жить с тобой, как только ты выйдешь за Пауля?

— Ну, я думаю, это не входит в намерения Пауля. Конечно, он очень любит тебя, но…

Внезапно я замолчала. Он обернулся и смотрел на меня тем самым ужасным взглядом, значение которого я теперь так хорошо знала. Совершенно остекленевшим взглядом.

— Нет, Левис, нет! — пронзительно закричала я. — Если ты тронешь Пауля, я никогда, никогда не увижу тебя снова. Никогда. Ты будешь мне отвратителен, это будет конец, конец, для тебя и для меня.

Конец чего? Об этом я спрашивала себя. Левис провел рукой по лбу, он очнулся:

— Я не трону Пауля, но хочу остаться с тобой до конца жизни.

Медленно, как после сильного удара, он поднялся по ступеням наверх, а я вышла из комнаты. Солнце весело освещало мой жалкий сад, «роллс», снова превратившийся в памятник, холмы вдалеке, весь окружающий мир, такой спокойный и такой яркий. Я обронила еще несколько слезинок по моей загубленной жизни и, всхлипывая, вернулась в дом. Пора бы и одеться. Подумав об этом, я отметила про себя, что лейтенант Пирсон весьма недурен собой.

15

Спустя два дня, два кошмарных дня, в течение которых я одну за другой глотала таблетки аспирина и даже, впервые в жизни, попробовала транквилизаторы, вогнавшие (вероятно, это случайное совпадение) меня в такую депрессию, что и самоубийство стало казаться мне наилучшим решением всех проблем, — спустя два дня налетел ураган с ливнем. Проснулась я на заре. Кровать ходила ходуном, ревела падающая с неба вода, и я почувствовала что-то вроде горького облегчения. Последние мазки эпического полотна. Макбет где-то недалеко, приближался конец. Я подошла к окну: по дороге, превратившейся в бурный поток, проплыл чей-то пустой автомобиль, за ним проследовали разнообразные обломки; потом я сделала круг по дому и из другого окна увидела «роллс», вокруг которого пенились буруны. Терраса чуть-чуть, едва ли на фунт выступала из воды. Я поздравила себя еще раз с тем, что не ухаживала с любовной заботой за садом, — теперь мои труды все равно пошли бы прахом.

Я спустилась вниз. Левис, радостный, стоял у

окна. Увидев меня, он поспешил к плите, чтобы налить мне чашечку кофе. После убийства Билла Макклея он смотрел на меня умоляющим взглядом, как ребенок, который хочет, чтобы его простили за неудачную выходку. Я тут же приняла надменный вид.

— Сегодня на студию попасть невозможно, — радостно сообщил Левис. — Все дороги залило. И телефонная линия порвана.

— Очаровательно, — прокомментировала я.

— К счастью, вчера я купил два бифштекса и пирожные, какие ты любишь, с засахаренными фруктами.

— Благодарю тебя, — последовал достойный ответ.

Но на самом деле ураган обрадовал и меня. Не работать, слоняться по дому в халате и есть вкусные пирожные — не такая уж плохая перспектива. Кроме того, я читала интересную книгу, полную незабудок и галантности; приятная перемена после стольких убийств и гнетущей атмосферы.

— Пауль, должно быть, в ярости, — отметил Левис. — Он хотел в этот уик-энд отвезти тебя в Лас-Вегас.

— Ничего, разорюсь в следующий раз, — отве-

тила я. — К тому же мне надо кончить книгу. А ты, что ты собираешься делать?

— Немного поиграю, — улыбнулся он. — Приготовлю для тебя обед, а потом мы можем поиграть в кункан, правда?

Чувствовалось, что он чертовски счастлив. Еще бы, на целый день я в полном его распоряжении; наверное, он радовался с самого утра. Я не могла не улыбнуться этому.

— Поиграй, а я пока почитаю. Полагаю, радио и телевизор тоже не работают?

Я забыла упомянуть, что Левис часто играл на гитаре, преимущественно медленные, меланхолические мелодии, очень странные, которые сам и сочинял. Забыла от того, что ничего не смыслю в музыке. Он поднял гитару и взял несколько аккордов. Снаружи ревел ураган, я пила горячий кофе в компании моего дорогого убийцы и пребывала в прекрасном расположении духа. По последним данным психоанализа, легкое счастье — это самое ужасное. Счастье связывает, от него невозможно избавиться, и начинается невроз. На тебя могут навалиться трудности, ты борешься, защищаешь себя, тобой владеет единственная мысль: как спастись, ты сжат, как пружина, но вдруг счастье бьет тебя в лицо, как камень или

солнечный зайчик, и ты сдаешься, сдаешься счастью ощущать себя живым.

День прошел. Левис выиграл у меня пятнадцать долларов, позволил, слава Богу, мне самой приготовить обед, играл на гитаре, я читала. Меня он совсем не беспокоил, с ним было просто, как с кошкой. Пауль же, с его внушительным видом, бывало, утомлял меня. Я не решалась представить себе, во что вылился бы день с Паулем в таких вот условиях: он пытался бы исправить телефон, завести «роллс», спасти жалюзи, помочь мне закончить сценарий, говорить о знакомых, заниматься любовью и Бог знает что еще… Действовать. Что-нибудь делать. А Левис вел себя иначе. Дом могло бы снести с фундамента, а он напевал бы, в обнимку с гитарой. Да, я не помню более приятного дня посреди ревущей стихии.

Когда наступила ночь, силы урагана будто удвоились. Жалюзи с печальным скрипом метались на ветру, как птицы. Снаружи царила мгла. «Роллс» бился о стену, как огромная собака о дверь, в ярости, что ее оставили на улице. Меня начал охватывать страх. Я чувствовала, что Бог, в своей изначальной мудрости, стал несколько суров к своим почтительным слугам. Левис же, конечно, смеялся, забавляясь моим

испуганным видом, и изображал насмешливого героя. Наконец мне все это надоело, и я рано отправилась спать, приняла ставшие уже привычными таблетки снотворного (и это после стольких лет жизни без лекарств!) и попыталась заснуть. Бесполезно. Ветер ревел, как паровоз, переполненный волками, дом трещал по всем швам и около полуночи действительно треснул. Часть крыши над моей комнатой снесло, и вода, хлынувшая сверху, промочила меня насквозь.

Я вскрикнула и, повинуясь идиотскому инстинкту, спряталась с головой под простыню, потом выскочила из комнаты и попала прямо в объятия Левиса. Было темно, хоть глаз выколи. Он вел меня перед собой, и, нащупывая путь, мы вошли в его комнату, крыша над которой чудом, вероятно, выстояла перед стихией. (Разумеется, снесло крышу над моей головой и промокла именно я!) Левис схватил с постели покрывало и стал растирать меня, как старую лошадь, успокаивая при этом, как успокаивают испуганных четвероногих:

— Ну… ну… ничего… все кончится…

В конце концов он спустился на кухню, используя зажигалку, как свечу, нашел бутылку шотландского и вернулся мокрый по колено.

— Кухня полна воды, — веселым голосом объявил он. — Диван плавает вместе с креслами в гостиной. Мне пришлось просто плыть за этой чертовой бутылкой, которая плескалась в волнах. Забавно, какими смешными выглядят вещи, когда они меняют привычное место. Даже холодильник, такой большой и неуклюжий, плавает, как пробка.

Я не думала, что это очень забавно, но чувствовала, что он говорит так, чтобы подбодрить меня. Мы сидели на его кровати, дрожа и кутаясь в одеяла, и в темноте пили прямо из горлышка.

— Что будем делать? — спросила я.

— Подождем до рассвета, — спокойно ответил Левис. — Стены прочные. Единственное, что тебе надо, так это лечь в мою сухую кровать и заснуть.

Спать… мальчик сошел с ума. Тем не менее от страха и алкоголя голова у меня кружилась, и я легла в постель. Левис сидел рядом. На фоне окна и бегущих облаков я различала его профиль. Казалось, что ночь никогда не кончится, мне так и придется умереть, и от печали, детского страха, жалости к себе у меня перехватило дыхание:

— Левис, — взмолилась я, — я боюсь. Ложись ко мне.

Он ничего не ответил, обошел кровать и вытянулся рядом. Мы оба лежали на спине, Левис курил сигарету, не произнося ни слова.

В этот момент «роллс», вероятно подброшенный огромной волной, врезался в стену. Со страшным скрежетом дом задрожал, а я бросилась в объятия Левиса. Не могу назвать мой порыв осознанным, но я почувствовала: необходим мужчина, который обнял бы и крепко прижал меня к себе. Что Левис и сделал. И тут же, повернувшись ко мне, начал покрывать мой лоб, волосы, губы легкими поцелуями невероятной нежности, повторял мое имя, как молитву любви, молитву, которую я, тесно прижатая к его телу и похороненная под гривой его волос, понимала не совсем отчетливо:

— Дороти, Дороти, Дороти… — Его голос на заглушал воя шторма. Я не двигалась, нежась в тепле его тела. И ни о чем больше не думала, кроме, быть может, со стыдом, о неизбежности финала, хотя и не придавала этому особого значения…

Только финал получился иным, и меня словно осенило. Я поняла Левиса и причину всех его поступков. И убийства, и его безумную платоническую любовь ко мне. Я быстро села, слишком

быстро, и он тут же отпустил меня. На мгновение мы застыли, окаменев, будто между нами неожиданно проползла змея, и я уже не слышала ветра — только оглушительный стук моего сердца.

— Итак, ты знаешь… — медленно произнес Левис. Щелкнул зажигалкой. В свете пламени я смотрела на него, совершенного в красоте, такого одинокого, более одинокого, чем когда-либо… Переполненная жалостью, я протянула к нему руку, но глаза его уже остекленели, он больше не видел меня, уронил зажигалку, и его руки сомкнулись у меня на шее.

Я менее всего похожа на самоубийцу, но на мгновение мне захотелось, чтобы он довел все до конца. Не знаю, почему. Жалость, нежность, переполнявшие мою душу, толкали меня навстречу смерти, как к единственному прибежищу. Вероятно, это и спасло меня: я ни секунды не сопротивлялась. А пальцы Левиса напомнили мне, что жизнь — самое дорогое, чем я владею. Я начала спокойно говорить Левису, с тем остатком воздуха, который грозил стать моим последним вздохом:

— Если ты хочешь, Левис… но мне больно. Я всегда любила жизнь, ты знаешь, и солнечный свет, и моих друзей, и тебя, Левис…

Пальцы давили все сильнее. Я начала задыхаться:

— Что ты собираешься сделать со мной, Левис? Ты рискуешь мне надоесть… Левис, дорогой, будь хорошим мальчиком, отпусти меня…

Внезапно хватка ослабла, а Левис, рыдая, бросился мне в объятия. Я удобно устроила его голову у себя на плече и долго гладила по волосам, не произнося ни слова. Не многие мужчины плакали у меня на плече, ничто так не трогает меня и не внушает большего уважения, чем эти неожиданные и бурные мужские рыдания. Но никогда я не испытывала такого прилива нежности, как к этому мальчику, который чуть не убил меня. Слава Богу, я уже давно не признаю логики.

Левис быстро заснул, успокоившись почти вместе с бурей, и я всю долгую ночь баюкала его, наблюдая, как небо светлеет, облака исчезают, и, наконец, как надменное солнце поднимается над истерзанной землей. Левис подарил мне одну из самых прекрасных ночей любви в моей жизни.

16

Утром я обнаружила на шее несколько синих пятнышек, весьма огорчивших меня. Я надолго задумалась, стоя перед зеркалом, а затем решительно направилась к телефону. Сказала Паулю, что принимаю его предложение, и он буквально обезумел от счастья. Затем объявила о своем решении Левису, предупредила, что медовый месяц мы, вероятно, проведем в Европе, а ему придется в наше отсутствие следить за домом.

Бракосочетание заняло десять минут, свидетелями были Левис и Кэнди. После чего я собрала багаж, обняла Левиса и пообещала скоро вернуться. Левис дал слово вести себя хорошо, много работать и каждое воскресенье выпалывать сорняки вокруг «роллса». Спустя несколько часов мы летели в Париж, и через иллюминатор я наблюдала, как серебряные крылья разрезают серо-голубые облака: казалось, я пробуждаюсь от ночного кошмара. Моя рука покоилась в крепкой теплой ладони Пауля.

Мы собирались провести в Париже только месяц. Но Джей прислал мне телеграмму, в которой просил поехать в Италию и помочь несчастно-

му рабу, вроде меня самой, у которого что-то не ладилось со сценарием. У Пауля нашлись дела в Лондоне, где RKB основывала новую дочернюю кинокомпанию, и в результате мы шесть месяцев курсировали между Парижем, Лондоном и Римом. Поездка доставила мне массу удовольствий: я познакомилась со множеством людей, часто видела дочь, плавала в Италии, развлекалась в Париже, с головы до пят обновила в Лондоне свой гардероб, Пауль составлял мне чудесную компанию, и Европа нравилась мне все больше. Время от времени я получала письма от Левиса, в которых он по-детски рассказывал о саде, доме, «роллсе» и застенчиво журил меня за долгое отсутствие.

Известность, вызванная смертью Макклея, оживила интерес к первому фильму Левиса. Докончить вестерн пригласили Чарльза Уота, очень способного режиссера, многие полностью завершенные эпизоды он видел совершенно иначе, и Левис снова надел ковбойский костюм. Изменили и его роль, но он писал об этом почти односложно, и к своему полному изумлению, за три недели до нашего возвращения я услышала, что фильм великолепен, а у молодого главного героя, Левиса Майлса, есть хорошие шансы полу-

чить Оскара за выдающуюся игру.

Сюрпризы на этом не кончились. Когда мы вышли из самолета в Лос-Анджелесе, первым, кого я увидела, был Левис. Как ребенок, он обнял меня, Пауля и начал горько жаловаться. «Они» постоянно преследуют его, «они» предлагают контракты, в которых он ничего не понимает, «они» день и ночь звонят по телефону, «они» даже сняли для него огромный дом с плавательным бассейном. Казалось, он обезумел: если бы я не прибыла в этот день, он сбежал бы. Пауль смеялся до слез, а я думала о том, что Левис похудел и не очень хорошо выглядит.

Торжественное событие, вручение Оскаров, имело место быть на следующий день. Собрался весь Голливуд, одетый с иголочки, накрашенный, сверкающий, и Левис получил своего Оскара. Он небрежно шел по сцене, а я, будучи настроена философски, наблюдала, как три тысячи человек с энтузиазмом аплодируют убийце. Человек привыкает ко всему.

Вручение премий завершилось грандиозной вечеринкой, организованной Джеем Грантом в новом доме Левиса. Джей, вызывающе гордый собой, водил меня по дому, шкафы, ломившиеся от новых костюмов для Левиса, гаражи, где дремали

новые машины, предложенные Левису на очень льготных условиях, комнаты, в которых Левис будет спать, комнаты, где Левис будет принимать гостей. Левис следовал за нами, бормоча что-то себе под нос.

— Ты уже перенес сюда старые синие джинсы? — невинно спросила я, обернувшись к нему. Он в ужасе покачал головой. Для героя вечера у него удивительно отсутствующий вид. Он ходил за мной по пятам, отказываясь, несмотря на все мои просьбы, уделить внимание гостям, и я начала замечать удивленные взгляды, слышать двусмысленные реплики, что заставило меня ускорить наш отъезд. Воспользовавшись моментом, когда кто-то завладел вниманием Левиса, я взяла Пауля под руку и шепнула ему, что я очень устала.

Мы решили, по крайней мере первое время, жить в моем доме, так как квартира Пауля находилась в центре города, а я предпочитала природу. Мы незаметно прокрались к машине. Я посмотрела на огромный, залитый светом дом, на воду, мерцающую в бассейне, силуэты гостей в окнах, и напомнила себе, что год назад, всего лишь год, такой же поздней ночью мы возвращались домой по этой же дороге, когда перед нашим

автомобилем выскочил незнакомый парень. Что за год!!!.. Во всяком случае, все закончилось хорошо, исключая, разумеется, Френка, Лолу, Болтона и Макклея.

Пауль осторожно подал машину назад между двумя «роллсами», новыми, разумеется, и медленно вырулил на свободу. И снова парень с широко раскинутыми руками бросился к нашему автомобилю в сиянии фар. Я испуганно вскрикнула, а Левис, подбежав к машине с моей стороны, открыл дверцу и схватил меня за руки. Он дрожал, как лист:

— Возьми меня домой, — взмолился он дрожащим голосом. — Возьми меня с собой, Дороти. Я не хочу оставаться здесь.

Он прижал голову к моему плечу, потом снова поднял ее, дыша тяжело, как после нокдауна.

— Но, Левис, — промямлила я, — теперь твой дом здесь. И все эти люди, которые ждут тебя…

— Я хочу обратно домой.

В замешательстве я посмотрела на Пауля. Тот успокаивающе улыбался. Я сделала последнюю попытку:

— Подумай о бедняге Джее, который так старался для тебя. Он будет вне себя, если ты так вот уедешь.

— Я его убью, — пригрозил Левис, и я сдалась.

Тут же подвинулась, и Левис упал на сиденье рядом со мной. Пауль тронул машину с места, снова мы ехали втроем, и я, опять же, в шоковом состоянии. Тем не менее я не удержалась, чтобы не прочесть Левису небольшую лекцию о том, что на сегодня все сойдет, так как отнесено за счет его волнения, но что через два-три дня он должен вернуться в свой дом, иначе люди не поймут, почему он не живет в таком прекрасном доме, и далее в том же духе.

— Я могу жить в твоем доме, а туда мы будем ездить плавать, — рассудительно заявил Левис в ответ, и с этими словами заснул у меня на плече. Когда мы приехали, нам пришлось выносить его из машины. Мы отвели Левиса в его маленькую спальню и уложили на кровать.

Он приоткрыл глаза, взглянул на меня, улыбнулся и снова заснул с выражением блаженства на лице. А мы спустились в нашу спальню. Раздеваясь, я повернулась к Паулю.

— Ты думаешь, он долго будет с нами?

— Всю жизнь, — рассеянно ответил Пауль. — Ты ведь это прекрасно знаешь. — Он улыбался. Я слабо запротестовала, но он перебил меня: — Разве ты не счастлива?

— Да, — ответила я, — очень.

Я сказала сущую правду. Очевидно, у меня будут возникать трудности. Время от времени придется удерживать Левиса от очередного убийства, но с хитростью и при удаче… Ну, в общем, посмотрим. Такое философское решение, как всегда, успокоило меня, и, напевая про себя, я отправилась в ванную.

ЖОРЖ СИМЕНОН
Поклонник мадам Мегрэ

ЖОРЖ СИМЕНОН
Поклонник мадам Мегрэ

© Перевод на русский язык М. Мальковой

1

Как и в большинстве других семей, у Мегрэ были свои привычки, со временем превратившиеся в некий ритуал. И вот, с тех давних пор, как они поселились на Пляс де Вож, едва наступало лето, комиссар начинал развязывать свой темный галстук на первой ступеньке лестницы, а завершал эту процедуру на площадке второго этажа.

Все дома, окружавшие площадь, были когда-то особняками, и широкие лестницы, начинаясь во дворе, плавно и величественно текли вдоль кованых решеток и поддельного мрамора, зато со второго этажа они становились узкими и крутыми. К себе на третий Мегрэ взбирался слегка запыхавшийся, с уже расстегнутым воротничком. Оставалось пройти по плохо освещенному коридору до третьей слева двери. Перекинув через руку пиджак, комиссар вставлял ключ в замок и бросал традиционное: «Это я!»

Потом он принюхивался, стараясь по запаху угадать, что приготовлено на ужин, и шел в гостиную. Из распахнутого настежь окна открывался восхитительный вид на площадь с четырьмя поющими фонтанами.

Стоял на редкость жаркий июнь, и вся следственная полиция только и мечтала о каникулах. По бульварам уже бродили мужчины без пиджаков, а на террасах кафе лилось рекой пиво.

— Видала сегодня своего поклонника? — спрашивал комиссар, вытирая со лба пот и удобно устраиваясь у окна.

Сейчас никто бы не подумал, что Мегрэ долгие-долгие часы провел в своего рода антикриминальной лаборатории, или, иначе говоря, в следственной полиции, изучая самые темные закоулки человеческой души.

Вне работы комиссар не упускал случая позабавиться, и особенно — за счет невероятно простодушной мадам Мегрэ. В последние две недели излюбленной шуткой стало расспрашивать жену, как поживает ее поклонник.

— Он опять обошел площадь два раза? И по-прежнему элегантен и таинствен? Подумать только, что, питая слабость к утонченным эстетам, ты вышла замуж за меня!

Мадам Мегрэ сновала туда-сюда, накрывая на стол (она не хотела держать домработницу и довольствовалась приходящей прислугой, убиравшей дом по утрам).

— Я ни слова не говорила о его утонченно-

сти! — с притворным раздражением заметила она, поддерживая игру.

— Зато ты описала его облик: жемчужно-серая шляпа с каемочкой, завитые кверху усики (вероятно, крашеные), трость с резным набалдашником из слоновой кости… Каково?

— Смейся-смейся! Когда-нибудь ты убедишься в моей правоте… Я уверена, что это человек необычный и за его поведением кроется какая-то тайна…

Даже не особенно приглядываясь, мадам Мегрэ невольно видела в окно все, что творилось на улице. По утрам площадь была довольно пустынна, зато после полудня мамаши и бонны всего квартала усаживались на лавочки, наблюдая за играми детей. Вокруг типично парижского сквера, опоясанного чугунными решетками, стояли похожие, как близнецы, дома с высокими шиферными крышами и аркадами.

Сначала мадам Мегрэ лишь мельком заметила незнакомца — на него просто нельзя было не обратить внимание. И в облике, и в манерах этого человека все казалось анахронизмом — он напоминал одного из тех старых щеголей, что изредка встречались лет двадцать — тридцать назад, а теперь окончательно перекочевали на

страницы юмористических журналов.

Было ранее утро. Тот час, когда все окна распахнуты и видно, как прислуга убирает квартиры.

«Кажется, он что-то ищет», — подумала мадам Мегрэ.

Во второй половине дня она уехала к сестре и, естественно, не смотрела в окно, а на следующее утро в то же время снова увидела незнакомца. Тот размеренным шагом обошел площадь сначала один, затем второй раз, а потом так же неторопливо двинулся в сторону площади Республики.

— Скорее всего, этот господин — любитель молоденьких горничных и пришел поглядеть, как они выбивают ковры, — предположил Мегрэ, когда жена в числе прочего рассказала ему о старом щеголе.

В тот день ее немало удивило поведение незнакомца. Ровно в три часа он уселся на лавочку как раз напротив окон Мегрэ. В четыре — все еще неподвижно сидел, положив руки на набалдашник трости. И в пять — тоже. Лишь около шести незнакомец поднялся и ушел, так и не перемолвившись ни с кем словом и даже не развернув газеты.

— Тебе это не кажется странным, Мегрэ? — Комиссарша всегда называла мужа по фамилии.

— Я тебе уже сказал: вокруг наверняка порхают хорошенькие горничные…

Но на следующий день мадам Мегрэ упорно вернулась к прежней теме.

— Сегодня я его как следует разглядела. Представляешь, опять три часа сидел на той же скамейке, не двигаясь с места!

— Ну да? Может, любовался тобой? Оттуда, наверное, хорошо видны наши окна, так что этот господин просто в тебя влюблен.

— Не болтай глупостей!

— Во-первых, у него трость, а тебе всегда нравились мужчины с тростью… Готов спорить, он носит и лорнет…

— Почему ты так думаешь?

— Потому что у тебя слабость к мужчинам, которые это делают!

Они тихонько поддразнивали друг друга, наслаждаясь семейным покоем после двадцати лет совместной жизни.

— Послушай, я внимательно рассмотрела окружение… Напротив этого типа на стуле сидела горничная… Я уже как-то видела ее в зеленной лавке — очень красивая девушка и, по-моему, хорошо воспитана.

— Ну вот! — торжествующе воскликнул Ме-

грэ. — Твоя воспитанная горничная сидела напротив старого господина. А ты, я думаю, замечала, что многие женщины усаживаются, не очень заботясь о том, какой при этом открывается вид. Так что твой поклонник всю вторую половину дня наслаждался зрелищем…

— У тебя только одно на уме!

— Пока я сам не увижу этого загадочного господина…

— Что ж я могу поделать? Он никогда не приходит в те часы, когда ты дома!

Мегрэ, повидавший на своем веку так много драм, был совсем не прочь развеяться, а потому каждый день подробно расспрашивал о том, кто вошел в семейный обиход как поклонник мадам Мегрэ.

— Смейся На здоровье! Все равно в этом человеке есть что-то такое, что меня завораживает и даже немного пугает… Не знаю, как тебе объяснить… Посмотришь на него, а потом трудно отвести взгляд… Чтоб человек часами сидел, не шелохнувшись! Подумай, ведь у него даже зрачки за стеклами лорнета совершенно неподвижны…

— Как это ты ухитрилась отсюда разглядеть его зрачки?

Мадам Мегрэ покраснела, как будто ее поймали

на месте преступления.

— Я ходила взглянуть на него поближе… А главное, убедиться, что ты не ошибся. Так вот, белокурая горничная, которая всегда гуляет с двумя детьми, ведет себя более чем благопристойно. И уверяю тебя, там ничего такого не видно…

— А эта девушка тоже сидит там всю вторую половину дня?

— Она выходит после трех, обычно — чуть позже мужчины. И всегда берет с собой вязанье. Уходят они почти одновременно. Девушка целыми часами вяжет крючком, не поднимая головы, разве что окликнет кого-то из детей, если он убежит слишком далеко.

— Ты не думаешь, дорогая, что в парижских скверах сотни горничных вяжут крючком или на спицах, наблюдая за хозяйскими детьми…

— Возможно!

— …и множество старых рантье, у которых нет других забот, кроме как погреться на солнышке и с большим или меньшим вожделением полюбоваться приятной мордашкой?

— Этот человек совсем не стар…

— Ты же сама говорила, что у него явно крашеные усы и почти наверняка парик.

— Да, но он не кажется стариком.

— Значит, моих лет?

— Иногда выглядит старше, а иногда — моложе.

Мегрэ сделал вид, будто ревнует.

— Придется мне как-нибудь посмотреть на этого твоего поклонника поближе, — буркнул он.

Ни он, ни мадам Мегрэ не воспринимали все это всерьез. Точно так же они всегда с интересом наблюдали за парой влюбленных, встречавшихся под аркой одного из соседних домов. Их ссоры и примирения занимали супругов до тех пор, пока девушка, работавшая прислугой у молочницы, не встретилась с другим молодым человеком точно на том же месте.

— Знаешь, Мегрэ…

— Что?

— Я подумала, а вдруг этот человек за кем-нибудь шпионит?

Проходили дни, и солнце пекло все жарче. Вечером на площадь высыпали толпы людей. Мелкие ремесленники собирались сюда со всех окрестных улиц подышать свежим воздухом возле четырех фонтанов.

— Меня удивляет, что по утрам этот господин никогда не садится на скамейку… И почему он обходит площадь ровно два раза? Может, ждет от

кого-то сигнала?

— А чем в это время занимается твоя прекрасная блондинка?

— Не знаю… Она живет в доме справа, и отсюда не увидишь, что там происходит. Иногда я встречаю эту девушку на рынке, но она ни с кем не разговаривает, кроме торговцев, да и то лишь о товаре. Между прочим, она никогда не торгуется и наверняка переплачивает процентов двадцать… Мне кажется, она всегда думает о чем-то другом…

— Что ж, если мне еще понадобится за кем-нибудь деликатно понаблюдать, я поручу это дело тебе.

— Можешь издеваться надо мной сколько угодно! Посмотрим еще, а вдруг…

Было восемь часов. Мегрэ уже поужинал — редкий случай, поскольку обычно он допоздна задерживался на Кэ д'Орфевр. Сняв пиджак, он облокотился на подоконник, курил трубку и задумчиво смотрел то на закатное розовое небо, то на площадь и разомлевших от ранней жары людей. По шуму, доносившемуся из кухни, Мегрэ понял, что жена уже покончила с посудой и сейчас присоединится к нему с рукоделием.

В такие вечера, когда не надо было расследо-

вать какое-нибудь грязное дело, ловить убийцу или выслеживать вора, мысль свободно парила, устремляясь к небу. Вот только случалось это крайне редко. Мегрэ наслаждался покоем и, быть может, никогда еще послеобеденная трубка не доставляла ему такого удовольствия. Внезапно он, не оборачиваясь, позвал:

— Генриетта!

— Тебе что-нибудь нужно?

— Пойди взгляни…

Черенком трубки комиссар указал на скамью, стоявшую напротив их окон. В углу дремал какой-то похожий на клошара старичок, а в другом…

— Это он! — воскликнула мадам Мегрэ. — Вот интересно!

Ей показалось почти неприличным, что любитель дневных прогулок, резко нарушив расписание, оказался на скамейке в столь неурочное время.

— Кажется, он уснул, — пробормотал Мегрэ, снова раскуривая трубку. — Если бы не надо было потом опять карабкаться на третий этаж, я бы, пожалуй, сходил взглянуть на твоего поклонника поближе. Любопытно, каков он на самом деле…

Мадам Мегрэ вернулась на кухню, а ее муж стал наблюдать за ссорой трех малышей. Они что-то

не поделили и в конце концов, сцепившись, покатились в пыль, а прочие в это время разъезжали вокруг на роликах.

Не двигаясь с места, Мегрэ выкурил вторую трубку. Незнакомец тоже не шевелился, зато нищий встал и тяжелым шагом побрел к набережной Сены. Мадам Мегрэ села шить — хлопотунья и часу не могла провести без дела.

— Он до сих пор там?

— Да.

— Разве еще не запирают решетки?

— Через несколько минут… Сторож уже выпроваживает гуляющих.

Но так уж случилось, что незнакомца сторож не заметил. Тот по-прежнему сидел на скамейке, хотя три решетки были уже заперты и оставалось лишь повернуть замок четвертой. Вдруг Мегрэ, ни слова не говоря, схватил куртку и вышел.

Мадам Мегрэ видела в окно, как ее супруг спорит с одетым в зеленую форму человеком — тот, видимо, слишком всерьез воспринимал свои обязанности. Однако в конце концов сторож все же впустил комиссара. Мегрэ быстрым шагом направился к незнакомцу с лорнетом.

Мадам Мегрэ встала. Чувствуя, что произошло неладное, она знаками спросила у мужа: «Ну что,

так и есть?» Уточнить, что именно случилось, она не могла, хотя уже много дней ожидала какого-то события. Мегрэ кивнул и, поставив у входа в сквер сторожа, вернулся домой.

— Воротничок, галстук…

— Он умер?

— Уж куда мертвее! По меньшей мере два часа назад, или я в этом ничего не смыслю.

— Думаешь, сердечный приступ?

Мегрэ промолчал — он всегда долго возился с галстуком и терпеть не мог это занятие.

— Что ты собираешься делать?

— Расследовать это дело, конечно! Надо сообщить в прокуратуру, позвонить медэксперту, ну и все такое прочее.

Площадь уже окутала бархатистая мгла. Пение фонтанов теперь слышалось громче, причем четвертый звучал чуть резче остальных.

Через несколько минут Мегрэ уже входил в табачную лавочку на улице Па-де-ля-Мюль. Набрав все нужные номера, он разыскал полицейского и поставил его у решетки ворот вместо сторожа.

Мадам Мегрэ не стала спускаться. Она знала, что комиссар терпеть не может, когда жена вмешивается в его дела. А кроме того, она понимала, что на сей раз Мегрэ может работать спокойно

— пока никто не заметил ни смерти человека с лорнетом, ни хождений комиссара.

Площадь была почти пустынна. Только цветочницы с нижнего этажа сидели у порога дома, да еще к ним подошел поболтать торговец запчастями для автомобилей. Он был одет в длинную серую блузу.

Увидев, что в сквер въехала машина, все они очень удивились, когда же подкатила вторая и из нее вышел важного вида господин (очевидно, член прокуратуры), — подошли поближе. Наконец к тому времени, когда появилась «скорая помощь», на площади уже собралось человек пятьдесят любопытных. Впрочем, о причинах переполоха никто не догадывался, потому что густой кустарник скрывал главную сцену.

Мадам Мегрэ не стала включать свет. Она часто так делала, оставаясь одна. Она по-прежнему смотрела на площадь, видела, как распахиваются окна, но белокурая горничная не появлялась.

Первой уехала «скорая помощь» — повезла тело в Институт судебно-медицинской экспертизы.

Следом исчез автомобиль с несколькими пассажирами… Потом показался Мегрэ. Он что-то сказал зевакам, перешел улицу и вернулся домой.

— Ты не зажигала? — проворчал он, вглядываясь в темноту.

Жена повернула выключатель.

— Закрой окно… жара уже давно спала…

Теперь перед ней стоял уже не тот Мегрэ, который только что так беззаботно шутил, но комиссар Мегрэ из следственной полиции, чьи гневные вспышки приводили в дрожь молодых инспекторов.

— Прекрати шить! В конце концов, это начинает действовать мне на нервы! Неужели ты не можешь хоть минутку посидеть спокойно?

Она отложила шитье. Мегрэ бегал по комнате, заложив руки за спину и время от времени бросая на жену довольно странный взгляд.

— Почему ты мне сказала, будто он кажется то молодым, то старым?

— Не знаю… какое-то смутное впечатление… А что? Сколько ему было лет?

— Во всяком случае, не больше тридцати.

— Что???

— А то, что этот твой тип был вовсе не тем, за кого себя выдавал… Под париком скрывались его собственные белокурые волосы, усы он наклеивал, а кроме того, чтобы держаться как старый щеголь, он носил что-то вроде корсета…

— Но…

— Никаких «но»! Совершенно не понимаю, каким чудом ты унюхала это дело!

Мадам Мегрэ показалось, что муж чуть ли не винит ее во всем случившемся. Как будто это она виновата, что вечер испорчен да еще предстоит новая работа!

— А знаешь, ведь твоего поклонника прикончили прямо там, на скамейке…

— Не может быть! При всем честном народе?

— Да, и, надо думать, как раз в тот момент, когда на площади было особенно оживленно.

— Ты думаешь, эта бонна…

— Я только что отправил пулю на экспертизу. Эксперт позвонит с минуты на минуту.

— Но как можно было выстрелить из револьвера и…

Мегрэ пожал плечами. Звонок и в самом деле не заставил себя ждать.

— Алло! Да, я так и думал… но хотел получить от вас подтверждение.

Мадам Мегрэ не терпелось все узнать, но муж нарочно тянул время.

— Пневматический карабин особой, очень редкой модели, — наконец, словно нехотя, буркнул он.

— Не понимаю…

— Это значит, что стреляли издалека. Убийца мог устроиться, например, у одного из окон и спокойно, не торопясь, целиться. Впрочем, это первоклассный стрелок — пуля попала точно в сердце, так что жертва умерла почти мгновенно.

Так, значит, на ярком солнце, пока толпа…

Мадам Мегрэ вдруг расплакалась от нервного напряжения.

— Прости, — неловко извинилась она, — ничего не могу поделать… Я почему-то чувствую себя виноватой… глупо, но…

— Когда успокоишься, я выслушаю твои свидетельские показания.

— Мои показания?

— Черт возьми! Пока ты — единственная, кто может сообщить полезные сведения, раз уж любопытство натолкнуло тебя на…

Тут Мегрэ все же снизошел до объяснений, хотя по-прежнему делал вид, будто говорит с собой.

— При нем не было никаких бумаг. Карманы — почти пустые, если не считать нескольких стофранковых банкнот, кучки мелочи, пилки для ногтей и крохотного ключика. И тем не менее мы попытаемся установить личность…

— Тридцать лет! — повторила мадам Мегрэ.

Так вот что ее сбивало с толку! Молодой человек, закованный в облик старика, казался нереальным, как восковая фигура, и именно это завораживало мадам Мегрэ.

— Ты готова отвечать?

— Я тебя слушаю.

— Имей в виду: все вопросы я буду задавать как комиссар следственной полиции и завтра на основе этого допроса мне придется составить протокол.

Мадам Мегрэ робко улыбнулась — суровый тон мужа производил сильное впечатление.

— Ты видела этого человека сегодня?

— Утром — нет, я ведь ездила за покупками, но во второй половине дня он сидел на обычном месте.

— А белокурая горничная?

— Тоже. Как всегда.

— Ты ни разу не слышала, чтобы они разговаривали?

— Они сидели метров за восемь друг от друга, так что кричать пришлось бы очень громко.

— Значит, они неподвижно просидели всю вторую половину дня?

— Не считая того, что девушка вязала…

— И так все две недели?

— Да.

— А ты не заметила, что именно она вязала?

— Нет, будь это спицы, я бы могла сказать, но в вязке крючком ничего не смыслю…

— В котором часу девушка ушла?

— Не знаю… Я была слишком занята кремом… Но, наверное, часов в пять, как обычно.

— По словам врача, смерть наступила примерно в это время… так что для нас теперь все упирается в минуты. Когда ушла женщина? До пяти или позже? До убийства или потом? Не понимаю, зачем тебе понадобилось именно сегодня готовить крем! Раз ты за кем-то следишь, так уж делай это до конца, на совесть!

— Ты думаешь, эта девушка…

— Ничего я не думаю! Знаю только, что пока у следствия нет ничего, кроме твоих сведений, а это не Бог весть что! Ты хоть можешь сказать, у кого работает эта белокурая горничная?

— Она всегда возвращается в дом семнадцать бис.

— А кто там живет?

— Не знаю… но у них большой американский автомобиль с шофером.

— И это все, что ты заметила? Ну и полицейский из тебя бы получился! Подумать только, большая

американская машина и шофер!

В минуты особой растерянности Мегрэ часто напускал на себя притворное негодование, но это была всего лишь комедия. И вскоре его лицо расплылось в добродушной улыбке.

— А знаешь, старушка, не заинтересуйся ты странными маневрами этого своего поклонника, я бы сейчас сидел в хорошенькой луже! Не скажу, конечно, что сейчас положение блестящее и расследование пойдет как по маслу, но все же есть какой-то, пусть хлипкий, фундамент…

— Прекрасная блондинка?

— Да, прекрасная блондинка, как ты ее называешь! Кстати…

Мегрэ бросился к телефону и отправил инспектора дежурить у дома № 17 бис, велев, если оттуда выйдет хорошенькая белокурая девушка, не спускать с нее глаз.

— А теперь — в кровать. Утро вечера мудренее.

Уже засыпая, Мегрэ услышал робкий вопрос жены:

— Тебе не кажется, что осторожнее было бы…

— Нет, нет и нет! — воскликнул комиссар, приподнимаясь в постели. — Если ты проявила почти полицейский нюх, это еще не значит, что пора давать мне советы! И вообще, сейчас самое

время спать!

Луна серебрила шиферные крыши домов вокруг площади Вож, а четыре фонтана продолжали концерт камерной музыки, причем четвертый все время чуть-чуть дребезжал, как будто был плохо настроен.

2

Мегрэ намылил лицо и спустил подтяжки, собираясь бриться, но сначала выглянул в окно. Вокруг скамейки, где вчера вечером обнаружили убитого, собралось уже довольно много народу.

Цветочница, осведомленная лучше остальных, поскольку издали видела прокурорский десант, что-то оживленно вещала, и даже на расстоянии по ее решительному виду можно было понять, что женщина не сомневается в своей правоте.

Площадь притягивала чуть ли не всех жителей квартала. И даже те, кто за минуту до того бежал, боясь опоздать в мастерскую или контору, вдруг находил время остановиться — ведь речь шла о преступлении.

— Тебе знакома эта женщина? — спросил комиссар, указывая бритвой в сторону элегантной молодой дамы в светлом английском костюме. Этот костюм, предназначенный скорее для утренних прогулок по Булонскому лесу, очень отличал ее от собравшихся на площади зевак.

— В первый раз вижу… Во всяком случае, не припомню, чтобы мы раньше встречались…

Это еще ничего не значило. На вторых этажах

домов вокруг Пляс де Вож жили крупные буржуа и даже аристократы. Тем не менее, женщины такого класса, как та, которую Мегрэ сейчас разглядывал с явным неодобрением, редко прогуливаются в восемь утра — ну, разве что с собакой…

— Вот что: сегодня ты всерьез займешься покупками, обойдешь все лавки… Слушай разговоры и, главное, постарайся побольше выяснить об этой белокурой горничной и ее хозяевах.

— Ну, уж на сей раз ты не посмеешь обозвать меня сплетницей! — пошутила мадам Мегрэ. — Когда ты вернешься?

— Откуда я знаю?

Ночью, пока он спал, расследование шло своим чередом. Поэтому комиссар надеялся обнаружить на Кэ д'Орфевр какие-то новые сведения.

Итак, в одиннадцать часов вечера известному патологоанатому доктору Эбрару неожиданно принесли записку. Облаченный во фрак, «доктор мертвых» в это время наслаждался премьерой в Комеди-Франсез. Досмотрев спектакль, он поздравил актрису, с которой поддерживал самые нежные отношения, а уже через 15 минут в Институте судебно-медицинской экспертизы (ибо так именуется новый морг) ассистент протягивал

ему рабочую блузу, а препаратор, выдвинув один из бесчисленных ящиков, покрывающих стены, извлек из него замороженное тело незнакомца с Пляс де Вож.

Одновременно под сводами Дворца правосудия, где в архивах хранится картотека всех преступников Франции и большинства крупных злоумышленников со всего света, двое мужчин в серых халатах терпеливо сравнивали отпечатки пальцев.

А неподалеку, отделенные от них лишь винтовой лестницей, дежурные специалисты в лаборатории начали кропотливую обработку вещей: темного костюма старомодного покроя, ботинок на пуговках, тонкой трости с резным набалдашником слоновой кости, парика, лорнета. Кроме того, в их распоряжении была прядь белокурых волос, срезанная с головы покойника.

Мегрэ пожал руки коллегам, коротко побеседовал с шефом и ушел к себе в кабинет, несмотря на открытое окно, все еще благоухавший табаком. На столе в разноцветных картонных папках ожидали аккуратно разложенные доклады.

Комиссар начал с отчета доктора Эбрара. Смерть наступила почти мгновенно. Пуля выпущена с расстояния не меньше двадцати метров,

возможно — ста. Оружие мелкокалиберное, но огромной проникающей мощности. Вероятный возраст жертвы — двадцать восемь лет.

Учитывая отсутствие профессиональных деформаций, очевидно, этот человек никогда последовательно не занимался физическим трудом. Зато много времени уделял спорту — особенно гребле и боксу. Здоровье превосходное. Редкостная выносливость. Шрам на левом плече указывает, что примерно три года назад молодой человек был ранен револьверной пулей.

Наконец, легкое уплотнение на кончиках пальцев позволяет предполагать, что жертве приходилось много печатать на машинке.

Мегрэ читал медленно, мелкими глотками вдыхая дым и время от времени отрываясь, чтобы взглянуть, как в ослепительном утреннем солнце течет Сена. Иногда комиссар черкал одно-два только ему понятных слова в знаменитом на всю следственную полицию блокноте. Блокнот получил известность благодаря своему сверхобыденному внешнему виду и необычному содержанию — за долгие годы заметки стали набегать одна на другую, так что никто не мог понять, каким образом Мегрэ ухитряется что-то разобрать.

Отчет из лаборатории тоже не потрясал неожиданными открытиями.

Все эти вещи уже служили другим владельцам, так что незнакомец, видимо, приобрел их на барахолке в Тампле или у какого-нибудь старьевщика.

То же касается и трости, и ботинок на пуговках…

Парик — довольно хорошего качества, но такой можно купить у любого парикмахера.

Наконец, анализ пыли, обнаруженной на одежде, показал довольно большое количество тончайшей муки, но не чистой, а с примесью отрубей.

Лорнет: стекла плоские, простые, не влияющие на зрение.

В архивах — ничего. Отпечатков незнакомца нет ни на одной карточке.

Мегрэ немного посидел, задумчиво облокотившись на стол. Может быть, ему не особенно хотелось работать. Дело рисовалось ни плохим, ни хорошим. Впрочем, нет, скорее, плохим, потому что обычно такой услужливый случай на сей раз не желал помогать.

Наконец комиссар встал, надел шляпу и подошел к дежурному приставу в коридоре.

— Если меня будут спрашивать, скажите, что вернусь через час.

До Пляс де Вож было слишком близко, чтобы брать такси, и Мегрэ пошел пешком вдоль Сены. В зеленной лавке на улице Турнель он заметил мадам Мегрэ, увлеченную беседой с тремя-четырьмя кумушками. Комиссар отвернулся, чтобы скрыть улыбку, и пошел дальше.

В те времена, когда Мегрэ еще только пришел в полицию, его начальник, увлеченный тогда только входившими в обиход научными методами, внушал начинающему инспектору:

— Осторожно, молодой человек, умерьте свое воображение! В полиции нужны не измышления, а факты.

Однако Мегрэ упрямо продолжал гнуть свою линию и в результате достиг весьма ощутимого успеха.

Вот и теперь, уже добравшись до Пляс де Вож, он меньше думал о технических подробностях, изложенных в докладах, чем о том, что про себя называл атмосферой преступления. Комиссар пытался представить незнакомца не мертвым, каким он его видел, а живым. Итак, молодой человек двадцати восьми лет от роду, белокурый, мускулистый, крепкий и наверняка элегантный.

Каждое утро, облачаясь в костюм престарелого щеголя (вероятно, купленный на «блошином рынке»), он надевал вниз только тонкое белье…

Потом незнакомец дважды обходил площадь и удалялся по улице Туренн.

Куда он шел? Что делал почти до трех часов дня? Ходил ли все это время в облачении персонажа комедии Лабиша или переодевался где-нибудь по соседству?

И сколько времени все это длилось?

Наконец, где этот человек проводил ночи? Чем занимался в личной жизни? Кого видел? С кем говорил? Кому доверил свою тайну? Откуда на одежде тонкий слой мучной пыли и отрубей? Это указывает не на булочную, а на мельницу… Что он мог делать на мельнице?

Мегрэ так задумался, что проскочил дом 17 бис. Пришлось вернуться и, нырнув под арку, подойти к консьержке. Полицейский значок ее ничуть не испугал.

— Что вам угодно?

— Я бы хотел знать, у кого из ваших жильцов работает очень хорошенькая молодая горничная…

— Мадемуазель Рита? — перебила консьержка, сразу сообразив, о ком речь.

— Очень возможно. Каждый день пополудни

она прогуливает на площади двоих детей.

— Это дети ее хозяев, месье и мадам Крофта. Оба они живут в доме, на втором этаже, лет пятнадцать, если не больше… Они въехали раньше, чем я стала тут работать. Месье Крофта занимается экспортом-импортом… его контора — где-то на улице Четвертого сентября.

— Он дома?

— Нет, только что вышел, но мадам должна быть наверху.

— А мадемуазель Рита?

— Не знаю… Сегодня утром я ее еще не видела. Правда, я мыла лестницы…

Через несколько минут Мегрэ позвонил в дверь второго этажа. Чувствовалось, что в квартире кто-то есть, но дверь долго не открывали. Комиссар снова позвонил. Наконец дверь приотворилась, и комиссар увидел молодую женщину.

— Что вам угодно? — спросила она, старательно запахивая бледно-голубой пеньюар.

— Мне нужно побеседовать с месье или мадам Крофта… я — комиссар следственной полиции.

Молодая женщина еще старательнее запахнула пеньюар и наконец решилась открыть дверь. Мегрэ вошел в роскошную квартиру и увидел просторные комнаты, высокие потолки, со вку-

сом подобранную мебель и множество дорогих безделушек.

— Простите, что встречаю вас в таком виде, но я одна с детьми… Только я не понимаю, как случилось, что вы уже здесь? Муж ушел всего пятнадцать минут назад…

Она была иностранкой и, судя по легкому акценту и несколько специфическому типу очарования, родилась где-то в Центральной Европе. Мегрэ уже узнал в ней элегантную женщину, которую заметил сегодня среди любопытных на Пляс де Вож.

— Вы меня ждали? — спросил он, стараясь скрыть удивление.

— Вас или другого… По правде говоря, я не ожидала, что полиция работает так быстро… Очевидно, мой муж скоро вернется?

— Не знаю.

— Разве вы его не видели?

— Нет.

— Но как же тогда…

Тут явно случилось какое-то недоразумение, но Мегрэ нисколько не стремился его рассеять — быть может, так он выудит новые сведения. Со своей стороны, молодая женщина, возможно, чтобы обдумать ситуацию, конфузясь, проговорила:

— Вы позволите мне на минутку отлучиться? Дети в ванной, и я боюсь, как бы они не наделали глупостей…

И она грациозно выскользнула из комнаты. Эта женщина была по-настоящему красива, но, кроме того, в ней было что-то величавое.

Мегрэ услышал, как она вполголоса разговаривает в ванной с детьми.

— Простите, — приветливо улыбнулась хозяйка дома, вернувшись в комнату. — Я даже не предложила вам сесть. Но мне бы хотелось, чтобы с вами разговаривал муж — он сам покупал драгоценности и, конечно, лучше знает их цену.

Какие драгоценности? Что это за новая история? Мегрэ чувствовал, что молодая женщина с легкой тревогой ждет возвращения мужа. Но почему? Можно подумать, она боится говорить и просто тянет время. Сообразив это, Мегрэ вовсе не поспешил на помощь, а наблюдал за ней с самым невинным видом, прикинувшись, как он это сам называл, «добродушным толстячком».

— В газетах то и дело читаешь о кражах, но, как ни странно, даже в голову не приходит, что это может случиться и с тобой… Вот и я вчера вечером ничего не подозревала… и только утром…

— Когда вернулись с прогулки? — невинно

заметил Мегрэ.

Она вздрогнула.

— Откуда вы знаете, что я выходила на улицу?

— Я вас видел.

— Вы уже были здесь?

— Я здесь круглый год — мы с вами соседи.

Женщина смутилась. Наверняка она пыталась понять, что за тайна скрывается под обманчивой простотой слов.

— Да, я и в самом деле выходила… это часто со мной случается… люблю подышать воздухом, прежде чем заняться детьми… Поэтому-то вы и застали меня не одетой. Вернувшись домой, я переоделась и…

Она не сумела скрыть облегченного вздоха. На лестнице послышались шаги, и в замке сразу же повернулся ключ.

— Мой муж, — проговорила мадам Крофта и тут же позвала: — Борис, иди сюда, тебя ждут!

Мужчина тоже производил приятное впечатление. Он был старше жены, примерно лет сорока пяти, элегантен, подтянут и явно следил за собой. Венгр или чех, подумал Мегрэ. Впрочем, месье Крофта изъяснялся на отличном и даже изысканном французском.

— Комиссар пришел раньше тебя, и я сказала,

что ты не замедлишь вернуться.

Борис Крофта разглядывал Мегрэ с вежливым любопытством, но комиссар сразу почувствовал скрытую настороженность.

— Прошу прощения, — тихо заметил Крофта, — однако я не совсем понимаю…

— Комиссар следственной полиции Мегрэ.

— Странно… И вы хотите поговорить со мной?

— С хозяином некоей Риты, которая ежедневно гуляла на Пляс де Вож с двумя детьми.

— Да… Но неужели вы ее уже нашли или разыскали драгоценности? Полагаю, вас несколько удивляет моя реакция… но совпадение так неожиданно… Я просто не нахожу объяснения. Подумайте, я возвращаюсь из полицейского участка, куда ходил подавать жалобу на Риту, а по возвращении обнаруживаю вас здесь, и вы заявляете…

В движениях месье Крофта проскальзывала некоторая нервозность. А его жена, видимо не собираясь оставлять мужчин наедине, с любопытством разглядывала комиссара.

— И почему же вы подали жалобу?

— У нас похитили драгоценности… Эта девица исчезла вчера вечером без предупреждения… Я подумал, она сбежала с кавалером, и хотел дать

объявление в газетах… Вчера вечером мы не выходили из дому… А утром, когда жена ушла погулять, мне вдруг вздумалось заглянуть в ее шкатулку с украшениями… Тут-то я и понял, почему Рита так стремительно покинула дом…

— И в какое время вы сделали это открытие?

— Около девяти утра. Я был еще в халате. Потом я оделся и сразу пошел в участок.

— А тем временем вернулась ваша жена?

— Совершенно верно. Как раз, когда я одевался. Но я по-прежнему не понимаю, как это вы успели так быстро отреагировать…

— Обычное совпадение, — благодушно заметил Мегрэ.

— Однако мне бы хотелось получить объяснения. Вы уже знали о нашей пропаже?

Мегрэ неопределенно развел руками. Жест ровно ничего не означал. Меж тем нервозность Бориса возрастала.

— По крайней мере, будьте любезны сообщить мне о цели своего визита. Не думаю, чтобы французская полиция имела обыкновение входить к людям, усаживаться и…

— … и слушать то, что говорят хозяева, — закончил за него Мегрэ. — Признайтесь все же, что я тут ни при чем. С тех пор как я пришел, вы все

время говорите о краже драгоценностей, которая меня не интересует, поскольку я занят расследованием убийства.

— Убийства? — воскликнула молодая женщина.

— Разве вы не знаете, что вчера на Пляс де Вож убили человека?

Комиссар видел, что она лихорадочно соображает и, лишь, видимо, вспомнив, что Мегрэ живет по соседству, вовремя удерживает готовое сорваться с губ «нет».

— Слышала кое-что, пока шла через площадь. Там, кажется, собрались все местные сплетницы.

— Но я не понимаю, каким образом… — вмешался ее муж.

— Каким образом это касается вас? — подхватил Мегрэ. — Я тоже пока не знаю, но уверен, что в один прекрасный день мы это выясним. В какое время исчезла Рита?

— Сразу после пяти, — без колебаний отозвался Борис Крофта. — Так ведь, Ольга?

— Верно. В пять она привела детей. Потом поднялась к себе в комнату, и я не слышала, чтобы кто-то спускался вниз. Около шести, не понимая, почему Рита не накрывает к ужину, я сама пошла наверх. Но в комнате оказалось пусто…

— Может быть, вы проводите меня туда?

— Вас проводит мой муж. Не могу же я в таком виде…

Мегрэ уже знал расположение квартир, поскольку в его доме все было точно так же. Со второго этажа лестница стала уже и круче, но они все же добрались до мансарды. Крофта открыл третью дверь.

— Это здесь. Я оставил ключ в замке.

— Ваша жена сказала, что это она поднималась наверх!

— Правильно, но я приходил сюда позже.

Комната прислуги, с ее железной кроватью, шкафом и умывальником, казалась бы банальной, если бы не вид на Пляс де Вож, открывавшийся из слухового окна.

Рядом со шкафом стоял простенький фибровый чемодан, в шкафу — одежда, белье…

— Значит, ваша бонна уехала без вещей?

— Полагаю, она предпочла унести драгоценности — там их почти на двести тысяч франков.

Толстые пальцы Мегрэ потрогали изящную зеленую шляпку, потом ухватили другую — с желтой лентой.

— Вы не знаете, сколько шляп было у вашей бонны?

— Не знаю… может, жена сумеет ответить, но и то сомневаюсь…

— А давно она у вас работала?

— Полгода.

— Вы нашли ее по объявлению?

— Нет, через бюро по трудоустройству. Ее так горячо рекомендовали… Впрочем, Рита справлялась с работой безукоризненно.

— А другой прислуги у вас нет?

— Жене нравится самой заниматься детьми, поэтому одной бонны вполне достаточно. А кроме того, большую часть года мы проводим на Лазурном Берегу. Там есть садовник, а его жена помогает по хозяйству.

Несмотря на жару, Мегрэ почему-то вздумалось высморкаться, а потом он обронил платок. Пришлось нагнуться.

— Странно, — пробормотал он, выпрямляясь.

Окинув собеседника внимательным взглядом, комиссар открыл рот, словно хотел что-то сказать, но воздержался.

— Вы, кажется, собирались мне что-то сообщить?

— Нет, задать еще один вопрос… но это так нескромно, что вы сочли бы меня невежливым…

— Пустяки, прошу вас!

— Так вы настаиваете? Что ж, я хотел спросить, не было ли у вас с Ритой каких-то иных отношений, нежели чисто деловые? Она ведь, говорят, очень хороша собой… Вопрос, как вы понимаете, чисто машинальный, так что можете вовсе не отвечать.

Как это ни удивительно, Крофта глубоко задумался. Похоже, он еще больше забеспокоился. Прежде чем ответить, он медленно огляделся и вздохнул.

— Мой ответ будет фигурировать в деле?

— Скорее всего, это вообще останется между нами.

— В таком случае, пожалуй, лучше признаться, что и в самом деле кое-что было…

— В квартире на втором этаже?

— Нет, там это было бы затруднительно… дети все-таки…

— Так вы встречались вне дома?

— Никогда! Время от времени я поднимался сюда и…

— Можете не продолжать! — улыбнулся Мегрэ. — Меня очень радует ваше признание. Как я заметил, у вас на рукаве не хватает пуговицы. Эта пуговица валялась тут, на полу у ножки кровати. Ясно, что она не могла оборваться сама по себе

— без каких-то бурных проявлений эмоций…

Комиссар протянул пуговицу Крофта, и тот схватил ее с неожиданной жадностью.

— И когда же это случилось в последний раз? — спросил Мегрэ, направляясь к двери.

— Дня три-четыре назад… Погодите… Да, четыре дня.

— Рита была податливой девушкой?

— Пожалуй…

— Она испытывала к вам нежные чувства?

— По крайней мере, делала вид.

— А вы не предполагали, что у вас может быть соперник?

— О, господин комиссар… тут совсем не в этом дело! Если у Риты и был любовник, я не воспринял бы его как соперника. Я обожаю свою жену, детей и сам не знаю, почему…

Спускаясь по лестнице, Мегрэ невольно вздохнул. «Ох, приятель, сдается мне, за все это время ты не сказал ни слова правды!»

Внизу консьержка чистила горох. Мегрэ остановился и сел напротив.

— Так вы заходили к Крофта? Их ужасно расстроила эта история с драгоценностями.

— В пять часов вы были у себя в привратницкой?

— Еще бы нет! И даже мой сын сидел там, где сейчас вы, и делал уроки.

— Вы видели, как Рита привела детей?

— Как вас вижу!

— А не заметили, что она снова спустилась через несколько минут?

— Вот и месье Крофта только что спрашивал о том же. Я ответила, что ничего не видела. Он уверял, будто это невозможно или, значит, я выходила из привратницкой, либо просто не обратила внимания. В конце концов, так много людей ходит туда-сюда! И все-таки мне кажется, я бы заметила, потому что это совсем не ее время.

— Вы когда-нибудь видели месье Крофта на лестнице четвертого этажа?

— Зачем бы его туда понесло? А, понимаю… Думаете, не ходил ли он, часом, к своей бонне? Вот и видно, что вы не знали мадемуазель Риту! Теперь говорят, будто она воровка… что ж, всяко бывает… Но насчет того, чтобы развратничать и водить шуры-муры с хозяином — это точно враки!

Мегрэ не стал настаивать, закурил трубку и ушел.

3

— Ну как, госпожа комиссарша Мегрэ? — поддразнил он жену, усаживаясь у окошка. Мегрэ был без пиджака, и рукава его белой рубашки под лучами солнца казались ослепительно-яркими пятнами.

— Вот что, придется тебе сейчас ограничиться жареным мясом с артишоками. Чтобы не терять времени, я купила их готовыми. Слушать все эти сплетни…

— И что же говорят? Доложи-ка мне результаты расследования!

— Во-первых, мадемуазель Рита была не настоящей бонной.

— Откуда ты знаешь?

— Все торговки заметили, что она не умела вести счет на су, а стало быть, никогда не вела хозяйство. В тот день, когда мясник в первый раз сдал ей мелочь, эта «бонна» не стала спорить, как я думаю, только потому, что не хотела привлекать к себе внимание.

— Ладно. Стало быть, это девушка из хорошей семьи… и зачем-то ей понадобилось разыгрывать прислугу в доме месье Крофта…

— Думаю, скорее студентка. В лавочках нашего квартала говорят на самых разных языках — итальянском, венгерском, польском… Так вот, похоже, Рита всегда понимала, о чем идет речь, и каждый раз, когда при ней шутили, улыбалась.

— А о твоем поклоннике ничего не слышно?

— На него обратили внимание, но никто не заинтересовался так, как я. Да, между прочим, бонна Гастамбидов, которая часто сидит в сквере во второй половине дня, уверяет, будто Рита не умеет вязать крючком и вся ее работа годится разве что на тряпки.

Мегрэ очень забавляли старания жены все припомнить и изложить по порядку. В его маленьких глазках то и дело вспыхивали смешинки.

— Это еще не все! — продолжала мадам Мегрэ. — До Риты у Крофта была бонна из их страны. Но ее пришлось отправить домой из-за беременности.

— Это Крофта постарался?

— О нет! Он слишком влюблен в жену. Говорят, так ревнив, что даже в дом никого не пускает.

Все эти сплетни и пересуды, даже если тут не все было правдой, добавляли новые штрихи к облику действующих лиц, а иногда и сильно меняли картину…

— Раз уж ты так хорошо поработала, — сказал Мегрэ, набивая новую трубку, — я тоже тебе кое-что расскажу. В нашего незнакомца стреляли из Ритиной мансарды. И это будет очень несложно доказать. Я проверил угол стрельбы — он вполне совпадает с положением тела и траекторией пули.

— Ты думаешь, это она…

— Понятия не имею! Соображай сама.

И Мегрэ со вздохом принялся надевать воротничок и галстук. Жена помогла натянуть пиджак.

Через полчаса Мегрэ тяжело опустился в кресло у себя в кабинете и вытер лицо — на дворе было еще жарче, чем вчера, и в воздухе ощущалось приближение грозы.

Час спустя все три трубки Мегрэ раскалились, пепельница была завалена грудами пепла, весь бювар испещрен словами и обрывками фраз, а сам комиссар сонно зевал и круглыми глазами взирал на то, что написал, грезя наяву.

Допустим, Риту спрятал Крофта. Тогда кража драгоценностей — удачная выдумка для отвода глаз.

Все это очень заманчиво, но ровно ничего не доказывает. С тем же успехом бонна могла действительно смыться, прихватив драгоценности

хозяйки…

Крофта долго колебался, прежде чем признался, что захаживал к Рите…

Вполне возможно, что он сказал правду и просто стыдится за свою распущенность, но не исключено, что он заметил, как Мегрэ поднял пуговицу, и почуял в вопросе ловушку.

Как пуговица могла четыре дня проваляться на полу, если комнату совсем недавно подметали?

А зачем мадам Крофта вышла на улицу ни свет ни заря? Почему она колебалась, боясь сказать, что знает об убийстве? Ведь Мегрэ своими глазами видел, что эта дама очень долго стояла среди любопытных…

Зачем Крофта спрашивал консьержку, видела ли она, как Рита уходит? Что это, собственное расследование или попытка внушить нужный ответ простодушному свидетелю? Борис же не мог не предвидеть, что полиция задаст тот же вопрос…

Мегрэ вдруг встал. Все эти мелкие факты и наблюдения не только раздражали, но и вселяли в него смутную тревогу, ибо комиссар никак не мог уйти от главного вопроса: «Где Рита?»

Если она убила и украла — в бегах, но если не делала ни того, ни другого, тогда…

Через минуту комиссар уже входил в кабинет

шефа.

— Вы не могли бы раздобыть для меня чистый бланк ордера на обыск? — проворчал он.

— Не клеится? — улыбнулся директор следственной полиции. Он лучше, чем кто бы то ни было, знал все настроения Мегрэ. — Ладно, попытаемся. Только будьте осторожны, договорились?

Пока шеф искал ордер на обыск, комиссара, как нарочно, позвали к телефону. Это оказалась жена. Голос ее звучал очень тревожно.

— Мне только что пришло в голову одно соображение… Не знаю, можно ли говорить по телефону…

— Скажи все-таки!

— Допустим, стреляла не та, кто ты думаешь…

— Понятно, продолжай.

— Может быть, на самом деле это ее хозяин… Понимаешь? Вот я и подумала: а вдруг она еще в доме? Возможно, мертвая… но вдруг она в плену?

Мадам Мегрэ, впервые в жизни ведущая расследование, вызывала умиление. Но комиссар вовсе не желал признать, что жена, в сущности, пришла к тем же результатам, что и он сам.

— Это все? — с иронией осведомился он.

— Ты смеешься надо мной? Но подумай…

— Значит, ты воображаешь, что, перерыв дом семнадцать бис от подвала до чердака…

— А вдруг она еще жива?

— Поглядим! А пока позаботься, чтобы обед был немножко поплотнее завтрака.

Мегрэ повесил трубку и взял у шефа ордер.

— Вам не кажется, что все это дело здорово попахивает шпионажем, а, Мегрэ?

Комиссар терпеть не мог раньше времени выдавать, что у него на уме, а потому лишь пожал плечами. Он вышел в коридор, но тут же вернулся и с порога бросил:

— На этот вопрос я отвечу вам сегодня вечером.

Мадам Лекюйе, консьержка дома 17 бис, была очень славной женщиной. Она из сил выбивалась, чтобы поставить на ноги детей. Но у этой достойной особы был один крупный недостаток — она слишком легко приходила в растерянность.

— Поймите, — объясняла консьержка, — от всех этих вопросов с самого утра у меня просто голова кругом идет…

— Успокойтесь, мадам Лекюйе, — увещевал Мегрэ, садясь у окна рядом с малышом, который,

как и накануне, корпел над уроками.

— Я никому никогда не делала зла и…

— Вас никто ни в чем не обвиняет. Я прошу только кое-что припомнить. Сколько у вас жильцов?

— Двадцать два. На третьем-четвертом этажах — совсем маленькие квартиры, вот и получается так много народу…

— Кто-нибудь из жильцов поддерживает отношения с месье и мадам Крофта?

— Как можно! Крофта — богатые люди, у них машина с шофером.

— Кстати, не знаете, где они оставляют машину?

— Со стороны бульвара Анри-Катр. Шофер тут почти не бывает.

— А вчера во второй половине дня он не приходил?

— Не помню точно, но, по-моему, да…

— На машине?

— Нет, машина тут не стояла ни вчера, ни сегодня утром. Правда, господа почти не выходили…

— Постарайтесь вспомнить, не приходил ли шофер около пяти.

— Нет, он ушел в половине пятого… теперь я в этом уверена, потому что мой сын как раз вер-

нулся из школы.

— Точно! — подтвердил малыш, поднимая голову.

— Теперь еще один вопрос: не выносились ли из дому после пяти вечера какие-нибудь крупные вещи? Или не стоял ли где-то поблизости фургон для перевозки мебели?

— Нет, ничего такого я не видела.

— Значит, никто не вытаскивал мебель, или большие ящики, или, может быть, мешки?

— Ну что я могу вам сказать? — простонала консьержка. — Разве я знаю, про какие-такие мешки вы говорите?

— Ну, например, достаточно вместительный, чтобы спрятать тело.

— Иисус и Мария! Так вот что у вас на уме! Значит, теперь вы воображаете, будто в моем доме кого-то прикончили?

— Прокрутите в памяти весь день час за часом.

— Нет! Ничего похожего я не видела!

— И во двор не въезжали ни грузовики, ни какая-нибудь, хотя бы ручная, тележка?

— Но я же вам уже сказала!

— В доме нет свободных комнат? Все заняты?

— Все без исключения! Была одна на четвертом, но два месяца назад и ее сняли.

Тут малыш поднял голову и, покусывая ручку, спросил:

— А пианино, ма?

— При чем тут это? Месье спрашивает, не выносил ли кто большой мешок, а тут внесли ящик. Ох, и здорово они помучились на лестнице!

— Вчера сюда привезли пианино?

— Да, в половине седьмого вечера.

— Какая фирма?

— Не знаю. На грузовике не было надписи, да он и не заезжал во двор. Трое мужчин целый час втаскивали на четвертый этаж этот громадный ящик.

— А потом, когда выгрузили пианино, унесли обратно?

— Нет. Месье Люсьен спустился вместе с рабочими и повел угощать в бистро на углу.

— А кто этот месье Люсьен?

— Жилец маленькой однокомнатной квартирки, о которой я вам говорила. Живет тут уже два месяца. Очень спокойный и приличный господин… кажется, композитор.

— Он знаком с Крофта?

— Готова спорить, что даже ни разу не видел.

— А вчера в пять часов он был дома?

— Месье Люсьен вернулся в половине пятого.

Примерно в то время, когда уходил шофер.

— А он не предупреждал вас, что ждет пианино?

— Нет, только спросил, нет ли писем.

— Он получает много писем?

— Нет, наоборот, очень мало.

— Спасибо, мадам Лекюйе, и не волнуйтесь. Вам совершенно не с чего портить себе кровь.

Мегрэ вышел, дал указания двум инспекторам, дежурившим на Пляс де Вож, и вернулся в дом. Избегая новой беседы, он как можно быстрее прошел мимо привратницкой.

Ни на втором этаже, ни на третьем Мегрэ не остановился. Нагнувшись, он заметил на полу царапины, оставленные, должно быть, ящиком с пианино. Следы кончались у четвертой двери, и Мегрэ постучал. Почти сразу же в квартире послышались шаркающие шаги, потом старушечий голос осторожно спросил:

— Кто там?

— Мне нужен господин Люсьен.

— Это рядом.

Тут какой-то другой голос тихо произнес несколько слов, и дверь отворилась. Незнакомая толстая старуха в полутьме разглядывала лицо Мегрэ.

— Месье Люсьена сейчас нет дома, но, может быть, я смогу вам помочь?

Мегрэ машинально нагнулся, стараясь увидеть, кто еще сидит в комнате. Там царил полумрак. Всю комнату загромождала древняя мебель, какие-то старые ткани и невообразимое количество отвратительных безделушек. Комиссар уловил особый, тяжелый запах, свойственный квартирам, в которых живут одинокие старики.

Возле швейной машины сидела женщина. Она держалась немного напряженно, словно пришла с официальным визитом. Ни разу в жизни Мегрэ не испытывал более глубокого изумления, чем в тот момент, когда узнал в этой гостье собственную жену.

4

— Я узнала, что мадемуазель Огюстина немного шьет, — поспешно сказала мадам Мегрэ, — и пришла спросить, не возьмется ли она за небольшую работу. Мы разговорились. Представляешь, мадемуазель живет как раз напротив той бонны, которая украла драгоценности!

Мегрэ пожал плечами, раздумывая, куда клонит жена.

— А к другому соседу вчера вечером привезли пианино в огромном ящике. Вероятно, он и теперь тут.

На сей раз Мегрэ скорчил гримасу, досадуя, что жена бог весть каким образом пришла к тем же выводам.

— Раз месье Люсьена нет дома, мне остается только уйти, — заявил комиссар.

Мегрэ не стал терять ни минуты. Два инспектора, с которыми он только что разговаривал на Пляс де Вож, теперь стояли на лестнице, недалеко от двери Крофта. Позвали слесаря, а заодно и начальника полицейского участка.

Дверь квартиры месье Люсьена взломали. В комнате оказались лишь довольно обычное пи-

анино, кровать, стул, шкаф и у стены — ящик, в котором привезли инструмент.

— Откройте этот ящик, — приказал Мегрэ.

Он понимал, что играет ва-банк, и не мог отделаться от смутных опасений. Мегрэ боялся прикоснуться к ящику — а вдруг там ничего нет? — и поэтому сделал вид, будто спокойно набивает трубку.

— Комиссар, здесь женщина!

— Знаю, — невозмутимо отозвался Мегрэ, продолжая притворяться равнодушным свидетелем.

— Она жива!

— Я знаю, — повторил он.

Ну конечно! Раз в ящике женщина, то это может быть лишь знаменитая Рита, и комиссар почти не сомневался, что она жива, хотя, разумеется, крепко связана.

— Позовите врача и попробуйте привести ее в чувство.

Комиссар обогнал жену, вышедшую в коридор вместе с мадемуазель Огюстиной, и мадам Мегрэ одарила его единственной за всю семейную жизнь улыбкой, в которой читался намек, что она готова оставить роль покорной супруги ради увлекательного амплуа детектива.

Когда комиссар добрался до второго этажа,

дверь в квартиру Крофта распахнулась и на площадку выскочил сам хозяин. Он был взволнован, но все же владел собой.

— Комиссар Мегрэ здесь? — спросил Крофта у двух инспекторов, дежуривших на лестнице.

— Я тут, месье Крофта.

— Вас просят к телефону. Звонят из министерства внутренних дел.

Он немного ошибся — Мегрэ разыскивал шеф.

— Это вы, Мегрэ? Я так и думал, что застану вас где-то поблизости. Пока вы занимались бог знает чем в этом доме, тип, по чьему телефону мы сейчас говорим, всполошил свое посольство. А уж те позвонили в министерство иностранных дел…

— Понятно, — буркнул Мегрэ.

— Я же вам говорил: дело связано со шпионажем. Приказано хранить тайну и избегать сообщений прессе… Крофта — давнишний полуофициальный агент своей страны во Франции. Это он координирует работу их тайных сотрудников…

Крофта стоял в углу. Он был бледен, но улыбался.

— Могу я вам что-нибудь предложить, господин комиссар?

— Спасибо, не надо.

— Кажется, вы разыскали мою прислугу?

— Да, и вовремя, месье Крофта! Прощайте! — бросил Мегрэ, резко отчеканивая каждый слог.

— А я догадалась, когда мне сказали, что эта девушка не умеет вязать, — сказала мадам Мегрэ, заканчивая готовить шоколадный крем.

— Черт возьми! — одобрительно пробормотал ее муж.

— Они и вправду могли многое рассказать друг другу в те несколько часов каждый день? Короче, насколько я понимаю, эта девушка, Рита, пошла в услужение к Крофта, чтобы за ним шпионить?

Мегрэ терпеть не мог болтать о результатах расследования, но на сей раз он понимал, что было бы слишком жестоко оставить жену в неведении.

— Она шпионила за шпионами! — проворчал он и, пожав плечами, сердито добавил: — Вот почему, когда я могу накрыть всю банду, мне командуют: «Руки прочь! Молчание и тайна!»

— Ты прав, не очень-то приятно, — вздохнула мадам Мегрэ, разом прощая мужу все вспышки дурного настроения.

— А ведь как лихо все было закручено! Парень, который это придумал, не лишен проблесков гениальности. Суди сама. С одной стороны, Крофта.

Через его руки к какому-то правительству текут самые разнообразные сведения.

С другой — бонна и молодой человек, точнее, Рита и таинственный господин, любитель посидеть на лавочке, твой странный поклонник. На кого работали эти двое? Теперь это меня не касается. Дело перешло ко второму бюро. Скорее всего, агенты другой державы или враждебной правительству группировки — у некоторых стран очень запутанная внешняя и внутренняя политика.

В любом случае, им нужны сведения, которые ежедневно стекаются к Крофту, и Рита без труда получает к ним доступ. Но как передать информацию? Шпионы — народ недоверчивый. Малейшее подозрительное движение — и девушка погибла.

Вот они и придумали старика на лавочке, а заодно решили использовать крючок, который в гораздо более ловких, чем все предполагали, руках превратился в ключ, способный передавать длинные послания азбукой Морзе.

Сидя напротив Риты, ее сообщник все это запоминал. Вот еще один пример невероятного терпения некоторых тайных агентов. Ведь все, что он узнавал за долгие часы неподвижного сидения, приходилось еще удерживать в памя-

ти, пока не доберется до своего жилища где-то в Корбейле возле Мельниц и не напечатает на машинке отчет.

Я не знаю, как удалось разоблачить эту остроумную выдумку. Очевидно, до истины каким-то образом докопался шофер и примерно часа в четыре сообщил обо всем Крофта.

Мадам Мегрэ слушала, не решаясь проронить ни звука, — она слишком боялась, что муж умолкнет.

— Теперь ты знаешь столько, сколько я. Крофта решили уничтожить сначала мужчину, а потом приняться за Риту. Им надо было вытянуть из нее, на кого она работает и что успела сообщить.

Пару месяцев назад Крофта поселил в своем же доме одного из агентов — месье Люсьена. Это первоклассный стрелок. Итак, узнав тайну Риты, Крофта звонит Люсьену. Тот, не теряя ни минуты, приезжает, поднимается в комнату бонны и из пневматического карабина убивает указанного человека.

Никто ничего не видел и не слышал, кроме Риты, которой, между прочим, еще предстояло отвести детей домой и ломать комедию — иначе ей тоже грозила немедленная смерть.

Девушка знала, что ее ждет. Крофта изо всех

сил пытались вырвать нужные им сведения. Но Рита держалась. Ей пригрозили смертью и для убедительности приволокли в комнате Люсьена пианино, в ящике от которого потом можно вывезти труп. К тому же кто стал бы искать Риту в комнате музыканта?

Меж тем Крофта уже подготовили систему защиты: он решил сообщить об исчезновении бонны, обвинив ее в краже драгоценностей…

Мегрэ умолк. На Пляс де Вож опускался вечер. Небо темнело, и фонтаны настраивали серебристые голоса на серебро луны.

— И все-таки ты во всем разобрался! — вдруг восхищенно проговорила мадам Мегрэ.

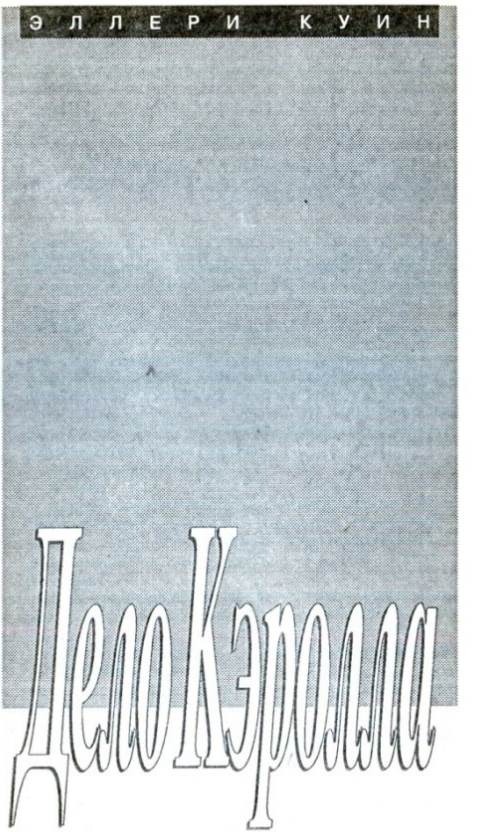
Комиссар полуласково-полунасмешливо взглянул на жену, а она продолжала:

— Ужасно обидно, что в самый интересный момент тебе не дают довести дело до конца…

Мегрэ притворился, будто страшно сердится:

— А знаешь, что самое досадное для меня во всей этой истории? То, что у мадемуазель Огюстины я наткнулся на тебя! Ведь по сути дела, ты оказалась на месте раньше… Правда, дело касалось твоего поклонника…

Э Л Л Е Р И К У И Н



ЭЛЛЕРИ КУИН
Дело Кэролла

© Перевод на русский язык Л. Биндеман

Выйдя из такси, Кэррол сквозь ботинки ощутил раскаленный асфальт. В сгустившихся сумерках даже деревья парка по ту сторону Пятой авеню казались изнуренными. Кэррола снова охватило беспокойство: как Елена перенесла удушающую жару?

— Что вы сказали? — переспросил он таксиста, потянувшись за бумажником. Его подарила Елена, когда Кэрролу исполнилось тридцать шесть лет, и ему нравилось вдруг озадачить таксиста вопросом, из какой кожи его бумажник. А кожа была необычная — слоновья. Но сегодняшний шофер хмуро уставился на небольшой особняк из серого камня с ажурными решетками балконов.

— Я спросил: ваш дом?

— Мой.

Кэррол ощутил внезапную вспышку злости. Ложь во спасение порой удобна, но в такие дни, как сегодня, она уязвляет душу. Серый особняк построил прадедушка Елены в семидесятых годах прошлого века, особняк принадлежал жене.

— С кондиционерами, поди, — сказал таксист, вытирая ухо. — А как бы вам понравилось в ист-сайдском люксе, в эдакой раскаленной бетонной коробке в такую ночку?

— Благодарю покорно, — ответил Кэррол, знавший это по собственному опыту.

— А у меня там четверо ребятишек, не считая старухи. Каково им, по-вашему?

Кэррол дал ему "на чай" больше, чем обычно.

Он открыл своим ключом кованую бронзовую дверь с таким чувством, будто хотел укрыться за ней от всего мира. День выдался неудачный, с какой стороны ни посмотри, особенно в конторе "Хант, Уэст и Кэррол, адвокаты". Мисс Маллоуван, его секретарша, выбрала именно сегодняшний день для традиционного ежемесячного обморока; новый клерк убил три часа на добросовестный подбор неподходящих прецедентов; Мередит Хант в привычной роли старшего партнера, "жесткой руки", был особенно гнусен, а Талли Уэст, обычно самый вежливый из всех, вдруг вспылил, обнаружив, что у него в конторе всего одна запасная рубашка.

И на протяжение всего дня Кэррола, как кислота, обжигали беспокойные мысли о Елене. Он дважды звонил ей по телефону, и оба раза

она отвечала преувеличенно бодро. Когда Елена говорила таким бодрым голосом, она что-то скрывала.

Может быть, она обо всем узнала?

Нет, это невозможно.

Разве что Талли... Кэррол вздрогнул, потом покачал головой. Талли Уэст ничего не знает. По его моральному кодексу, вмешаться в чужие дела — все равно что взять за столом не ту вилку или как-то иначе проявить свою невоспитанность.

Это из-за погоды, решил Кэррол, входя в родовое гнездо жены.

Дома у него немного полегчало на душе. Особняк с его хрустальными канделябрами, облицовкой из итальянского мрамора, блистающими полами являл собой невозмутимость камеи, как сама Елена, как ее предки Вановены, важно взирающие с портретов кисти Сарджента. Кэррол всегда благодарил судьбу, что все они, кроме Елены, уже почили вечным сном. Предки Вановенов владели поместьями, а Кэррол был сыном путевого обходчика нью-йоркской железной дороги, попавшего в пьяном виде под поезд в метро. "Воспитание" было излюбленным словечком в клане Вановенов, они бы не одобрили выбора Елены.

Джон Кэррол оставил шляпу и портфель в стен-

ном шкафу прихожей и побрел наверх. Перила лестницы попискивали под его потной рукой.

Елена сидела в гостиной и в который раз читала "Винни-Пуха" Бреки и Луану.

Она снова была в инвалидном кресле.

Из сводчатого прохода Кэррол наблюдал за женой; она жестом выразила досаду на собственную беспомощность, что всегда нравилось детям. У Кэррола этот жест исстари вызывал изумление. Стройное тело Елены сгорбилось, напряглось, пытаясь противостоять муке терзаемых артритом ног, а нежное лицо под копной каштановых волос было спокойно, как у монахини. Кэррол знал, чего ей стоило это спокойствие.

— Папа! Папа пришел!

Дети опрометью бросились к отцу. С трудом передвигаясь под тяжестью повисших на нем ребятишек, с онемевшими руками и ногами, Кэррол подошел к жене и поцеловал ее.

— Не волнуйся, дорогой, — сказала Елена.

— Больно? — тихо спросил он.

— Не больно. Джон, да ты совсем мокрый. Стоило ли засиживаться в конторе в такую духоту?

— И ты из-за нее снова в кресле.

— Я наказала миссис Тул держать обед в духовке.

— Мама разрешила нам погулять подольше, потому что мы хорошо себя вели, — заявила Луан. — А где шоколад, папочка?

— Мы не так уж хорошо себя вели, папочка, — призналась Бреки. — Видишь, видишь, Луан, я говорила, что папа не забудет про шоколад!

— Мы тебя проводим в ванную. — Елена с усилием наклонилась. — Бреки, ангел мой, у тебя штанишки торчат. Джон, ну право... Лучше бы вы сегодня поиграли в спасателей.

— Больно?

— Чуть-чуть. — Елена улыбнулась.

Знаю я это "чуть-чуть", подумал Кэррол, когда они все вместе поднимались в лифте. Он установил лифт два года назад. К тому времени Елена стала хроником. "Чуть-чуть" — она и в лучшие времена волочила ноги, как старуха.

Кэррол принял душ на виду у восхищенного семейства. Высокий смуглокожий, он почти не задумывался о том, как крепок и здоров.

Потом Кэррол прошлепал в спальню, где его ждал мартини. На кровати лежало свежее белье, его любимые спортивные брюки и куртка.

— Что случилось, Джон?

— А я думал, ты ничего не заметила, — сказал он с нежностью и поцеловал жену в шоколад-

ную отметину на щеке, оставленную пальцами Бреки.

Как персонаж скверной телевизионной драмы, Хант явился под шум дождя и раскаты грома. Кэррола удивило и смутило то, что дети мгновенно смолкли, как только плотная фигура партнера возникла в дверях столовой.

— Мередит! — Кэррол привстал. — А я думал, ты уже на пути в Чикаго.

— Еду в аэропорт, — ответил Хант. — Что, снова обострение, Елена?

— Да, покоя нет. — Елена глянула на экономку в прихожей — та держала на вытянутых руках мокрые плащ и шляпу Ханта. — Мистер Хант выпьет с нами кофе, миссис Пул.

— Да, мадам.

— Спасибо, я не хочу кофе. Ага, вот и юные Кэрролы. Что это вы не спите? Время позднее.

Бреки и Луан незаметно подобрались ближе к материнскому креслу.

— Мы любим дождаться папочку.

Елена с улыбкой притянула ребятишек к себе.

— А как поживает Фелиция, Мередит? Вот полегчает немного, обязательно ей позвоню.

— Не беспокойтесь. Моя жена сейчас с головой ушла в свою латиноамериканскую стихию.

Случилось что-то ужасное. Вспомнив прошедший день, Кэррол снова ощутил сильное беспокойство.

— Спать давно пора, озорные зайки, — нарочито весело сказала Елена. — Поцелуйте папочку и пожелайте спокойной ночи мистеру Ханту.

Она выпроводила детей из комнаты. Направив кресло в прихожую, Елена бросила взгляд на мужа. Потом отдала распоряжения экономке, и они все вместе исчезли за хлопнувшей дверью лифта.

— Жизнь полна неожиданностей, — заметил Кэррол. — Ты хотел поговорить со мной, Мередит?

— Разумеется. — Хант обнажил в улыбке крупные зубы.

— Поднимемся ко мне в кабинет.

— Я могу поговорить с тобой и здесь.

Кэррол пристально посмотрел на гостя.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты — мошенник, — заявил Хант.

Кэррол опустился на стул и с сосредоточенным видом потянулся к хрустальной сигаретнице на столе.

— Когда ты это обнаружил? — спросил он.

— Я знал, что делаю ошибку в тот самый день,

когда позволил Талли Уэсту оказать noblesse oblige[4] Елене, когда поддался на его уговоры и взял тебя в фирму. — Дородный Хант вальяжно прошелся по столовой, разглядывая отделанный мрамором камин, картины, горки с хрусталем, семейное серебро. — Да, как говорится, черного кобеля не отмоешь добела. Понимаешь, Джон, беда Талли и Елены в том, что они сентиментальные идиоты. Они и впрямь верят в демократию.

Заплясал ярко-красный огонек зажигалки. Кэррол положил незажженную сигарету на стол.

— Позволь, я все объясню, Мередит.

— Вот я и не спускал с тебя глаз, — продолжал Хант, разгуливая по комнате, — и особенно с треста Икенс. Мне доставит особое удовольствие продемонстрировать своему партнеру, в чьих жилах течет голубая кровь, как и когда его ублюдочный протеже незаконно присвоил ценные бумаги треста на двадцать тысяч долларов.

— Позволь, я объясню.

— Ну, давай, объясняй. Скачки? Игра на бирже? — Хант резко обернулся. У него заметно дергался нерв под отечным правым глазом. — Женщина?

---

[4] Примечания: 4
благородная услуга (*фр.*).

— Не повышай голос, Мередит!

— Ну, конечно, женщина. Когда такой мужчина, как ты, женат на…

— Замолчи! — оборвал его Кэррол, потом спросил: — Талли знает?

— Пока нет.

— Во всем виноват мой брат Гарри. Он попал в жуткую переделку из-за одного прожженного дельца, и надо было спешно выручать его из беды. Ему требовалось двадцать тысяч долларов, чтобы рассчитаться, и Гарри пришел ко мне.

— И ты украл их для него.

— Я ему сразу сказал, что у меня нет таких денег. Мой заработок в фирме позволяет нам сводить концы с концами, а дом держится на моем доходе с капитала, Мередит. Или ты полагаешь, что я мог бы жить на деньги Елены? Так вот, Гарри пригрозил, что попросит деньги у нее.

— И ты, разумеется, не мог этого допустить. — Хант снова широко ухмыльнулся.

— Не мог, — подтвердил Кэррол. — Да, Мередит, не мог. Я и не рассчитываю на твое понимание. Елена не задумываясь дала бы мне любую сумму — только попроси, но… Ну, в общем, где я мог занять такую огромную сумму вчера вечером, разве что у тебя или у Талли. Но Талли был на

охоте где-то в северной Канаде, а обратиться к тебе… — Кэррол помолчал, потом посмотрел Ханту в глаза. — И я взял деньги в тресте Икенса, тут ты прав.

Мередит Хант кивнул, очень довольный собой.

Кэррол, уперев кулаки в стол, выпрямился.

— Прошу, Мередит, дай срок. В начале января я деньги верну. Это было в первый и в последний раз. Гарри — в Мексике, больше он сюда не явится. Считай, что это в первый и в последний раз. В начале января… — Кэррол нервно сглотнул. — Пожалуйста.

— В понедельник, — сказал Хант.

— Как же так?

— Сегодня пятница. В понедельник утром ты должен внести незаконно присвоенные деньги. У тебя в запасе шестьдесят часов, есть еще время спастись от ареста, тюрьмы, исключения из корпорации. Возместишь растрату, я замну дело ради интересов фирмы. Но, конечно, в любом случае ты уже уволен.

— В понедельник. — Кэррол усмехнулся. — А почему не сегодня? Это было бы столь же великодушно.

— Ты можешь взять деньги у жены. Или одолжить у Талли, если он их тебе по глупости

одолжит.

— Я не хочу втягивать в это дело Елену! — почти выкрикнул Кэррол и, спохватившись, понизил голос. — И Талли просить не хочу: слишком ценю его дружбу. Я сам впутался в это дело и прошу тебя лишь об одном: дай мне возможность самому все уладить.

— Ну, это твои проблемы. Я и так весьма великодушен в данных обстоятельствах. — Моложавое лицо Ханта вдруг разом сникло, в холодных глазах загорелся недобрый огонек. — Особенно, если учесть, что трест Икенс — не единственная ценность, к которой ты подбирался.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Конечно, секс — твое собственное дело, пока ты не посягаешь на супружеские права других. Держись подальше от моей жены.

Удар Кэррола пришелся по тяжелому подбородку Ханта. Хант пошатнулся. Потом, наклонив голову, как бык, он пошел на Кэррола. Они схватились над столом, опрокинув чашку севрского фарфора.

— Это ложь, — прошептал Кэррол. — Я и пальцем не касался Фелиции… либо другой женщины, кроме Елены.

— Я-то видел, как Фелиция глядела на тебя.

Задыхаясь от злости, Хант врезался в Кэррола головой, Кэррол упал.

— Джон, Мередит!

На пороге показалось инвалидное кресло. Елена была очень бледна.

Кэррол вскочил.

— Елена, оставь нас. Поднимись к себе.

— Мередит, прошу вас, уходите.

Рослый Мередит выпрямился, поправил свой дорогой шелковый галстук. Вызывающе, с видом победителя прошествовал в прихожую, взял со стула плащ и шляпу, оставленные там миссис Пул, и спокойно вышел.

— Джон, что он тебе сказал? — Елена была взволнована как никогда раньше. — Что случилось?

Кэррол принялся было подбирать осколки разбитой чашки, но у него неудержимо тряслись руки, и он бросил это занятие.

— О, дорогой, ты же обещал мне никогда больше не давать волю гневу.

Кэррол ничего не ответил.

— На тебя это плохо действует. — Она потянулась к нему и прижала его голову к своей груди. — Что бы он ни говорил, не стоило…

Кэррол погладил жену и попытался высвобо-

диться.

— Джон, пойдем спать.

— Нет, я должен остыть.

— Дорогой мой…

— Я немного погуляю и успокоюсь.

— Дождь льет как из ведра!

Джон быстро достал из стенного шкафа в прихожей плащ и шляпу и выскочил из дома. Разбрызгивая грязь, он почти бежал под дождем, в тумане по Пятой авеню.

Наутро Джон Кэррол, как во сне, вышел из такси у дома Ханта на улице 61 Восток. Вчерашний ночной ливень дочиста промыл улицы города, и солнце уже припекало, но Кэрролу казалось, что он промерз насквозь и забрызган грязью. Он нажал на кнопку звонка с чувством обреченности и смутного предчувствия событий, о которых старался не думать. Кэррола пробирала дрожь, и он снова, уже раздраженно, позвонил.

Дверь отворила широколицая горничная-итальянка. Не говоря ни слова, она провела его в гостиную Фелиции Хант на втором этаже. Талли Уэст уже был там и задумчиво разглядывал из окна гостиной живописный садик за домом. Уэст был высокий и сухопарый, как монах-францисканец, спокойный, непринужденный, с

серо-стальным ежиком, неброско одетый.

Кэррол кивнул партнеру и опустился в одно из просторных испанских кресел, которыми Фелиция так любила обставлять свои комнаты.

— Я задержался из-за городского транспорта, Фелиция. Что случилось?

Этим утром Фелиция де лос Сантос была настроена на драматический лад. Красоту полнотелой смуглянки оттеняло невероятно яркое платье. Она нервно теребила свой талисман — медальон, инкрустированный рубином и изумрудом, принадлежавший когда-то королеве из рода Бурбонов. Фелиция была дочерью латиноамериканского дипломата, кастильца по рождению. Она получила воспитание в Европе, а детство ее прошло за высокими стенами монастырской школы. Душу Фелиции буквально раздирало противоречие между традиционно испанским представлением о покорной жене и феминистскими веяниями, которые она уловила, приехав в Соединенные Штаты. Что нашла Фелиция де лос Сантос в Мередите Ханте, примитивном американце вдвое старше ее, всегда оставалось загадкой для Кэррола.

— Мередит пропал, — сказала Фелиция с приятным акцентом.

— Пропал? А разве он не в Чикаго?

— Служащие Микаэлсона уверяют, что его там нет. — В голосе Уэста сегодня не слышалось свойственной ему холодноватой насмешливости. — Не дозвонившись до нас, они перезвонили утром Фелиции. Мередит и не появлялся в Чикаго.

— Ничего не понимаю. — Кэррол прижал руку ко лбу: его терзала сильная головная боль. — Вчера вечером, примерно в половине десятого он заходил к нам — сказал, что едет в аэропорт.

— Его не было в числе пассажиров, Джон. — Жена Ханта скорей просто нервничала, чем волновалась за него. — Талли только что звонил в аэропорт "Ла Гардия".

— Из-за тумана все рейсы были отложены часов с восьми вечера до трех утра. Мередит действительно зарегистрировался, узнал, что его рейс задерживается и сказал, что будет ждать где-нибудь возле аэропорта. Но когда туман рассеялся, они его так и не нашли.

Уэст усадил Фелицию Хант на обитый шелком диван, попытался ее успокоить. Ее влажные черные глаза молили о сочувствии и внимании. Но Уэст обернулся к Кэрролу.

— Джон, ты говоришь, он заезжал к вам вчера

вечером?

— Да, на несколько минут. Но, по-моему, он не упоминал ничего такого, что могло бы объяснить это происшествие. — Кэррол прикрыл глаза.

Фелиция Хант нервно теребила медальон.

— Он оставил меня, бросил!

Ее слова удивили Талли Уэста.

— Дорогая, с таким же успехом можно сказать, что Мередит бросил свой бумажник.

— Сеньора, к вам полиция, — произнесла с порога горничная.

Кэррол резко обернулся. За спиной горничной стояли трое полицейских. Один — рослый, широкоплечий, другой — маленький, седой, жилистый, третий — высокий, молодой.

— Миссис Хант? Я — сержант Вели. Это — инспектор Куин, — сказал широкоплечий, не потрудившись представить высокого юношу.

— Плохие новости для вас.

— Мой муж…

— Полицейский обнаружил его примерно в шесть тридцать на улице 58 Восток возле моста Куинсборо в припаркованном "тандерберде". Он лежал, навалившись на руль, с пулей в затылке.

Фелиция вскочила, зажав в руке медальон. Потом глаза у нее закатились, и она покачнулась.

Потрясенные известием Уэст и Кэррол подхватили ее, уложили на диван, Кэррол принялся растирать ей руки. Горничная побежала в ванную.

— До чего ж ты деликатен, Вели. С таким же успехом мог просто долбануть ее по голове, — заметил с порога молодой человек.

Сержант Вели пропустил замечание мимо ушей.

— Я забыл упомянуть, что мистер Хант мертв, — сказал он. — А вы кто?

— Я Талли Уэст, а это — Джон Кэррол. — Уэст был очень бледен. — Мы партнеры Ханта в юридических делах. Миссис Хант позвонила нам утром, когда ее муж не явился в Чикаго на деловую встречу. Он должен был вылететь в Чикаго одиннадцатичасовым рейсом.

— Это мы уже проверили. — Седой полицейский наблюдал за горничной — та поднесла к носу Фелиции флакон с нюхательной солью.

— Хант не возвращался домой вчера вечером? Может, позвонил или дал знать о себе?

— Миссис Хант говорит, что нет.

— Было известно, что он едет один?

— Да.

— Он часто ездил по делам?

— Да. Мистер Хант налаживал деловые связи фирмы.

— Он обычно ездил в аэропорт на своей машине?

— Да. Оставлял ее на стоянке, а на обратном пути забирал.

— Вчера у него были с собой какие-нибудь ценности?

— Насколько мне известно, какая-то сумма наличными для поездки, кейс с деловыми бумагами, смена белья.

Фелиция Хант вздрогнула и открыла глаза. Горничная ловко уложила ее поудобнее и подсунула подушку под голову. Вдова возлежала на диване, как герцогиня Гойи, сжимая в руке медальон. Кэррол расправил плечи.

— Самоубийство, — глухо произнес Талли Уэст и откашлялся. — Это было самоубийство?

— Судя по снимкам — нет, — заявил инспектор Куин. — Хант был убит, и, когда мы определим, кому принадлежит кольт "Вудсмэн", найденный в машине, мы узнаем, кто его убил. А пока, может быть, есть другие версии?

Кэррол в замешательстве посмотрел по сторонам, потом, закрыв рот рукой, кинулся в ванную. По звукам, доносившимся оттуда, все поняли,

что его рвет.

— Мистер Кэррол был особенно расположен к мистеру Ханту? — вежливо спросил молодой человек.

— Да нет, — сказал Талли Уэст, — а впрочем… ах, черт побери!

— Агенты сыскной полиции побеседуют с вами позже. — Инспектор кивнул сержанту и, обращаясь к молодому человеку, сказал: — Идем, Эллери! — и зашагал деревянной старческой походкой.

— Заходите, пожалуйста! — Инспектор Куин читал донесение и даже не поднял глаза на вошедших.

Кэррол явился вместе с Талли Уэстом и сыскным агентом. Лица у партнеров были серые.

— Садитесь.

Агент вышел. В углу отцовского кабинета непринужденно расположился с сигаретой Эллери Куин. За спиной старого инспектора работал вентилятор, ероша его седые волосы. Лишь жужжание вентилятора и нарушало тишину.

— Послушайте, — холодно заговорил Талли Уэст, — допросам, которым подвергают мистера Кэррола, конца-края не видно — полицейские из участка, из уголовного отдела, помощник главно-

го инспектора по восточной части Манхэттана, сыскные агенты из уголовного бюро. Джон безропотно согласился дать отпечатки пальцев. Он провел целое утро в здании уголовного суда, где прокурор округа мотал ему нервы, — вероятно, прокурор надеется умело обыграть это дело, чтоб получить место в конгрессе. Может, вы наконец придете к какому-то решению?

Инспектор отложил донесение в сторону. Откинувшись на своем вращающемся стуле, он дружелюбно разглядывал юрисконсульта из "Айви Лиг".

— Мистер Уэст, у вас были особые причины настаивать на сегодняшнем визите?

— А в чем дело? — Уэст поджал губы. — Мое присутствие здесь нежелательно?

— Нет, почему же? — Старый инспектор взглянул на Кэррола. — Мистер Кэррол, я закрываю ваше дело. Видите, здесь даже стенографистки нет. Сдается мне, будь мы откровеннее друг с другом, мы бы срезали углы и не ставили всех в затруднительное положение. Вот уже пять дней, как мы занимаемся этим убийством, и я могу изложить вам наши соображения.

— Но почему мне? — спросил Кэррол надтреснутым голосом.

Уэст слегка коснулся руки партнера.

— Вы уж извините мистера Кэррола, инспектор: он так и не усвоил истину, что не следует заглядывать в зубы дареной лошади. А ты, Джон, молчи и слушай.

Старый инспектор повернулся на своем скрипучем стуле и глянул в запыленное окно.

— Насколько можно восстановить ход событий, убийца Ханта, должно быть, последовал за ним в "Ла Гардиа" вечером в пятницу. Где-то в начале первого Хант взял на стоянке свою машину и уехал, хоть и заявил при регистрации в половине одиннадцатого служащему, что будет ждать в аэропорту, пока туман рассеется. Наша версия такова: убийца повстречался с ним в аэропорту и уговорил Ханта проехаться — возможно, чтобы поговорить без свидетелей. Значит, взяв машину на стоянке, Хант подсадил где-то убийцу, и они уехали вместе.

У нас нет возможности узнать, сколько они кружили по городу, прежде чем пересекли мост Куинсборо и оказались в Манхэттане, но примерно в час сорок пять полицейский патруль приметил припаркованный "тандерберд" на улице 58 Восток Манхэттана, где позднее в машине был обнаружен труп Ханта. Медицинская экс-

пертиза установила, что Хант был убит от двух до четырех часов утра в субботу; следовательно, когда патруль проезжал мимо в час сорок пять, Хант и его убийца, по-видимому, еще сидели в машине и разговаривали.

— Итак, — инспектор повернулся на стуле и перевел взгляд на Кэррола, — пункт первый: Ханта застрелили из автоматического пистолета, найденного около тела убитого. Этот пистолет, мистер Кэррол, зарегистрирован на ваше имя.

Лицо Кэррола приобрело землистый оттенок. Он сделал инстинктивное движение, но Уэст снова коснулся его руки.

— Пункт второй: мотивы преступления. Нет никаких указаний на то, что преступление связано с поездкой Ханта или с кем-либо из его клиентов. Клиенты вашей фирмы — консервативная публика, а у клиентов из Чикаго были все основания желать Ханту доброго здоровья: он намеревался сэкономить им пару миллионов долларов, предъявив иск правительству о незаконном удержании налога. Мистер Уэст самолично ознакомился с бумагами Ханта и уверяет, что все на месте. Ограбление? Но секретарша Ханта получила в банке триста долларов для его поездки, а в его бумажнике обнаружена значительно большая

сумма. На руке убитого были часы "Мовадо" и перстень с нефритом.

Эта версия продержалась до утра в понедельник. Потом сам Хант указал нам мотив преступления. Он прислал нам письмо.

— Что сделал Хант? — выкрикнул Кэррол.

— Посредством мисс Коннор, своей секретарши. Она обнаружила его в понедельник в утренней почте. Хант написал его в почтовом отделении аэропорта в пятницу и бросил в ящик до того, как появился убийца.

В письме была записка секретарше, — продолжал инспектор. — В ней содержалось указание: если что-нибудь случится с мистером Хантом в конце недели, она должна отнести вложенный в письмо запечатанный конверт в полицию. И она только что принесла этот конверт.

— Дальновидный старина Мередит, — произнес Уэст с отвращением.

— В письме Ханта, адресованном нам, мистер Кэррол, сообщается, что он заезжал в вам по пути в аэропорт в пятницу. Мистер Хант поясняет причину визита, рассказывает о произошедшей драке, что, кстати, объясняет, почему у него разбиты губы. Так что — сами понимаете — нам известно, что вы взяли двадцать тысяч долларов

из фонда треста, знаем мы и про ультиматум Ханта за пять часов до того, как он был убит. Он даже упомянул о своих подозрениях относительно вас и миссис Хант. Два очень убедительных мотива, мистер Кэррол, — добродушно добавил инспектор. — Может, хотите изменить сделанное вами заявление?

Кэррол открыл рот от изумления. Потом вскочил.

— Все это ужасное недоразумение, — произнес он, заикаясь. — Между мной и Фелицией Хант никогда ничего не было.

— Джон! — Уэст силой усадил Кэррола. — Инспектор, Мередит Хант всегда глупо ревновал свою жену. Он даже меня обвинял в том, что я за ней приударяю. Я понятия не имею о чувствах миссис Хант, но Джон Кэррол — самый преданный муж, какого я знаю. Он без ума от своей жены и детей.

— А незаконное присвоение денег?

— Джон все рассказал мне об этом. Его непутевый брат попал в беду. Джон по глупости позаимствовал деньги в одном из трестов, чьи дела ведет наша фирма, чтоб выручить парня. Я уже внес нужную сумму из своих личных денег. Всякий разговор о краже и наказании смехотво-

рен. Знай я об ультиматуме Мередита, я бы не удержался и сам предъявил ему ультиматум. Кто не проявлял слабости в стрессовом состоянии? Я близко знаю Кэррола почти десять лет, могу поручиться и ручаюсь за его глубочайшую порядочность.

— А какую конкретно слабость проявил мистер Кэррол — он вам рассказывал? — послышался из угла голос Эллери.

Юрист был несколько обескуражен. Повернувшись к Эллери, он сказал с улыбкой:

— Пожалуй, я не буду отвечать на этот вопрос.

— А как же пистолет? — напомнил инспектор.

— Пистолет, инспектор, действительно принадлежит Джону. Он резервист и поддерживает форму. Мы порой тренируемся в стрельбе по мишеням в стрелковом клубе делового центра, членами которого оба состоим, а пистолет Джон хранит в ящике стола в конторе. Любой мог стащить и спокойно вынести его кольт. Да кто не знает, что Джон держит пистолет в конторе?

— Понятно, — произнес инспектор бесстрастным тоном. — Давайте вернемся к тому вечеру в пятницу. Проиграем его, как если бы вас еще не допрашивали, мистер Кэррол. Полагаю, вы можете установить, где находились между двумя

и четырьмя часами утра в субботу?

Кэррол обхватил голову руками и засмеялся.

— Так можете или нет?

— Попробую снова объяснить вам все, инспектор, — сказал Кэррол, распрямив спину. — Стоит мне вспылить, как это случилось в разговоре с Мередитом вечером в пятницу, у меня возникает колоссальная потребность физической разрядки. Часами не могу успокоиться. Жена знает это, и, когда Мередит отправился в аэропорт, она пыталась уложить меня в постель. Как я теперь жалею, что не послушался ее совета. Я решил пройтись, чтоб немного остыть, так и сделал. Наверное, полночи бродил по городу.

— Повстречали кого-нибудь из знакомых?

— Я уже говорил вам — никого.

— Когда вы вернулись домой?

— Не помню. Все, что осталось в памяти, — было темно.

— И еще стоял туман? — послышалось из угла.

Кэррол вздрогнул.

— Нет, тумана не было.

— Туман рассеялся часа в два ночи, мистер Кэррол, — сказал Эллери.

— Вы уверены, что не можете припомнить время, хотя бы приблизительно? — Инспектор

Куин олицетворял само терпение. — Я имею в виду время, когда вы вернулись домой?

Лицо Кэррола сделалось жестким.

— Я не заметил.

— Может статься, миссис Кэррол припомнит?

— Моя жена спала. Я не будил ее.

— Пункт третий — нет алиби, — заявил инспектор. — И пункт четвертый — отпечатки пальцев.

— Отпечатки? — переспросил Кэррол дрогнувшим голосом.

— Отпечатки пальцев Джона? Где вы их нашли, инспектор? — повысил тон Уэст. — Вы отдаете себе отчет в том, что отпечатки пальцев на пистолете ровным счетом ничего не значат?

— На автоматических пистолетах редко остаются отпечатки пальцев, мистер Уэст. Нет, мы обнаружили их в машине.

Отключившись от разговора, Джон Кэррол подумал: "Так вот почему они сняли у меня отпечатки пальцев в понедельник..." И снова прислушался, уловив знакомые насмешливые нотки в тоне своего партнера.

— Но вы наверняка обнаружили в машине и другие отпечатки, помимо отпечатков Джона и, полагаю, Ханта?

— Чьи, к примеру? — заинтересовался инспек-

тор.

— Ну, немало следов мог оставить уборщик гаража, где Хант держал свою машину.

— А еще?

— И, разумеется, я, — добавил с улыбкой Уэст.

— Вы, мистер Уэст?

— Конечно. Хант подвез Джона и меня по пути из конторы на своем "тандерберде" в четверг вечером — накануне убийства. Так что мне придется настоять, чтоб и у меня взяли отпечатки пальцев.

— Непременно, мистер Уэст, — тут же отозвался Куин. — Рады будем оказать вам эту услугу, — добавил он, покосившись в сторону кожаного кресла.

— Я хочу задать вам наивный вопрос, Кэррол, — Эллери внимательно разглядывал колечко дыма от своей сигареты. — Вы убили Мередита Ханта?

— Нет, черт побери, — вскинулся Кэррол, — я никого не убивал после войны.

— Мой совет тебе, Джон, больше ничего не говори. — Талли Уэст поднялся. — Это все, инспектор?

— Пока — да. И, мистер Кэррол…

— Слушаю.

— Вас предупреждали — вы не должны никуда

уезжать из города. Ясно?

Джон Кэррол медленно кивнул.

— Думаю, ясно.

Они молча прошли по коридорам полицейского управления, спустились по истертым ступенькам, вышли на улицу. И только в такси, уносившем их из центра, Кэррол стукнул кулаком по откидному сиденью и сказал:

— Талли, мне надо кое-что узнать.

— Что именно?

— Думаешь, я убил Мередита?

— Никоим образом!

— Правду говоришь?

Аскетическое лицо Уэста искривилось в усмешке.

— Мы, Уэсты, не высовывались с тех пор, как прадедушка Уэст потерял голову под Чанселлорсвиллем.

Кэррол откинулся на сиденье. Его партнер глянул из окна машины на Четвертую авеню.

— С другой стороны, стоит ли облокачиваться на лист водяной лилии, когда рядом — большой надежный валун? Мое знание корпорации и закона о налогах или твое, Джон, особой пользы не принесет, если этот старый простофиля решит действовать. Вскоре может понадобиться адвокат

по уголовному праву самого высокого класса. Я подумал о Сэме Рэйфилде.

— Понятно. Хорошо, Талли, я заранее во всем с тобой согласен. — Кэррол задержал взгляд на воспаленном карбункуле на шее водителя. — Талли, как это все подействует на Елену? А на Бреки, Луана? Боже мой!

Кэррол отвернулся к окну, губы у него дрожали…

Агент сыскной полиции из семнадцатого участка произвел арест днем. Они с помощником появились в конторе "Хант, Уэст и Кэррол" на Мэдисон-авеню часов в пять. Кэррол признал в них сыщиков, допрашивавших его в прошлую субботу; похоже, это были местные агенты, которые "вели" дело.

Мисс Маллоуан совсем некстати хлопнулась в обморок. Секретарша Талли Уэста уволокла ее из комнаты.

— Я бы хотел позвонить жене, — сказал Кэррол.

— Пожалуйста, только побыстрее.

— Послушай, дорогая, — произнес Кэррол. Он сам поразился, как ровно звучит его голос. — Мне предъявили ордер на арест. Я вовсе не хочу, чтобы

ты сломя голову понеслась в "Тумс"[5], слышишь? Сиди дома и занимайся детьми. Ты меня поняла, Елена?

— А теперь послушай меня. — Голос Елены звучал так же ровно. — Перепоручи все дела Талли. Я скажу детишкам, что ты уехал. И я приеду, как только мне разрешат повидаться с тобой. Ты понимаешь меня, дорогой?

Кэррол облизнул пересохшие губы.

— Да.

Талли Уэст прибежал, когда Кэррол и агенты уже дожидались лифта.

— Я сейчас же подключаю к делу Рэйфилда. И о Елене с детьми позабочусь. Ты хорошо себя чувствуешь, Джон?

— О, великолепно, — насмешливо бросил Кэррол.

Уэст сжал его руку и побежал в контору.

Мрачный серо-зеленый фасад уголовного суда, ночь в камере, переход через мостик из тюремного крыла в суд на следующее утро, обвинение, предъявленное ему в холодном судебном помещении, напряженное лицо Елены, с трудом приподнявшейся, чтобы поцеловать его, пону-

---

[5] Примечания: 5
Городская тюрьма в Нью-Йорке.

рый вид Талли Уэста, мягкий внушительный голос Сэмюэля Рэйфилда, серый рот судьи, похожий на ловушку, когда он назначил сумму залога — пятьдесят тысяч долларов, — все это слилось в сознании Джона Кэррола в сплошной непостижимый хаос. Он почувствовал облегчение, вернувшись в камеру, и тут же задремал.

Утро в пятницу было мучительным. Все вокруг причиняло страдания. Когда Кэррола вызвали в кабинет судебного исполнителя, он не мог смотреть в глаза двум юристам и собственной жене. Ему казалось, будто его выставили перед ними нагишом.

Он смутно слышал переговоры с исполнителем. Похоже, речь шла о залоге… Внезапно Кэррол осознал, что жена вносит за него залог, платит выкуп за его свободу из своего наследства.

— Елена, не надо!

Но этот крик прозвучал у него в душе. Он опомнился лишь когда они выходили из суда.

— Я свободен? — спросил он, не веря самому себе.

— Ты свободен, дорогой, — прошептала Елена.

— Но пятьдесят тысяч долларов, — пробормотал он, — твоих денег.

— О, ради бога, успокойся, Джон, — сказал

Уэст. — Залог возвращается в первый же день суда, когда подсудимый является в тюрьму. Тебе же это известно.

— Джон, дорогой, это всего-навсего деньги.

— Елена, я не совершал…

— Я знаю, дорогой.

Рэйфилд вклинился своей добродушной массой между ними и подстерегавшими их фотографами и репортерами.

Он все же умудрился провести их сквозь заграждения ламп-вспышек.

Когда закрывались двери лифта, Кэррол вдруг приметил в коридоре высокого человека, молодого, светлоглазого.

Узнав его, Кэррол внутренне содрогнулся. Это был сын инспектора Эллери Куин. Что он здесь делает?

Этот вопрос занозой сидел в нем, пока они ехали домой.

Лишь за серым фасадом здания на Пятой авеню он почувствовал себя в безопасности. В тюрьме Кэррол лелеял мечту об этом убежище, мечтал укрыться в нем от холодной стали и запаха дезинфекции. Но и холод, и запах пронизали все его существо. Когда миссис Пул тактично увела детей в парк, его еще била внутренняя дрожь, и он с

удовольствием взял мартини, приготовленный Уэстом.

— А что Мередит, бывало, говорил о твоем мартини, Талли? Мол, только американец в пятом поколении умеет смешивать его, как надо.

— Мередит был мелким снобом. — Уэст поднял свой бокал. — За покойного! Пусть он никогда не узнает, за что поплатился.

Они молча потягивали мартини.

Потом Елена опустила свой бокал.

— Талли, а что думает мистер Рэйфилд?

— Суд начнется не раньше октября.

— Но я не об этом спрашиваю.

— В переводе это значит: "Каковы шансы подзащитного?" — проворчал Кэррол.

— Рэйфилд ничего об этом не говорил. — Уэст залпом допил свой мартини, чего никогда раньше не делал.

Елена едва заметно сдвинула шелковистые брови.

— Джон, у тебя есть недруг, о котором ты и не подозреваешь, — сказала вдруг она. — Кто-то тебя так ненавидит, что и убийство совершил твоим пистолетом. Кто это? Подумай, дорогой!

Кэррол покачал головой.

— Вот в это я совсем не верю, Елена. — Уэст сно-

ва наполнил свой бокал. — Тот, кто взял пистолет Джона, просто воспользовался удобным случаем. Кто бы это ни был, он с таким же успехом мог прихватить и мой, если б я оставил его в конторе. По-моему, вопрос надо поставить так: "Кто точил зубы на Мередита?"

— Спроси полицию, — сказал Кэррол. — Спроси этого маленького губошлепа — помощника окружного прокурора.

Воцарилось молчание.

— Но верно то, — пробормотал наконец Кэррол, — верно то, что я причастен…

Талли Уэст и Елена быстро обменялись взглядами.

— Держи, Джон, выпей еще мартини.

Кэррол провел уик-энд уединенно. Телефон звонил непрерывно, но Елена приказала не беспокоить мужа.

К вечеру в воскресенье Кэррол принял решение. Елена слышала стук пишущей машинки, но, когда решила повидаться с мужем, обнаружила, что дверь его спальни заперта.

— Джон! Ты здоров?

— Я выйду через минуту.

Когда он отпер дверь, Елена увидела, что муж убирает конверт во внутренний карман пиджака.

Он был спокоен, будто выиграл битву.

Кэррол помог Елене сесть в кресло.

— Есть нечто такое, Елена, о чем я никогда никому не говорил, даже тебе. Я дал слово.

— О чем ты, дорогой?

— Мне пришлось принять очень важное решение, Елена. Я надеюсь достойно выйти из этого положения. Единственное, о чем я тебя прошу, перестань волноваться и поверь мне. Что бы ни случилось, верь мне.

— О, Джон!

Он наклонился и поцеловал ее.

— Я скоро вернусь.

Джон вышел на Мэдисон-авеню и направился в пустующий гастрономический магазин. Он зашел в телефонную будку и набрал номер Мередита Ханта.

— Серафина? Это мистер Кэррол. Я хочу поговорить с миссис Хант.

Он услышал в трубке голос Фелиции Хант, и на сей раз ее акцент не показался ему таким уж приятным.

— Джон? Ты с ума сошел! А если они прослушивают мой телефон? Ты же знаешь, что написал им Мередит.

— Как и то, что он все видел, словно в кривом

зеркале, — ответил Кэррол. — Фелиция, мне нужно повидаться с тобой. Завтра я буду в конторе — помогу Талли спасти хоть что-то из обломков, но по дороге домой я зайду к тебе — и не один, примерно в шесть тридцать. Ты будешь дома?

В голосе Фелиции слышалось раздражение.

— Ты же знаешь, что с похорон прошло совсем немного времени, и я никуда не выхожу. Кого ты приведешь с собой?

— Ты его не знаешь.

— Джон, лучше не надо.

Но Кэррол уже повесил трубку.

Когда горничная-итальянка открыла дверь, Кэррол произнес: "Прошу вас, Гандер", и его спутник настороженно вошел в дом Ханта. Это был круглолицый человек с влажной лысиной, в очках без оправы. У него был маленький кожаный кейс.

— Сеньора ждет вас наверху, — угрюмо буркнула Серафина.

— Принесите мистеру Гандеру журнал или что-нибудь другое почитать, — сказал Кэррол. — Я долго не задержусь, Гандер.

Гандер присел на край кресла, стоявшего в прихожей. Кэррол, прихватив папку с бумагами, поспешил наверх.

Фелиция Хант была в глубоком трауре. Даже чулки на ней были черные. Кэррол оторопел: у него возникло ощущение, что он в гостях у какого-то персонажа Чарльза Аддамса. На ней не было косметики и впервые за все время их знакомства — драгоценностей, даже медальона, на холеных ногтях, обычно вызывающе ярких, — лака. Она раздраженно водила пальцами по груди.

— Не подумай, что я не уважаю древних испанских обычаев, — начал Кэррол, — но так ли уж необходим глубокий траур, Фелиция? Ты как привидение.

— Спасибо, — язвительно ответила Фелиция, — ты всегда был caballero. Там, откуда я родом, Джон, принято поступать определенным образом в определенных обстоятельствах. Я бы не решилась и на улицу выйти. Эти репортеры… пропади они пропадом. Что тебе нужно?

Кэррол положил папку на секретер, подошел к двери и закрыл ее. Фелиция наблюдала за ним со все возрастающим интересом. Кэррол огляделся, кивком одобрил опущенные шторы.

— Какая таинственность, — заметила вдова уже иным тоном, — ты вознамерился убить меня или поцеловать?

Кэррол засмеялся.

— Ты очень аппетитна, очень соблазнительна, Фелиция, но, если я не соблазнился год тому назад, что же мне сейчас распускать слюни?

Фелиция откинулась на диване.

— Убирайся! — угрюмо сказала она. — Я ненавижу тебя.

— Почему? Потому лишь, что слишком долго не могла понять, каково будет сеньору послу, твоему отцу, прочесть в скандальной хронике, как ты мне навязывалась? Ты не испытывала ко мне ненависти, когда бегала за мной по всему городу, подстерегала в ресторанах, внушала Мередиту подозрение, что я пачкаю его семейное гнездышко. Ты позабыла про пламенные billets doux[6], которые мне так часто присылала?

— И ты защищал меня, храня это в тайне. Очень благородно с твоей стороны, Джон. А теперь — уходи.

— Да, я защищал тебя, — сказал Кэррол с расстановкой, — но теперь все идет к тому, что я больше не смогу защищать тебя. Я говорил всем — полиции, окружному прокурору, Елене, Талли, Рэйфилду, что я бродил по улицам под дождем почти всю ту ночь, когда убили Мередита. Так

---

[6] Примечания: 6
Любовные письма (*фр.*).

вот, по их мнению, сейчас у меня нет алиби на период с двух до четырех часов ночи — они полагают, что Мередит был убит в это время.

На лице Фелиции появился страх.

— Но, опасаюсь, теперь мне придется открыть им, что с часу до половины пятого утра мы с тобой пробыли вдвоем в этой самой комнате, Фелиция. О том, что у меня есть алиби, мы с тобой все это время молчали — боялись, как бы чего не вышло, если эта история выплывет на свет.

— Ты этого не сделаешь, — хрипло промолвила она.

— Не сделаю, если мне удастся выкрутиться. — Кэррол пожал плечами. — Но прежде всего я абсолютно уверен в том, что никто, даже Елена, не поверит, что три с половиной часа, проведенные с тобой наедине, я потратил на уговоры: заклинал тебя повлиять на Мередита, чтоб он не губил меня. Особенно, если откроется — а это вполне вероятно, — как ты навязывалась мне, открыто посылала любовные письма.

Бледное лицо Фелиции еще больше осунулось.

— Им тут же придет в голову самое плохое. Мне это повредит не меньше, чем тебе, Фелиция, хоть и по другой причине. Женщина с таким здоровьем, как у Елены, никогда не уверена в

своем муже, каким бы верным он ни был. А такая история… — Кэррол сжал челюсти. — Я люблю Елену, но у меня нет выбора. Я не герой романа, Фелиция. Мне грозит электрический стул. Это алиби — страховка жизни. Что проку от покойника Елене и детям.

— Меня распнут, — с горечью промолвила Фелиция Хант. — Меня распнут. Я не могу подтвердить твое алиби.

— Тебе придется это сделать!

— Я отказываюсь! Ты не можешь заставить меня.

В черных сверкающих гневом глазах он прочел свой смертный приговор. Но Кэррол не дрогнул, и через мгновение глаза Фелиции потухли, и она отвернулась.

— Что от меня требуется?

— Я отпечатал заявление. Сейчас от тебя требуется лишь подпись. Я Привел с собой нотариуса, он заверит твою подпись; нотариус внизу. Я запру это заявление у себя в сейфе, в конторе. И не смотри, пожалуйста, на меня так, Фелиция. Я должен защищаться. Тебе следовало бы это понять.

— Иди, зови своего проклятого нотариуса, — сказала она злобно и поднялась с дивана.

— Может, ты сначала прочтешь заявление?

Кэррол достал из папки длинный конверт из манильской бумаги. Он был не заклеен и перехвачен красной резинкой. Кэррол открыл конверт, достал оттуда сложенный лист бумаги. Развернув его, он протянул отпечатанный лист Фелиции.

Она медленно перечитала его дважды, потом рассмеялась и вернула Кэрролу.

— Свинья.

Кэррол с листом бумаги в руке подошел к двери и, открыв ее, позвал:

— Мистер Гандер, поднимитесь, пожалуйста!

Явился нотариус, вытирая розовую лысину. Другой рукой он сжимал кожаный кейс. Он украдкой взглянул на Фелицию и тут же отвернулся.

— Это миссис Фелиция де лос Сантос Хант, вдова покойного Мередита Ханта, — сказал Кэррол. — Вам нужно удостовериться, что это именно она?

— Я видел фотографию миссис Хант в газетах.

У Гандера и голос был какой-то розовый. Он открыл кейс и выложил на секретер подушечку для печати, несколько резиновых штемпелей и нотариальную печать. Из нагрудного кармана пиджака он извлек огромную, как сигара, авторучку.

— Ну вот, — сказал Гандер, — мы готовы.

Сложив заявление так, что внизу осталось

лишь место для подписи, Кэррол положил его на секретер. Он не снимал руки со сложенного листа. Фелиция выхватила у нотариуса перо и со злостью поставила размашистую подпись.

Когда нотариус закончил свое дело, Кэррол опустил документ в конверт, перехватил его красной резинкой и уложил в папку. Застегнув ее на молнию, он сказал:

— Я провожу вас, Гандер.

Они спустились вниз. Серафина протирала влажной тряпкой перила лестницы и даже не обернулась.

В прихожей Кэррол вручил нотариусу десять долларов, затворил за ним дверь и снова поднялся наверх. Серафина и попытки не сделала посторониться, пришлось обойти горничную.

Фелиция лежала на диване, отвернувшись к стене. Герцогиня Гойи, подумал Кэррол, вид сзади. Он слышал, как Серафина в сердцах швыряла что-то в ванной.

— Спасибо, Фелиция, ты спасла мне жизнь.

Она не ответила.

— Я обещаю, что использую документ лишь в самом крайнем случае.

Фелиция по-прежнему игнорировала его, и Кэррол, прихватив свою папку, ушел.

В назначенный срок — второй вторник октября — Кэррол явился в суд. Прорываясь в зал суда сквозь толпу репортеров со вспышками, запрудивших коридор, Кэррол думал лишь об одном: куда девалось лето? Июля, августа, сентября, казалось, как не бывало. Во всяком случае кошмар настоящего вытеснил прошлое из памяти.

А кошмар раскручивался все быстрее — бессвязный ряд картин, как взятые наугад кадры из фильма. Слившиеся в одно лицо лица присяжных, единое око жюри, один рот, шарканье ботинок, таинственные переговоры с вознесенным надо всеми человеком в черной мантии, предварительное изложение дела, вопросы и ответы, стук судейского молотка, возражения… Потом внезапно наступила среда, и Кэррол вновь оказался в камере. Ему вдруг захотелось по-детски громко засмеяться, но он подавил это желание.

Вероятно, он задремал, потому что в следующее мгновение увидел Талли, глядящего на него как бы с большой высоты. Позади Талли маячила знакомая фигура. Кэррол не помнил, чтобы дверь открывалась или закрывалась.

— Джон, ты помнишь Эллери Куина?

Кэррол кивнул.

— Да, джентльмены, насолили вы мне изрядно

— и вы, и инспектор.

— Только не я, — возразил Эллери, — я строго придерживаюсь позиции наблюдателя.

— В таком случае, что вы хотите?

— Удовлетворения, я его еще не получил.

Кэррол перевел взгляд на своего партнера.

— Что это значит, Талли?

— Куин подошел ко мне после сегодняшнего заседания и проявил интерес к твоему делу. — Уэст натянуто улыбнулся. — Джон, мне пришло в голову, что сейчас самое время поощрять такой интерес.

Кэррол уперся затылком в стену тюремной камеры. День за днем мысли о Елене, Бреки и Луане вытесняли у него из головы ужас перед камерой смертников в Синг-Синге. Он и дома перевел Елену и детей в свою спальню из чувства самосохранения.

— Так что же вас не удовлетворяет?

— То, что вы застрелили Ханта.

— Спасибо. — Кэррол усмехнулся. — Очень жаль, что вы не в жюри присяжных.

— Да, — кивнул Эллери, — но у меня не тот склад ума, что у почтенного жюри. Я ведь не утверждаю, что не вы убили Ханта, просто я не убежден в этом. Что-то в деле не давало мне по-

коя с самого начала. Заминка, по правде говоря, заключается в вас. Мне бы хотелось, чтоб вы кое-что прояснили, если не ради меня, то ради своих же интересов. Времени упущено значительно больше, чем вы полагаете.

— Вы считаете — плохи мои дела? — сдержанно осведомился Кэррол.

— Хуже некуда.

— Я рассказал Куину всю эту историю, Джон. — Талли позабыл свои изысканные манеры и даже принялся размахивать руками. — И скажу тебе напрямик: у Рэйфилда чертовски мало надежды на успех. Он говорит, что сегодняшний следственный эксперимент в конторе — мог ли туда ночью проникнуть посторонний, — все осложнил.

— Как же так? — вскричал Кэррол. — Сам признал, что не может с уверенностью сказать, что именно меня впустил в здание той ночью. Это был не я, Талли. Кто-то намеренно старался походить на меня — такие же пальто и шляпа, такая же характерная походка — из-за раненой на Лейте ноги — все легко скопировать. А потом этот парень проник в нашу контору и стянул мой пистолет. Даже ребенку ясно, что меня хотят погубить.

— А как ключ от вашей конторы оказался у

постороннего? — поинтересовался Эллери.

— Откуда я знаю? Откуда я знаю, что это был посторонний?

Не дождавшись ответа, Кэррол сердито глянул на собеседников.

— Вы мне не верите. По сути дела ни один из вас мне не верит.

— Дело не в этом, Джон, — сказал Уэст и принялся ходить взад и вперед по камере.

— Послушайте, — начал Эллери, — Уэст сообщил мне, что вы располагаете важной информацией и по какой-то непостижимой причине утаиваете ее. Если она поможет вам оправдаться, мой вам совет — выкладывайте все начистоту.

Где-то закричал заключенный. Уэст остановился как вкопанный. Кэррол обхватил голову руками.

— Да, в ту ночь в пятницу я сделал нечто такое, что могло бы рассеять подозрения.

— Вот так так! — воскликнул Уэст.

— Но это может вызвать всякие кривотолки, гнусные домыслы.

— Гнуснее камеры смертников в Синг-Синге? — осведомился Эллери.

— Женщина, которая тебя недолюбливает? — догадался Уэст.

— Ты прав, Талли. — Кэррол не смотрел на Эллери, обиженный его неделикатностью. — И я обещал ей, что прибегну к ее помощи лишь в крайнем случае. Но — Бог свидетель — не ради нее я хранил тайну. Я молчал из-за Елены. Елена любит меня, но она женщина, к тому же больная женщина. Если бы она мне не поверила…

— Давайте называть вещи своими именами, — предложил Эллери. — Вы были с другой женщиной в то время, когда совершилось убийство? Вы и впрямь можете доказать свое алиби?

— Да.

— И он хранит молчание! — Уэст опустился на койку рядом с другом. — Ты что — рехнулся? Неужели ты совсем не доверяешь Елене? Что случилось? Кто эта женщина?

— Фелиция.

— Ого!

— Миссис Хант? — без обиняков спросил Эллери.

— Она. В ту ночь я бродил под дождем и думал, как удержать Мередита от разоблачения моей оплошности с двадцатью тысячами долларов, чтоб он не отдал меня под арест. Вот тогда я и вспомнил про Фелицию. Она всегда умело добивалась от Мередита всего, чего хотела. Я позвонил

ей из автомата и спросил, можно ли зайти. Пожалуй, я здорово струсил, — прошептал Кэррол и смолк.

— Ну, и что дальше? — спросил Уэст.

— Она еще не спала, читала в постели. Когда я рассказал ей, в чем дело, Фелиция пригласила меня зайти. Она сама отворила дверь. Горничная, наверное, спала — во всяком случае я не видел Серафины.

— Когда это было? — поинтересовался Эллери.

— Я пришел к ней около часу ночи. Ушел в четыре тридцать утра. — Кэррол горько рассмеялся. — Теперь вам ясно, почему я держал язык за зубами. Мог ли я надеяться, что жена поверит, будто я провел три с половиной часа ночью наедине с Фелицией, причем она была — боже правый! — в ночной рубашке и игривом пеньюаре, за разговорами? И разговоры, кстати, ни к чему не привели.

— Три с половиной часа? — Эллери удивленно поднял брови.

— Фелиция не могла взять в толк, почему она должна меня спасать. Очаровательная женщина. — Кэррол ссутулился. — Вот я и объяснил вам, как прозвучала бы эта история. Да я и сам бы наверняка в нее не поверил.

— Ты долго еще собираешься бороться за свою честь? — проворчал Уэст. — Если б я не знал Джона так близко, Куин, я бы тоже скептически отнесся к его рассказу. Фелиция его привлекала. И вместе с тем она всегда казалась ему невыносимой. Полагаю, Джон, Фелиция охотно пошла бы на сделку?

— Похоже, да.

— Ночь любви в обмен на то, что она станет твоей заступницей перед дражайшим Мередитом. Маленькое либидо Фелиции сделало бы свое дело. Но Елена… — Уэст нахмурился. — Да, ситуация, ничего не скажешь.

— Придется рискнуть, Кэррол. А подтвердит ли миссис Хант ваше алиби в суде? — справился Эллери.

— Ей трудно будет оспорить собственную подпись. Я предложил ей подписать официальное заявление, а потом документ заверил нотариус.

— Прекрасно. А где это заявление?

— В конторе, в моем сейфе. Оно в простом конверте из манильской бумаги и перехвачено красной резинкой.

— Я вам советую: дайте Уэсту разрешение открыть сейф, а я пойду сопровождающим и обеспечу охрану. Немедленно.

Кэррол закусил губу. Потом решительно кивнул.

— Вам известен шифр, Уэст?

— Если только Джон не поменял его. Это сейф с сочетанием букв, где шифром может стать любое выбранное вами слово. Джон, у тебя тот же шифр — "Елена"?

— Нет, я менял проклятущий шифр четырежды за лето. Теперь он "Тайна".

— И это — чистой воды лирика, — мрачно заметил Уэст. — Ну, Джон, если "сезам откройся", который Куин ищет в своем бумажнике, еще действителен в сей Бастилии, мы скоро будем здесь.

Уэст сдержал свое слово. Не прошло и полутора часов, как надзиратель снова впустил их в камеру Кэррола. Эллери держал в руке конверт. Он бросил его на койку.

— Все в порядке, Кэррол, прочтите-ка нам заявление.

— Вы не открывали его?

— Нет, я предпочел бы, чтоб вы это сделали сами.

Кэррол сложил конверт. Красная резинка скользнула ему на запястье, и он запустил пальцы вовнутрь.

— Что с тобой, Джон? — спросил Уэст.

— Это розыгрыш? — Кэррол, будто обезумев, шарил пальцами в конверте.

— Розыгрыш?

— Конверт пуст. Заявления тут нет.

Эллери взял конверт из дрожащих рук Кэррола, открыл его и заглянул внутрь.

— Когда вы в последний раз видели вложение?

— Несколько раз за лето я открывал сейф — проверял, там ли конверт, но мне и в голову не пришло проверить содержимое. Я считал это само собой разумеющимся. — Кэррол вскочил. — Никто не мог проникнуть в сейф, никто! Даже секретарша. Никто не знал шифра.

— Джон, Джон, — Уэст тряс его за плечи.

— Но как же, господи… если сейф не был взломан. Он был взломан, Куин?

— Никаких следов взлома я не заметил.

— Тогда я ничего не понимаю.

— Не все сразу. — Эллери схватил его за руку, и они вдвоем с Уэстом усадили Кэррола на койку. — Ничего фатального в этой потере нет. Пусть миссис Хант явится свидетельницей в суд и повторит под присягой свое заявление — вот и все, что от вас требуется. Ее так или иначе вызвали бы в суд, даже если бы имелось письменное заявление. Вы согласны, Уэст?

— Да. Я немедленно разыщу Фелицию.

Кэррол грыз ногти.

— А может быть, она не согласится, Талли. Может быть…

— Она согласится, — мрачно произнес Уэст. — Куин, вы пойдете со мной? Мне бы хотелось, чтоб при этом разговоре присутствовал беспристрастный свидетель. Сохраняйте спокойствие, Джон.

Они вернулись в камеру Кэррола на рассвете. Кэррол, которого сморил было сон, приподнялся с осоловелым видом. Лотом вздрогнул и окончательно проснулся. Аскетическое лицо партнера было непривычно одутловатым.

Кэррол метнул взгляд на высокую фигуру, маячившую в углу камеры.

— Что-нибудь не так? — Голос Кэррола дрожал. — Что случилось?

— К сожалению… самое худшее, — сказал с беспокойством Эллери. — Дом Хантов заперт, Кэррол. Мне очень жаль. Фелиция Хант, кажется, где-то скрывается.

Джон Кэррол совсем пал духом. Уэсту и Эллери Куину пришлось сказать ему немало резких слов, чтоб вернуть его к жизни. Они говорили и говорили, а тем временем совсем рассвело, и послышались лязгающие звуки пробуждающей-

ся тюрьмы.

— Безнадежное дело, безнадежное дело, — бормотал Кэррол.

— Отнюдь нет, — возразил Эллери. — Оно только кажется безнадежным. Тот, кто роет другому яму, чаще всего сам же в нее и попадает. А на всякого мудреца, как говорится, довольно простоты. Дело запутанное, и путаница все увеличивается. Это хорошо, Кэррол. Дело вовсе не безнадежное.

Кэррол лишь покачал головой.

Уэст ходил по камере кругами, как ястреб на неудачной охоте.

— С другой стороны, Куин, давайте смотреть правде в глаза. Джон лишился алиби — своей единственной надежды на спасение.

— Временно лишился.

— Мы должны сделать все, чтоб Джон получил его снова.

— Мы своего добьемся. И перестаньте кружить, Уэст, вы действуете мне на нервы. Ясно одно: надо разыскать эту женщину.

Уэст был явно растерян.

— Но с чего начать? Вы мне поможете, Куин?

— Я ждал этого предложения… — Эллери ухмыльнулся. — Если Кэррол согласен, я с удовольствием возьмусь за дело. Вам нужна моя

помощь, Кэррол?

Человек, безучастно сидевший на койке, встрепенулся:

— Ваша? Да я б ее принял от самого дьявола! Спрашивается, что вы можете сделать?

— Кое-что могу. Вот, закурите-ка лучше. — Эллери всунул сигарету в распухшие губы Кэррола. — Уэст, у вас усталый вид. Может, съездите домой и отоспитесь? Да, и позвоните, пожалуйста, моему отцу. Расскажите ему про обстоятельства, связанные с Фелицией Хант. Попросите его разобраться в них без промедления.

Когда Уэст ушел, Эллери сел на койку. Он посмотрел на курящего Кэррола.

— Кэррол…

— Да?

— Кончайте себя жалеть и послушайте, что я вам скажу. Во-первых, давайте разберемся с пропажей заявления-алиби. Вернитесь к тому времени, когда вы попросили Фелицию подписать заявление. Где вы с ней встретились? Когда? Выкладывайте все, что у вас на памяти, а потом постарайтесь вспомнить, не упустили ли вы какой-нибудь факт.

Эллери внимательно выслушал Кэррола, а когда тот закончил свой рассказ, кивнул:

— Примерно так я все себе и представлял. После того, как миссис Хант подписала заявление, а Гандер, заверив ее подпись, ушел, вы спустились в прихожую с конвертом в папке, но поехали не домой, а в контору. Папки, по вашим словам, вы из рук не выпускали. В конторе, не проверив содержимого конверта, спрятали его в сейф, сейф заперли и поменяли шифр. И в последующие три-четыре раза, когда проверяли, на месте ли конверт, никто, по вашему утверждению, не мог вытащить заявления из конверта, пока сейф был открыт, или разгадать новый шифр. Когда наконец конверт извлекли из сейфа вчера вечером, единственный, кто к нему прикасался, был я. И я ручаюсь: никто не похитил заявления, и я не выронил его из конверта по пути сюда. — Эллери легонько постучал по конверту, который Кэррол все еще держал в руке. — Так вот, конверт был пуст, когда я вынул его из сейфа. Он был пуст все эти месяцы, Кэррол. Он был пуст еще до того, как вы положили его в сейф.

Кэррол глядел на конверт, как зачарованный.

— Напрашивается один-единственный вывод. — Эллери закурил и дал прикурить Кэррролу. — Всего лишь раз конверт находился не у вас в руках, не в сейфе и не у меня — всего лишь пару

минут в доме Ханта, в тот вечер, когда Фелиция подписала заявление. Вы рассказывали, что после того, как она подписала заявление, а Гандер заверил ее подпись, вы вложили заявление в конверт, а конверт — в папку и спустились с Гандером в прихожую, там вы расплатились и проводили его. Вот на эту пару минут вы и потеряли папку из поля зрения. Вот тогда-то и произошла знаменательная пропажа. И поскольку, кроме миссис Хант, никого в комнате не было…

— Фелиция?

— Но почему она взяла заявление, которое только что подписала? У вас есть соображения по этому поводу?

— Она надула меня, черт бы ее побрал! — сказал Кэррол хриплым голосом, — а теперь улизнула, чтоб не делать заявления под присягой.

— Мы заставим ее объявиться, если на то пошло, потребуем ее выдачи, хоть из Южной Америки. — Эллери поднялся и стиснул плечо Кэррола. — Держись, Джонни!

Тайна убежища Фелиции Хант раскрылась, как только Эллери явился в полицейское управление. Отец пришел недавно и был по горло занят работой.

— Да, Уэст звонил, — пробурчал он, не подни-

мая головы. — Интересуется, где Фелиция Хайт. Черт побери, куда запропастились показания Гриерсона?

Эллери терпеливо ждал.

— Ну, — сказал он наконец, — я все еще здесь.

— Что? Ах, ты… — Инспектор откинулся на стуле. — Я позвонил Смолхаузеру — в управление федерального прокурора округа — и все дела. Выяснил, что дня за два до начала суда над Кэрролом в субботу утром — вдова Ханта заявилась к окружному прокурору в своем жутком трауре с доктором на буксире. Доктор заявил Смолхаузеру, что миссис Хант на грани нервного срыва и не выдержит этого тяжкого испытания — суда. Он хотел, чтобы она уехала из города. Она-де купила домик к северу от Уэстчестера этим летом и несколько дней, проведенных там в полном одиночестве, очень ей показаны, и он, доктор, очень надеется, что окружной прокурор не станет возражать. Ну, Смолхаузеру вся эта история очень не понравилась, но он рассудил: раз в доме есть телефон, он всегда ее вызовет, и через пару часов она будет на месте. Смолхаузер сказал: о'кей, пусть едет. Вдова отпустила горничную на неделю и уехала днем в ту же субботу. А в чем там дело?

Эллери объяснил. Отец выслушал его с недоверием.

— Так вот почему Уэст напускал туману! — воскликнул он. — Алиби! Окружному прокурору это придется по вкусу.

— Да и Рэйфилду тоже.

Инспектор подозрительно сощурился.

— А у тебя какой тут интерес?

— Справедливость, — уважительно ответил Эллери. — Содействие торжеству справедливости.

Отец что-то проворчал и потянулся к телефону. Когда он положил трубку, в его записной книжке был нацарапан телефон Фелиции в Монте-Киско.

— Вот, позвони ей, — сказал инспектор, — а у меня сейчас голова совсем другим занята. И не пользуйся городскими автоматами для международных разговоров, ты знаешь, откуда удобнее позвонить.

Через сорок пять минут Эллери снова появился в отцовском кабинете.

— Опять что-то не так? — спросил Куин. — А я уж было собрался в каталажку.

— Она не отвечает.

— Кто не отвечает?

— Вдова Ханта. Я битый час через каждые пять минут набирал ее номер. Либо она раньше вре-

мени впала в зимнюю спячку, либо вернулась в Центральную Америку и очаровывает там гидальго.

— Или просто не подходит к телефону. Послушай, сынок, работы у меня сегодня утром хоть отбавляй. Да и дело я уже сдал. Наберись терпения и звони. В конце концов она ответит.

Весь день Эллери пытался дозвониться. Каждые полчаса он незаметно выходил из зала суда и так же незаметно возвращался. В начале четвертого помощник окружного прокурора закончил чтение обвинительного заключения, и по предложению защиты судья Джозеф Холоуэй отложил следующее заседание до утра. Когда Кэррола выводили из зала суда, у Эллери был нарочито безразличный вид. Кэррол едва волочил ноги. Когда зал опустел, Эллери поймал взгляд Талли Уэста. Уэст, склонившийся над несчастной Еленой Кэррол, кивнул и тут же подошел к нему.

— Как Фелиция? Она даст показания?

Эллери бросил взгляд на репортеров, окруживших осанистого Рэйфилда. Некоторые озирались, боясь упустить сенсацию.

— Здесь не место для разговоров, Уэст. Вы свободны?

— Сначала я должен проводить домой Еле-

ну. — Уэст собрался, будто для удара. — Где встретимся?

— В кабинете отца и как можно скорее.

— А Рэйфилда позвать?

— Пожалуй, не стоит, газетчики. Можно с ним вечером переговорить.

Рослый партнер Кэррола появился в кабинете инспектора почти в пять часов. У него был измученный вид.

— Прошу прощения, не мог оставить Елену, она в отчаянии. Пришлось рассказать ей об алиби Джона. Теперь она в полном замешательстве. И почему, черт побери, Джон не открыл ей все с самого начала? — Уэст вытер платком лицо, потом тихо сказал:

— А теперь, полагаю, вы расскажете мне, что Фелиция отказывается помочь.

— Я почти хочу, чтобы так оно и было. — Эллери и сам осунулся. — Уэст, я звонил ей все утро, начиная с восьми тридцати. Последний раз — всего десять минут назад. Она не отвечает.

— Ее там нет?

— Может быть.

Инспектора Куина вся эта история явно раздражала.

— Эллери, какого черта ты не обратишься в

полицию? Через час получил бы о ней все сведения, — сказал он.

— Это невозможно. — Эллери встал. — Уэст, вы на машине?

— Я на такси приехал.

Эллери перевел взгляд на отца. Старый инспектор поднял руки и заявил:

— У меня, видимо, с головой неладно, надо проветриться! Вели, достань машину.

Они выехали из города по шоссе Со-Милл-Ривер. Сержант был за рулем, инспектор Куин — все еще в мрачном расположении духа — рядом с водителем. Позади Эллери и Уэст, прильнув к боковым стеклам машины, внимательно изучали дорогу по обе стороны. И когда сумерки сгустились, они еще долго вглядывались во тьму.

Полицейская машина без номера свернула с шоссе возле Монте-Киско.

— Притормози возле той бензоколонки, — произнес инспектор — впервые с тех пор, как они выехали из города.

— Стоуни-Райд? — переспросил заправщик. — Это между Киско и Бедфорд-Хиллз. Грунтовая дорога, ведет куда-то на край света. А кого вы ищете?

— Дом Ханта.

— Ханта? Не доводилось слышать.

Эллери высунул голову из машины.

— А про Сантос доводилось?

— Сантос… Пожалуй. Дама с такой фамилией купила дом старого Микера этим летом. Проедете по той дороге мили полторы.

— Пользуется своей девичьей фамилией, — заметил Уэст, когда они отъехали. — Старина Мередит был бы в восторге.

Инспектор и Эллери промолчали.

Дорога Стоуни-Райд взбегала в гору, петляла, устремлялась вниз, пассажиров то и дело встряхивало. Тьма была хоть глаз выколи. За три мили пути они различили всего два дома. Неподалеку от второго они и обнаружили дом Фелиции Хант; сержант Вели чуть не промахнул мимо. Окна дома чернели ночной тьмой.

Вели провел машину меж двух замшелых столбов и въехал на подъездную, усыпанную щебенкой дорожку.

— Вели, поставь машину здесь и освети фарами дом. — В голосе инспектора прозвучала тревога.

— Она уехала, — проворчал Уэст. — Она уехала или вообще здесь не появлялась! Что я скажу Джону?

Эллери попросил у сержанта фонарик и вышел

из машины. Инспектор коснулся маленькой ладонью руки Талли Уэста.

— Нет, мистер Уэст, мы подождем здесь. — Во взгляде его тоже мелькнуло беспокойство.

Дом на опушке леса был каменный, окрашенный в зеленый цвет, с побуревшей деревянной отделкой и темной, крытой дранкой крышей. Эллери осветил дверь фонариком. Потом он пнул ее ногой, и дверь отворилась.

Освещая себе путь, Эллери вошел вовнутрь. Тут же в прихожей загорелся свет.

Он пробыл в доме ровно две минуты.

Увидев выражение его лица, инспектор Куин и сержант Вели тотчас выскочили из машины и побежали к дому.

— Передайте Джону — пусть забудет про алиби. Она — там, мертвая, — сказал Эллери.

Фелиция Хант лежала на полу спальни, к сожалению, лицом вниз. Затылок у нее был разбит, и испачканные кровью черепки тяжелой керамической вазы, размозжившей ей голову, валялись на полу, возле нее. Среди осколков лежали засохшие хризантемы, как большие мертвые насекомые. Одна из них прикрывала открытую ладонь правой руки Фелиции.

Уэст, сдерживая подступившую к горлу тошно-

ту, поспешно ретировался в прихожую.

Когда смерть настигла Фелицию, она была в радужно-ярком полосатом платье из переливчатой материи. Драгоценности сверкали на пальцах, запястьях и шее. На голых ногах — шлепанцы с помпонами, на мертвых губах, глазах, щеках — ни тени косметики.

— Она мертва дня четыре, а может быть, и пять, — заключил инспектор Куин, — а как потвоему, Вели?

— Скорей четыре, — определил сержант. — Я бы сказал — с прошлого воскресенья, инспектор. — Он с тоской посмотрел на плотно закрытые окна.

— Не стоит, Вели.

Сыщики поднялись. Они касались лишь тела убитой, да и то с величайшей осторожностью.

Эллери наблюдал за ними с мрачным видом.

— Ты что-нибудь обнаружил, сын?

— Нет. Дождь прошлой ночью смыл следы — и машины, и ботинок, которые могли остаться. В холодильнике — несвежие продукты, а машина хозяйки — в гараже за домом. Признаков ограбления нет.

— А не показалось ли вам странным что-нибудь, связанное с самой убитой? — неожиданно спросил Эллери.

— Да, — тут же отозвался сержант Вели. — Покойнице полагается держать в руке не хризантему, а лилию.

— Пощади нас, Вели! Что ты хочешь этим сказать, Эллери?

— То, как она одета.

Они снова внимательно оглядели убитую. В дверях появился Талли Уэст, его по-прежнему мутило.

— Похоже, она кого-то ждала, — заметил сержант. — Ишь, как вырядилась.

— Вот на это как раз и не похоже! — резко сказал инспектор Куин. — Женщина, воспитанная в такой строгости, как она, надевает чулки и туфли, если ждет гостя, Вели, а не разгуливает в шлепанцах с голыми ногами. Она даже не подкрасилась и не покрыла лаком ногти. Она никого не ждала. Так что же необычного в ее одежде, Эллери?

— Почему она не в трауре?

— Ну и что?

— Она приезжает сюда в субботу одна, и после строжайшего траура, который соблюдает в городе, через сутки или того меньше облачается в кричаще-яркое платье, надевает свои любимые драгоценности и устраивает себе бал. Это многое говорит о Фелиции де лос Сантос Хант.

— Мне это ничего не говорит, — возразил его отец. — Но я хотел бы знать, за что ее укокошили. Ограбления не было, и нет указаний на изнасилование, хотя, по правде говоря, потенциального насильника могло что-то спугнуть…

— Неужели не ясно, что это убийство тесно связано с убийством Ханта и инсценировкой суда над Кэрролом? — с горечью прервал его Уэст. — Изнасилование! Фелицию Хант убили, чтобы она не подтвердила алиби Джона, которое вызволило бы его из этой ловушки.

Инспектор покусывал кончики усов.

— Почему вы, парни, так убеждены, что кто-то гоняется за шкурой Кэррола?

— Здравый смысл подсказывает, отец.

— Может, так оно и есть.

— По крайней мере, убийство вдовы Ханта представляет дело Кэррола с ином свете. Отец, пока Вели не сообщил в полицию…

— Да?

— Давайте втроем — ты, Вели и я произведем тщательный осмотр.

— С какой целью, Эллери?

— Найти заявление-алиби, которое Фелиция подписала, а потом в отсутствие Кэррола забрала. Это сомнительная возможность, но чем черт не

шутит?

На переговоры с полицией ушел остаток ночи. Уже рассвело, когда Уэст попросил, чтобы его высадили на Бикман-Плейс.

— Конечно, Сэм Рэйфилд не скажет мне спасибо, что разбудил его спозаранку, но ведь я и сам после бессонной ночи. Кто поговорит с Джоном?

— Я, — отозвался Эллери.

Уэст поднял руку в знак благодарности и ушел.

— Пока дела из рук вон плохи, — сказал инспектор по пути в центр. — Теперь мне придется уговаривать сотрудников окружного прокурора подать судье Холлоуэю совместное с Рэйфилдом заявление против иска, хоть не возьму в толк, почему я должен этим заниматься!

— Вы едете домой, инспектор?

— Разумеется, домой, Вели! Брань Смолхаузера я могу выслушать и по домашнему телефону, для этого не обязательно ехать на службу. К тому же сосну немного. А ты как, сынок?

— Я — в тюрьму, — сказал Эллери.

Он попрощался с сержантом Вели в гараже управления и направился к зданию Уголовного суда. В голове был полный сумбур, хотелось привести мысли в порядок. Эллери старался не думать о Джоне Кэрроле.

Дверь камеры открылась, и Кэррол тотчас же проснулся.

— Куин! Ну, как, поладили с Фелицией?

— Не удалось, — ответил Эллери.

— Она не даст показания?

— Она не может их дать. Джон, она мертва.

Это было жестоко, но Эллери не знал, как смягчить удар. Кэррол приподнялся, опираясь на локоть, и застыл в этом положении, лишь мерно моргал глазами.

— Умерла…

— Убита. — Эллери увидел, будто наяву, пол в спальне Фелиции, ее размозженный затылок. — Несколько дней тому назад.

— Убита. — Кэррол все моргал и моргал. — Но кто?

— Ключа к разгадке нет. Пока нет. — Эллери зажег сигарету и протянул ее Кэрролу. Тот взял было, но тут же бросил и закрыл лицо руками.

— Извини, Джон, — сказал Эллери.

Кэррол опустил руки, прикусил нижнюю губу.

— Я не трус, Куин. Я сотню раз глядел смерти в лицо на Тихом океане и не дрейфил. Но человек способен отдать свою жизнь за какую-то цель… Это меня пугает.

Эллери отвел глаза.

— Но ведь должен быть какой-то выход из этого положения! — Кэррол соскочил с койки, босой подбежал к решетке, впился в нее руками. Потом он резко обернулся, бросился к Эллери, вцепился в него.

— Заявление — вот что спасло бы меня, Куин! Может статься, она его не уничтожила. Может, она захватила его с собой. Если бы вы нашли его…

— Я искал, — мягко сказал Эллери. — И отец искал, и сержант Вели. Мы перевернули дом вверх дном. Два часа на это ухлопали. Полицию не вызывали, пока не убедились, что заявления нигде нет.

— Но где ж ему быть, если не там! Моя жизнь зависит от этого алиби. Поймите!

— Понимаю, Джон.

— В платьях, пальто, может быть — в сумке?

— Осмотрели, Джон.

— А машину?

— И машину осмотрели.

— Так, может, она его при себе держала? — возбужденно спросил Кэррол. — При себе. А вы ее… Нет, полагаю, вы не пожелали…

— И пожелали, и осмотрели.

У Эллери болели руки. Ему хотелось высвобо-

диться.

— А большой медальон с рубином и изумрудом, на котором она была помешана? Ведь заявление-алиби — всего-навсего листок бумаги. Она могла сложить его и спрятать в медальон. Вы открывали медальон, когда осматривали тело?

— Да, Джон. В медальоне были лишь две фотографии стариков, на вид испанцев. Наверное, ее родители.

Кэррол отпустил его. Эллери потер затекшие руки.

— А книги? — пробормотал Кэррол. — Фелиция вечно читала какие-нибудь дрянные романы. Может, она положила заявление в книгу?

— В доме мы нашли одиннадцать книг и семь журналов. Я все их пролистал сам.

В камере было холодно, но Кэррол вытирал пот с лица.

— Письменный стол с потайным ящиком?.. Подвал?.. А чердак там есть? А гараж вы обыскали?

Кэррол засыпал его вопросами. Эллери ждал, пока они иссякнут.

Когда Кэррол наконец смолк, Эллери позвал охранника. Он бросил последний взгляд на Джона: тот неподвижно лежал на койке, раскинув руки, закрыв глаза. Живой труп, подумал Эл-

лери.

Судья Джозеф Х.Холлоуэй покачал головой. У ветерана уголовного суда было землистого цвета лицо и холодные глаза, вот почему практикующие адвокаты Нью-Йорка прозвали его Стальное Нутро.

— Адвокат Рэйфилд, я явился в суд на час раньше заседания, да еще в понедельник утром не для того, чтобы упиваться вашим медоточивым голосом. Я давным-давно им пресытился. Утром в пятницу я разрешил отсрочку из-за убийства вдовы Ханта, но есть ли основания, оправдывающие дальнейшую отсрочку? То, что я слышал до сих пор, — просто-напросто мура.

Помощник окружного федерального прокурора Смолхаузер кивком выразил восхищение. Пристрастие судьи Холлоуэя к жаргону своей юности — судья, конечно, прибегал к нему лишь при закрытых дверях — на сей раз сыграло с ним плохую шутку.

— Мура — это le mot juste[7], ваша честь. Прошу прощения, я тоже отчасти виноват в том, что вы впустую тратите время.

Сэмюэл Рэйфилд смерил кровожадного коро-

---

[7] Примечания: 7
Точное слово (*фр.*).

тышку уничтожающим взглядом и еще сильней прикусил потухшую сигару.

— Бросьте, Джо, — сказал он судье Холлоуэю. — На кон поставлена жизнь человека. Мы не вправе отправлять человека на тот свет только потому, что он свалял дурака — утаил алиби. Отсрочка нужна мне лишь для того, чтоб найти заявление-алиби, которое подписала вдова Ханта, когда еще способна была это сделать.

Обратившись в сторону Смолхаузера, судья Холлоуэй сверкнул искусственными зубами.

— Заявление-алиби, которое вдова Ханта подписала со слов вашего клиента, — поправил коротышка с натянутой улыбкой.

На сей раз судья Холлоуэй блеснул протезами в сторону Рэйфилда.

— У меня есть нотариус Гандер, он подтвердит, что вдова подписала документ, — резко ответил адвокат.

— То, что она подписала какую-то бумагу, он может подтвердить, но вы же сами признаете, что Кэррол скрыл текст заявления от Гандера. Кто знает, может, Гандер заверил подпись женщины, сдававшей в аренду новую собачью конуру? — Помощник окружного прокурора с улыбкой обратился к судье. — Я считаю своим

долгом заявить, ваша честь, что вся эта история с отсрочкой все больше и больше представляется мне фокусом.

— Смолхаузер, когда ты наконец наденешь длинные штанишки, загляни как-нибудь ко мне, я покажу тебе пару фокусов, — отрезал маститый адвокат. — Джо, я не ловчу. Есть шанс, что вдова Ханта не уничтожила документ. Сомнительно, но я бы глаз не сомкнул ночью, знай я, что не исчерпал все возможности расследования в деле Кэррола.

— Спокойно будешь давить косматого, — злорадно произнес судья. — Послушай, Сэм, ведь ты гадаешь на кофейной гуще, это и тебе ясно. Начнем с того, что ты не можешь доказать, что миссис Хант украла это якобы написанное Кэрролом от ее имени заявление.

— Но Эллери Куин показал…

— Я знаю, что показал Эллери Куин. Он показал, что он мастер делать нечто из ничего. Представление Эллери о доказательстве! — Старый судья презрительно фыркнул. — Даже если эта женщина и украла документ у Кэррола, для чего она это сделала? Да чтобы сжечь или порвать и спустить в унитаз. Положим, она сохранила его, так где же он? Куины не обнаружили документ в

ее загородном доме. Вы лично потратили уик-энд на обыск в ее нью-йоркском доме. Вы получили ордер на осмотр ее сейфа в банке. Вы допрашивали ее горничную, служащих в конторе Кэррола и бог знает кого еще. Все безрезультатно. Будьте благоразумны, Сэм! Заявления-алиби вообще не было, а если и было, его больше не существует. Я не имею права утвердить отсрочку на основании ничем не подкрепленного заявления защиты об алиби. Вы знаете, что я не могу этого сделать.

— Конечно, если вы не возражаете, Кэррола вызовут в качестве свидетеля, — Смолхаузер ухмыльнулся, — и я подвергну его перекрестному допросу.

Рэйфилд пропустил его слова мимо ушей.

— Пусть будет так, Джо. Но вы не можете отрицать, что жену Ханта убили. Это факт, и, если требуется доказательство, мы представим труп. И я не верю в совпадения. Когда убивают человека, а потом его жену, я улавливаю взаимосвязь. В данном случае взаимосвязь совершенно очевидна. Фелицию Хант убили, чтобы у Кэррола не было алиби в связи с убийством Мередита Ханта, чтобы подкрепить обвинение. Как может продолжаться процесс, если эта область так и не изучена? Поверьте, Джо, против Кэррола подстроено ложное

обвинение тем, кто совершил два этих убийства и теперь перекладывает вину на Кэррола. Дайте нам время для расследования.

— Помню, как-то раз я сидел здесь и слушал Эллери Куина, — угрюмо произнес судья Холлоуэй. — Вы прямо-таки его эхо. Суд руководствуется доказательствами, а доказательств-то у вас и нет. Ходатайство отклоняется. Жду вас, джентльмены, в зале заседаний в десять часов.

Эллери разрешил мучивший его вопрос в четверг днем в полупустом зале заседаний, когда жюри присяжных удалилось на совещание, чтоб определить участь Джона Кэррола.

Решение пришло после внезапной переоценки фактов, заново переосмысленных. Эллери бесконечно перебирал их в уме и раньше. Но сейчас в минуту озарения — такому не суждено повториться — он увидел их в новом свете.

К счастью, когда все для него прояснилось, Эллери был один. Кэррола вернули в "Тумс", а его жена и два юриста последовали за ним, чтобы смягчить ему муки ожидания приговора.

Эллери вдруг ощутил приступ тошноты. Он поднялся и поспешил в ближайший туалет.

Когда он вернулся в зал заседаний, его уже поджидал Талли Уэст.

— Елена хочет переговорить с вами. — У Уэста был нездоровый вид.

— Увольте.

— Извините, не понял?

Эллери потряс головой, чтоб прийти в себя.

— Я хотел сказать — разумеется.

Уэст понял его превратно:

— Я вас не виню. Я б и сам мечтал очутиться где-нибудь подальше. Рэйфилд хитер — отчалил "на чашку кофе".

Кэррола держали под стражей в следственном изоляторе. Эллери удивило его спокойное, даже умиротворенное лицо. Зато у Елены Кэррол глаза были безумные. Джон пытался успокоить ее:

— Милая моя, все обойдется. Они не осудят невиновного человека.

— Но почему это продолжается так долго? Они совещаются уже пять часов!

— Это добрый знак, Елена! — сказал Уэст. — Чем дольше они совещаются, тем больше у Джона шансов на успех.

Заметив Эллери, Елена, превозмогая боль, поднялась и кинулась к нему, он невольно отпрянул.

— Я-то думала, что вас считают мастером в своем деле! Но вы ничего не сделали для Джона

— ничего!

Кэррол попытался легонько оттащить ее, но Елена его оттолкнула. Ее искаженное мукой лицо было мертвенно-бледным.

— Мне все равно, Джон! Надо было найти настоящего сыщика, пока еще было время. Я хотела, я умоляла Талли не полагаться на человека, так тесно связанного с полицией.

— Елена, ну что вы, право… — Уэст смутился.

— Нет, почему же? — произнес Эллери с каменным выражением лица. — Миссис Кэррол совершенно права. Я сожалею, что вообще вмешался в это дело.

Елена не сводила с него глаз.

— Вы говорите, словно…

— Словно — что, Елена? — Уэст старался успокоить ее и отвести в сторонку.

— Словно он что-то знает. Талли, ему все известно. — Елена вцепилась в Эллери. — Вам все известно, и вы от нас скрываете. Говорите! Вы меня слышите? Расскажите мне, кто стоит за всем этим?

Уэст был потрясен. Кэррол с минуту недоуменно вглядывался в лицо Эллери, потом отошел к зарешеченному окошку и замер с суровым выражением лица.

— Кто? — всхлипывая, спрашивала Елена. — Кто?

Но Эллери держался так же сурово, как и Джон.

— Мне очень жаль, — миссис Кэррол, но я не могу спасти вашего мужа. Слишком поздно.

— Слишком поздно? — истерически вскричала она. — Как у вас язык поворачивается говорить такие слова, когда…

— Елена! — Уэст схватил маленькую женщину за руки и насильно усадил. Потом повернулся к Эллери. Худое лицо Уэста омрачилось тревогой. — О чем вы, Куин? Похоже, вы что-то скрываете, не так ли?

Эллери, избегая его взгляда, уставился на человека, неподвижно замершего у окна.

— Пусть Джон решает, — сказал он. — Отвечать ему, Джон?

На мгновение показалось, будто Кэррол не расслышал вопроса. Но потом он обернулся и что-то во всем его облике — достоинство, решимость — успокоило Талли Уэста и Елену, и они обменялись взглядами.

— Нет, — четко произнес Кэррол.

Выглянув во двор из окна тюремной канцелярии, Эллери подумал, что никогда не видел более

прекрасного ночного неба и более печального. Человек должен умирать, когда бушует буря, и вся природа протестует. А эта смерть, решил он, жестокая и необычная.

Он поглядел на тюремные часы.

Кэрролу оставалось жить четырнадцать минут.

Позади хлопнула дверь. Эллери не обернулся. Он знал, кто вошел. Вот уже почти час он, не признаваясь себе в этом, ждал отца.

— Эллери, я искал тебя в блоке смертников.

— Я был там, отец. Долго разговаривал с Кэрролом. Думал, ты давно здесь.

— А я и не собирался заходить сюда. Меня это не касается. Я сделал то, что положено. Впрочем, может, потому я и здесь. Всю жизнь этим занимаюсь, а вот привычки, равнодушия так и не выработалось. Эллери…

— Да, папа.

— Я про Елену Кэррол. По пятам за мной ходила. Она и Уэст. Я их подвез. Миссис Кэррол считает, что я на тебя давлю. Ты тоже так считаешь?

— Практически во всем, отец, но только не в этом деле, — не оборачиваясь, ответил Эллери.

— Я тебя не понимаю, — грустно произнес инспектор. — Если имеешь информацию, которая

может спасти Кэррола, какого дьявола ты здесь и играешь в молчанку? Ладно, ты заметил что-то, а мы это упустили. Может, ты беспокоишься, как бы я не потерял работу, потому что помог угробить Кэррола? Если ты имеешь доказательства его невиновности, к черту мою карьеру.

— Я не о тебе думаю.

— Значит, думаешь о Кэрроле. Он защищает кого-то, идет по своей воле на электрический стул, а ты ему в этом помогаешь. Нельзя этого допустить, Эллери. — Старый инспектор сжал руку сына. — Есть еще несколько минут. У начальника прямая связь с губернатором.

Но Эллери лишь покачал головой. Какое-то мгновение инспектор созерцал застывший профиль сына, а потом взял стул и сел. Отец и сын ждали.

В 11.04 свет ламп внезапно потускнел.

Мужчины замерли.

Комната снова ярко осветилась.

В 11.07 свет опять потускнел.

И еще раз это произошло в 11.12.

После 11.12 лампы горели ровно. Эллери повернулся, нащупал в кармане сигареты.

— Спички есть, отец?

Инспектор чиркнул спичкой. Эллери кивнул и

присел возле него.

— Кто ей сообщит? — вдруг спросил отец.

— Ты, — ответил Эллери. — Я не в состоянии.

Инспектор поднялся.

— Век живи, век учись, — сказал он.

— Отец…

Дверь открылась, и разговор прервался. Эллери встал. У начальника тюрьмы было поникшее лицо. Он вытирал его мокрым платком.

— Не могу к этому привыкнуть, — молвил он. — Не могу… Он принял смерть очень спокойно. Не доставил никаких хлопот.

— Я так и думал, — сказал Эллери.

— Кстати, он просил кое-что вам передать.

— Благодарность, наверное, — с горечью сказал инспектор.

— А вы правы, инспектор, — отозвался начальник тюрьмы. — Кэррол просил передать вашему сыну, что он ему очень благодарен. С какой стати? Что он имел в виду?

— Его не спрашивайте, мой сын представляет Всевышнего на земле. Где ты будешь ждать меня, Эллери, пока я занимаюсь грязной работой? — спросил инспектор, когда они вышли из канцелярии начальника тюрьмы.

— Сначала привези Елену Кэррол и Талли Уэста

в город, — жестко сказал Эллери.

— Тогда открой мне, за что Кэррол тебе благодарен. Кого ты помог ему прикрыть?

Эллери покачал головой.

— Потом поговорим, дома.

— Ну, выкладывай, — начал инспектор. Он уже облачился в старый банный халат, шлепанцы и бережно держал в отечных руках чашку остывшего кофе. Он выглядел очень усталым. — Надеюсь, доводы твои обоснованы.

— О, они обоснованы, — ответил Эллери. — Если в этом все дело. — Эллери не раздевался, он даже не снял пальто. Вернувшись домой, он так и сидел, уставившись в глухую стену, и ждал отца. — Он оговорился. Я помню, как это было. Конечно, ничего бы не изменилось, не сорвись эти слова у него с языка, позабудь я про них вовсе. Я хочу сказать — для Кэррола ничего бы не изменилось. Он с самого начала пошел ко дну. Я не мог его спасти. Он был обречен.

— Что за оговорка? — требовательно спросил старик. — У кого сорвалось с языка? Может, я не только ослеп, но и оглох?

— Эту оговорку слышал только я. Она связана с Фелицией Хант. Когда погиб ее муж, она, по испанскому обычаю, соблюдала глубокий траур,

полностью исключавший всякие украшения. Но вот Фелиция уехала одна в свой загородный дом и снова — яркие платья, любимые драгоценности... Но заметь, Фелиция все время одна. Она надежно укрыта от посторонних глаз, включая горничную. — Эллери снова вперил взгляд в глухую стену. — Когда мы обнаружили, что она мертва, и вернулись в город, я тут же пошел в тюрьму: надо же было известить Кэррола, что в Уэстчестере убили единственную свидетельницу, которая могла подтвердить его алиби. Кэррол был в отчаянии. Он снова вспомнил про документ, который Фелиция подписала, а потом выкрала у него из папки. В то время Кэррол об этом и не догадывался. Он, естественно, только и думал, что о пропавшем заявлении. Если документ существует, если Фелиция спрятала его, а не уничтожила, у него, мол, есть еще шанс на спасение. Он засыпал меня вопросами: может, она спрятала заявление в вещах, в машине, в потайном ящике? Он придумывал все новые и новые места, где оно могло оказаться. Упомянул как один из тайников медальон с рубином и изумрудом, которым Фелиция очень дорожила. "А вы в медальон не заглянули? — спросил Кэррол. — Когда обыскивали тело?"

Эллери отбросил сигарету, которую так и не зажег.

— Вот этот его вопрос не шел у меня из головы.

— Он знал, что на Фелиции был медальон?

— Конечно. А ведь об этом было известно только нам — тем, кто ее нашел, и тому, кто убил ее пятью днями раньше. — Эллери запахнул пальто. — Это был удар для меня, но факт оставался фактом — Джон Кэррол убил Фелицию Хант. У него была такая возможность. Вы с Вели сошлись на том, что самый поздний день, когда было совершено убийство, — прошлое воскресенье. Тогда Кэррол еще был на свободе под залог. Он должен был вернуться в тюрьму лишь утром в понедельник, когда возобновлялось слушание по его делу.

— Концы с концами не сходятся, — прервал его инспектор. — Свидетельство Фелиции Хант сулило ему освобождение. С чего это ему вздумалось укокошить единственную свидетельницу, ведь она подтвердила бы его алиби?

— Вот и я задал себе тот же самый вопрос. И единственно разумный ответ был такой: у Кэррола, очевидно, были основания опасаться — а вдруг Фелиция, выступая свидетельницей в суде, скажет правду?

— Правду? Правду о чем?

— О том, что алиби Кэррола — липа.

— Липа?

— Да. И потому-то, с его точки зрения, он должен был убить Фелицию. Для сохранения своего алиби.

— Но без нее Кэррол вообще не имел бы алиби — ни настоящего, ни липового.

— Правильно, — тихо сказал Эллери, — но когда Кэррол отправился в Уэстчестер, он об этом не знал. В то время он полагал, что подписанное ею заявление надежно спрятано у него в сейфе. И после убийства он пребывал несколько дней в неведении — до того, как мы с Уэстом открыли сейф и обнаружили, что конверт пуст — о том, что у него больше нет заявления-алиби, вот уже несколько месяцев как нет. Я ему и раньше говорил, что Фелиция Хант, должно быть, извлекла документ из папки, когда он был внизу и провожал нотариуса. Не удивительно, что Кэррол был близок к обмороку.

— Будь я проклят, — сказал инспектор. — Будь я трижды проклят.

Эллери пожал плечами.

— Если алиби Кэррола в деле об убийстве Ханта — фальшивка, тогда предъявленное ему обви-

нение в убийстве справедливо. Только алиби создавало видимость невиновности. Если бы не алиби, все указывало на то, что он виновен в убийстве Ханта, как справедливо решило жюри присяжных. Кэррол восполнил для меня некоторые детали сегодня в камере смертников. — Эллери снова перевел взгляд на стену. — По его словам, он вышел из дома в тот ненастный вечер после ультиматума Ханта, чтобы прогуляться и успокоиться, и туман вселил в него робкую надежду. Может быть, вылет Ханта отложили, и он где-то неподалеку. Кэррол позвонил в аэропорт "Ла Гардиа", и ему сообщили, что все вылеты отложены на несколько часов. Предвидя, что Хант, возможно, слоняется где-то возле аэропорта, Кэррол зашел в контору и взял там свой пистолет. У него зародилась идея угрозой вынудить Ханта переменить решение.

Кэррол приехал на такси в аэропорт и разыскал там Ханта; тот ждал, когда туман рассеется. Кэррол уговорил Ханта взять машину со стоянки, чтобы переговорить с глазу на глаз. Так наконец Хант оказался снова в Манхэттане и припарковал машину на улице 58 Восток. Разговор закончился неистовой ссорой, и вспыльчивый Кэррол застрелил Ханта. Он оставил труп в машине и побрел

под дождем домой.

Наутро, когда мы явились к миссис Хант с сообщением об убийстве и застали у нее Кэррола и Уэста, ты упомянул, что убийца оставил свой пистолет в машине Ханта. Кэрролу стало дурно. Помнишь, он помчался в ванную? В тот раз он не играл. До него впервые дошло, что в гневе и ужасе от содеянного он совершенно забыл про свой пистолет.

Как юрист, — продолжал Эллери, — он отдавал себе отчет в том, что ему предъявят обвинение с неопровержимыми уликами, и единственный шанс на спасение — столь же неопровержимое алиби. Он понял, что существует лишь один способ его заполучить. Он никогда не уничтожал любовные письма Фелиции Хант, которые она ему посылала в порыве безрассудной страсти. Кэррол знал, что она панически боится огласки. И тогда он состряпал беспардонно-наглое заявление: мол, в то время, когда было совершено убийство, он находился в спальне Фелиции, "заклиная" ее воздействовать на мужа. Ему и не пришлось прибегать к угрозам. Фелиция прекрасно поняла подтекст его предложения: не подтверди она столь необходимое ему липовое алиби, он опубликует ее любовные послания и по-

губит ее вместе со всем ее чопорно-пуританским семейством и латиноамериканскими соотечественниками. И Фелиция подписала заявление.

— Но почему Кэррол сразу не предъявил свое алиби? Какую цель он преследовал, утаивая его?

— Снова логика юриста. Предъяви Кэррол алиби во время следствия, ему, возможно, и удалось бы оправдаться, но дело осталось бы открытым, и впоследствии Кэррол мог увязнуть в нем по уши. Напротив, — предъяви он алиби уже во время суда по обвинению в убийстве Ханта, он, в случае оправдания, стал бы недосягаемым для правосудия: закон не разрешает судить дважды за одно и то же преступление. Его уже не привлекли бы к суду по делу об убийстве Ханта, даже если бы в будущем и обнаружилось, что его алиби — липовое.

Кэррол с самого начала понимал, что Фелиция Хант — слабое место в его плане, — продолжал Эллери, — она была неврастенична, и Кэррол опасался, что при нажиме она подведет его в самый нужный момент. Кэррол рассказывал, что Фелиция нервничала все больше и больше, по мере того, как приближался суд. И потому за день до его начала он решил снова переговорить с ней. Узнав, что Фелиция скрывается в Уэстчестере,

Кэррол под благовидным предлогом покинул дом и направился туда. Его худшие опасения подтвердились. Фелиция сообщила ему, что переменила решение. Разразится скандал или нет, она не пойдет на лжесвидетельство под присягой и клятвопреступление. Но Фелиция не сказала — а если бы сказала, возможно, спасла бы себе жизнь, — что она выкрала и уничтожила заявление-алиби, которое он заставил ее подписать несколько месяцев тому назад.

Кэррол схватил первый подвернувшийся под руку тяжелый предмет и стукнул ее по голове. Теперь, по крайней мере, утешил он себя, Фелиция не сможет отречься от подписанного ею заявления. Он-то полагал, что документ лежит у него в сейфе.

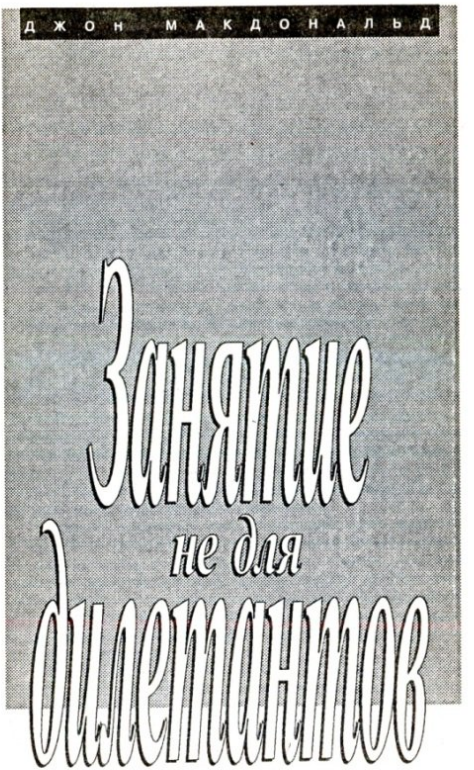
— И ты сохранял все это в тайне, — пробурчал отец. — С какой стати, Эллери? Ты наверняка ничем не обязан Кэрролу.

Эллери оторвал взгляд от стены. У него был бесконечно усталый вид.

— Нет, я ничем не обязан Кэрролу, человеку с совершенно искаженным представлением о морали… слишком горд, чтоб жить на деньги жены, однако способен стянуть двадцать тысяч долларов… верный муж, однако хранит любовные

письма женщины, которую презирает, глядишь — в будущем пригодятся… человек сомнительной честности, способный разыграть сцену не хуже профессионального актера… любящий отец, позволивший себе убить двух человек. Нет, я ничем ему не обязан, — повторил Эллери, — но дело не только в самом Кэрроле. И он понимал это лучше всех. В тот день меня вдруг осенило, пока мы ждали решения присяжных, и я сказал миссис Кэррол, что не могу спасти ее мужа: слишком поздно. Тогда лишь один Кэррол уразумел, что я имел в виду. Он смекнул: подразумевается, что для него слишком поздно, потому что я знаю — он виновен в убийстве. И когда я дал ему это понять, он намекнул, чтобы я его не выдавал. Не ради спасения своей жизни — уж он-то знал, какой приговор вынесут присяжные, Кэррол знал, что он — живой труп.

И я уважил его последнее желание. Спасти его я не мог, но вот спасти память о нем в его семье было в моих силах. Таким образом, Елена Кэррол и маленькие Бреки и Луан всегда будут думать, что Джон Кэррол пал жертвой судебной ошибки. — Эллери скинул пальто и, направляясь в спальню, добавил: — Как же я мог отказать им в утешении?


ДЖОН МАКДОНАЛЬД
Занятие
не для
дилетантов

ДЖОН МАКДОНАЛЬД
Занятие не для дилетантов

© Перевод на русский язык В. Вебера

Я наверное, смогу объяснить, почему так расстроился из-за неприятностей Хаулера Брауни, если скажу, что наши отношения несколько отличны от тех, что возникают между владельцем развлекательного заведения и парнем, бренчащим на рояле. Во-первых, потому что он спас меня от голода спустя год после демобилизации, когда я все еще не мог найти работу, а во-вторых, потому что я кой-чем помог ему в Неаполе, когда мы оба пахали на Дядю Сэма.

Он не распространялся о своем ночном клубе «Пять Сосен», когда мы случайно встретились на улице Рочестера и я рассказал ему о моих неурядицах. Просто посадил меня в машину и отвез в клуб. Я все увидел сам, и меня приятно удивило длинное невысокое здание в паре сотен футов от автострады, перед которым росли пять огромных сосен. Чувствовались класс и немалая прибыль. Так оно, собственно, и было. Клуб выманивал местных землевладельцев из их поместий, предлагая лучшую в округе еду и выпивку. Так что на

недостаток денег Хаулер не жаловался.

Я думаю, прозвище[8] свое он получил из-за привычки размахивать руками и истошно вопить, если что-то делалось не по его. Хаулер — крупный мужчина, с быстро растущим животом, красной физиономией под шапкой жестких вьющихся черных волос. Выглядит он, как многоуважаемый сенатор от какой-нибудь Северной Дакоты. Но у него большое, в двадцать карат, сердце, каким может похвастать едва ли кто из политиканов.

Меня зовут Уэнтли Ди. Си. Морз, но почему-то все называют Бад[9]. Особенно я нравлюсь женщинам с неутоленным материнским инстинктом, возможно, благодаря милой круглой мордашке и чисто вымытой шее. И я не из тех, кто не пользуется преимуществами, дарованными природой.

Определяя меня на работу, Хаулер рассчитывал, что я буду играть на рояле в те недолгие минуты, когда оркестр пожелает передохнуть. Он предложил мне крышу над головой, питание и пятьдесят долларов в неделю. Я ухватился за это предложение с таким жаром, что едва не откусил его руку. На рояле я играл с тех пор, как смог без

---

[8] Примечания: 8
От английского глагола howl (хаул) — истошно вопить, кричать.

[9] Примечания: 9
Малыш, дружище.

посторонней помощи вскарабкаться на стул. У меня выработался собственный стиль, который, правда, не получал одобрения на многочисленных прослушиваниях. Я, конечно, мог играть обеими руками, как любой другой пианист, но моя правая все время хотела сыграть что-то свое, а я никогда ее не сдерживал. Сказывалась моя любовь к импровизации. Не всем это нравилось, поэтому до встречи с Хаулером я и перебивался хлебными крошками.

В первый вечер я отыграл час. На лицах некоторых дам появилось удивленное выражение, а какая-то старушка едва не подавилась сельдереем, когда я несколько фривольно обошелся с одной из мелодий Гершвина. Когда же молодежь попыталась потанцевать под мою музыку, я начал менять ритм, так что им не осталось ничего иного, как покинуть танцплощадку, бросая на меня взгляды-молнии. Я не люблю, когда кто-то танцует под мою музыку. Глупо, конечно, но так уж я устроен.

Работа в «Пяти Соснах» пришлась мне по вкусу, но с Хаулером мы виделись только мельком. Через неделю у меня уже появились поклонницы. Хаулер как-то прослушал одну из моих импровизаций и заказал «юпитеры», чтобы я играл, как

на сцене. Спустя еще неделю первые упоминания о моем таланте проникли в местные газетенки.

Потом я начал замечать некоторые перемены. Первым делом обратил внимание, что щеки Хаулера, до того круглые и румяные, обвисли двумя мешками. Однажды я зашел на кухню и услышал, как он вопит. Размахивая при этом руками. Повар, его помощники, посудомойщик стояли с широко раскрытыми глазами. Похоже, ждали, когда же он взорвется. Посмотрел на него и я. Цирк, да и только, причем бесплатный.

— Почему, ну почему, — верещал Хаулер, — я только занялся этим делом? Чокнутый я, что ли? Или у меня разжижение мозгов?

Он набрал полную грудь воздуха, чтобы разразиться следующей тирадой, но я опередил его.

— Что-нибудь случилось, Хаулер? Кто-то нашел дробину в икре?

Он круто повернулся.

— А, привет, Бад, — и вышел из кухни.

Я посмотрел на повара и пожал плечами. И тот пожал плечами и глянул на посудомойщика. Последний ухмыльнулся и пожал плечами, скосив глаза в мою сторону. А я прошел через кухню в мою комнату.

На следующий вечер случилась драка. Про-

должалась она недолго, но изрядно подпортила репутацию нашего заведения. Коктейль-холл у нас справа от входа. Ресторан и танцплощадка — слева. В одиннадцать вечера, как всегда, пустых столиков практически не осталось. Хаулер куда-то отлучился. В ресторане играл оркестр, а я, дожидаясь своей очереди, сидел в коктейль-холле.

У стойки бара громко заспорили два гражданина в черных костюмах. Один — высокий, второй — коротышка, с одинаковыми напомаженными темными волосами и в аляповатых галстуках. Прежде чем кто-либо успел шевельнуться, высокий схватил коротышку за шиворот и поволок через коктейль-холл к входу в ресторан. А там как следует врезал ему по физиономии.

Коротышка взлетел в воздух и приземлился на столики, за которыми сидели наши гости. Два из них перевернулись. Один — вместе с наполовину съеденным обедом. За ним сидело четверо. Высокий незнакомец торопливо ушел, мы не успели его остановить. Коротышка встал и потер подбородок. Стряхнул с костюма остатки капустного салата и тоже удалился, отказавшись назвать свои имя и фамилию. Следом за ним ресторан и коктейль-холл покинули человек сорок — все с

каменными лицами.

Я наблюдал, как гардеробщица выдает им пальто и шляпы, когда ко мне подошел Хаулер и спросил, в чем, собственно, дело.

— Пара наших сограждан устроила кулачный бой. Один, побольше ростом, крепко врезал второму, поменьше. Тот грохнулся на обеденный столик, с которого не успели убрать омаров, бифштекс и ростбиф. Эти люди полагали, что шли в ресторан, а не на стадион, поэтому они решили откланяться.

Хаулер развернул меня к себе. Лицо его побагровело.

— Идиот! Почему ты не задержал их?

— Я? Я играю на рояле. Кроме того, высокий удрал слишком быстро. А зачем задерживать маленького? За неудачный выбор соперника?

Он тут же отошел, но по его спине я понял, что мой приятель чертовски взбешен. Тут оркестр объявил перерыв, и я поспешил к инструменту. В тот вечер я играл не так хорошо, как обычно, потому что мои мысли были заняты другим. И полчаса спустя отправился на поиски Хаулера. Нашел я его наверху, по-прежнему в бешенстве.

— Я — друг или просто один из работников Великого Брауни?

Он словно очнулся. Схватил меня за руку.

— Разумеется, друг. А что?

— Пошли, — я не произнес ни слова, пока не вывел его на автомобильную стоянку. Нашел колымагу поудобнее. Мы забрались на переднее сиденье, закурили, после чего я продолжил. — Слушай, приятель, я вижу, тебя что-то гложет. Ты ведешь себя не так, как прежде, и плохо выглядишь. В чем дело?

Он насупился, как я понял, раздумывая, сказать мне или нет. Наконец вздохнул.

— Вымогательство, Бад. Бич нашего бизнеса. Как только все у тебя идет на лад, находятся умники, полагающие, что ты можешь и заплатить, лишь бы избежать лишних хлопот.

— Сколько они просят?

— Тысячу в месяц.

— Ты платишь?

— Пока еще нет. Сегодняшняя драка — предупреждение. Если я буду упорствовать, они выкинут что-нибудь еще, а в итоге мой клуб останется без посетителей. А может, его закроет полиция. В этом округе порядки строгие.

— Ты можешь заплатить?

— Пожалуй что да. Пока народ к нам идет, никаких проблем, а вот если начнется спад, тогда

будет туго. Видишь ли, я не могу внести эти деньги в графу деловых расходов. Расписки-то они мне не дадут. Так что придется платить из прибыли, после вычета налогов.

— Ты обращался в полицию?

— Что толку? Новая банда терроризирует все увеселительные заведения в округе. Кое-кто из владельцев пожаловался фараонам. Те только развели руками. Мы ничего о них не знаем. Работают чисто. Поэтому я и хотел побеседовать с одним из этих драчунов. Возможно, удалось бы узнать что-нибудь важное.

— Как они связываются с тобой?

— По телефону. Вкрадчивый голос. Очень вежливый. Вашему клубу нужна защита. Стоить это будет тысячу долларов в месяц. От меня требуется набрать эту сумму купюрами по десять, двадцать и пятьдесят долларов, положить деньги в конверт из плотной бумаги и дать его моей дочери Сью. С конвертом она должна пойти по дороге, ведущей к автостраде между двенадцатью и часом дня. Ей недавно исполнилось восемь лет. Если их пожелания не будут выполнены, ей плеснут в лицо какой-нибудь гадости и навек обезобразят ее.

Я выругался.

— Все это он мне и сказал, только не так громко

и быстро.

— Но разве ты не можешь рассказать все это фараонам, чтобы они занялись ими после того, как Сью передаст деньги?

— Нет, конечно. Если я надумаю платить, так оно и будет. Я не могу рисковать будущим дочери. Мне она дороже всех денег.

— Могу я чем-нибудь помочь?

— Думаю, что нет, Бад. Играй на рояле, как и прежде, а мы увеличим число столиков, чтобы компенсировать эту тысячу. Пианист ты прекрасный. Правда, если мы… — он замолчал, не договорив, выбросил окурок на асфальт.

— Если что?

— Если мы станем зарабатывать больше денег, они могут поднять цену. У меня такое ощущение, что в клубе у них есть свой человек. Этот тип, с которым я разговаривал, был в курсе всех наших дел.

— А сколько у тебя новичков?

— За последние два месяца я нанял человек четырнадцать.

— Ты приглядываешь за ними?

— По-моему, нормальные ребята. Во всяком случае, на доносчика никто не похож. Может, я ошибаюсь. И этот парень на телефоне обо всем

догадался.

— Я могу поискать.

— Лучше тебе не впутываться в это дело. Я нанял тебя играть на рояле, а не защищать клуб от рэкетиров.

Он вылез из машины, хлопнул дверцей и направился к зданию клуба. Я же выкурил еще одну сигарету, обдумывая его слова. Несколько парочек выпорхнули из дверей и расселись по машинам. Но никуда не уехали. Из распахнутых окон доносилась музыка, в чистом небе сияли яркие звезды. Хорошая ночь, навевающая романтическое настроение, но мысли мои занимало другое. Я хотел помочь Хаулеру.

Первого числа он заплатил. Я стоял рядом с ним и смотрел, как Сью в синем платье, с пухлым конвертом в руке отправилась в путь. Поднялась на вершину холма и скрылась из виду. Нам хотелось побежать вслед, но мы не решились сдвинуться с места.

За следующие двадцать минут Хаулер, похоже, постарел на пять лет. С побледневшим лицом он курил сигарету за сигаретой. Я схватил его за руку, когда увидел на вершине холма что-то синее. Секундой позже стало ясно, что Сью возвращается, живая и невредимая. И на лице Хаулера

затеплился румянец. Мы крепко пожали друг другу руки. Когда от Сью нас отделяли двадцать футов, он опустился на колено, и она, смеясь, бросилась в его объятья. Хаулер нежно обнял дочь, любовно похлопал по спине.

Потом отстранился и спросил:

— А теперь расскажи папочке, как все было.

— Рядом со мной остановился черный автомобиль, мужчина вытянул руку и сказал: «Сью, этот конверт ты принесла мне?» Я отдала ему конверт, и они уехали.

— Какой у него голос?

— Он говорил шепотом.

— А что за машина?

— Не знаю, но, кажется, очень старая. И черная.

— А ты взглянула на номерной знак, как просил папочка?

— Да, но его залепили грязью. Цифр я не разобрала.

— А ты сможешь узнать его, если увидишь еще раз?

— Конечно, нет. Одну руку он протянул ко мне, а второй прижимал к лицу носовой платок, словно хотел высморкаться.

Мы постояли, глядя на ее маленькое расстроен-

ное личико. Сью почувствовала, что не оправдала надежд отца, и ее глазки уже наполнились слезами, но тут Хаулер погладил ее по головке, поблагодарил за то, что она справилась с важным поручением, и ребенок радостно побежал к матери, в бунгало, построенное Хаулером за гребнем холма, не на виду и неподалеку от «Пяти Сосен». Я встречал миссис Брауни, высокую блондинку с суровым взглядом, но довольно редко, потому что Хаулер взял за правило и близко не подпускать жену к своему клубу. И до сих пор я не представляю себе, что он сказал ей, чтобы та разрешила Сью отнести деньги этим бандитам.

Как вы уже поняли, желание помочь Хаулеру у меня было, но я понятия не имел, с чего же начать. Следующие несколько недель он ходил мрачный, как надвигающаяся гроза. Но популярность клуба продолжала расти. Хорошие еда, выпивка, музыка составляли беспроигрышную комбинацию. Когда же я спрашивал Хаулера, как идут дела, он лишь пожимал плечами и бурчал что-то невразумительное.

За день второй выплаты я ворвался в кабинет Хаулера, не постучав в дверь. Меня осенило. Мы, решил я, должны найти карлика, одеть его в платье Сью и послать к автостраде с пистолетом

под мышкой. Идея мне понравилась, никаких изъянов я не находил, поэтому сразу помчался к Хаулеру.

Хаулер поднял голову, и по его лицу я понял, что он не рад моему приходу. В кресле перед столом сидел мужчина. Высокий блондин в габардиновом костюме стального цвета, белых туфлях дорогой кожи и при галстуке ручной работы.

— Извините, Хаулер. Мне следовало постучать, — и я повернулся, чтобы выйти.

— Подожди, Бад. Возможно, тебе скоро придется искать работу, поэтому я обрисую создавшуюся ситуацию. Это мой адвокат, Джон Уинч. Джон, это Бад Морз, мой пианист и давний друг.

Уинч вскочил, крепко пожал мне руку. Мне понравилась и его теплая улыбка.

— Рад познакомиться с вами, Бад. Вы просто виртуоз. Я восторгаюсь вашим мастерством.

Мне тоже казалось, что с роялем я управляюсь неплохо.

Я приткнулся на подоконнике, а Хаулер продолжил.

— Мы подошли к краю пропасти. Джон ничего придумать не может. Рэкетиры, кто бы они ни были, требуют две тысячи в месяц. Их у меня нет. Я сказал, что мне придется выйти из игры, а

мерзавец на другом конце провода ответил, что его это вполне устроит. Мы с Джоном крутили и так, и эдак, но ничего не выходит. Я намерен продать клуб и уехать отсюда.

— И беда в том, — добавил, глядя на меня, Уинч, — что он получит только стоимость земли, здания, обстановки, без учета возможных доходов, которые может приносить клуб.

Я искренне жалел Хаулера. Лицо его осунулось. Глаза стали пустыми, как пакет из-под вчерашнего ленча.

— Черт подери, а почему не потягаться с ними?

Хаулер развел руками.

— Нечем тягаться, Бад.

— На тебя это непохоже, дружище. Кроме того, мне нужны еще пара-тройка дней. Кажется, я ухватился за ниточку.

Оба они уставились на меня. В глазах Хаулера вновь затеплилась жизнь.

— О чем ты? Расскажи!

Я уже раскрыл рот, но потом решил промолчать, потому что мои подозрения покоились на очень ненадежном основании. Учась в колледже, я подрабатывал в обувном магазинчике, где научился отличать хорошую обувь от плохой.

Хотя Хаулер и велел мне только играть на рояле, я начал присматриваться к новым работникам клуба.

И заметил, что Джек Томсон, посудомойщик, носит прекрасные туфли. Явно сшитые по индивидуальному заказу. Узкие, с аккуратными строчками. Как-то не смотрелись они на парне, получающем двадцать пять баксов[10] в неделю плюс двухразовое питание. Вот я и задумался, а не он ли — засланный к нам шпион. Но не мог же я советовать Хаулеру повременить с продажей, исходя из того, что у его посудомойщика шикарная обувка.

— Извините, господа, но я оставлю свои подозрения при себе, пока не выявлю что-то более существенное.

Они, конечно, начали напирать на меня, но я держал рот на замке.

— Ладно, Джон, — решил наконец Хаулер. — С продажей погодим. Завтра я заплачу им две тысячи долларов, а потом будем исходить из того, что нам добудет Бад.

Уинч пожал плечами и ушел, прежде чем Хаулер успел передумать.

---

[10] Примечания: 10
Долларов (жаргон.) — от американского bucks.

Таким образом, вся ответственность легла на меня. Требовалось доказать, что эти башмаки выведут нас на цель, ибо моя болтовня привела к тому, что Хаулера нагрели еще на две тысячи. Я ушел в свою комнату и крепко задумался. Перед моим мысленным взором возник Джек Томсон — невысокий мужичонка лет сорока, хилого телосложения, с тонкими губами, чересчур большими для его габаритов ручищами, редеющими волосами и расплющенным носом, по которому несколько раз хорошенько проехались кулаком. Я уже знал, что живет он в отеле «Принцесса», клоповой норе в Кэслинге.

Вспомнил я и о том, что в последнее время он частенько крутился вокруг нашей новенькой гардеробщицы. Девчушка впрямь была ничего, круглолицая блондинка, этакая голландская молочница. С румяными щеками, будто все время терла их щеткой. В синих ее глазах всегда сверкали искорки, а на точеной фигурке поневоле задерживался взгляд. Звали ее Джерри Би.

Я посмотрел на часы. Половина пятого. Она, должно быть, уже на рабочем месте. Почему-то Джерри внушала мне доверие, и я решил привлечь ее к операции по спасению Хаулера.

Я прошел к гардеробу. Джерри как раз раскла-

дывала номерки. Улыбнулась, увидев меня.

— По-моему, вы не сдавали мне шляпу, мистер Морз.

— Меня зовут Бад, и мне нужно с вами поговорить. Наедине. Прямо сейчас.

— Но… э… конечно, Бад. Интересный у вас подход к девушкам. Вы хотите назначить мне свидание или что?

— Возможно, и захочу, но не теперь. Поговорим мы о другом. Приходите к винограднику. На той стороне лужка. Жду вас через две минуты.

Я прошел через кухню. Томсон возился с посудомоечной машиной. В мою сторону он даже не посмотрел. Выйдя черным ходом, я пересек двор и остановился между шпалерами. Закурил, а минутой позже прибежала Джерри. Я тут же ввел ее в курс дела.

— На босса навалились рэкетиры. У них есть в клубе свой человек. Я предполагаю, что это Джек Томсон, посудомойщик. Они хотят, чтобы босс продал клуб. Я видел, что Томсон вился вокруг вас. Что он говорил? Как себя вел?

Ее ротик округлился от изумления. Потом она поняла, чего я от нее добиваюсь, и на лице отразилось разочарование.

— Ничем он не отличается от других парней.

Все время приглашает меня на свидание. А я не хочу появляться на людях с посудомойщиком.

— Он не намекал, что у него куда больше денег, чем у обычного посудомойщика? Не старался показать, что он — важная шишка?

— Нет. Ничего такого я не заметила.

Я печально вздохнул.

— Ладно, Джерри. Все равно, спасибо вам. Похоже, я вновь на нуле.

— И что вы собираетесь делать? — ее глаза широко раскрылись.

— Не знаю. Может, начну за ним следить. Попытаюсь пробраться в его номер в отеле.

Она шагнула ко мне, взялась пальцами за пуговицу моего пиджака. Покрутила ее.

— Слушайте, Бад, это так возбуждает. Как вы думаете, не могу ли я… помочь? — с последним словом она медленно подняла глаза. Только тут я заметил, какие длинные у нее ресницы. У меня гулко забилось сердце.

— Почему нет? Встретимся, как только закроется это заведение.

Я стоял и смотрел, как она возвращается к парадному подъезду. Захватывающее, знаете ли, зрелище. Я попытался вставить сигарету в губы и обнаружил, что рот у меня широко открыт.

Весь вечер я думал, как следить за Томсоном. Джерри существенно облегчала мне задачу, если б он и заметил нас. Мало ли куда ходят влюбленные парочки.

Хаулер требовал проводить уборку клуба сразу же после его закрытия. Меня это очень даже устраивало: Томсон заканчивал мытье посуды намного позже ухода последнего посетителя.

За вечер я несколько раз заглядывал на кухню, благо свободного времени мне хватало, но не заметил ничего подозрительного. Томсон копошился у плюющейся горячей водой гудящей машины, загружая грязную посуду, вынимая чистую. Меня уже начало грызть сомнение, а не ошибся ли я, приняв его за злодея… но вот туфли…

Я спросил Хоффера, благообразного господина с акцентом, свойственным жителям Южного Джерси, работающего в клубе довольно давно и славящегося своими познаниями о жизни тех, кто трудился рядом, у многих ли его коллег есть собственные машины. Томсона я не упомянул, поэтому мне пришлось выслушать длинный монолог, пересыпанный фамилиями и марками автомобилей. В конце, правда, он выложил нужную мне информацию.

— А посудомойщик, Томсон, ездит на такой развалюхе, что я попросил оставлять ее на пустыре за автостоянкой.

Я задал еще несколько ничего не значащих для меня вопросов, пропустил ответы мимо ушей и откланялся.

В лунном свете четко выделялся силуэт машины Томсона. Хоффлер не преувеличил, назвав ее развалюхой. Она стояла в высокой траве, словно ожидая, когда же ее отвезут на переплавку. С проржавевшими крыльями, погнутыми бамперами.

Я замер под ночным ветерком, вслушиваясь в ночь. В сотне ярдов за моей спиной в клубе гремела музыка. И тут до меня неожиданно дошло, что в игре, которую я затеял, может быть несколько исходов. Причем не исключался вариант, что для меня все закончится дыркой в голове. Дрожь пробежала по моему телу. Я шагнул к багажнику машины, наклонился и зажег спичку, чтобы прочитать номерной знак. Затем поспешил в клуб…

Джерри наконец выскользнула из амбара, который Хаулер приспособил под жилье для работающих в клубе женщин. Часы показывали без двадцати три. Только что уехала последняя группа шумных посетителей. На кухне еще горел свет.

Я не стал терять времени даром. Схватил Джерри за руку и увлек к моему двухместному автомобилю. Открыл дверцу и усадил в кабину. Потом обежал машину и сам сел за руль. Развернулся, выехал со стоянки, заметив, что в кабине приятно пахнет духами Джерри.

— Что мы собираемся делать, Бад? Куда поедем?

— Колымага Томсона на пустыре за автостоянкой. Он скоро появится. Мы должны встать так, чтобы иметь возможность последовать за ним, в какую бы сторону он ни поехал.

Она задрожала и прижалась ко мне.

— О, это так возбуждает.

Ярдов через двести я задним ходом заехал в подъездную дорожку соседнего дома. В окнах не светилось ни единого огонька, хозяева давно спали. Я погасил фары и подфарники, и мы затаились в тени большого куста.

— Мы можем покурить, но придется выбросить сигареты, как только он выедет на дорогу. Домой ему ехать аккурат мимо нас, к автостраде.

Джерри согласилась, что без сигарет можно и обойтись. Я нашел ее руку, сжал. Ее компания скрашивала томительное ожидание, и не хотелось думать, что я подставляю под удар не

только себя.

Но вот на пустыре зажглись подфарники, взревел старенький двигатель. Пару минут спустя, автомобиль Томсона проехал мимо нас.

Джерри радостно пискнула, предвкушая головокружительную погоню, и мы выкатились на дорогу. Освещения я не включил и держался от Томсона на почтительном расстоянии. Двигатель его машины так гремел, что услышать нас Томсон просто не мог. Оставалось надеяться, что нам не попадется полицейский, ревностно исполняющий свои обязанности. Иначе он остановил бы меня и оштрафовал за езду с погашенными габаритными огнями.

Томсон никуда не спешил. Скорость его колымаги не превышала тридцати миль в час. При выезде на автостраду он остановился, затем повернул к Кэслингу. Физиономия у меня вытянулась. Я-то ожидал, что поедет он не домой, а к главарю банды, на ночной доклад.

При въезде в Кэслинг я включил подфарники и ближний свет. Томсон свернул на темную стоянку напротив отеля «Принцесса». Я проехал мимо, до первой боковой улицы, там остановился, выскочил из машины, бросился к перекрестку. И высунул голову из-за угла в тот самый момент,

когда Томсон открывал дверь отеля. Мы с Джерри дали ему время подняться наверх, а затем вошли в вестибюль «Принцессы».

Когда-то давно отель пользовался неплохой репутацией. Теперь же в нем останавливались прижимистые коммивояжеры, экономящие каждый цент. Просиженные кресла, грязный пол, запах дешевого дезинфицирующего средства.

Единственная лампочка горела над конторкой. За ней расположился молодой парень, лысый, с огромными зубами, ярким галстуком. Он бросил на нас быстрый взгляд.

— Номер с двухспальной кроватью, сэр? — спросил он, раскрывая регистрационную книгу.

Джерри надула губки, а я поспешил вмешаться.

— Номер нам не нужен, приятель. Я просто привез вам подарок, — достал из бумажника банкнот в пять долларов, сложил его пополам и поставил на мраморную конторку, как игрушечную палатку.

Портье почесал тыльную сторону ладони.

— Вы у нас шутник, да?

— Отнюдь. Но я вам кое-что поясню, прежде чем вы заграбастаете мои бабки. Меня интересует один проживающий здесь господин. Я хочу

знать, кто к нему приходит.

— Может, я скажу вам, а, возможно, и нет. Некоторые из… гм… наших гостей платят чуть больше положенного, не желая, чтобы кто-то совал нос в их дела. Может, вас интересует один из тех, кто не любит любопытных?

Выхода у меня не было, поэтому я не стал крутить.

— Джек Томсон, — назвал я объект моего пристального внимания.

— Сейчас посмотрим. Томсон. Томсон, — он прошелся пальцем по списку, лист с которым висел на боковой стенке конторки. — Номер двести одиннадцатый. Он платит только за жилье. Так что вы хотите знать?

Я услышал шаги по линолеуму вестибюля, подмигнул портье и обнял Джерри за талию. Потащил ее в тень, в сторону от стойки, шепча ей в ухо: «Притворитесь, что вам это нравится».

Она положила руки мне на плечи, и у меня закружилась голова.

— Позвоните в двести одиннадцатый, — прогудел вошедший мужчина. — Скажите, что пришел Джо.

Портье склонился над пультом коммутатора.

— Мистер Томсон? Портье. Мужчина по имени

Джо хочет зайти к вам. Не возражаете? — портье выдернул штекер и добавил, обращаясь к мужчине. — Можете подниматься. К сожалению, только по лестнице. Лифтер вышел попить кофе.

Я почувствовал, как напряглось тело Джерри. Когда мужчина поднялся по ступеням, она оттащила меня еще дальше от стройки и прошептала в ухо:

— Я узнала его. Это мистер Селлерс. Хозяин «Западной харчевни». Я пыталась получить у него работу, прежде чем меня нанял мистер Брауни.

Я глянул на портье.

— Пятерку можете оставить себе. Я передумал. Томсон меня больше не интересует.

Банкнот тут же исчез в его руке.

— Разумеется, сэр, как скажете, сэр. И не нужно напоминать, чтобы я забыл о вашем приходе. У меня не так много пятидолларовых друзей. Если захотите узнать что-то еще, всегда рад вас видеть.

Мы с Джерри неторопливо двинулись к выходу. Подошли к моей машине, сели, закурили. Она пыталась задавать мне вопросы, но я резко осадил ее, обдумывая увиденное. Пожалуй, таких совпадений не бывает. Владелец одного ночного клуба не может водить дружбу с посудомойщиком

другого ночного клуба. Визит Селлерса вставал в один ряд с дорогими туфлями Томсона.

По тому, как Джерри повела плечами, я понял, что она начала дуться на меня.

— Эй, Джерри, — улыбнулся я ей. — Не сердитесь. Мне нужно было подумать. Как мне теперь представляется, рэкетом руководит Селлерс. Джек — его шпион в стане Хаулера. Остается только доложить об этом Хаулеру и обратиться в полицию, чтобы там разобрались с Селлерсом. Но и тут может что-то происходить. Как, по-вашему, не смогли бы вы мне помочь? В одиночку?

Я взял ее за руку, и она сразу смягчилась.

— Думаю, что смогу, Бад.

— Вон тот кафетерий работает круглосуточно. Там большое окно. Если сесть у него, виден вход в отель «Принцесса». Закажите чашечку кофе и подождите, пока я не вернусь за вами.

Джерри не хотела оставаться одна, дважды ответила отказом, но на третий раз согласилась. Высадив ее у кафетерия, я помчался в «Пять Сосен». Нетерпение подгоняло меня. И нога, жавшая на педаль газа, чуть ли не проваливалась в мотор.

Свернув на автостоянку, я остановил машину в визге тормозов. Клуб стоял темный и покину-

тый. Я выскочил из кабины, хлопнул дверцей и побежал к дому Хаулера. Я знал, что его обрадуют мои находки.

Я звонил и барабанил в дверь три минуты, прежде чем миссис Брауни приоткрыла ее на дюйм. С бигуди на голове и припухшими от сна глазами.

— О, привет, Бад. В чем дело? А где Стефен?

Я не сразу понял, о ком идет речь. Потом только до меня дошло, что это настоящее имя Хаулера.

— Разве его нет дома? Он не спит?

— Он еще не вернулся из клуба.

Я переминался с ноги на ногу. В клубе никого нет, я видел это собственными глазами, но не знал, что сказать жене Хаулера. На ее лице проступила тревога. И тут мы оба услышали резкий пистолетный выстрел. Стреляли у клуба, из пистолета малого калибра.

Я развернулся и побежал назад, еще быстрее, чем к бунгало Брауни. Лужайка, угол автостоянки, задний двор клуба. Внезапно впереди возник человеческий силуэт. Я резко остановился. Наверное, мое неожиданное появление удивило таинственного незнакомца. По росту я сразу понял — это не Хаулер. Замешательство мое длилось долю секунды, а потом я нырнул ему в ноги.

Едва ли когда в будущем я повторю этот маневр. Даже если передо мной будет стоять четырехлетний ребенок.

Я оторвался от земли и полетел к незнакомцу с растопыренными руками. Вполне естественно, что он выставил кулак.

Удар пришелся по моей физиономии, и в голове у меня вспыхнул красный огонь. Очнулся я, лежа на спине. Влажная трава холодила шею. До меня донеслись торопливо удаляющиеся шаги. Мне не хотелось садиться. Не хотелось даже шевельнуть пальцем. Лежать бы и лежать, в мире и покое.

На язык попало что-то твердое. Как я скоро понял, кусочек зуба. Я сел. Схватился за траву, чтобы вновь не повалиться на землю. Вдали послышался шум отъезжающей машины. Вокруг стрекотали цикады. Я поднялся и тут подоспела миссис Брауни. В белом махровом ночном халате.

— Миссис Брауни, меня только что оглушил какой-то человек, в спешке уехавший отсюда, — говорил я не слишком внятно, поскольку от одного из моих передних зубов осталась лишь половинка. Холодный воздух вызывал боль. Букву «с» я произносил с присвистом. На подбородке запеклась кровь. — Думаю, Хаулер где-то здесь.

Она взяла меня под руку, и мы двинулись к клубу. Его мы нашли у двери черного хода. Он застонал, и я склонился над ним. Зажег спичку. Он лежал лицом вниз. Миссис Брауни тихонько ахнула, колени ее подогнулись. Я едва успел подхватить ее, прежде чем она стукнулась головой об землю. Пара легких пощечин привели миссис Брауни в сознание, я оставил ее рядом с мужем, а сам побежал за машиной.

Мы усадили Хаулера на переднее сиденье, она втиснулась рядом, я сел за руль и прямо по лугу погнал к их дому. Занес его в кабинет, уложил на диван. Пока миссис Брауни звонила доктору, вытащил вымазанную кровью рубашку из брюк. В громадине живота краснела маленькая дырочка. Вид ее мне не понравился.

Хаулер перестал стонать и открыл глаза.

— Бад! — выдохнул он. — Эти парни… играют жестко… выключил свет и собрался идти домой… кто-то затолкал меня обратно, угрожая пистолетом… сказал, что я должен продать клуб… сказал, что на клуб положила глаз мафия… я разъярился… он не давал мне зажечь свет… я попытался схватить его, и он выстрелил… внутри все горит… ноги отнимаются… не оставляй меня.

Я наклонился к нему.

— Думаю, скоро все прояснится. Я видел, как Селлерс, владелец «Западной харчевни», приходил к нашему посудомойщику. Эй! Ты меня слышишь? — он лежал с закрытыми глазами, тяжело дыша.

Появилась миссис Брауни.

— Не знаю, что и делать. Я позвонила доктору. Может, следует уведомить и полицию?

И тут мы услышали звонок в дверь. Миссис Брауни поспешила открыть.

— О! — донесся до меня ее разочарованный вздох.

В кабинет торопливо зашел одетый с иголочки, загорелый Джон Уинч.

— Привет, Бад, я заскочил… — он увидел Хаулера, кровь на рубашке. Его челюсть отвисла. — Что такое? Что случилось? Его застрелили?

— Да. Двадцать минут назад. Доктор сейчас приедет. А как вы тут оказались?

— Меня разбудил телефонный звонок. Мужчина, не назвавшись, сказал, что Брауни должен продать клуб, иначе его пристрелят. И порекомендовал мне убедить Хаулера не упираться. Причем сделать это как можно быстрее. Я оделся и поехал в «Пять Сосен».

— Продавать он не будет, Уинч. Черта с два. Мы

еще поборемся.

— Стоит ли бороться ради второй пули? Да и вам, Бад, я вижу, уже досталось.

Я взглянул на себя в зеркало. Хорошего мало. Губы, как оладьи, кровь на подбородке, воротнике. Заговорила миссис Брауни, до того молчавшая.

— Я уговорю мужа продать клуб, если он не умрет, — она села на стул и закрыла лицо руками. Плечи ее не тряслись от рыданий. Она лишь сидела, не шевелясь.

— По-моему, надо связаться с полицией, — заявил я.

Уинч потер подбородок.

— Давайте подождем доктора. Посмотрим, что он скажет. Может, мы придем к выводу, что полицию лучше не впутывать.

— С полицией поступайте, как хотите, Уинч, но у меня есть ниточка, и я постараюсь распутать весь клубок. Вся эта история начинает раздражать меня.

Прежде чем он ответил, вновь зазвенел звонок, и миссис Брауни впустила в дом доктора. Тот сразу же занялся раной Хаулера. Я же повернулся и молча вышел. Ярость и страх боролись во мне. Сев за руль, я отъехал на автомобильную стоянку, чтобы подумать, что делать дальше.

Но едва заглушил двигатель, к клубу подкатило такси. Из него выпорхнула Джерри… Я вылез из машины, подошел, расплатился с шофером. Джерри молчала, пока такси не тронулось в обратный путь.

Потом схватила меня за рукав.

— Я ждала, пока Томсон не вышел вместе с Селлерсом. Они сели в машину Селлерса и уехали. Я не смогла найти такси, чтобы последовать за ними. Куда они направились, я не знаю.

— Это хорошо. Это мне нравится.

— В чем дело, Бад? — Джерри надула губки. — Я сделала что-то не то?

— Ну что вы, к вам никаких претензий. Только кто-то подстрелил босса, и состояние у него неважнецкое. Возможно, он уже не выкарабкается.

— О! — Джерри поникла головой.

— Если Томсона дома нет, пожалуй, я вернусь и осмотрю его комнату. Портье не станет возражать, получив несколько долларов.

— Мне поехать с вами?

— На этот раз нет, дорогая. Вы можете только помешать. Отправляйтесь спать, а утром я вам все расскажу. Уже четыре часа.

Джерри вновь надула губки и зашагала к ам-

бару. Тут мне подумалось, а почему остальные не проснулись, услышав выстрел. Но при здравом размышлении я понял, что они, скорее всего, проснулись, но побоялись высовываться. В ночных клубах это лучший способ избежать неприятностей.

Вспомнив о выстреле, я подумал, что и мне пора вооружиться, раз все вокруг бегают с пистолетами. Поспешил в свою комнату и выудил из шкафа пистолет тридцать второго калибра. Я хранил его под зеленой рубашкой, которую надевал очень редко, а пистолет взял с собой первый раз в жизни. Выиграл я его в карты в Сан-Диего, вместе с полной обоймой.

Вернувшись к машине, я опять поехал в Кэслинг, на этот раз с зажженными фарами и на большой скорости.

Портье встретил меня ухмылкой.

— Вижу, вам у нас понравилось.

— Слушай, сейчас не время для разговоров, — отрезал я. — Получу я от тебя ключ от двести одиннадцатого номера за десять долларов или придется поторговаться?

Он пожал плечами, повернулся ко мне спиной, потом вновь взглянул на меня, уже с ключом в руке. Я сунул ему десятку, он мне — ключ.

— Если вас застукают, мистер, я скажу, что вы пробрались наверх, когда я дремал.

Я поднялся по лестнице. На третьей двери слева по коридору увидел табличку с нужным мне номером. Прислушался. Полная тишина. Сунул ключ в замочную скважину, повернул. Приоткрыл дверь, проскользнул в комнату, закрыл за собой дверь. Нащупав на стене выключатель, зажег свет.

Обычный номер дешевого отеля. Кровать с поцарапанной деревянной спинкой, одно окно, одеяло в розово-белую полоску, просиженное кресло, ковер, протертый и местами прожженный окурками, голая лампочка под потолком, протекающие краны в крошечной ванной, комод с треснувшим зеркалом, пепельница, стакан, наполовину наполненный водой, на стене эстамп — усталый жеребенок на зеленой траве.

Сначала я занялся ящиками комода. Чистая дешевая одежда. Ничего более. Заглянул в стенной шкаф. Грязное белье. Под матрацем пусто. В нерешительности стоял я посреди комнаты. Где еще ищут детективы?

И уже подумывал, не заглянуть ли под ковер, когда к двери приблизились шаги. Я выхватил пистолет и отступил в ванную, не успев погасить

свет. Холодный пот выступил на лбу. Закружилась голова. Дверь в ванную я закрыл неплотно, чтобы видеть, что происходит в номере.

Входная дверь резко распахнулась, но никто не вошел. Наоборот, появилась рука, нащупала на стене выключатель, комната погрузилась в темноту. Серел лишь дверной проем, освещенный лампочкой в холле.

Чья-то тень метнулась в номер. Я хотел закричать, но горло словно сдавило.

— Не шевелись, Морз, — прохрипел мужской голос. — Брось пистолет на пол.

Я даже вздрогнул, услышав собственную фамилию. А потом дулом засунул пистолет в левый башмак.

— У меня нет пистолета. У меня ничего нет, Томсон.

Последовало короткое молчание.

— Я тебе верю, — продолжил тот же голос. — Откуда взяться пистолету у такого слюнтяя, как ты. Где ты?

— В ванной.

— Встань в дверном проеме.

Я подчинился незамедлительно. Услышал, как закрылась входная дверь. Вспыхнул свет. Я зажмурился, а когда открыл глаза, увидел перед

собой Джона Уинча, с пистолетом, нацеленным мне в грудь. На его загорелом лице играла самодовольная улыбка. Он шагнул вперед, похлопал меня по карманам, затем отступил на пару шагов.

— Удивил я тебя? А теперь сядь на кровать.

Я осторожно пересек комнату, моля Бога, чтобы не вывалить на ковер пистолет. Сел, следя за тем, чтобы не подтянуть брюки. Завел левую ногу за правую.

— Можете ничего не рассказывать мне, Уинч. Я все знаю сам. Вы, Селлерс и Томсон — одна банда. Вам-то как никому известно, сколько можно вытрясти из Хаулера. А потом вас обуяла жадность, и вы решили прибрать к рукам «Пять Сосен». Купите вы его, разумеется, через подставное лицо, и будете стричь купоны.

Он улыбнулся, но дуло пистолета по-прежнему смотрело мне в грудь.

— Ты — умный парень, Морз, только доходит до тебя слишком медленно. Если б ты сообразил, что к чему чуть раньше, то доставил бы мне кучу хлопот.

— Одного я не могут понять. Почему вы признаетесь, что замешаны в этом деле? Я же обо всем расскажу, вам меня не запугать.

— Запугать? Да кому нужно пугать тебя, Бад? У меня и в мыслях не было пугать тебя.

Он стоял и лыбился на меня. Никогда не доводилось мне видеть такие ледяные глаза. Я знал, что пугать меня он не собирается. И едва ли я смогу что-либо сказать, когда одна из свинцовых пуль, что затаились в его пистолете, окажется в моей голове. Я чуть наклонился вперед, руки свободно упали. Теперь я мог легко выхватить мое оружие. Но дуло пистолета Уинча предупреждало: «Не шевелись, братец».

Улыбка сползла с лица Уинча, напрягся палец на спусковом крючке.

— Жаль, что у тебя нет пистолета, Морз. Безоружного убивать труднее.

Тут я заметил, как за его спиной начала поворачиваться дверная ручка. Моя детская физиономия всегда выдавала мои чувства. Уинч заметил, как широко раскрылись мои глаза, проследил за направлением моего взгляда и подался назад, чтобы одновременно держать на «мушке» меня и дверь.

Я уже следил за ним и, едва он глянул на дверь, выхватил пистолет.

— Бросай оружие! — завопил я, скатился с кровати, поднял пистолет и нажал на спусковой

крючок.

Ничего не произошло, поскольку в суете я забыл снять его с предохранителя. А пистолет Уинча изрыгнул пламя, и пуля проделала две дырки в моем рукаве, не задев руки.

Лежа на полу, я передвинул рычажок предохранителя и тут встретился с Уинчем взглядом. Он смотрел на меня через прорезь прицела. Поднять пистолет я не успевал, поэтому закрыл глаза, и прогремел еще один выстрел. Боли я не почувствовал.

Осторожно приоткрыл правый глаз. Уинч все еще смотрел на меня, но дуло пистолета чуть опустилось. Он улыбался. Глаза его потеплели. Он начал клониться ко мне, все ниже и ниже. И если бы я не откатился в сторону, рухнул бы на меня. Остался лежать на полу с аккуратной дырочкой за левым ухом. Из дырочки хлынул густой поток крови.

Я поднял голову. В дверном проеме стоял Томсон с пистолетом в руке. В глазах его читалось глубокое презрение ко мне. Он убрал пистолет в карман и шагнул в комнату. Ногой закрыл дверь. Сел в кресло. Я вскарабкался на кровать.

— Выкурите сигарету, Морз. У вас дрожат руки, — он достал пачку, и я взял сигарету.

— Какие руки. Я весь дрожу. И буду дрожать до следующего дня рождения. А может, еще пару лет после этого.

— И поделом вам. Нечего совать нос в серьезные дела.

— У меня такое ощущение, что вы не тот, за кого я вас принимал.

— Правильное ощущение, и я знал, что вы заинтересовались мной. Мешать вам я не стал. Решил, что вы поможете мне выйти на крупную рыбку, — ногой он двинул Уинча по ребрам. Тот не отреагировал. — Меня зовут Бурк. Джек Бурк. Я работаю на Ассоциацию управляющих и владельцев ресторанов. И приглашают меня туда, где возникают проблемы с преступностью. Селлерс вызвал меня, и я устроился на работу к Брауни. Остальное вы домыслите сами. Уинча обуяла жадность. Ему уже не хватало денег, которые приносил рэкет. Он пожелал купить «Пять Сосен». Поднял ежемесячную выплату. Пытался уговорить Брауни продать клуб. Припугнул Брауни, напав на него в темноте. Подстрелил его. Этим он допустил ошибку.

Заметив мои поднявшиеся брови, Томсон продолжил.

— Чего вы удивляетесь? Я только что оттуда. С

Брауни все в порядке. Пуля не задела важных органов. Доктор уже вытащил ее. Дайте ему месяц, и он будет вопить громче прежнего.

— Как вы узнали, что я слежу за вами?

— Узнал! — пренебрежительно хмыкнул Бурк. — Да вы смотрели на меня, словно я подстрелил Линкольна. И ехали следом на расстоянии тридцати ярдов. Свет уличных фонарей отражался на фарах вашего автомобиля. Я задержался у двери отеля и видел, как вы свернули за угол. А потом постоял на лестничной площадке второго этажа и слышал весь ваш разговор с Джонеси, это здешний портье. Да и Селлерс не преминул обратить на вас внимание. Говорю вам, это занятие не для дилетантов.

— Если вы так умны, почему не вышли на Уинча раньше?

— Потому что и он далеко не дурак. Связывался с владельцами ресторанов и ночных клубов только по телефону. И я не мог взять его при передаче денег. Приносили-то их дети. Так что не допускался и малейший риск. Оставалось ждать, пока ваши розыски не встревожат его. Да и мое присутствие едва ли радовало Уинча. Я не знаю, как он меня вычислил, но полагаю, что решил убить вас, потом — меня, и представить все так,

будто мы перестреляли друг друга. У вас же есть пистолет, не так ли?

Ответить я не успел, потому что в дверь тихонько постучали.

— Войдите! — крикнул Бурк.

Дверь распахнулась, и Джерри переступила через порог. Увидела распростертого на полу Уинча, ее глаза широко раскрылись. Обошла его тело и бросилась мне в объятья. Она вся дрожала. Я крепко прижал ее к себе. Как чудесно пахли ее волосы. Внезапно Бурк расхохотался.

— Она — ваша девушка? — спросил он.

Я кивнул. Он подошел вплотную, схватил Джерри за руку, что-то защелкнул на ее запястье и оторвал от меня. У меня появилось смутное желание врезать ему по физиономии. Бурк все еще смеялся. Джерри свободной рукой полезла в сумочку. Бурк выхватил сумочку, из нее выпал маленький пистолет и приземлился на спину Уинча, как раз между лопатками. Джерри перестала вырываться, сразу присмирела.

— Не зря я назвал вас дилетантом. Ну для чего вам дана голова, Морз? Эта девица — сообщница Уинча. По его наущению она поступила на работу к Брауни. Вот почему я старался познакомиться с ней поближе. Теперь понятно, как он узнал о мо-

ем существовании. Она сказала Уинчу о том, что вы обратились к ней за помощью, чтобы поймать меня. Тут он задумался, а кто же я такой? А откуда он узнал, что вы здесь? Она подождала, пока вы уедете, и сообщила ему. Она видела на автостоянке его машину. Возможно, дожидалась его, сидя в кабине. А как она попала сюда? Наверное, приехала с ним. И держу пари, она надевала мужскую шляпу и помогала Уинчу получать отступные.

Взявшись за ее подбородок, Бурк заставил Джерри вскинуть голову и посмотрел ей в глаза.

— Уж не она ли придумала использовать детей для передачи денег?

Джерри мотнула головой, вырвалась из его цепких пальцев.

— А если и я?

Тяжелые кулаки забарабанили в дверь.

— Это, должно быть, фараоны, которых по моей просьбе вызвал Джонеси. Сейчас мы все отправимся в участок и дадим показания, — он наклонился к Джерри и прошептал: — Давай откроем дверь, дорогая, — в свете единственной лампочки под потолком лицо у нее стало желтым, как при желтухе.

Плечи мои поникли. Действительно, Хаулер нанял меня играть на рояле. Наверное, не следо-

вало мне заниматься чем-то еще.

Marlboro
Hopes rise for
hostage Jackie Mann
Impeachment threat for Aquino
Tobacco group accused over sport
Hawke goes back on his decision to visit S Africa

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.